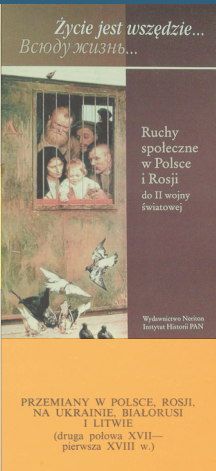
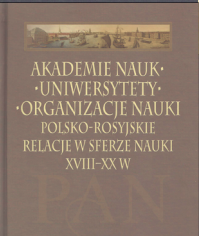
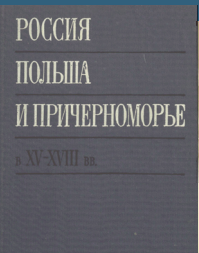
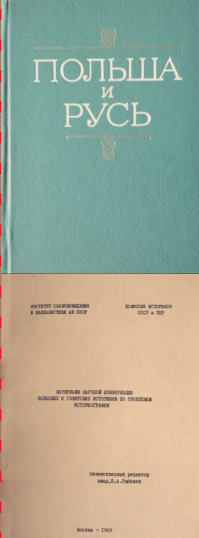

РОССИЯ в польской историографии в российской историографии ПОЛЬША

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РОССИЯ
в польской
историографии,
ПОЛЬША
в российской
историографии

к 50-летию
Комиссии историков
России и Польши

Москва «ИНДРИК» 2017

УДК 94(438)

Р 76

Издание осуществлено при финансовом содействии
Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия»

Редакционная коллегия:

Н.А. Макаров (ответственный редактор),
К.А. Кочегаров, Л.П. Марней, Б.В. Носов (составители)

Рецензенты:

профессор, доктор исторических наук В.Н. Захаров,
доктор исторических наук М.В. Лескинен

Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / [Отв. ред. Н.А. Макаров]; Институт славяноведения РАН. — М.: Индрик, 2017. — 488 с., илл.

ISBN 978-5-91674-459-0

Настоящее издание трудов Комиссии историков России и Польши подготовлено по материалам одноименной Международной российско-польской научной конференции, проходившей в Москве с 23 по 25 июня 2015 г. В нем представлены статьи, посвященные истории Комиссии историков России и Польши и ее роли в развитии научного сотрудничества двух стран, а также выдающимся ученым-историкам. В томе отражена разработка в российской и польской историографии вопросов исторического взаимодействия народов России и Польши (изучение нашей общей истории), а также проблемы исторического знания и «исторической памяти» в общественном сознании. Представлены материалы по истории науки и культуры России и Польши и по проблемам российско-польского культурного сотрудничества на современном этапе.

ISBN 978-5-91674-459-0

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление, Издательство «Индрик», 2017

Содержание

Предисловие	9
<i>Комиссия историков России и Польши за 50 лет</i>	<i>23</i>
<i>Я. Шумский (Варшава)</i> К вопросу о создании Комиссии историков ПНР и СССР	25
<i>Л.П. Марней (Москва)</i> Комиссия историков СССР и ПНР 1965–1968 годов: к истории основания	43
<i>И. Шиллер-Валицка (Варшава)</i> Исследования по истории народного просвещения в трудах Комиссии историков Польши и России	61
<i>В. Цабан (Кельце)</i> Профессор Виктория Сливовска — исследователь истории России и ссыльных поляков в Сибири XIX века ...	81
<i>Историческая наука, историческая мысль и историческая память ..</i>	<i>95</i>
<i>Л. Заитовт (Варшава)</i> Политика, стереотипы и историческая память. Многогранные польско-русские отношения XIX века — ряд размышлений	97
<i>И.С. Яжборовская (Москва)</i> Верификация подходов к изучению истории двусторонних советско- и российско-польских отношений в исторической мысли рубежа XX–XXI веков	117
<i>Л.С. Лыкошина (Москва)</i> Образ России как фактор формирования национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе современной Польши	130

<i>Россия и Польша: история и историография</i>	143
<i>Б.Н. Флоря (Москва)</i> Современная русская историография Смоленской войны ..	145
<i>К.А. Кочегаров (Москва)</i> Правобережная Украина в отношениях России и Речи Посполитой в 1704–1708 годах. Польская историография проблемы XX века	152
<i>Б.В. Носов (Москва)</i> Речь Посполитая и российско-польские отношения в XVIII веке в российской историографии (до начала 1990-х годов)	173
<i>И.И. Шарифжанов (Казань)</i> Польша в научных трудах и воспоминаниях Н.И. Кареева ..	202
<i>О.С. Каштанова (Москва)</i> Персонификация власти: великий князь Константин Павлович в российской и польской историографии	217
<i>М.А. Крисань (Москва)</i> Национальное самосознание польского крестьянства в XIX–XX веках: постановка проблемы и пути ее решения в историографии Польской Народной Республики	239
<i>В. Цабан, С. Вех (Кельце)</i> Изучение польско-российских отношений в XIX веке в среде историков города Кельце	275
<i>З. Опацкий (Гданьск)</i> Российская проблематика в исследованиях историков гданьской научной школы во второй половине XX — начале XXI века	301
<i>А. Марковский (Варшава)</i> История евреев в Польше и России в исторических исследованиях (до 1939 г.). К вопросу о взаимовлиянии национальных историографических школ	312

<i>С.М. Фалькович (Москва)</i> Проблемы истории Польши и российско-польских отношений Нового времени в комплексных трудах полонистов Института славяноведения РАН	329
<i>Г.В. Макарова (Москва)</i> Биографические исследования в трудах В.А. Дьякова ..	335
<i>Г.Ф. Матвеев (Москва)</i> Юзеф Пилсудский в освещении советской и русской эмигрантской прессы и публицистики (до конца 1960-х годов)	369
<i>В. Матерский (Варшава)</i> СССР и так называемый польский вопрос (1943–1945) — «левая альтернатива»	381
<i>Из истории российско-польских культурных связей</i>	413
<i>Е.И. Княжева (Москва)</i> Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас» в контексте российско-польских культурных связей	415
<i>А.С. Коршиков (Москва)</i> История русско-польских отношений в памятных медалях из собрания Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас»	430
<i>А.Л. Хорошкевич (Москва)</i> История польской культуры в трудах Л.А. Софроновой	439
<i>Сведения об авторах</i>	465
<i>Указатель имен</i>	475

Предисловие

В 2015 г. Комиссия историков России и Польши отметила 50-летие. Ее юбилею была посвящена российско-польская конференция «*Россия в польской историографии, Польша в российской историографии*» (Москва, 23–25 июня 2015 г.), по итогам и материалам которой был подготовлен очередной одноименный том трудов историков России и Польши, предлагаемый читателю.

В июньской конференции 2015 г. с польской стороны приняли участие ученые из Института истории науки ПАН, Института истории ПАН, Варшавского университета, Университета им. Яна Кохановского (Кельце), Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II, а также представители Кассы им. Юзефа Мянковского (Фонд поддержки науки). Докладчиками с российской стороны выступили представители ведущих научных учреждений Российской академии наук исторического профиля: Института славяноведения РАН, Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Института социально-политических проблем РАН, а также Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас», Московского государственного университета, Московского областного государственного университета, Российского национального исследовательского университета (Высшая школа экономики). В пленарных заседаниях конференции приняли участие специалисты по отечественной и всеобщей истории, историки-полонисты, литературоведы, правоведы представители вузовской и педагогической общественности, аспиранты и студенты московских вузов. В проведении конференции финансовое и организационное содействие оказал Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия».

На открытии конференции в обращенном к ее участникам Вступительном слове сопредседатель Комиссии с российской стороны академик РАН *Н.А. Макаров (Москва)* отметил, что 50-летие Комиссии историков России и Польши, несомненно, знаменательное событие. По его словам, за все минувшие годы «ее главной задачей стало всестороннее развитие сотрудничества российских и польских ученых, расширение и обогащение общего для обоих наших народов

потенциала исторических знаний. Объективной основой для этого стали потребности развития самой исторической науки, общность исторических судеб народов России и Польши независимо от политических и идеологических императивов своего времени». Во Вступительном слове председателя польской части Комиссии профессора *Лешека Заштовта (Варшава)*, в частности, отмечалось, что «работа Комиссии могла бы также послужить выражением атмосферы дружеского научного партнерства, которая характеризует отношения между людьми российской и польской науки. Возникающие разногласия и острые дискуссии — неотъемлемая часть подлинного научного творчества. Они, естественно, присутствуют и в истории Комиссии, однако они никогда не служили поводом для неприязни и недоброжелательности. Подлинные отношения научной и человеческой тактичности будут присущи нашей совместной работе и сегодня, и в дальнейшем».

Заслушанные на конференции научные доклады и развернувшаяся дискуссия группировались вокруг пяти основных проблемных комплексов. 1. История Комиссии и ее роль как в развитии научного сотрудничества России и Польши, так и в общественно-политической жизни двух стран. 2. К нему примыкал второй комплекс, посвященный выдающимся историкам двух стран, внесшим существенный вклад в работу Комиссии. 3. Разработка в российской и польской историографии вопросов исторического взаимодействия народов России и Польши (изучение нашей общей истории). 4. Проблемы исторического знания и исторической памяти в общественном сознании России и Польши. 5. Проблемы исторического взаимодействия культур России и Польши, российско-польское культурное сотрудничество на современном этапе. Названные вопросы в большей или меньшей мере нашли освещение во всех без исключения заслушанных докладах.

Истории становления Комиссии были посвящены доклады *Яна Шумского (Варшава)* и *Л.П. Марней (Москва)*. Центральным тезисом *Я. Шумского* стало положение о том, что уже с середины 1950-х годов главная роль в создании Комиссии историков двух стран перешла от представителей «историко-партийной догматики» к специалистам по

гражданской истории и от сугубо партийных органов к учреждениям академий наук двух стран. Первоначально это было связано с планами издания документов по истории Польского восстания 1863 г. и документов по истории советско-польских отношений. *Л.П. Марней* указала, что непосредственным стимулом к образованию Комиссии историков послужили выработанные вследствие преодоления социалистическими странами кризиса 1956 г. новые принципы межгосударственных отношений в рамках социалистического лагеря. В решающую и одновременно практическую стадию работа по созданию Комиссии вступила в середине 1960-х годов. Инициатива в этой области принадлежала польским ученым, видную роль при этом сыграл академик ПАН Генрик Яблонский.

Формирование Комиссии прошло в два этапа: первый — январь-июль 1965 г., когда была образована ее польская сторона во главе с Генриком Ловмянским. Второй — 1967 г., когда Президиум АН СССР утвердил состав ее советской части во главе с Б.А. Рыбаковым. В дискуссии было поддержано мнение, что, хотя в основе замысла по созданию Комиссии лежал курс правящих коммунистических партий «на поддержку в Польше марксистско-ленинского направления в исторической науке», однако весьма существенная роль в ее организации и деятельности принадлежала и академической исторической науке, для которой главной задачей было развитие исторических исследований, хотя и в русле марксистской методологии. Выступавшие в дискуссии также отмечали, что во главе Комиссии встали видные археологи и историки-медиевисты, а это, в свою очередь, подчеркивало приоритет в работе Комиссии научного академического направления по сравнению с партийно-идеологическим; разумеется, фундаментальные принципы марксизма-ленинизма оставались основополагающими. Различные стороны деятельности Комиссии были освещены в докладах *Н.А. Макарова*, *Веслава Цабана (Кельце)* и других участников. Видное место принадлежало докладам, посвященным российским ученым, внесшим значительный вклад в изучение истории Польши, — докладам *И.И. Шарифжанова (Казань)*, *Г.В. Макаровой (Москва)*, *А.Л. Хорошкевич (Москва)*.

Рассмотрение на конференции круга проблем, посвященных историческому взаимодействию народов России и Польши и месту этих вопросов в работе Комиссии, занимало одно из центральных мест в большинстве докладов на конференции. По традиции начало было положено обсуждением докладов по проблемам истории Средних веков. При этом выступавшие неизменно исходили из того, что как для польской, так и для российской историографии рубеж между медиевистикой и историей раннего Нового времени носит достаточно условный характер.

Средним векам были посвящены доклады *Н.А. Макарова*, *Иеронима Грали (Варшава)*, *С.М. Каушанова (Москва)*. По словам *И. Грали*, 1970-е годы стали «периодом расцвета медиевистики» в трудах Комиссии. Важным достижением тех лет в этой области было участие в ее работе ученых из Белоруссии, Литвы, Украины, которые в своем большинстве принадлежали к «цеху медиевистов». Распад СССР ослабил медиевистическое ядро Комиссии, изменилась на рубеже 1990-х годов и ее общественно-политическая роль в целом. Все это в условиях кадровых перемен привело к тому, что с конца 1980-х годов на первое место в Комиссии выходят проблемы общественных и культурных связей XIX–XX вв. Наиболее негативными последствиями отмеченных явлений, связанными к тому же с отсутствием финансирования деятельности Комиссии, по словам докладчика, стали закрытие проекта издания Литовской метрики и практическое исчерпание кадрового резерва специалистов в области средневековой польско-русской истории. Медиевистическая проблематика была в центре внимания в посвященном академику РАН Борису Александровичу Рыбакову докладе *Н.А. Макарова*. Он, в частности, подчеркнул, что одним из важнейших вкладов Рыбакова в науку был его метод, согласно которому «исторические проблемы тот стремился решить на основе археологических материалов». Однако, заметил докладчик, это несомненное достижение, ставшее в современной науке основополагающим методом, нередко вступало в научном творчестве Рыбакова в противоречие с методикой археологического источниковедения, за что тот подвергался обоснованной критике. Эти научные принципы Рыбакова были близки научной методике Г. Ловмянского. Общей для обоих

ученых была исследовательская проблематика Древней Руси и Древней Польши, возникновения и первых веков славянской государственности. Важнейшим их вкладом в науку стало изучение роли языческих культовых центров в генезисе государственности и в переходе древнеславянских обществ от варварства к цивилизации. Проблемам Средневековья был также посвящен доклад *С.М. Каштанова*, который сосредоточил внимание на вопросах источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, а именно на дипломатике. Он показал, что русская историография в этой области периода своего зарождения (конец XVIII — первая треть XIX в.) ориентировалась преимущественно на немецкую и польскую школы, в первую очередь на воззрения Иоахима Лелевеля. В дальнейшем эта связь была прервана, и возродилась она уже во второй половине XX в., в частности в трудах Анджея Поппе и его последователей.

В дискуссии по докладам отмечалось, что проблемы средневековой истории славян приобретают ныне особую актуальность в свете бытующих ныне различного рода сомнительных теорий «этнообразования» и концепций «раннего генезиса наций», в частности у славянских народов. Проблемы медиевистики также выходят на первый план в свете цивилиционистских концепций и провозглашаемого культурного противостояния Востока и Запада. В связи с проблемами, поставленными *Н.А. Макаровым*, было отмечено особое значение исследования языческой культуры древних славян, что играет важную роль в понимании объективного социально-политического и культурного содержания процессов христианизации, а также в понимании на современном этапе претензий церкви на безраздельное господство в сфере общественного сознания и культуры. В связи с докладом *С.М. Каштанова Ю.М. Эскин (Москва)* заметил, что с материалами Российского государственного архива древних актов активно работают польские историки и что их интерес к средневековым материалам Литовско-русского государства, включая и Смоленщину, продиктован также характерным для польской исторической мысли тезисом о цивилизаторской роли державы Ягеллонов в Восточной Европе и о границах польского политического и культурного влияния на Востоке.

Эти проблемы, поставленные применительно к истории Средневековья, нашли отражение и в докладах, посвященных эпохе раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). Начало было положено докладом *М.В. Дмитриева (Москва)* «Спорные вопросы истории украинско-белорусских земель Речи Посполитой (XVI–XVII вв.) в российской и польской историографии». В основе существующих разногласий, как отмечал докладчик, лежал старый политический и историографический спор, восходящий к борьбе за так называемое наследие Киевской Руси. Однако на современном этапе, с одной стороны, «этот дискурс» приобретает все более социокультурное измерение, а с другой — в центре дискуссии все более и более становятся проблемы «белорусской и украинской идентичности», особенно с точки зрения ее конфессиональной и культурной составляющих. Доклад *Б.Н. Флоры (Москва)* был посвящен новейшей российской историографии Смоленской войны 1632–1634 гг. В нем отмечалось, что авторы Новейшего времени направляют главное внимание на внутреннюю историю России, в частности на предпосылки военных реформ. Вместе с тем Смоленская война представляет немалый интерес и с точки зрения польской истории, так как именно она в известной мере продемонстрировала пределы шляхетской экспансии Речи Посполитой на Восток. В связи с этим была отмечена особая важность совместной разработки и введения в научный оборот архивных материалов по истории XVII в. из российских и польских архивных собраний, в частности по истории российско-польского пограничья. Поднятые *Б.Н. Флорей* проблемы были рассмотрены применительно для последующих периодов в докладах *К.А. Кочегарова (Москва)* «От соперничества к союзу: русско-польские отношения во второй половине XVII — начале XVIII века в освещении историков России и Польши» и *Б.В. Носова (Москва)* «Речь Посполитая XVIII в. в российской историографии». Центральными тезисами их выступлений было положение, что для исследования в этой области российская и польская историческая наука обладает как общей и нераздельной источниковой базой, так и во многом общей историографией, несмотря на ряд принципиальных расхождений в оценках между российской и польской историографическими школами.

Своего рода переходом от истории раннего Нового времени к проблемам истории Польши и России XIX — начала XX в. послужил доклад *Губерта Лашкевича (Люблин)*, посвященный аграрной истории Польши Нового времени в советских и польских исследованиях 1945–1991 гг. и развернувшейся в связи с этим дискуссии о специфике феодализма в Центральной и Восточной Европе, о сочетании представлений о многоукладной экономике и формационной теории, о путях развития капитализма и формах разрешения крестьянского вопроса. Вместе с тем, как показал докладчик, в новейших исследованиях по аграрной истории анализ социально-экономических и социально-политических процессов развития постепенно заменяется наблюдениями над процессами социокультурной эволюции села и польского крестьянства, его специфического самосознания. Субъективизм подобного подхода проявляется в наши дни в распространенном мнении публицистов, что социально-психологический облик крестьянства имманентно определяется крепостническим сознанием. Тема эволюции социального статуса и социальной психологии польского крестьянства в пореформенный период XIX в. была раскрыта в докладе *М.А. Крисань (Москва)*. Главным ее тезисом стало утверждение, что в последней трети XIX в. польское крестьянство трансформировалось из податного сословия времен разделенной Польши рубежа XVIII–XIX вв. в аграрный класс индустриального общества, обладающего современными правовыми и социальными институтами и политическим представительством, а также иным уровнем самосознания. А это, в свою очередь, послужило одной из фундаментальных основ возрождения польской государственности в 1918 г.

Ряд докладов был посвящен социально-политической истории Польши и России XIX в. *О.С. Каштанова (Москва)* в докладе «Персонификация власти: великий князь Константин Павлович в российской и польской историографии» пришла к выводу, что взаимодействие правящих верхов и аристократических элит России и Королевства (Царства) Польского свидетельствует, что династическая уния России и Польши была основана не только на внешних военно-политических факторах, но и на социальной и сословной близости российского и польского дворянства, российской и польской бюрократии

первой трети XIX в. *Веслав Цабан* и *Станислав Вех (Кельце)* проанализировали вклад келецкого научного сообщества в развитие исследований истории польско-русских отношений в XIX в. Главное внимание ими было уделено формам и методам осуществления российской власти на польских землях на основе изучения функционирования административного, военного и полицейского аппарата. Вместе с тем важным выводом докладчиков стало утверждение о высокой степени социальной интеграции польского и русского обществ в рамках империи, хотя между ними и сохранялась весьма существенная граница, которая контролировалась как административно и политически, так и со стороны польского национально-освободительного движения. О развитии исследований по истории России XIX в. в Историческом институте Гданьского университета говорилось в докладе *Збигнева Опацкого (Гданьск)*, который, в частности, отметил, что их особенностью стало формирование ряда интегрированных научных школ, объединяющих студентов, магистрантов, докторантов, преподавателей и профессоров.

Центральное место в работе конференции, несомненно, принадлежало проблемам XX столетия и вопросам современности, которые в последние годы в Польше неизменно остаются предметом острых общественных дискуссий и существенно осложняют российско-польские межгосударственные отношения. Условно этот проблемный блок можно поделить хронологически на периоды межвоенной Польши (1918–1939 гг.), Второй мировой войны (1939–1945 гг.) и послевоенный период (начиная с 1945 г. и вплоть до наших дней). Вопросы изучения межвоенного периода были рассмотрены в докладах *Г.Ф. Матвеева (Москва)* «Юзеф Пилсудский в советской и российской историографии» и *Ю.А. Борисёнка (Москва)* «От белого до красного царизма. История России в концепции польского историка Яна Кухажевского». Анализируемый в докладе *Ю.А. Борисёнка* труд польского автора формально-хронологически относится к российской истории XIX в., однако как памятник общественной мысли и явление общественного сознания он принадлежит веку XX хотя бы уже потому, что описанные в нем события и процессы осмыслены Кухажевским через призму представлений, сформированных под влиянием революционных событий начала XX в. Докладчик, говоря о

Кухажевском, отметил, что тот в равной мере принадлежал к русской и польской культуре, а его произведение, отражая воззрения консервативной польской интеллигенции и будучи пропитано контрреволюционной идеологией в сочетании с сочувствием к польскому освободительному движению, оказало существенное влияние на современную польскую историософию и западную советологию, с учетом идейных и концептуальных трансформаций последней после крушения СССР. Рассматривая суждения отечественной историографии о Пилсудском, *Г.Ф. Матвеев* выделил ряд периодов, в которые под влиянием общественно-политических процессов изменялись суждения политиков, публицистов и историков. При этом докладчик подчеркивал, что даваемые маршалу оценки в литературе не всегда совпадали с характеристикой его политики и того политического режима, который Пилсудский персонифицировал. Воззрения новейшей историографии, по словам докладчика, формируются начиная с 1990-х годов (работы В.С. Парсадановой, М.Н. Бобрик, Г.Ф. Матвеева и др.), когда российские историки в оценке Пилсудского выдвинули на первый план национальную идею возрождения Польши и его стремление средствами как внутренней, так и внешней политики гарантировать сохранение польского государства. Одновременно российская историография подчеркивала элементы культа личности Пилсудского, что позволяло «начальнику государства» дистанцироваться от конкретной политики установленного им правящего режима, что нашло выражение не только в межвоенной Польше, но и в польской политической мысли и последующих времен. В дискуссии по докладу *Г.Ф. Матвеева* отмечалось, что определенный интерес представляет отношение к Пилсудскому польских социалистов (ППС), что партия неизменно выступала за Пилсудского, но — против политики его правительства и режима санации (*И. Граля*). Говоря об оценке Пилсудского в советской историографии второй половины XX в., следует указать, что впервые вопрос об оценке диктатуры Пилсудского подвергся пересмотру в 1960-е годы, когда государственный переворот 1926 г. в Польше был охарактеризован советскими историками не как «фашистский», что было характерно для советской политической литературы 1930-х и 1950-х годов, а как «военно-авторитарный» (*И.С. Яжборовская, Москва*).

По докладу *Ю.А. Борисёнка* в дискуссии говорилось, что перевод и издание труда Кухажевского в России имеют большое значение для современной российской исторической и политической мысли, так как его предмет по существу представляет собой интерпретацию истории русского освободительного движения (дворянского и разночинского периодов). Примечательно то, что мысли автора оказались весьма созвучны современным неолиберальным концепциям в России (*Я.В. Соловьев*). В сочинении Кухажевского видна характерная грань между так называемой русофобией и контрреволюционной антисоветской идеологией, что составляло основу либерального мировоззрения русского Серебряного века (период после Первой русской революции 1905–1906 гг.) — *Л. Заитовт, З. Опацкий*.

Обращаясь к рассмотрению докладов, посвященных второй половине XX в. и современному этапу, можно уверенно утверждать, что в центре их внимания были проблемы развития науки, просвещения и общественной мысли. О связи исторической науки и народного просвещения говорили *Иоанна Шиллер-Валицка (Варшава)* в докладе «Проблемы истории народного просвещения и специального образования в трудах Комиссии Польши и России» и *В.Н. Захаров* — «Освещение истории Польши в российских учебниках во второй половине XX — начале XXI в.». *И. Шиллер-Валицка* отметила, что за полвека Комиссия историков провела 14 конференций, посвященных проблемам образования и науки (немногим более трети их общего числа). Такой интерес, констатировала докладчица, неслучаен, ибо сфера народного просвещения и науки — одна из важнейших сфер социальной жизни, отражающая развитие общества в целом и его интеллектуальный потенциал, определяющий тенденции и перспективы развития. Вместе с тем она играет ключевую роль в процессе социализации, в передаче исторического опыта в процессе смены поколений. *В.Н. Захаров* указал на, казалось бы, парадоксальный факт, что история Польши мало представлена в российских школьных учебниках по всеобщей истории, в то время как она больше находит отражение в курсе истории России (отечественной истории). Объяснение такой ситуации, по мнению докладчика, видится в том, что польская

и отечественная история тесно связаны между собой и что понять историю друг друга без сопоставления важнейших событий и процессов невозможно. Это следует учесть, подчеркивал Захаров, при подготовке «единого российского учебника», в задачах коллектива авторов учебника следует предусмотреть и требование создания (в узких дидактических рамках) объективного образа Польши.

Развитию современных исследований по истории взаимоотношений России и Польши были посвящены доклады *Артура Марковского (Варшава)* «Польские и российские евреи в историографии Польши и России XX в.», *С.М. Фалькович (Москва)* «История Польши и российско-польских отношений Нового времени в комплексных трудах ученых Института славяноведения РАН (конец XX — начало XXI в.)», *Мариуша Волоса (Краков)* «Совместные польско-российские издания документов по истории отношений между двумя странами в XX столетии», *А.Ф. Носковой (Москва)* «О некоторых новых документальных проектах и публикациях по истории советско-польских отношений в годы Второй мировой войны». Все эти доклады отражают широкий спектр научных проблем, представляющих фундаментальный взаимный интерес для историков России и Польши и для изучения российско-польских отношений. Их объединяют две существенные черты. *Во-первых*, они посвящены тем темам и проблемам, которые не имеют за собой значительной историографической традиции и мало освещались в историографии, а это свидетельствует о существенном расширении поля совместных исследований. *Во-вторых*, на первое место в развитии исторической науки начиная с 1990-х годов выходит задача существенного расширения источниковой базы исследований, в частности привлечение исторических источников, происходящих из разных стран, в том числе и из так называемого дальнего зарубежья. Применительно к истории российско- и советско-польских отношений она была сформулирована и в значительной мере реализована начиная с 1960-х годов. Эта работа продолжается и в настоящее время, в том числе и посредством целого ряда публикаций архивных материалов, хранящихся как в России, так и в Польше. Проблемам исторической мысли и вопросам их преломления в современной

политике были посвящены доклады *Л.С. Лыкошиной (Москва)* «Формирование национальной идентичности и образ России в общественной мысли современной Польши» и *И.С. Яжборовской* «Историческая мысль рубежа XX–XXI вв. о верификации подходов к изучению истории двусторонних российско-польских отношений».

Важное место в работе конференции принадлежало проблемам изучения взаимодействия процессов исторического и культурного развития. Не отождествляя историю и культуру, следует все же отметить, что особенность культурных ценностей состоит в том, что, возникнув в процессе исторического развития, они не уходят в прошлое вместе с разрешением противоречий, или социальных движений, их породивших, а органически включаются в последующие процессы развития, с одной стороны, сохраняя свои свойства, а с другой — наполняясь новым содержанием посредством их переосмысления новыми поколениями.

Вопросам истории и культуры было посвящено заключительное пленарное заседание конференции, проведенное в Государственном музее-усадьбе «Остафьево», — «Русский Парнас». Здесь, в частности, был заслушан доклад *Лешека Заштовта* «Политика и стереотипы. Польско-российские отношения в XIX столетии. Оптимистические размышления». Обращение автора к XIX в. отнюдь не означает, что рассмотренная им проблематика носит частный или хронологически ограниченный характер. Поставленные им вопросы являются универсальными и современными, поскольку именно в XIX столетии завершается процесс формирования польской и русской национальной культуры, а следовательно, сформированные к этому времени стереотипы приобретают устойчивый и долговременный характер. Новаторским в подходе *Л. Заштовта* к проблеме стереотипов стал тезис, что устойчивые стереотипы обретали различное содержание и форму в зависимости от образовавшей их социальной среды и сферы бытования. В качестве центрального объекта исследования докладчик избрал стереотип русификации как одно из интегральных представлений, отражающих взаимоотношения поляков и русских. Именно ему было уделено главное внимание в дискуссии с точки зрения его объективного содержания и бытующих субъективных представлений.

С российской стороны проблема стереотипов была рассмотрена в докладе *Л.Е. Горизонтова (Москва)*. По его мнению, имагология (изучение стереотипов восприятия) открывает путь к многоцветной картине прошлого, позволяет исследовать соотношение этнических стереотипов и исторической действительности. Проблема стереотипов в определенной мере получила развитие в докладе *Збигнева Вуйцика (Варшава)* «Исследования польскими учеными Сибири после Второй мировой войны». Доклад *Е.И. Княжевой (Москва)* «Государственный музей-усадьба “Остафьево” — “Русский Парнас” в контексте российско-польских культурных связей» был посвящен истории польских связей П.А. Вяземского, с именем которого связано имение Остафьево, ставшее музеем и материальным воплощением плодотворного общения и взаимодействия польской и русской культуры. Эта тема, на примерах медальерного искусства, получила развитие в докладе *А.С. Коршикова и О.П. Боровик (Москва)* «История русско-польских отношений в памятных медалях из фондового собрания Государственного музея-усадьбы «Остафьево». *А.С. Коршиков* подчеркнул, что медальерное искусство как явление культуры в специфическом виде отражает эпоху и в этом смысле служит также и историческим источником, памятником культуры и средством пропаганды (распространения) общественной мысли. При этом медали-плакеты как произведение малой пластики служат своего рода мостом от больших форм публичного искусства к малым формам, предназначенным для бытования в среде индивида и ориентированным на личное обладание и восприятие. Расцвет медальерного искусства берет свое начало в Польше XVII в., и в России XVIII в. Оно с самого начала носило общеевропейский характер и означало включение наших стран в общеевропейское культурное пространство.

Организация посвященной юбилею Комиссии историков России и Польши конференции в Москве стала важным свидетельством прочности российско-польского научного сотрудничества, важности пропаганды его традиций и доказательством значимости общественных и культурных связей между народами России и Польши. Совершенствование научного сотрудничества между историками и специалистами в области гуманитарных наук предполагает, как одну из

актуальных задач, сопоставление и анализ важнейших тенденций в развитии российской и польской историографии с позиций национальных историографических школ на основе принципов научной объективности, что в наши дни приобретает как научное, так и общественное значение. Свой вклад в решение этой задачи должна внести и настоящая публикация трудов Комиссии историков России и Польши.

Б.В. Носов

Комиссия историков России и Польши за 50 лет

Я. Шумский (Варшава)
К вопросу о создании Комиссии
историков ПНР и СССР

Л.П. Марней (Москва)
Комиссия историков
СССР и ПНР 1965–1968 годов:
к истории основания

И. Шиллер-Валицка (Варшава)
Исследования по истории
народного просвещения в трудах
Комиссии историков Польши
и России

В. Цабан (Кельце)
Профессор Виктория Сливовска —
исследователь истории России
и ссыльных поляков в Сибири
XIX века

К вопросу о создании Комиссии историков ПНР и СССР

В основу статьи положены материалы директивных органов, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Дополнительно для работы над статьей привлекались документы фондов Архива Российской академии наук (Архив РАН). Значительная часть использованных материалов — это подготовительные материалы к решениям Секретариата, Оргбюро и Политбюро. (В соответствии с постановлением XIX съезда ВКП(б) / КПСС в 1952 г. вместо Оргбюро и Политбюро был создан Президиум ЦК КПСС. Впоследствии, на XXIII съезде КПСС в 1966 г., Президиум ЦК был упразднен, а Политбюро как руководящий орган ЦК КПСС было восстановлено.)

В ряде случаев доступные исследователям материалы позволяют детально проследить механизм принятия решений на основе как исходных, так и конечных материалов, которые отображают результат выполнения партийных решений и постановлений органов государственной власти СССР. Особое значение имеют исходные материалы, показывающие процесс инициирования, обсуждения и проработки вопросов, внесенных на рассмотрение в ЦК. В силу подчиненности Академии наук СССР, ЦК КПСС контролировал ее деятельность, санкционировал разработку проектов постановлений и последующее проведение решений в жизнь.

В настоящий момент исследователи взаимоотношений власти и науки располагают относительно большим объемом рассекреченной документации отделов и других структурных подразделений ЦК КПСС, отвечавших за отношения между ЦК и АН СССР. Следует заметить, что в отношениях со странами социалистического лагеря понятие «межгосударственные отношения» было тождественно «межпартийным».

Вопросами международных научных связей занимались в разное время Отдел науки¹ (его название на протяжении двух послевоенных десятилетий не раз менялось; отдел то выделялся в самостоятельную единицу, то входил в состав иных структурных подразделений) и отдел «внешней политики», курировавший международную деятельность Коммунистической партии Советского Союза. Название отдела в послевоенный период часто менялось от Отдела внешних сношений, Внешнеполитической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), Отдела по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС до образования в 1957 г. самостоятельного Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран². Процесс рассекречивания документов этого отдела происходит крайне медленно.

Несмотря на то что в названии отдела говорилось о связях с рабочими и коммунистическими партиями, круг вопросов, находившихся в его ведении, был необычайно широк и включал в том числе вопросы взаимоотношений польской и советской исторической науки.

Очередным структурным подразделением ЦК КПСС, отвечающим за вопросы международных научных связей, была Комиссия по вопросам идеологии, культуры и межпартийных отношений ЦК КПСС, созданная постановлением Президиума ЦК КПСС от 3 января 1958 г., во главе с председателем М.А. Суловым. Решения, принимаемые членами Комиссии, имели силу постановлений ЦК КПСС и обозначались в делопроизводстве как «по комиссии». Последующая, Идеологическая комиссия при ЦК КПСС, образованная по решению Президиума ЦК КПСС 23 ноября 1962 г., во главе с Л.Ф. Ильичевым, а позднее

¹ См.: Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник. Аннотированные описи / Науч. ред. М.Ю. Прокуменщиков; Сост. М.Ю. Киселев, И.В. Казарина и др. М., 2006. С. 6–9. См. также: Отдел высших учебных заведений ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник. Аннотированные описи / Сост. Э.А. Болотина (отв. сост.), А.И. Дергачев, Л.В. Чарская. М., 2009.

² См.: Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. 1953–1957: Аннотированный справочник / Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, М.Ю. Прокуменщиков и др.; Ред. Н.Г. Томилина. М., 1999. С. 11–19.

П.Н. Демичевым не рассматривала вопросы международных партийных связей и научных контактов³.

Возвращаясь непосредственно к проблеме создания Комиссии историков ПНР и СССР, следовало бы кратко остановиться на более ранних попытках организационного оформления сотрудничества польских и советских историков, начиная со второй половины 1940-х — начала 1950-х годов, которые мы попытаемся реконструировать на основе материалов советских «партийных» архивов. Представляется, что в среде польской исторической науки того же периода можно условно выделить два основных ядра, вокруг которых могло бы произойти организационное оформление сотрудничества с советской стороной в форме комиссии.

В первую очередь это была группа польских «партийных» историков, которые в советской терминологии обозначались как «историки-марксисты». Становление ученых этого круга было, как правило, связано в прошлом с деятельностью Коммунистической партии Польши (КПП) и ее автономных организаций — Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) и Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ)⁴, — а также с их пребыванием на территории СССР в период Второй мировой войны, начиная от событий 17 сентября 1939 г. Среди них были Тадеуш Данишевский, Жанна Корманова, Рафал Гербер и др. Все вышеупомянутые лица приняли советское гражданство, а часть из них стали членами ВКП(б). Вторую группу составляли «буржуазные историки, стремящиеся стать на марксистские позиции» либо «овладеть марксизмом-ленинизмом». Как правило, это были польские ученые, придерживавшиеся левых взглядов и исследовавшие, в основном экономическую и социальную историю Польши (Витольд Куля, Тадеуш Мантойфель и др.)⁵.

³ См.: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева / Отв. ред. В.Ю. Афиани. М., 1998. С. 25.

⁴ До 1925 г. КПП называлась Коммунистической рабочей партией Польши (КРПП). КПЗБ и КПЗУ вошли в состав КРПП в 1923 г. в качестве автономных организаций.

⁵ См.: Список польских ученых, намеченных для приглашения на совещание, датируемый 22 августа 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 3. Д. 72. Л. 5 об.

Первая попытка со стороны советских директивных органов организационно оформить польско-советскую историческую комиссию относится к концу 1946 г., когда по решению Секретариата ЦК ВКП(б) была учреждена Историческая комиссия Польской рабочей партии (ППР) при ИМЭЛ ЦК ВКП(б). Что характерно, в официальных документах польского происхождения название Комиссии звучит несколько иначе, без упоминания о ИМЭЛ ЦК ВКП(б): Историческая комиссия ППР. Основная цель Комиссии заключалась в поисках материалов по истории польского рабочего движения и истории КПП, которые впоследствии должны были быть использованы для написания «Краткого курса истории ППР».

Персональный состав Комиссии был подобран руководством ИМЭЛ. Со своей стороны ЦК ППР рекомендовал восемь кандидатур, из которых только пять были утверждены в Москве⁶. В их числе оказались руководитель Польского агентства печати в Москве Соломон Натансон, единственный историк и архивист в составе комиссии Рафал Гербер — аспирант В.И. Пичеты, а также Регина Каплан-Кобринска, которую «сослали» из Варшавы осенью 1947 г. за критику Владислава Гомулки, уволив с поста директора Отдела истории партии при ЦК ППР.

Первоначально результаты деятельности Комиссии были весьма скромны, если не сказать больше — ничтожны. Секретариат ЦК ВКП(б) долгое время не давал разрешения на доступ к архивным фондам. Только после личного вмешательства Якуба Бермана, секретаря ППР, отвечавшего за вопросы идеологии и исторической науки, который лично ходатайствовал у секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, дело сдвинулось с мертвой точки⁷. Однако работу Комиссии значительно осложнял факт роспуска Компартии Польши в 1938 г. и не до конца понятная и приемлемая в СССР интерпретация этого вопроса в польской партийной исторической науке.

⁶ См.: Докладная записка секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову о ходе передачи ЦК ПРП (ППР) документов по истории польского рабочего движения и КПП от 26 февраля 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 80. Л. 4.

⁷ См.: Докладная записка секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову от 12 февраля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1018. Л. 21.

Попытки ЦК уже Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) увеличить численный состав Комиссии за счет собственных выдвиженцев, расширить тематические и хронологические рамки исследований встретили холодную реакцию на Старой площади. Соответствующий запрос, направленный секретарем ЦК ПОРП Я. Берманом М.А. Суслову, был переадресован референту Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), Я.Ф. Дзержинскому. Между Дзержинским и Берманом состоялся телефонный разговор, после которого Я. Берман «снял свою просьбу»⁸.

Начало 1950-х годов — это время стремительного карьерного роста польского историка партии Тадеуша Данишевского, директора Отдела истории ПОРП, который в материалах отделов ЦК ВКП(б) именовался не иначе, как «ведущий польский историк». К слову говоря, Данишевский, как он сам признавал, даже не имел исторического образования. Он был приглашен в Москву осенью 1950 г. по решению ЦК ВКП(б) во главе делегации 12 польских «историков-марксистов»⁹ для получения практических навыков в деле создания аналога Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) в Польше — Института подготовки научных кадров при ЦК ПОРП.

Участие Данишевского в фундаментальном проекте по написанию советской версии «Истории Польши» и в ряд коллегиях ряда других совместных проектов несомненно усиливало его влияние и значение в глазах партийных коллег из Польши. Однако, как можно судить по архивным документам, его амбициозные планы были намного шире. В октябре 1950 г. в Москве в Институте славяноведения АН СССР Т. Данишевский выступил с предложением установления постоянных контактов с советской исторической наукой в форме регулярных встреч, два раза в году, попеременно в

⁸ См.: Докладная записка секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову от 16 июля 1949 г., информирующая об исполнении поручения по записке Я. Бермана от 1 февраля 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 80. Л. 14.

⁹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2 т.: Документы / Т.В. Волокитина (отв. ред.), М.П. Мурашко, О.В. Наумов, А.Ф. Носкова, Т.В. Царевская. М., 2002. Т. 2. С. 364–365.

Варшаве и Москве. Для участия в этих встречах предполагалось выбрать до четырех–пяти человек с каждой из сторон¹⁰. Кроме централизованного обмена научной литературой, Данишевский предлагал организовать постоянные научные командировки исследователей для работы в советских и польских архивах и библиотеках¹¹. Предполагалось, что контакты будут осуществляться по линии Славянского комитета, а контроль за их исполнением с польской стороны проводил бы Отдел истории партии ПОРП, то есть сам Данишевский.

Руководство Института славяноведения АН СССР направило эти предложения в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), где достаточно сдержанно отреагировали на инициативы Данишевского, считая, что существующий уровень контактов вполне удовлетворяет насущным потребностям¹². Кстати говоря, первоначально позитивное отношение к Данишевскому на Старой площади со временем изменилось в худшую сторону. Связано это было с якобы проявленными тем некими «колебаниями в партийной линии»¹³.

Первые послесталинские годы принесли большие изменения в отношениях СССР со странами социалистического лагеря, хотя влияние сталинских установок было еще, несомненно, велико. Постепенный отход от рецидивов сталинизма, от практики мелочного контроля, ограничение своевластия «наместников» Москвы на местах не привели к построению новых по существу отношений СССР со своими союзниками на основе подлинного равноправия. Многие вопросы по-прежнему решались на основе сталинских методов, в атмосфере подозрительности, в духе единства власти и идеологии.

¹⁰ См.: Докладная записка директора Института славяноведения АН СССР Б.Д. Грекова секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову от 25 октября 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 341. Л. 248.

¹¹ См. там же. Л. 249.

¹² См.: Докладная записка Ю.А. Жданова и В.С. Кружкова секретарю ЦК ВКП(б) М. Сулову от 14 декабря 1950 г. // Там же. Л. 254–255.

¹³ Из дневника посла СССР в Польше П.А. Абрасимова. Записка о встрече с ИИП при ЦК ПОРП Т. Данишевским от 30 декабря 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 156. Л. 158–160.

Новые веяния в политике вызвали оживление среди историков в социалистических странах. Начиная с 1954 г. в ЦК КПСС широким потоком стекается информация о инициативах ученых ряда стран в области установления более тесных связей, об осуществлении совместных исследовательских проектов и, что немаловажно, о стремлении научных работников и руководства научных учреждений к организационному оформлению международных научных связей. Эти предложения застали врасплох партийных чиновников на Старой площади. В частности, во время конференции в Гданьске в октябре 1954 г., посвященной вопросам истории польского Поморья, делегат ГДР, историк Юрген Кучинский, передал главе советской делегации А.Л. Сидорову неофициальную просьбу «руководящих инстанций» ГДР о необходимости созыва в Москве совещания редакторов ведущих исторических журналов из стран социалистического лагеря с целью координации действий. А.Л. Сидоров проинформировал Отдел науки и культуры ЦК КПСС об этой просьбе, однако вопрос по неустановленным причинам был снят с рассмотрения¹⁴.

Аналогичную инициативу, касающуюся выработки общей стратегии историков из стран «народной демократии» на X конгрессе историков в Риме (1955 г.), выдвинул член ЦК ПОРП Берман, совместно с польскими партийными историками (Т. Данишевский, Леон Гросфельд и др.) обратившись в Отдел науки ЦК КПСС. В этом же духе выступил директор Института истории АН Чехословакии Йозеф Мацек¹⁵.

Эти и другие инициативы польских историков, связанных в основном с Отделом истории партии при ЦК ПОРП, Институтом общественных наук при ЦК ПОРП и Институтом истории ПАН, привели к активизации контактов с советской стороной. В конце ноября 1954 г. секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов вызвал директора Института истории

¹⁴ См.: Отчет А.Л. Сидорова о научной командировке в Польшу от 10 ноября 1954 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–10.

¹⁵ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС, 1922–1991. Т. 2. Академия наук в решениях ЦК КПСС: Бюро Президиума, Президиум, Секретариат ЦК КПСС, 1952–1958 / Сост. В.Д. Есаков; Подгот. сб. Е.С. Левина и др. М., 2010. С. 327.

АН СССР А.Л. Сидорова и заместителя академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР П.Н. Третьякова и поручил им разработать предложения, направленные на «укрепление контактов с поляками». Предложения в форме проекта постановления были направлены в Президиум АН СССР, а затем на утверждение в ЦК КПСС¹⁶. Вышеупомянутые предложения предусматривали передачу архивных документов по истории польского рабочего движения и истории Коммунистической партии Польши, инициировали проект публикации документов по истории революции 1905–1907 гг. на польских землях, документов по истории советско-польских отношений и восстания 1863–1864 гг.

События 1956 г. в СССР и политический кризис 1956 г. в ПНР («Польский октябрь») привели к глубоким изменениям в общественной жизни Польши, которые затронули польских историков и сферу их контактов с советскими коллегами. В первую очередь эти изменения коснулись окружения польских историков партии, которые утратили монополию на научные связи с СССР. Это исключительное право, равно как и право заниматься вопросами новейшей истории, находилось в руках польской «партийной» историографии. Во время обсуждения макета 3-го тома «Истории Польши» летом 1956 г. краковские историки жаловались делегации Института славяноведения АН СССР, что Отдел истории партии при ЦК ПОРП монополизировал работу по новейшей истории и не дает возможности опубликовать без их содействия работы историков из других научных центров. По их словам, на встречу с советскими историками историков из Кракова даже не удосужились пригласить¹⁷.

Массовые фальсификации в сборниках документов по истории партии, критика деятельности последних со стороны сообщества историков привели к реорганизации Отдела истории партии при ЦК ПОРП и к преобразованию его в

¹⁶ См.: Сопровождающая записка в Президиум АН СССР, составленная П.Н. Третьяковым, от 27 ноября 1954 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

¹⁷ См.: Докладная записка в ЦК КПСС о работе делегации Института славяноведения АН СССР, находившейся с 12 июня по 12 июля 1956 г. в Польше, от 8 сентября 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 38. Л. 75.

Институт истории партии (по советскому образцу), который также возглавил Т. Данишевский¹⁸. Начиная от 1956 г. к сотрудничеству с советской стороной в форме участия в совместных изданиях источников, научных командировках в советских архивах и библиотеках все больше стали привлекать беспартийных историков, демонстрирующих на декларативном уровне лояльность к существующему политическому порядку. Москва, в свою очередь, не отказываясь от роли «старшего брата» в социалистическом лагере, согласилась на существование в этих странах собственной, не совсем «канонической» версии истории и отступила от принципа однообразия и механического проецирования советской исторической модели на историческую науку стран социалистического лагеря.

Более того, «братские» страны все более настойчиво требовали открытия советских архивов и возможности проведения исследований по ряду закрытых до недавнего времени тем. Несмотря на подписанные соглашения о сотрудничестве и обмен в области науки, данные соглашения не выполнялись советской стороной в полном объеме. Этот вопрос неоднократно поднимался руководством ЦК ПОРП, и в частности секретарем ЦК ПОРП Адамом Шафом, весной 1959 г. на встречах с советским послом в Варшаве, а месяцем раньше и в Москве. В мае 1959 г. А. Шаф обратил внимание советского посла на то, что в 1959 г. научный обмен Польши с зарубежными странами по линии американского фонда Форда превышает обмен между Польской академией наук и АН СССР¹⁹. Научный обмен ПНР с капиталистическими странами восьмикратно превосходил объем научного обмена с СССР, в то время как

¹⁸ Примеры фальсификации исторических источников в деятельности Отдела истории партии при ЦК ПОРП можно почерпнуть в публикации: *W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej: (materiały i dokumenty): styczeń 1942 r. — grudzień 1948 r.* [zebr.: Eстера Markowa i Władysław Góra]. Warszawa, 1952. См. также: *Gontarczyk P. Poprawianie historii PPR. Metody fałszowania źródeł historycznych w pierwszej edycji dokumentów PPR // Biuletyn IPN. 2005. № 1/2. S. 33–49.*

¹⁹ См.: Записка, составленная по итогам встречи А. Шафа с послом СССР в Польше П.А. Абрахимовым, от 6 мая 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 117. Л. 51.

советские учреждения даже не отвечали на запросы польской стороны. Это приводило, по мнению Шафа, к «идеологически вредным последствиям в работе с интеллигенцией»²⁰.

В мае 1959 г. в Москве находилась делегация видных и пользовавшихся влиянием в партийных верхах и правительственных сферах польских историков партии (Наталья Гонсеровска, Станислав Арнольд, Тадеуш Данишевский, Леон Гросфельд, Вероника Гостыньска, Чеслав Мадайчик и Юзеф Ковальский — последний фигурировал в документах до 1951 г. как Соломон Натансон). 20 мая 1959 г. во время совещания с советской делегацией, которую представляли Г.Д. Обичкин — зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС, Г.А. Белов — Главное архивное управление при МВД СССР, И.А. Хренов — и.о. директора Института славяноведения АН СССР, академик секретарь Отделения исторических наук АН СССР Е.М. Жуков, был поставлен вопрос о необходимости создания советско-польской комиссии историков.

Тадеуш Данишевский, подчеркивая «партийный характер встречи», по ходу совещания проинформировал собравшихся о «больших проблемах с доступом к архивным материалам во Львове, Вильнюсе, Гродно и Ленинграде», что касалось широкого круга исследователей и стало «источником кривотолков со стороны вражески настроенных элементов». Глава архивного ведомства Г.А. Белов в ответ на эти упреки поляков проинформировал, что «у нас принято правилом не выдавать те документы, которые могут внести разлад в дружбу, не выдавать студентам и молодым исследователям. Кстати, это общее положение для всех архивов»²¹.

Леон Гросфельд без предварительного согласования с советской стороной поставил вопрос о создании Комиссии историков Польши и СССР, мотивируя это тем, что «на данный момент существуют польско-австрийская и польско-чехословацкая комиссии историков. Отсутствие польско-советской комиссии историков является политически неправильным»²². Это

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 117. Л. 51.

²¹ Там же. Л. 18.

²² Стенограмма совещания советских и польских историков по изданию документов советско-польских отношений от 20 мая 1959 г. // Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 221. Л. 16.

предложение оказалось для советской делегации явно неожиданным. Зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС Г.Д. Обичкин ответил дословно: «Вопрос для меня совершенно новый, и я ничего не могу сказать». И.А. Хренов проинформировал собравшихся, что Институт славяноведения не уполномочен решать такие вопросы и что их рассматривает Президиум АН СССР.

В свою очередь Е.М. Жуков предложил включить в состав будущей Комиссии представителей исторической науки БССР и УССР и попросил польскую сторону представить план деятельности и предварительный состав Комиссии. Предложения польской стороны должен был в течение одного месяца представить научный секретарь ПАН Генрик Яблонский. Было также принято решение о необходимости созыва отдельного совещания по данному вопросу с участием представителей ИМЛ при ЦК КПСС, ГАУ при МВД СССР и ОИН АН СССР²³. Чем была вызвана такая осторожность советской стороны? В октябре 1957 г. Институт истории ПАН вместе с сотрудниками Института общественных наук при ЦК ПОРП опубликовали «Архивные документы по истории советско-польских отношений»²⁴. В польской официальной прессе были опубликованы позитивные рецензии и отклики. Однако отношение в Москве к польской публикации было крайне отрицательным. Еще перед публикацией в феврале 1957 г. макет сборника, представленный для обсуждения, был подвергнут в Москве резкой критике и охарактеризован как «подбор документов с антисоветским выпадом и материалами националистического характера»²⁵. О выходе в Польше сборника в ЦК КПСС доложил сотрудник Института славяноведения А.Я. Манусевич²⁶.

²³ См. там же. Л. 30–31.

²⁴ См.: *Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich*. T. 1. Marzec 1917 — listopad 1918 / Red. N. Gąsiorowska, oprac. A. Zatorski przy współudz. F. Kalickiej [et al.]. Warszawa, 1957.

²⁵ Стенограмма обсуждения с польскими историками Л. Гроссфельдом и В. Гостыньской макета первого тома архивных документов по истории советско-польских отношений в Институте славяноведения АН СССР от 4 февраля 1957 г. // Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–4.

²⁶ См.: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. 2-е изд. М., 2009. С. 220.

В ЦК КПСС были приняты меры «для предотвращения издания в Польше последующих томов сборника на такой же порочной основе». В мае 1958 г. на страницах ведущего советского исторического журнала «Вопросы истории» была опубликована рецензия на польское издание документов, содержащая ряд критических замечаний²⁷. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что публикация польской стороны была положительно оценена Институтом им. В. Сикорского в Лондоне²⁸.

В СССР по партийной линии (постановление ЦК КПСС) был согласован вопрос о превращении издания в совместную советско-польскую публикацию, утвержден новый состав редколлегии, а название изменено на «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». По настоянию Москвы в новое, второе издание первого тома было включено около 80% материалов, отобранных советской стороной (советская пресса, ленинские материалы), несмотря на протесты поляков, изъяты документы правой ППС, а взамен помещены порочащие и изобличающие ППС документы²⁹.

Не исключено, что вышеописанные события могут частично проливать свет и объяснять чрезмерную осторожность официальных советских деятелей в вопросах учреждения Комиссии и открытия широкого доступа польским исследователям к советским архивным фондам. В период от конца мая до августа 1959 г. шла проработка вопроса об активизации польско-советских научных контактов. В июле 1959 г. на основе письма посла СССР в Польше, направленного М.А. Суслову и П.Н. Поспелову, состоялось решение ЦК КПСС о согласии на визит в Москву члена ЦК ПОРП Адама Шафа. Шаф был принят Поспеловым и, вероятно, указал ему на претензии польской стороны, касающиеся неудовлетворительного

²⁷ См. рец.: Хренов И.А., Манусевич А.Я. Архивные материалы: из истории польско-советских отношений // Вопросы истории. 1958. № 5. С. 165–174.

²⁸ См.: Справка о работе советской части редколлегии по совместному с ПАН проекту издания документов и материалов по истории советско-польских отношений // Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 275. Л. 1–3.

²⁹ См. там же. Л. 5.

состояния научных связей и научного обмена с СССР³⁰. Тогда же, вслед за поляками, предложение об учреждении совместной комиссии историков в адрес главного ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Топчиева направил генеральный секретарь Венгерской академии наук Ференц Эрдей³¹. Венгерская сторона проинформировала, что в Будапеште уже создана венгерская секция во главе с Эриком Молнаром. Информация об инициативах венгерских ученых с просьбой о соответствующих указаниях была передана 2 июля 1959 г. академиком-секретарем Отделения истории АН СССР Е.М. Жуковым в Отдел науки ЦК КПСС³².

Летом 1959 г. в Отделение истории АН СССР кроме просьбы польской и венгерской сторон об учреждении совместных комиссий были направлены такие же просьбы от историков Румынии и Чехословакии. К этому времени, согласно решению Секретариата ЦК КПСС от 17 сентября 1956 г., при Отделении исторических наук АН СССР была создана советская секция Комиссии историков СССР и ГДР. Первая рабочая встреча Комиссии состоялась в СССР в конце января — начале февраля 1957 г.³³ Историк Р.Ш. Ганелин в своих достаточно тенденциозных, написанных на рубеже 2000-х годов воспоминаниях так описывал эти события: «Одной из первых иностранных делегаций, приехавших в ЛОИИ, была группа историков из стран народной демократии во главе с академиком из ГДР Лео Штерном. Увидев их, Б.А. Романов, приглашенный для встречи, шепнул мне: “Голубчик, они же ряженные”. Через несколько

³⁰ См.: Записка, составленная по итогам встречи А. Шафа с послом СССР в Польше П.А. Абрасимовым, от 6 мая 1959 г. Помета от руки, информирующая о принятии Шафа Поспеловым в июле 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 117. Л. 51.

³¹ *Ференц Эрдей (Erdei) (1910–1971)*, венгерский государственный деятель, академик Венгерской АН. С 1964 г. вице-президент Венгерской АН.

³² См.: Докладная записка в Отдел науки ЦК КПСС от 1 июля 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 117. Л. 169.

³³ См.: *Расчесова М.В.* Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание Комиссии историков ГДР и СССР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2014. № 5 (31). С. 82.

минут Н.Е. Носов в разговоре с Л. Штерном выяснил, что тот из 7-го отдела (Отдел спецпропаганды Главного политического управления Красной Армии) одного из фронтов Советской Армии»³⁴. Упомянутый здесь Лео Штерн — австрийский коммунист, историк по специальности — выпускник Венского университета, участник Венского восстания 1927 г. и интербригад в Испании — как офицер Красной Армии воевал с нацистами на советско-германском фронте с 1941 по 1945 г.

Вопросами контактов с польской стороной традиционно занимался Институт славяноведения АН СССР, который подготовил обширную записку в Отдел науки ЦК КПСС с обоснованием необходимости образования Комиссии историков ПНР и СССР. Главным направлением деятельности Комиссии должна была стать координация исследований в области исторической науки, проведение научных конференций по наиболее важным историческим проблемам, осуществление совместных советско-польских изданий, организация сотрудничества между советскими и польскими архивами, организация сотрудничества ученых обеих стран на международных конгрессах и др.³⁵

Стараясь, видимо, усыпить бдительность партийных церберов по делам науки, в письме особо подчеркивалось, что «создание по предложению польских историков-марксистов советско-польской исторической комиссии откроет значительно больше, чем это было до сих пор, возможности научного контакта и тем самым и поддержки в условиях напряженной идеологической борьбы в Польше марксистско-ленинского направления в польской исторической науке». Создание Комиссии, по мнению руководства Института славяноведения, могло бы содействовать также «улучшению порядка работы польских историков в советских архивах и библиотеках, а советских историков — в польских архивах и библиотеках»³⁶.

³⁴ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. С. 138.

³⁵ См.: Докладная записка в Отдел науки ЦК КПСС от 7 августа 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 117. Л. 166.

³⁶ Там же. Л. 167.

В состав Комиссии предполагалось включить представителей Института славяноведения, Института истории, Института истории материальной культуры, Института этнографии АН СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Московского, Ленинградского, Киевского и Львовского университетов, Института истории АН Украины, Белоруссии, Литвы, а также Главного архивного управления при МВД СССР. Поскольку значительное участие в работе Комиссии должен был принимать Институт славяноведения, который в тот момент уже осуществлял с польскими научными учреждениями такие совместные труды, как издание документов по истории восстания 1863–1864 гг., издание документов о советско-польских отношениях, в Комиссию предполагалось включить следующих сотрудников: И.С. Миллера, В.Д. Королюка, И.Б. Грекова, И.И. Костюшко, М.В. Миско, А.Я. Манусевича, Ф.Г. Зуева, П.В. Галенко, И.А. Хренова, У.А. Шустера³⁷.

Поскольку с советской стороны в Комиссии намечалось относительно большое число ученых, то для ведения организационной работы предусматривалось избрание Бюро советской части Комиссии. В случае положительного решения ЦК КПСС о создании Комиссии безотлагательно, в сентябре текущего, 1959 года, планировалось направить в научную командировку в Варшаву И.С. Миллера и И.А. Хренова, чтобы обсудить планы работы Комиссии с руководством польской ее части и наметить срок первого заседания³⁸.

Письмо в ЦК КПСС от руководства Института славяноведения АН СССР было передано на Старую площадь 7 августа 1959 г. В Отдел науки ЦК КПСС 31 августа поступает письмо из Бюро Отделения исторических наук АН СССР (академик Е.М. Жуков) с поддержкой предложений руководства Института. Жуков напоминал, что еще в 1956 г. была создана Комиссия историков ГДР и СССР и что с соответствующими инициативами выступили историки Чехословакии, Румынии, Венгрии и Польши. Гарантируя обеспечение идеологического

³⁷ См. там же. Л. 168.

³⁸ См. там же.

контроля над работой Комиссии со стороны дирекции Института славяноведения и Бюро Отделения исторических наук, Жуков просил ЦК КПСС об указаниях по данному вопросу³⁹. Ответ последовал месяцем позже. На документе сохранилась следующая помета: «ЦК КПСС. По договоренности с Отделением исторических наук АН СССР (тов. [Е.М.] Жуков и И.А. Хренов) вопрос снят с рассмотрения». Документ завизировали 3 октября 1959 г. зав. сектором К. Кузнецов и В.А. Кириллин, а два дня спустя дело было закрыто и передано в партийный архив.

Сквозной просмотр документов 35-й описи 5-го фонда (Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС) за период июль–август 1959 г. не принес ответа на вопрос, почему создание Комиссии, несмотря на ходатайство Отделения исторических наук АН СССР, не было поддержано в ЦК КПСС. Механизм принятия решений по разным вопросам в ЦК КПСС был достаточно сложен. Отраслевые отделы ЦК, рассматривая предложения либо готовые проекты постановлений, формулировали свое отношение к проблеме и предлагали варианты решений. Решения по вопросам науки принимал, как правило, Секретариат ЦК КПСС либо Президиум ЦК КПСС, между которыми существовала теснейшая связь. Решения могли иметь форму постановления Президиума, Секретариата ЦК или комиссий. Кроме оформленных «постановлений» и «решений» существовала иная разновидность завершения делопроизводства — решения без обсуждения («опросом») и «согласие» секретарей ЦК КПСС⁴⁰. Не исключено, что такое решение могло быть принято Идеологической комиссией (Комиссия по вопросам идеологии, культуры и межпартийных отношений ЦК КПСС) во главе с М.А. Сусловым.

На основе материалов фонда 457 (Отделение исторических наук Академии наук СССР) можно заключить, что решение о создании Комиссии историков СССР и ПНР было

³⁹ См.: Письмо, направленное в Отдел науки ЦК КПСС из Отделения исторических наук АН СССР, от 31 августа 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 117. Л. 171.

⁴⁰ См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. [Т. 2]. 1952–1958. 1952–1958. С. 11.

принято директивными органами к началу октября 1965 г. 14 октября на заседании Бюро Отделения истории АН СССР обсуждался вопрос персонального состава Комиссии. В итоге в Комиссию с советской стороны вошли 26 членов во главе с академиком Б.А. Рыбаковым⁴¹. Наиболее многочисленно были представлены сотрудники Института славяноведения, затем Института истории АН СССР, представители четырех союзных республик, ИМЛ при ЦК КПСС, ГАУ при Совмине СССР и др. С польской стороны Комиссию возглавил профессор Генрик Ловмянский, его заместителем назначили Людвика Базылева, а ученым секретарем — Тадеуша Цесляка.

Комиссии историков большинства «братских» социалистических стран были созданы во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов, хотя точная датировка их образования не всегда совпадает в различных источниках и, соответственно, в трудах отдельных авторов. Вместе с тем принято считать, что Комиссия историков СССР и Чехословакии была создана в мае 1967 г. (председатель советской части П.Н. Поспелов)⁴²; годом позже, в июне 1968 г. в Софии — Комиссия историков СССР и Болгарии (председатель советской части академик Е.М. Жуков)⁴³; в 1969 г. создается советско-венгерская⁴⁴, а советско-румынская⁴⁵ и советско-югославская комиссии историков⁴⁶ были образованы, соответственно, в 1973 и 1974 г.

⁴¹ См.: Протокол заседания Бюро Отделения истории АН СССР № 20 от 14 октября 1965 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 486. Л. 42–43.

⁴² Недорезов А. 10 лет работы Комиссии советских и чехословацких историков // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 181–186.

⁴³ См.: Улуян А.А., Матеев Борис. Десять лет работы Комиссии историков СССР и НРБ // Вопросы истории. 1978. № 11. С. 176–179.

⁴⁴ См.: Окладников А.П., Пах Ж.П. Международные связи советских историков. В советско-венгерской комиссии историков (1969–1976) // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 182–190.

⁴⁵ См.: Семенова Л.Е. Международные связи советских историков. В Комиссии историков СССР и Румынии // Вопросы истории. 1975. № 5. С. 184–187.

⁴⁶ См.: Писарев Ю.А., Сумарокова М.М. Международные связи советских историков: Комиссия историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 185–187.

Обращаясь к событиям, которые предшествовали созданию Комиссии историков СССР и ПНР, мы уделили главное внимание роли директивных органов, прежде всего ЦК ВКП(б), а позднее КПСС, и его отраслевых отделов в научных контактах между историками двух стран. Полное представление этого вопроса предусматривает вовлечение более широкого круга источников, в том числе свидетельств участников тех событий. Без всестороннего анализа, учета политической обстановки, источников другого уровня невозможна объективная реконструкция прошлого, и в частности истории создания и деятельности Комиссии СССР и ПНР.

Комиссия историков СССР и ПНР 1965–1968 годов: к истории основания

Полувековой юбилей Комиссии историков России и Польши — достойный повод, чтобы, обратившись к истории основания Комиссии, рассмотреть ее в контексте общественно-политической ситуации и развития исторической науки в Советском Союзе и Польской Народной Республике, воздать должное создававшим ее ученым, определившим задачи и важнейшие направления ее работы.

Источниковая база статьи основана на документальных материалах, отразивших научные связи советских и польских ученых, а также международную деятельность АН СССР в области исторических наук 1950-х — 1960-х годов. Большой частью они хранятся в Архиве Российской академии наук. К ним хотя и обращались исследователи советско-польских и российско-польских научных связей, но использованы они в области изучения сотрудничества российских и польских историков, очевидно, недостаточно. Важный комплекс документов хранится в Архиве российской части Комиссии историков России и Польши. Использованные в статье материалы, в частности по сотрудничеству с Польшей Управления внешних связей РАН за период 1965 г. — начала 2000-х годов, впервые вводятся в научный оборот. Также были привлечены источники из фундаментального издания «Документы и материалы по истории советско-польских отношений»¹, трудов польских и советских авторов, работавших с архивными материалами ЦК КПСС исследуемого периода. Некоторые из них имели непосредственное отношение к международному сотрудничеству, как, например, И.Н. Киселев и В.А. Виноградов. Другие принимали активное участие в деятельности советско-польской исторической комиссии: ученые секретари О. Вышомирска-Кузьминска, И.Б. Греков, Я. Шумский,

¹ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–12. М., 1963–1986.

члены Комиссии Т. Цесляк, Н.И. Бухарин, С.М. Фалькович и др. Отдельную группу составляли исследователи советско-польских научных связей, среди которых Е.В. Пилишек, Л.Д. Васильева, Е.А. Дудзинская и др.

К 1956–1957 гг. в странах — членах СЭВ завершилось формирование академий наук, которые стремились всесторонне развивать различные формы международного сотрудничества². Основой для расширения научных контактов и проведения совместных исследований на уровне институтов и отдельных коллективов стало соглашение 1957 г. о сотрудничестве на три года академий наук СССР и ПНР³, пролонгированное «без ограничения срока действия» 8 декабря 1960 г.⁴ Подобные соглашения, определившие «общие принципы

² См.: *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с академиями наук стран — членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974. С. 33.

³ См.: Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 687. Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской Академией наук на 1957 год. Микрофотокопия. 31 л. Соглашение на польском и русском языках. Публикации: Соглашение о научном сотрудничестве в 1957 году между Академией наук СССР и Польской академией наук от 27 марта 1957 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 11. Январь 1956 г. — декабрь 1960 г. М., 1983. С. 104–109 (соглашение было опубликовано без приложения); Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше). М., 2011. С. 13–52; Соглашение о культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой от 30 июня 1956 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 11. Январь 1956 г. — декабрь 1960 г. М., 1983. С. 44–47.

См. также: *Пилишек Е.В.* Советско-польское сотрудничество в области просвещения и науки 1944–1950 гг.: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1979; *Васильева Л.Д.* Советско-польское сотрудничество в области науки и высшего образования. 1945–1975 (на материалах Украинской ССР). Киев, 1981. С. 10–51.

⁴ См.: *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР... С. 132; *Bucharin M., Wyszomirska-Kuźmińska O.* Polsko-radziecka współpraca naukowa 1944–1986. Warszawa, 1987. S. 32; *Wyszomirska-Kuźmińska O.* Więzi humanistów polskich i radzieckich (1944–1980). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. S. 59–60.

сотрудничества <...> на эквивалентной безвалютной основе», были также подписаны с академиями наук Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Румынии, Чехословакии⁵.

Укреплять связи «советских историков с зарубежными историками <...> с их национальными комитетами в интересах развития исторической науки», способствовать расширению международного сотрудничества должен был Национальный комитет историков, основанный в 1956 г.⁶, а также созданные в 1958 г. комиссии по международным делам при Отделении истории и комиссии по международным научным связям при институтах⁷. Первые итоги проделанной работы были подведены на заседании Бюро Отделения исторических наук АН СССР от 10 ноября 1959 г. В принятом постановлении отмечалось, что была проделана большая работа: «созданы комиссии по международным научным связям, повышены требования к отчетам сотрудников, вернувшихся из загранкомандировки, стали более регулярно заслушиваться отчеты о поездках за границу». Наряду с достижениями, необходимо было «обратить внимание дирекций институтов

⁵ См.: *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР... С. 34.

⁶ См.: Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 128. Л. 82–86; Д. 255. Л. 132–137. См. также: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 106. Л. 26–51; Д. 472а. Л. 72–79.

⁷ В течение ноября–декабря 1958 г. институты: истории, этнографии, истории искусств, востоковедения, китаеведения, истории материальной культуры, славяноведения — отчитались перед Бюро Отделения исторических наук АН СССР о создании Комиссий по международным делам. В Институте славяноведения Комиссия была сформирована в следующем составе: «Председатель комиссии: зам. директора Института славяноведения АН СССР, кандидат исторических наук И.А. Хренов. Члены комиссии: старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР доктор филологических наук Д.Ф. Марков, старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР кандидат исторических наук Г.Э. Санчук, младший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР кандидат филологических наук Н.И. Толстой. Ученый секретарь комиссии: младший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР Ю.В. Богданов» (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 153. Л. 75, 142; Д. 190. Л. 13–17; Д. 93. Л. 108–109; Д. 94. Л. 101–102. См. также: *Дудзинская Е.А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978. С. 54–57).

на более тщательное изучение предварительной программы приезжающих иностранных ученых с тем, чтобы давать согласие на приезд лишь в том случае, если программа выполнима во всех ее пунктах». В постановлении дирекциям институтов предлагалось «усилить контроль за перепиской сотрудников Институтов с иностранными учеными и учреждениями, обратив особое внимание на эффективность этой переписки», а также «обратить внимание <...> на необходимость обеспечения выступлений командированных сотрудников в зарубежной печати по актуальным вопросам исторической науки. При обязательной консультации с дипломатическим представительством СССР»⁸.

1960-е годы стали периодом интенсификации многостороннего научного сотрудничества стран социалистического лагеря. С марта 1962 г. начали регулярно проводиться координационные совещания академий наук социалистических стран, участвующих в многостороннем научном сотрудничестве⁹. В сфере общественных наук представители академий наук и научных центров Болгарии, Венгрии, ГДР, ДР Вьетнам, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии участвовали в разработке «в зависимости от своей заинтересованности» истории Великой Октябрьской социалистической революции, занимались исследованиями современного империализма, а также вопросами идеологической борьбы в условиях сосуществования двух мировых систем¹⁰.

⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2003). Д. 191. Л. 95.

⁹ См.: *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР... С. 52, 172–181. Первое совещание проходило в Варшаве, второе — 24–31 марта 1963 г. в Эрфурте (ГДР), третье — 14–20 апреля 1964 г. в Софии, четвертое — 1–7 декабря 1965 г. в Москве, пятое — 18–23 сентября 1967 г. в Праге. См.: О совещании представителей академий наук социалистических стран // Вестник Академии наук СССР. 1962. № 6. С. 99–100; *Киселев И.Н.* Многостороннее сотрудничество академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. 1964. № 7. С. 98–99; *Виноградов В.А.* Многостороннее сотрудничество академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. 1966. № 2. С. 102–106.

¹⁰ См.: *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР... С. 181–186; *Дудзинская Е.А.* Международные научные связи советских историков. С. 82–92; Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 472. Л. 1–5, 7–9, 13–14, 21–30.

В 1963 г. планирование международных научных связей в области общественных и естественных наук было возложено на Академию наук СССР¹¹, которая, как и академии наук социалистических стран, включилась «в сотрудничество в рамках СЭВ»¹². На заседании Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР в декабре 1967 г. было признано «целесообразным расширение участия советских ученых в комплексных исследованиях, проводимых по планам международного научного сотрудничества», для чего предлагалось упростить процедуру оформления «зарубежных научных командировок»¹³.

С 1965 по 1968 г. были созданы четыре двусторонние комиссии историков СССР со своими коллегами из Польши, Чехословакии, Болгарии и Венгрии¹⁴. К началу 1960-х годов был накоплен положительный опыт работы Комиссии историков СССР и ГДР, созданной в 1957 г. под руководством академиков В.М. Хвостова и Лео Штерна¹⁵. 31 августа 1959 г. академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР академик Е.М. Жуков в письме в Отдел науки ЦК КПСС отмечал, что после создания Комиссии историков СССР и ГДР «в Отделение исторических наук и его учреждения поступили письменные и устные предложения от исторических учреждений и отдельных ученых других стран народной демократии о создании аналогичных комиссий. С такими предложениями, в частности, обращались историки

¹¹ См.: *Киселев И.Н.* Научное сотрудничество социалистических стран // Вестник Академии наук СССР. 1968. № 9. С. 29–30.

¹² *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР... С. 52.

¹³ См.: Архив РАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 81. Л. 169, 178.

¹⁴ См.: *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР... С. 33.

¹⁵ См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 59. Л. 2–7. Основными формами сотрудничества историков двух стран являлись: «совместные научные сессии, конференции и коллоквиумы, научные лекции и доклады, совместные публикации, взаимное участие историков одной страны в изданиях, публикуемых в другой стране, взаимное рецензирование опубликованных и готовящихся к печати работ, переводы книг и статей, обмен научными материалами и информацией» (Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 9).

Румынии, Чехословакии¹⁶, Польши и Венгрии. <...> Учитывая настойчивые просьбы историков социалистических стран о создании организационных ячеек, координирующих работу историков стран народной демократии и Советского Союза, Отделение исторических наук АН СССР считает целесообразным создание в Институте истории АН СССР специальных групп историков по контакту с соответствующими историческими учреждениями стран народной демократии со следующими ограниченными функциями: 1. Координация такого рода плановых научно-исследовательских работ, для наиболее успешного выполнения которых требуются совместные усилия историков СССР и других социалистических стран. 2. Взаимная информация о научной деятельности в области исторической науки». Созданные группы должны были «находиться при директоре Института истории и действовать под его непосредственным руководством и при контроле со стороны Бюро Отделения исторических наук»¹⁷.

Необходимость учреждения двусторонних комиссий, по мнению Академии наук СССР, являлась не только продолжением научных связей «историков Советского Союза с историками ряда европейских социалистических стран в форме совместных работ, проведения консультаций, работы в архивах стран-партнеров, обмена публикациями, участия в конференциях, съездах, симпозиумах и других научных мероприятиях», но и отвечала настоятельной потребности объединения усилий специалистов-историков, для изучения как взаимной, так и всемирной историй¹⁸. Однако «многообразии форм научного сотрудничества, многотемность, а также принадлежность ученых к различным учреждениям и ведомствам» затрудняли «координацию исследований», не способствовали концентрации «усилий ученых на разработке наиболее актуальных проблем». Кроме того, необходимо было уделить особое внимание и выработать ответные

¹⁶ См.: Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР // Советское славяноведение. 1967. № 6. С. 103–104.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 293. Л. 34–35.

¹⁸ См.: *Киселев И.Н.* Научное сотрудничество социалистических стран. С. 32.

меры расширявшимся контактам «историков европейских социалистических стран с буржуазными учеными», которые стремились «оказывать влияние на развитие исторической науки в этих странах». Создание двусторонних комиссий представляло «широкую возможность для проведения совместных обсуждений и выработки общих точек зрения советских историков и историков отдельных социалистических стран по наиболее важным и острым историческим проблемам, представляющим взаимный интерес», позволяло «усилить координацию работы советских историков по истории отдельных европейских социалистических стран, ведущуюся в разных учреждениях» Советского Союза. Академия наук СССР обращалась в ЦК КПСС с просьбой «разрешить ей дать положительный ответ на инициативу историков ряда европейских социалистических стран и образовать, наряду с существующей Комиссией историков СССР и ГДР, комиссии историков СССР и Болгарии, СССР и Венгрии, СССР и Польши, СССР и Югославии»¹⁹. Однако в первую очередь Академия просила разрешить создать советско-польскую историческую комиссию в связи с тем, что «между историками СССР и ПНР уже проведены предварительные переговоры»²⁰.

О необходимости создания советско-польской комиссии историков говорил во время своего приезда в СССР по приглашению Президиума Академии наук главный ученый секретарь Польской академии наук академик Генрик Яблонский. Насыщенная двухнедельная программа пребывания предусматривала посещение Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Историко-дипломатического управления

¹⁹ Комиссия историков СССР и Чехословакии была создана в 1966 г., СССР и Польши — в 1967 г., СССР и Болгарии — в 1968 г., СССР и Венгрии — в 1968 г. См.: *Киселев И.Н.* Научное сотрудничество социалистических стран. С. 32. См. также: *Валев Л.Б., Гришина Р.П.* Начало работы Комиссии историков СССР и Болгарии (заседание в Софии) // Вестник АН СССР. 1968. № 12. С. 96–97. Как отмечалось в предыдущей статье настоящего издания (автор Я. Шумский), датировка образования комиссии отличается в разных источниках и работах отдельных авторов.

²⁰ Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21.

Министерства иностранных дел, чтение лекций в Институте славяноведения АН СССР, обществе «Знание», Институте истории АН УССР²¹. 21 января 1965 г. «в Отделении истории Академии наук СССР состоялась беседа Г. Яблонского с видными советскими историками академиками Е.М. Жуковым, В.М. Хвостовым, И.И. Минцем, членами-корреспондентами АН СССР А.А. Губером и В.И. Шунковым», во время которой наряду с обсуждением важных для двустороннего сотрудничества научных и научно-организационных вопросов «было признано целесообразным создание Комиссии историков СССР и ПНР». Была достигнута «договоренность, что в состав Комиссии от каждой стороны должны войти историки, представляющие как академические, так и неакадемические учреждения, в первую очередь высшие учебные заведения», что позволило бы «Комиссии координировать все формы научных связей между историками СССР и ПНР»²².

29 апреля 1965 г. на заседании Бюро Отделения истории АН СССР был утвержден состав Бюро Комиссии историков СССР и ПНР, в который вошли: академик Б.А. Рыбаков, чл.-корр. АН СССР В.И. Шунков, к.и.н. И.А. Хренов, д.и.н. В.Т. Пашуто, к.и.н. И.С. Миллер и к.и.н. В.А. Дьяков (ученый секретарь)²³. На Бюро была возложена задача организации Комиссии.

Состав польской части Комиссии историков СССР и ПНР во главе с профессором доктором Генриком Ловмянским в

²¹ Г. Яблонским были прочитаны лекции: «Современное состояние и актуальные задачи польской исторической науки» (20 января); «Изучение Великой Октябрьской социалистической революции в Польше» (21 января) и сделан доклад, посвященный «позиции консервативных кругов польского общества и политических партий накануне и во время майского переворота 1926 г.» (27 января). Эти выступления стали основой публикаций в журнале «Советское славяноведение». См.: Советское славяноведение. 1965. № 3. С. 136–138; № 4. С. 50–61. См. также: *Ильин В.И.* Пребывание в СССР зарубежных ученых // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 4. С. 95).

²² Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Л. 1–2; Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 496. Л. 5–6. См. также: *Ильин В.И.* Пребывание в СССР зарубежных ученых. С. 95.

²³ См.: Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15; Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1(1953–2002). Д. 485. Л. 38.

июле 1965 г. сообщил начальнику Отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР И.Н. Киселеву начальник Бюро научного сотрудничества с заграницей Е. Грановский. Членами Комиссии стали: директор Генрик Альтман, профессор доктор Людвик Базылев, генерал Бронислав Бэднаж, профессора доктора: Тадеуш Данишевский, Тадеуш Цесляк, Витольд Гензель, Леон Гросфельд, Стефан Кеневич, Казимеж Маевский, доцент Збигнев Вуйцик, Анджей Верблян²⁴.

5 октября 1965 г. заместитель ученого секретаря ПАН академик И. Малецкий в письме в Президиум АН СССР отмечал, что «в результате ряда бесед между советскими и польскими историками образовалась историческая советско-польская комиссия с целью обеспечения постоянного и планового сотрудничества в области исторических исследований». Далее в письме говорилось о том, что «во время последней встречи в Варшаве с проф. Рыбаковым, участвовавшим в Конгрессе славянской археологии²⁵, возник проект организации собрания Комиссии в полном составе в Москве во второй половине ноября мес[яца] т[екущего] г[ода], во время которого можно было бы установить формы и календарный план работ Комиссии». Как и в предшествующем послании, был назван тот же состав польской части Комиссии²⁶.

В ответном письме академику И. Малецкому в октябре 1965 г. заместитель ученого секретаря Президиума Академии наук СССР В.А. Виноградов писал, что «вопрос о создании советско-польской исторической комиссии рассматривается нашими учеными. По-видимому, встречу советских и польских историков было бы целесообразно перенести на первое полугодие 1966 года». Далее отмечалось, что

²⁴ См.: Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 3

²⁵ Конгресс проходил 14–18 сентября 1965 г. в Варшаве. Советский Союз «на конгрессе представляла большая делегация под руководством директора Института археологии Академии наук СССР академика Б.А. Рыбакова» (*Третьяков И.Н.* Конгресс по славянской археологии в Варшаве // Вестник АН СССР. 1966. № 2. С. 127–129. См. также: Конгресс археологов-славистов в Варшаве // Советское славяноведение. 1966. № 3. С. 107–111).

²⁶ См.: Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 13

«о персональном составе советской части Комиссии» будет сообщено дополнительно²⁷.

14 октября 1965 г. постановлением Бюро Отделения истории Академии наук СССР был одобрен состав советской части Комиссии. Председателем был назначен академик Б.А. Рыбаков; заместителем председателя к.и.н. И.А. Хренов (Институт славяноведения АН СССР), ученым секретарем к.и.н. В.А. Дьяков (Институт славяноведения АН СССР); членами бюро: к.и.н. И.С. Миллер (Институт славяноведения АН СССР), д.и.н. В.Т. Пашуто (Институт истории АН СССР), чл.-корр. АН СССР В.И. Шунков (отделение истории АН СССР). Среди двадцати членов комиссии наряду с учеными столичных академических институтов были представители Молдавии, Литвы и Украины, члены Общества советско-польской дружбы, сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления, Московского и Львовского государственных университетов. В состав Комиссии вошли: д.иск. И.Ф. Бэлза (Институт славяноведения АН СССР), д.и.н. И.И. Костюшко (Институт славяноведения АН СССР), д.и.н. В.Д. Королюк (Институт славяноведения АН СССР), к.и.н. А.Я. Манусевич (Институт славяноведения АН СССР), к.и.н. И.Б. Греков (Институт славяноведения АН СССР), к.филос.н. Б.Ф. Стахеев (Институт славяноведения АН СССР), д.и.н. Л.С. Гапоненко (зам. директора Института истории АН СССР), д.и.н. Л.М. Иванов (Институт истории АН СССР), д.и.н. А.Ф. Смирнов (Институт истории АН СССР), к.и.н. Ю.А. Поляков (Институт истории АН СССР), к.и.н. К.Н. Тарновский (Институт истории АН СССР), к.и.н. У.А. Шустер (Ленинградское отделение Института истории), ген. С.Г. Поплавский (зам. председателя Центрального правления Общества советско-польской дружбы), к.и.н. А.А. Соловьев (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), к.и.н. К.С. Кузнецова (Главное архивное управление), к.и.н. Ф.П. Шевченко (АН Украинской ССР), чл.-корр. АН Молдавской ССР Е.М. Русеев (АН Молдавской ССР), академик Ю.И. Жюгжда (АН Литовской ССР), д.и.н. Г.А. Новицкий (Московский государственный

²⁷ См.: Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

университет), д.и.н. Д.Л. Похилевич (Львовский государственный университет)²⁸.

1966 год проходил под знаком празднования 1000-летия польского государства и подготовки к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции²⁹. Проведение торжественных мероприятий, приуроченных к столь важным в истории Советского Союза и Польши датам, могло на некоторое время затормозить процесс формирования советской части Комиссии. Параллельно вопрос о создании Комиссии рассматривался в ЦК КПСС. Положительное решение инстанций последовало в начале 1967 г., о чем 17 февраля начальник Отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР И.Н. Киселев сообщил в Секцию общественных наук³⁰.

Состав советской части Комиссии историков СССР и ПНР рассматривался на заседании Бюро Отделения истории АН СССР 21 марта 1967 г.³¹, а 10 мая 1967 г. он был утвержден Секцией общественных наук Президиума АН СССР. Председателем советской части Комиссии стал академик Б.А. Рыбаков. В Комиссию вошли: Ю.И. Жюгжда (академик АН Литовской ССР, зам. председателя), И.А. Хренов (доктор исторических наук, Институт славяноведения АН СССР), И.Ф. Бэлза (доктор искусствоведческих наук, Институт

²⁸ См.: Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19. В Архиве РАН в протоколе № 20 заседания Бюро Отделения истории АН СССР от 14 октября 1965 г. перечислен тот же состав Комиссии, что и в документах Архива Комиссии. Вместо В.А. Дьякова ученым секретарем отмечен И.Б. Греков. Карандашом вычеркнуты фамилии Стахеев Б.Ф. и Соловьев А.А. В состав Комиссии включили к.и.н. Мелешко В.И. — АН Белорусской ССР. См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 486. Л. 48–49, 53.

²⁹ См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 510. Л. 8–13; Стенограмма научной сессии, посвященной 1000-летию Польского государства // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 508. Л. 122; В честь 1000-летия Польского государства // Вестник АН СССР. 1966. № 12. С. 7–9; *Цесляк Т.* Польская наука к 50-летию Великой Октябрьской революции // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 99–102.

³⁰ См.: Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

³¹ См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 527. Л. 69.

славяноведения АН СССР), В.А. Дьяков (доктор исторических наук, Институт славяноведения АН СССР), В.Д. Королюк (доктор исторических наук, Институт славяноведения АН СССР), И.С. Миллер (доктор исторических наук, Институт славяноведения АН СССР), И.Б. Греков (кандидат исторических наук, Институт славяноведения АН СССР, секретарь), Л.С. Гапоненко (доктор исторических наук, Институт истории АН СССР), А.Ф. Смирнов (доктор исторических наук, Институт истории АН СССР), А.А. Сидоров (чл.-корр. АН СССР, Институт истории искусств), Д.М. Кукин (чл.-корр. АН СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), К.С. Кузнецова (кандидат исторических наук, Главное архивное управление), Н.В. Каменская (чл.-корр. АН Белорусской ССР), Ф.П. Шевченко (кандидат исторических наук, Институт истории АН Украинской ССР)³²

8 июня 1967 г. Борис Александрович Рыбаков в письме к Генрику Константиновичу (Ловмянскому. — *Л.М.*) писал, что «в начале мая [его] г[ода] решением Президиума АН СССР была сформирована советская часть Комиссии историков СССР и ПНР. <...> Теперь, когда укомплектованы обе части польско-советской исторической комиссии, нам надлежит организовать встречу польских и советских представителей этой Комиссии с тем, чтобы определить общее направление нашей совместной работы, наметить комплекс конкретных проблем, который мог бы представлять наибольший интерес для ученых обеих стран, установить организационные формы дальнейшего сотрудничества»³³.

Осенью 1967 г. в Польшу для участия в юбилейной сессии Польской академии наук, посвященной 50-летию Октябрьской революции, были направлены советские историки во главе с академиком Б.А. Рыбаковым³⁴. На следующий день, после завершения конференции, проходившей в Варшаве 23–24 ноября, под председательством профессора Генрика Ловмянского состоялось совместное заседание

³² См.: Архив РАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 81. Л. 91; Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 27; Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 532. Л. 41.

³³ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 532. Л. 41.

³⁴ См. там же. Л. 53; Д. 533. Л. 8–9, 18–19.

польской и советской частей Комиссии. С польской стороны приняли участие: Г. Ловмянский, Л. Базылев, Т. Цесляк, Т. Данишевский, Ю. Ковальский, В. Гензель и Л. Гросфельд. Советскую сторону представляли: Б.А. Рыбаков, И.А. Хренов, И.Б. Греков, И.С. Миллер, В.А. Дьяков, Ф.П. Шевченко и Н.В. Каменская. Обсуждались предложения к плану научного сотрудничества, программа дальнейшей деятельности комиссии, календарный план на 1968–1971 гг.³⁵

Для решения основных задач, которые были поставлены перед Комиссией историков СССР и ПНР: расширение «представлений о важнейших узловых проблемах всего восточноевропейского исторического процесса», преодоление «исторически не оправдавших себя старых концепций», сложившихся «в польской и отечественной историографии XIX — начала XX в.», но оказавшихся «живучими в <...> более позднее время», предполагалось проводить научные конференции, «на которых советским и польским историкам предстояло рассматривать важные проблемы средневековой истории <...> а также весьма существенные вопросы исторического развития» народов двух стран «Новое и Новейшее время»³⁶.

В соответствии с планом работы Комиссии первая конференция, посвященная проблемам историографии двух стран с древнейших времен до начала XX в., прошла в Москве 10–12 июня 1968 г. в Институте славяноведения АН СССР³⁷. Во время подготовки конференции председатель советской части Комиссии Б.А. Рыбаков в мае 1968 г. писал в ЦК КПСС, что «целью предстоящей конференции (симпозиума), судя по предварительным переговорам с польской стороной, должно стать подведение итогов проделанной работы польскими историками за последние два десятилетия по истории СССР и истории взаимоотношений наших

³⁵ См.: *Skrzypek A.* Obrady polsko-radzieckiej Komisji historycznej // *kwartalnik Historyczny.* 1968. № 2. S. 507–508.

³⁶ Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 357–359.

³⁷ См.: *Греков И.Б.* Встреча польских и советских историков (Конференция в Москве) // *Вестник АН СССР.* 1968. № 12. С. 92–95.

народов с древнейших времен до начала XX в., а также тому, что было сделано советскими исследователями в области изучения исторического прошлого Польши и истории взаимоотношений наших стран за указанный период. Такая задача симпозиума предполагает и другую его задачу — выявление недостаточно изученных, а вместе с тем и важных с научно-политической точки зрения проблем исторического прошлого народов СССР и Польши. Реализация этих задач может придать большую целенаправленность дальнейшей исследовательской работе как советских историков-полонистов, так и польских историков, изучающих историю СССР, а вместе с тем, возможно, внесет те или иные уточнения в планы дальнейшего научного сотрудничества ПАН и АН СССР». Предполагалось заслушать доклады проф. Г. Ловмянского, проф. М. Танты, В.Д. Королюка, И.Б. Грекова, И.Ф. Бэлзы. Из-за болезни И.С. Миллера доклад «Труды советских историков по истории Польши XIX — начала XX в.» готовили В.А. Дьяков, И.И. Костюшко, А.Ф. Смирнов. Планировались сообщения «представителя Главного архивного управления ПНР», «представителя ГАУ при СМ СССР», «содоклады или сообщения представителей Киева, Минска и Вильнюса о вкладе историков Украинской, Белорусской и Литовской ССР в разработку истории Польши, а также истории взаимоотношений наших стран», выступления в прениях сотрудников «Института славяноведения, Института археологии, Института истории, Института этнографии, Исторического факультета МГУ и др[угих] советских научных учреждений». Академик Рыбаков отмечал, что «судя по присланному докладу проф. Г. Ловмянского, польская сторона стоит на платформе исторического материализма, на позициях отказа от традиций реакционной историографии старой, довоенной Польши». Кроме того, Борис Александрович обращал внимание, что «советская часть Комиссии считает нужным предусмотреть публикацию материалов» предстоящего симпозиума, «поскольку во время первого заседания Комиссии историков СССР и ПНР (ноябрь 1967 г.) было признано желательным публиковать материалы совместных научных конференций», а также «отметить пребывание видных польских историков в Москве», так как «во время прошлогоднего заседания польско-советской исторической комиссии в Варшаве

Польская академия наук организовала прием советских и польских историков»³⁸.

Польскую сторону на конференции представляли председатель Комиссии профессор Г. Ловмянский, члены Комиссии: Л. Базылев, Т. Цесляк, В. Гензель, К. Маевский, З. Вуйцик, М. Танты, А. Скшипек; советскую — председатель Комиссии академики Б.А. Рыбаков и А.А. Губер. В заседаниях принимали участие И.Ф. Бэлза, И.А. Хренов, В.А. Дьяков, И.Б. Греков, А.П. Грицкевич, В.Д. Королюк, К.С. Кузнецова, А.Я. Манусевич, Г.А. Новицкий, А.И. Рогов, А.Ф. Смирнов, Ф.П. Шевченко, Ю.И. Жюгжда и др.

С докладами выступили: профессор Г. Ловмянский — «История народов СССР и польско-русских отношений (до конца XVIII в.) в историографии Народной Польши», М. Танты — «История России, советско-польских отношений XIX–XX вв. в историографии Народной Польши», В.Д. Королюк — «Проблематика истории Польши до середины XIV в. в советской литературе», И.Б. Греков — «История Польши XV–XVIII вв. в трудах советских историков», А.Ф. Смирнов — «Проблемы истории Польши и польско-русского революционного сотрудничества в новейших трудах советских ученых», И.Ф. Бэлза — «Изучение польской культуры в трудах советских исследователей».

Достижения «советских исследователей в изучении русско-польских революционных связей в первой половине XIX в.» охарактеризовал в своем сообщении В.А. Дьяков. А.Я. Манусевич рассмотрел «комплекс советских работ по истории русско-польских революционных связей в начале XX в., обратив особое внимание на раскрытие роли В.И. Ленина в установлении русско-польского революционного союза», изучение совместной борьбы польского и российского пролетариата в этот период. Большой интерес вызвал доклад К.С. Кузнецовой «Роль советских архивов в создании источниковедческой базы для изучения истории Польши и советско-польских отношений», посвященный проблемам «использования историками архивных фондов». И.А. Хренов и Т. Цесляк проинформировали собравшихся

³⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 547. Л. 7–9.

«о ходе подготовки советских и польских историков к съезду славистов», который «должен был пройти в августе 1968 г. в Праге». Академик А.А. Губер и профессор Т. Цесляк сообщили «о подготовительных мероприятиях к конгрессу историков в Москве в августе 1970 г.»³⁹.

Закрывая конференцию, академик Рыбаков «выразил убеждение в том, что возникшая недавно Комиссия историков СССР и Польши будет содействовать дальнейшей интенсификации нашей совместной работы, а вместе с тем и дальнейшему развитию славяноведческой науки в наших странах»⁴⁰.

Результаты работы конференции 1968 г. нашли отражение в первом сборнике трудов Комиссии историков СССР и ПНР «Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии», который был опубликован в Москве в 1969 г. Эта небольшая книга положила начало одной из добрых традиций — публикации материалов прошедших очередных и внеочередных конференций. Таким образом, в своей последующей работе двусторонняя комиссия, несмотря на трудности политического и финансового характера, стремилась проводить регулярные научные конференции, а также реализовывать, в большинстве случаев довольно успешно, предложения Отделения исторических наук АН СССР, высказанные еще в 1958 г., о необходимости «издания материалов конференций, сессий с участием иностранных ученых в СССР и международных конференций, в которых принимают участие советские ученые», а также «систематически издавать (на ротаторе) отчеты ученых, в

³⁹ Греков И.Б., Заборовский Л.В., Флоря Б.Н. Конференция историков СССР и ПНР по вопросам историографии // Советское славяноведение. 1968. № 6. С. 124–125; Фалькович С.М. Краткий обзор выступлений по докладам // Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии. М., 1969. С. 219–228. См. также: Skrzypek A. Stosunki polsko-radzieckie // Kwartalnik Historyczny. 1968. № 4. S. 1013–1014.

⁴⁰ Греков И.Б., Заборовский Л.В., Флоря Б.Н. Конференция историков СССР и ПНР по вопросам историографии. С. 124–125; Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 65. См. также: Bucharin M., Wyszomirska-Kuźmińska O. Polsko-radziecka współpraca naukowa 1944–1986. S. 40, 73–75; Wyszomirska-Kuźmińska O. Więzy humanistów polskich i radzieckich (1944–1980). S. 130–132.

которых бы освещались результаты работы за рубежом, а также материалы международных и национальных конгрессов, конференций, совещаний»⁴¹.

Таким образом, создание Комиссии историков СССР и ПНР происходило в два этапа: первый — январь–июль 1965 г., когда была учреждена польская часть Комиссии, и второй — октябрь 1965 — ноябрь 1967 г. — период формирования составов советской части Комиссии и проведение первого совместного заседания 25 ноября 1967 г. в Варшаве⁴².

Сотрудничество с социалистическими странами и проблемы, которые обсуждали ученые на совместных конференциях, рассматривались на заседаниях Бюро Отделения истории АН СССР. После того как на заседании 29 октября 1968 г. обсуждался вопрос «о проблематике сотрудничества с социалистическими странами» было принято постановление, в котором поручалось «институтам совместно с научными советами и двусторонними комиссиями историков в кратчайший срок уточнить проблематику сотрудничества, имея в виду в первую очередь разработку общих методологических, наиболее актуальных проблем исторической науки». Признавалась важность дифференцированного подхода «к сотрудничеству с отдельными социалистическими странами, учитывая особенности развития науки в каждой из этих стран»⁴³. О том,

⁴¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 89. Л. 77–78.

⁴² 1967 год как год основания Комиссии историков СССР и ПНР отмечал и И.Б. Греков, рассказывая о встрече ученых в Москве в 1969 г. См.: *Греков И.Б. Встреча польских и советских историков...* С. 92. Эту же дату называл Б.А. Рыбаков в предисловии сборника, подготовленного по материалам конференции, прошедшей в Киеве 23–28 июня 1969 г. «Созданная в 1967 г. Комиссия историков СССР и Польши, — отмечал он, — начала свою работу научной конференцией (Москва, 1968 г.), посвященной проблемам историографии и определению степени изученности разных периодов истории наших стран» (*Рыбаков Б.А. Предисловие // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969 г. Киев, 1972. С. 3*). «Комиссия историков СССР и Польши формируется», — отмечалось в 1965 г. в справке об участии ученых Отделения истории АН СССР в международных организациях, не входящих в состав МКИН. См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 496. Л. 162.

⁴³ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 544. Л. 43.

что «определение научных проблем сотрудничества с социалистическими странами на предстоящее пятилетие» является главной задачей институтов, отмечалось и на заседании Бюро Отделения 15 апреля 1969 г.⁴⁴

Как показала практика, в Польше решение организационных вопросов не требовало так много времени, как в Советском Союзе. Примером может служить письмо от 17 апреля 1957 г. в Отдел науки ЦК КПСС об улучшении работы Иностранного отдела АН СССР. Несмотря на то что описываемые в нем события произошли менее чем за десять лет до создания Комиссии, это послание иллюстрирует неторопливость в принятии решений советскими партийными органами. В письме, в частности, говорилось, что «во время пребывания в Польше в 1956 г. д.и.н. Б.Н. Заходера и во время приезда в СССР чл.-корр. Польской академии наук А. Зайончковского выяснилась желательность совместного издания персидских и арабских источников по истории славян. Когда приступили к практическому организационному осуществлению этого мероприятия в Польше, все было решено за 10–12 дней». В Советском Союзе «к удивлению поляков, решение вопроса заняло более 2 месяцев»⁴⁵.

Тем не менее стремление историков двух стран объединиться в рамках двусторонней Комиссии помогло преодолеть все сложности и позволило создать проект, пятидесятилетняя реализация которого показала его жизнеспособность и востребованность.

⁴⁴ См.: Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1 (1953–2002). Д. 560. Л. 27.

⁴⁵ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 85. Л. 13.

Исследования по истории народного просвещения в трудах Комиссии историков Польши и России

Обзор исследований по истории просвещения за пятидесятилетний период деятельности Комиссии историков Польши и России связан с целым рядом проблем. Прежде всего, это вопросы методологии, от которых во многом зависит и оценка научных достижений Комиссии. Несомненно, следует принимать во внимание доклады, сделанные на ее регулярно проводящихся конференциях. С одной стороны, они информируют о тех направлениях, которые разрабатываются в обеих странах, подводят итоги определенным этапам ведущихся в них исследований и позднее, как правило, публикуются в виде статей в сборниках материалов этих конференций. Однако можно — и, вероятно, это будет вполне правильно — расширить круг рассматриваемых исследований и включить в него и другие научные достижения членов Комиссии, видя в них эффект воздействия сотрудничества, осуществляемого в рамках ее работы. Необходимо подчеркнуть, что деятельность Комиссии не сводится только к проведению официальных регулярных заседаний, но она также плодотворна и в другом отношении, что является результатом постоянно поддерживающихся научных контактов и неформального общения российских и польских историков — как членов Комиссии, так и тех, кто просто принимает участие в ее работе¹. Это отмечал уже профессор Людвик Базылев, бывший на протяжении многих лет (1972–1985) ее председателем. В 1980 г. он писал: «Цели Комиссии не ограничиваются исключительно проведением регулярных

¹ См.: *Zasztowt L. Profesor Juliusz Bardach w Komisji Historyków Polskiej i Rosyjskiej Akademii Nauk (w kontekście jego twórczości i zainteresowań badawczych)* // *Akademie Nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* / Red. L. Zasztowt. Warszawa, 2013. S. 322.

заседаний и так называемых рабочих встреч; они идут намного дальше, включая стимулирование разработки новой проблематики и различного рода координацию уже ведущихся научных исследований»².

Однако, если учитывать все труды по проблематике истории просвещения (включая и затрагивающие ее частично), которые появились за последние 50 лет и которые можно отнести к польско-советскому, позднее польско-российскому научному сотрудничеству, — созданные при содействии Комиссии, при ее поддержке или по ее инициативе, это был бы огромный объем, и вряд ли он мог быть охвачен одной статьей.

Еще один вопрос также методологического характера, он обусловлен общностью проблематики истории просвещения и истории науки и культуры, как, например, в случае если историк занимается изучением творческой деятельности ученых, являвшихся в то же время и профессорами различных высших учебных заведений, и их научная работа была тесно связана с преподавательской. Расплывчатость границ между этими двумя отраслями науки ведет к тому, что чрезвычайно сложно провести четкую линию раздела между исследованиями, посвященными истории просвещения, и исследованиями, относящимися к сфере истории науки и культуры. Случалось и так, что вопросы, касавшиеся истории просвещения, поднимались и в некоторых работах, основным содержанием которых была иная проблематика, например политическая или социальная история, и, хотя они не играли в них первостепенной роли, иногда интерпретировались интересным образом, так как рассматривались на широком многоуровневом историческом фоне. Следовательно, эти работы также необходимо принимать во внимание при обзоре исследований по истории просвещения.

При столь широком подходе к обзору всех аспектов изучения истории образования, какие встречаются в трудах ученых, сотрудничающих на протяжении 50 лет с Комиссией польских и российских историков, результат совместных исследований в определенной мере будет преувеличен. Поэтому

² *Bazyłow L. Wstęp // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 7.*

необходимо оговорить два предостережения: *во-первых*, в данной статье преимущественное внимание будет сфокусировано на вопросах истории просвещения, которые были представлены в выступлениях на официальных заседаниях (с упоминанием также других опубликованных работ докладчиков по данной проблематике), а *во-вторых*, они будут указаны с учетом основных направлений деятельности Комиссии и общих научных задач, которые она ставила.

Просмотр названий более чем десятка конференций, прошедших на протяжении 1968–2016 гг. (хотя Комиссия была образована в 1965 г., первый симпозиум прошел только в 1968 г. в Москве), на первый взгляд не создавал впечатления, что среди выступлений часто будут представлены доклады по истории образования в широком понимании этой проблематики. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что состоялось лишь немного научных встреч, на которых не было представлено хотя бы одно выступление, затрагивавшее какой-либо аспект истории просвещения, несмотря на то что конференция была посвящена другим вопросам. В качестве примера можно привести конференцию 1998 г., называвшуюся «Польша—Россия. Роль национальных восстаний в формировании представлений друг о друге» (Варшава, 1999), на которой выступила Янина Волчук из Вроцлавского университета с докладом «Польско-русские отношения на страницах школьных учебников для польской молодежи на “забранных” землях». Можно добавить, что это был фрагмент ее исследования, полностью опубликованного в 2005 г. в виде монографии «Россия и русские в школах Королевства Польского. 1833–1862. Очерки» («Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego. 1833–1862. Szkice do obrazu»). Другим примером может служить одна из последних конференций (2013 г.) под названием «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши», на которой Иоанна Шиллер-Валицка представила доклад «Влияние Январского восстания на состояние университетского образования в Царстве Польском».

Тематику проводившихся регулярно научных заседаний Комиссии можно поделить на две основные группы: к первой следует отнести темы, являвшиеся данью господствовавшему строю и правительственным установкам в сфере

польско-советских отношений. Интересно отметить, что этих тем не было на начальной стадии работы Комиссии, а также и в 1980-е годы. На это обратил внимание председатель Комиссии с польской стороны Лешек Заштовт в своем выступлении в 2011 г., посвященном жизни и деятельности одного из своих предшественников на этом посту — профессора Юлиуша Бардаха, председателя польской части Комиссии в 1986–1996 гг. Он привел слова Бардаха, вспоминавшего, что в 1980-е годы, после введения военного положения в Польше, тематика работы Комиссии претерпела заметные изменения в идеологическом плане, и, по его мнению, это был один из труднейших периодов существования исторической науки в Польше³. Для иллюстрации этого направления в работе Комиссии можно привести названия нескольких ее заседаний: «Революционное рабочее движение в борьбе за дружбу обоих народов» (Варшава, 1969); «Столетие со дня рождения В.И. Ленина» (Краков, 1970); «Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Изменения в структуре рабочего класса СССР и Польши в период строительства социализма и коммунизма» (Москва, 1977); «Столетие партии “Пролетариат” и совместные традиции борьбы народов России и Польши» (Варшава, 1982); «Семидесятилетие Великого Октября» (Минск, 1987). Необходимо, однако, подчеркнуть, что подобных конференций было немного, причем и на них были доклады, не связанные напрямую с заранее объявленной темой конференции или имевшие идеологически нейтральный характер.

Ко второй группе принадлежит тематика подавляющего большинства остальных конференции. Она была идеологически нейтральной, что давало возможность представлять на них детальные исследования в области польско-российских отношений в различных сферах политической, общественной и научно-культурной жизни.

Среди тем 40 конференций, проведенных Комиссией, наиболее часто (шесть раз) встречались следующие формулировки: «Польско-российские отношения в сфере культуры», «Польско-российские культурные и научные связи», а

³ См.: *Zasztowt L. Profesor Juliusz Bardach w Komisji Historyków Polskiej i Rosyjskiej Akademii Nauk. S. 330.*

также достаточно широкие темы, в которых значительное место занимала тематика по истории образования. Она затрагивалась даже в ходе конференций, посвященных иным проблемам.

Анализ названий и содержания выступлений на конференциях позволяет выделить некоторые общие вопросы, поднимавшиеся Комиссией в рамках изучения истории просвещения. Среди них можно наметить три главных направления.

1. История университетов и других высших учебных заведений в России и на польских землях с конца XVIII до XX в., а в рамках этой темы: история организационных структур этих заведений, их научная и учебная жизнь, а также культурная, политическая и общественная деятельность лиц, с ними связанных (в частности, их студентов и преподавателей), а если брать шире — роль и значение польской интеллигенции в России и российской — на польских землях, а также взаимные связи и влияние в сфере науки, просвещения и культуры. Это исследовательское направление, несомненно, было наиболее широко представлено в работах Комиссии.

2. История начальной школы, главным образом среднего образования, а также общего и специального, особенно в Королевстве Польском и западных губерниях Российской империи, — их организация, ученики, учителя, программы обучения.

3. И наконец, третье направление, которое появилось в работе Комиссии относительно поздно, примерно с того времени, как в 1996 г. руководство Комиссией с польской стороны перешло к профессору Виктории Сливовской. Именно тогда в круг интересов Комиссии прочно вошла проблематика по истории польских ссыльных в Сибири и других регионах Российской империи, включая аспект их просветительской деятельности. В 1996 г. в Москве состоялась конференция под названием «Культурные связи России и Польши XI–XX вв.», на которой В. Сливовска и Барбара Ендрыховска представили совместный доклад «Просветительно-культурная деятельность польских ссыльных в Сибири в XIX в.». В докладе подчеркивалось, что хотя уже много раз писали о большом вкладе польских ссыльных в развитие Сибири, однако

главным образом речь шла об известных деятелях и оставались в забвении люди обыкновенные, но чей коллективный вклад также способствовал росту просвещения и культуры в Сибири. Опираясь на многолетние исследования, основанные на источниках, главным образом на письмах и дневниковых записях ссыльных, выступавшие утверждали, что каждый из ссыльных, кто окончил гимназию или тем более университет, знал иностранные языки, или играл на каком-нибудь музыкальном инструменте, или же умел танцевать, являлся для местных чиновников и зажиточных обывателей ценным человеком, знаниями и умениями которого можно было воспользоваться. Нанимая ссыльных учителями, они доверяли им образование своих детей. Там, где не доставало школ всех типов, учителями служили не только мужчины, но также и их жены и невесты, приехавшие к своим близким в ссылку. И хотя во второй половине XIX в., когда после Январского восстания ссылка стала массовым явлением, Министерство народного просвещения издало строгий запрет, касавшийся обучения детей ссыльными поляками, их преподавательская деятельность продолжалась, но приобрела тайный характер. В конце доклада был поставлен вопрос о необходимости продолжения исследований в этой области, поскольку культурно-просветительская деятельность ссыльных поляков является важным фактором, позволяющим понять, чем был феномен «польская Сибирь» в истории обоих народов ⁴.

В следующем году (1997) в Казани прошла конференция на тему «Польская ссылка в России XIX–XX веков», на которой было зачитано несколько докладов, посвященных вопросам, связанным с историей образования, в том числе два выступления (одно — польского ученого из Познани Ежи Боровчика и второе — российского, О. Любимовой из Оренбурга), касавшиеся ссыльных филоматов, в круг интересов которых входили вопросы просвещения и преподавания. (В скобках можно упомянуть опубликованную в начале 1990-х годов прекрасно написанную на основе архива филоматов статью

⁴ См.: *Ендрыховска Б., Сливовска В.* Просветительско-культурная деятельность польских ссыльных в Сибири в XIX в. // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. (Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.) М., 1998. С. 110–127.

«Споры филоматов о профессии учителя» Ирены Шибяк, тесно сотрудничающей с Калиной Бартницкой, которая издавна принимает участие в конференциях Комиссии⁵.) На конференции в Казани также говорилось о польских ссыльных — студентах Виленской медико-хирургической академии (Е.В. Микашкина)⁶. Проблематика ссыльных в ее различных аспектах, в том числе и образовательном, до настоящего времени продолжает оставаться одним из главных направлений работы Комиссии. Достаточно упомянуть, что среди сформулированных несколько лет назад профессором В. Сливовской тем сотрудничества между ПАН и РАН одной из шести была предложена тема «Польские ссыльные в Российской империи»⁷.

Возвращаясь к начальному этапу научного сотрудничества польских и российских историков, нужно отметить, что проблематика исследований по истории просвещения и образования не была запланирована в первом, подписанном в марте 1957 г. соглашении о совместной научной работе между двумя Академиями наук. Среди проблематики, предложенной советской стороной, не было предусмотрено ни одной темы этого направления⁸. История просвещения не была также выделена как отдельная тема и в научных планах созданной в 1965 г.

⁵ См.: *Szybiak I. Filomackie dyskusje o zawodzie nauczycielskim // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 1991. T. 34. S. 15–30.*

⁶ См.: Архивум Instytutu Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajerów PAN (далее — AIHN). Materiały Komisji Historyków PAN i РАН, program konferencji «Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. 8–12 сентября 1997 г., Казань», к. nlb. (листы не пронумерованы).

⁷ См.: AIHN. Materiały Komisji, Tematy do projektu o współpracy PAN i РАН, не датировано (приблизительно 2007–2008 гг.), к. nlb.

⁸ Среди предложенных тем по истории были следующие: Совместное издание документов и материалов Польского восстания 1863 г.; «Народы Центральной и Восточной Европы» (том серии «Народы мира»); «Революционное движение в России весной и летом 1905 года» (сборник документов); «Революционное движение в России в 1906 году»; Кельтские влияния на юге Польши. См.: Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 41–42, 47.

Комиссии историков Польской академии наук и Академии наук СССР (под таким названием она существовала до 1992 г.).

Как свидетельствуют сохранившиеся документы, формально эта проблематика впервые возникла в плане работы, намеченном на 1986–1990 гг. Она была предложена председателем польской части Комиссии профессором Ю. Бардахом. Среди тем исследований, которые должны были стать также и темами очередных конференций, на 1988 г. профессор Бардах выдвинул следующую: «Просвещение, материальная и художественная культура в Польше и СССР в межвоенный период»⁹. Однако симпозиум под таким названием организован не был — в октябре 1988 г. в Варшаве прошла конференция под названием «Семидесятилетие польской государственности». В начале XXI в. подобные тематические проекты сотрудничества между ПАН и РАН сформулировала профессор В. Сливовска. В частности, она предложила наряду с проблематикой о ссыльных включить тему «Польские студенты в университетах Российской империи и СССР», подчеркнув, что речь идет о продолжении исследований, проводившихся в 1970-е годы Яном Табисем, автором монографии «Поляки в Киевском университете в 1834–1863 гг.» (1974), и о вышедшей более десяти лет спустя книге Францишека Новиньского о польских студентах в Петербургском университете (она была издана в 1986 г.), а также еще одну тему — «Поляки в России в XIX в.» — все это открывало путь для расширения круга исследований по истории образования¹⁰.

Позиции обоих председателей Комиссии свидетельствовали о растущем значении в ее работе проблематики по истории образования. Оно рассматривалось, с одной стороны, как почва, на которой шло воспитание молодежи, и не только ее, формирование основ ее мировоззрения, а с другой — как возможность устранить сложившиеся взаимные представления, стереотипы, взаимные ожидания и претензии и следовательно, глубоко проникнуть в интеллектуальную и идейную историю польско-российских отношений.

⁹ См.: AIHN. Materiały Komisji, Propozycje [J. Bardacha] do planu pracy Sekcji Historycznej PAN i AN ZSRR na lata 1986–1990, k. nlb.

¹⁰ См.: Ibidem. Tematy do projektu współpracy PAN i RAN, k. nlb.

Эта тематика, весьма часто звучавшая на предыдущих конференциях, только в 1993 г. была наиболее полно представлена на особой сессии, посвященной проблемам истории образования. Конференция, называвшаяся «Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.)» (Варшава, 1995), прошла в Казани в октябре 1993 г. По мнению профессора В. Сливовской, высказанному ею в начале нашего тысячелетия, она не только не закрыла изучение этой проблемы, но, напротив, показала необходимость продолжения работ в этом направлении, выражением чего стала очередная конференция, состоявшаяся в 2011 г. в Варшаве, — «Академии наук, университеты, организация науки. Польско-российские связи в сфере науки XVIII–XX вв.», значительная часть которой была посвящена вопросам истории образования, тесно переплетавшимся с историей науки.

Несмотря на то что в планах Комиссии долго не существовало специально выделенной проблематики по истории просвещения, первая конференция по такой теме состоялась только в 1993 г., и все же еще 20 годами ранее, то есть с 1973 г., в трудах Комиссии начинают появляться исследования по истории образования. В ходе конференции, которая в том году проводилась в Ленинграде под названием «Культурные связи народов России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения», появились первые предвестники широко разрабатываемой позднее проблематики по истории университетов — доклад белорусского историка Г.Я. Голенченко «Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете в XV–XVI вв.». С тех пор это направление постоянно находило отражение на очередных встречах польских и российских историков, что свидетельствовало также о растущем интересе к этой области, проявлявшемся обеими сторонами. Материалы прошедшей в 1976 г. в Кракове конференции «Польско-российские культурные связи второй половины XIX — начала XX в. в контексте революционных событий 1905–1907 гг.» были изданы в объеме, до сих пор сохраняющем серьезное научное значение сборнике «Польско-российские общественные и культурные связи на рубеже XIX–XX вв.» (1980). Он содержал целый ряд статей, в которых была широко представлена проблематика

польско-российских связей в сфере истории образования. Наиболее наглядно она проявилась в трех работах: Ю. Бардаха «Польская проблематика в российской либеральной историографии конца XIX — начала XX века: Н.И. Кареев», Владислава Бортновского «Александр Погодин — друг поляков и популяризатор истории Польши в России» (Кареев и Погодин были профессорами Императорского Варшавского университета, и их преподавательская деятельность подробно освещалась в обеих работах) и Ежи Рузевича «Польская научная среда в Петербурге в 1905–1918 гг.», в которой автор показал участие поляков в работе петербургских учебных заведений и культурно-просветительских обществах. Тематика выступлений Бардаха и Рузевича увязывалась с более широким кругом проводившихся ими исследований. Ежи Рузевич всю свою творческую жизнь посвятил изучению польско-российских и польско-советских научных связей, в его трудах существенное место занимали вопросы истории образования, в частности, поляков, получавших образование в учебных заведениях всех уровней с преподаванием на русском языке¹¹. Итоги исследований в этой области — как собственных, так и других историков — Рузевич подвел в 1993 г. на конференции в Казани, выступив с двумя докладами: «Поляки в высших учебных заведениях России до 1918 года. Состояние исследований» и «Поляки в университете и Ветеринарном институте Казани»¹².

В свою очередь Ю. Бардах много внимания уделил истории Варшавского университета, включая российский период его существования. Он развеял доминировавшее в польской историографии мрачное представление об этом учебном

¹¹ См.: *Rózewicz J.* Kontakty naukowe polsko-radzieckie w latach 1918–1939. Warszawa, 1967; *Idem.* Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918–1939. Wrocław, 1979; *Idem.* Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław, 1984; *Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecisława Baudouina de Courtenay w Rosji.* Wrocław, 1991.

¹² См.: *Рузевич Е.* Поляки в высших учебных заведениях России до 1918 года. Состояние исследований // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.). Варшава, 1995. С. 41–50; *Он же.* Поляки в университете и Ветеринарном институте Казани // Там же. С. 69–74.

заведении, дав характеристику российских профессоров, не только доброжелательно относившихся к Польше и полякам, но и занимающих почетное место в истории науки. К такому, несомненно, принадлежал Н.И. Кареев¹³, а также группа профессоров, которые в период революции 1905 г. решительно высказались против русификации Варшавского университета. Еще в 1979 г. Бардах опубликовал посвященную этому вопросу статью¹⁴, а на конференции в Москве в 1996 г. он прочитал доклад «Пропольски настроенные профессора Императорского Варшавского университета (1880 г. — начало XX в.)», который позднее под другим названием был опубликован в сборнике материалов конференции (1998)¹⁵. Следует подчеркнуть, что понимание этих проблем Ю. Бардахом контрастировало с подходом известного специалиста по истории российского высшего образования А.Е. Иванова, который выступил на конференции в Казани в 1993 г. с докладом, «посвященным в основном вопросам русификации, проводившейся русскими преподавателями Императорского Варшавского университета»¹⁶. Он необычно критически оценил сам замысел создания русского учебного заведения в Королевстве Польском, его организацию и деятельность. Одной из значительных заслуг Ю. Бардаха в постановке задач, связанных с российским периодом истории

¹³ Итоги размышлений Ю. Бардаха об этом историке см.: Polska i Polacy w działalności dydaktycznej i politycznej prof. Nikolaja I. Kariejewa // *Bardach J. W obiektywie nauki i w lustrze pamięci (o uczonych, pisarzach i politykach XIX i XX wieku)* / Red. W. Sudnik. Warszawa, 2004. S. 30–53.

¹⁴ См.: *Bardach J. Udział uczonych rosyjskich w walce o repolonizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905–1906* // *Studia i Materiały do Dziejów Wielkopolski i Pomorza*. 1979. T. 1. Z. 1. S. 37–46.

¹⁵ См.: AIHN. Materiały Komisji, Program XXVIII Konferencji «Культурные связи России и Польши XI–XX вв., 10–14 сентября 1996 г., Москва», к. nlb; *Бардах Ю. Русские союзники борьбы за польскую высшую школу в Царстве Польском в 1905–1906 гг.* // *Культурные связи России и Польши*. С. 141–158.

¹⁶ *Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX — начале XX века* // *Польские профессора и студенты*. С. 198–205. См. также: *Różewicz J., Wójcik Z., Zasztowt L. Konferencja o polskich profesorach i studentach w uniwersytetach Rosji w XIX i XX wieku* // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 1993. № 3/4. S. 177.

Варшавского университета, было включение этой проблематики в поле исследований польских ученых. Как раньше, так и в наши дни нередко случалось, что при описании истории Варшавского университета пропускается 46-летний период его существования, поскольку он считается «чужим» и потому не относящимся к истории университета как польской институции. Это вопрос дискуссионный, хотя бы в связи с точкой зрения, высказанной когда-то Романом Дмовским, объяснявшим, почему варшавские студенты не могут принимать участия в демонстрациях русских студентов: он утверждал, что «Варшавский университет не имеет ничего общего с университетами российскими, он находится в Польше, и в нем учится польская молодежь»¹⁷.

С первой частью этого утверждения трудно согласиться, вторая же свидетельствует о том, что «русский период» существования университета является важным этапом в истории Польши, изучение которого могло бы прояснить существенные аспекты польско-российских отношений, причем не только в области науки и образования, но также в политической и общественной сферах. В последнее время эти исследования стали более интенсивными и способствовали новому осмыслению проблематики.

На Московской конференции 1996 г. выступила профессор Московского государственного университета Л.П. Лаптева с докладом о В.А. Францеве, слависте, профессоре Варшавского университета, представив его как исследователя русско-польских научных связей в XIX в.¹⁸ Ханна Баженова из Люблинского католического университета в изданном в 2013 г. сборнике материалов конференции по теме «Академии наук, университеты, организация науки» опубликовала обобщающую статью «Императорский Варшавский университет в польской и российской исторической традиции, а также в историографии того времени».

¹⁷ Цит. по: *Porter-Szűcs B. Gdy nacjonalizm zaczął nienawidzić. Wyobrażenia nowoczesnej polityki w dziewiętnastowiecznej Polsce* (przeł. A. Nowakowska). Sejny, 2011. S. 286.

¹⁸ См.: *Лаптева Л.П. В.А. Францев как исследователь русско-польских научных связей в XIX в. // Культурные связи России и Польши. С. 128–140.*

В Польше вышел из печати опубликованный в 2014 г. на русском языке, а в 2016 г. — по-польски ее большой труд, результат многолетних исследований, — «Историки Императорского Варшавского университета. 1869–1915: просвещение, наука, политика»¹⁹.

Неоднократно свои исследования по истории Варшавского университета представляла также и автор этих строк; в частности, в уже упоминавшемся сборнике была помещена статья «Варшавский университет в системе российских университетов». Она также является автором раздела, посвященного истории Варшавского университета, в находящейся в печати другой книге, первой из юбилейной серии, издаваемой по случаю 200-летия Варшавского университета, — «История Варшавского университета. 1816–1915» — и участвует в написании очередного тома об истории преподавания гуманитарных наук в Варшавском университете. Как Иоанна Шиллер-Валицка, так и Ханна Баженова продолжали исследовательскую линию, намеченную Ю. Бардахом, учитывая его соображения и стараясь не избегать освещения темных страниц в истории университета, а также видеть светлые стороны русского учебного заведения в Варшаве и его профессуры.

Проблематика, связанная с историей образования, наиболее полно была представлена на двух конференциях: в 1993 г. в Казани, где она занимала центральное место, и в 2011 г. в Варшаве. В период, отделявший их друг от друга, она не возникала, и временами темы конференций продолжали развивать темы обозначенных ранее исследований, в частности в Казани. В хронологическом аспекте среди важнейших выступлений следует упомянуть: на 27-й конференции, прошедшей в Варшаве в сентябре 1994 г. под названием «Католицизм и православие в истории Средней Европы (X–XX века)» С.Г. Яковенко (Москва) выступил с докладом «Католические учебные заведения в России (X–XX века)», в котором, однако, основное внимание было сосредоточено

¹⁹ См.: *Баженова А.Ю.* Историки Императорского Варшавского университета. 1869–1915: просвещение, наука, политика. Lublin, 2014; *Bazhenova A.* Historycy Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego. 1869–1915: nauka i polityka. Lublin, 2016.

на истории школьного дела на восточных землях I Речи Посполитой после Тридентского собора, особенно на рекомендациях Антонио Поссевино, папского иезуитского легата, об открытии иезуитских семинарий и его предостережениях относительно инициированной Москвой миссии объединения церквей²⁰.

В свою очередь на конференции в Москве в 1996 г. О.М. Гильмутдинова говорила о вкладе польских ученых в развитие Казанского ветеринарного института (в продолжение темы, представленной в 1993 г. в Казани)²¹. Спустя год, на конференции в Казани в 1997 г., профессор Г.Н. Вульфсон рассказал о польских студентах в Казани в XIX в. Доклад Н.С. Алмазовой был посвящен просветительской деятельности в студенческой среде и объединениях Петербурга известного польского филолога Тадеуша Зелиньского, бывшего сначала студентом, а затем на протяжении многих лет профессором Петербургского университета. Стоит отметить, что в последние годы личность Т. Зелиньского как ученого, работавшего в России, являлась предметом интереса двух членов Комиссии — Збигнева Опацкого и Иоанны Шиллер-Валицкой.

В сентябре 1999 г. на конференции в Варшаве, проведенной по теме «Польша—Россия. Польская и российская историография за последние два десятилетия. Действительно ли прорыв?», тематика по истории образования отдельно представлена не была, но следует отметить выступление много лет являющегося членом Комиссии Лешека Яскевича, автора многих интересных работ по истории России, в том числе и статей по истории Варшавского университета²². Он представил обзор достижений польской историографии по истории России и

²⁰ См.: *Chynczewska-Hennel T.* *Katolicyzm i prawosławie w dziejach Europy Środkowo-Wschodniej w X–XX w.*, Warszawa, 27–29 września 1994 r. // *Kwartalnik Historyczny*. 1995. № 1. S. 141–142.

²¹ См.: *Гильмутдинова О.М.* Казанский ветеринарный институт как феномен российско-польских культурных связей // *Культурные связи России и Польши*. С. 103–109.

²² См., например: *Jaśkiewicz L.* *Sergiusz Witte — biografia polityczna*. Warszawa, 1994; *Idem.* *Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku*. Pułtusk, 2001 (в частности, *Uniwersytet Warszawski w dokumentach “ochrony” i kancelarii rządowej*. S. 199–212).

польско-российских отношений в XIX в. (за 1979–1999 гг.)²³. Его доклад ясно показал, как поразительно много за небольшой, в общем, период появилось работ, в которых рассматривались именно проблемы образования, или же по большей части они принимались во внимание, начиная с прекрасной монографии Л. Базылева «Поляки в Петербурге» (1984), книги Ф. Новиньского о польских студентах в Петербурге, работы Анджея Хвальбы «Поляки на службе москалей» (1999) и кончая монографиями Лешека Заштовта о школьном деле в литовских и украинских землях бывшей Речи Посполитой (1997) и Тадеуша Эпштейна «Образование детей и молодежи в польских помещичьих семьях на Волыни, в Подолье и на Украине во второй половине XIX века» (1998).

Первые 15 лет XXI в. ознаменовались изданием не меньшего числа подобных работ, среди авторов которых были и названные выше историки; при этом следует заметить, что проблематика по истории образования все чаще, хотя бы в небольшом объеме, появляется в исследованиях по политической истории. В качестве примера можно привести недавно изданную монографию Г. Глембоцкого «Демон Асмадей» в биноклях с синими стеклами и «страна будущего». Граф Адам Гуrowsкий и Россия» («*Diabeł Asmodeusz*” w niebieskich binoklach i “kraj przyszłości”. Hr. Adam Gurowski i Rosja») (2012), где помещен небольшой, но интересный фрагмент воззрений Гуrowsкого (1834 г.). Он придерживался концепции панславизма под главенством России и в этой связи выдвигал идею русификации системы образования польской молодежи с приданием ему «реального» характера, основанного на естественных науках, в отличие от классического филологического, вводимого в России министром народного просвещения С.С. Уваровым. Можно также назвать и работу молодого историка из Познаньского университета Бартоломея Гарчыка «Советская национальная политика в 1917–1941 гг. на примере Петрограда–Ленинграда» (2011), в которой при описании судеб представителей многих национальностей, проживавших в городе, автор много внимания уделил истории образования национальных меньшинств и их культурной жизни.

²³ См.: AHN PAN. Materiały Komisji, *L. Jaśkiewicz*, Rosja i stosunki polsko-rosyjskie w XIX wieku w historiografii polskiej ostatniego dwudziestolecia, [1999], mps, k. nlb.

Большинство этих исследований были написаны благодаря многократным поездкам ученых для работы в архивах, сначала советских, потом российских, украинских и литовских, а также сотрудничеству с местными историками, которые осуществлялись при поддержке Комиссии²⁴.

На проходившей в Москве в сентябре 2005 г. конференции было сделано три доклада по темам, близким к проблематике истории просвещения: С.М. Фалькович — о Петербурге как центре научной, культурной и политической деятельности поляков в XIX — начале XX в., Веслава Цабана — о русских учителях в школах Королевства Польского в XIX в. — и выступление чрезвычайно активного члена Комиссии, много раз писавшего о казанской Полонии, И.И. Шарифжанова — о Казани как провинциальном центре общественной, научной и культурной жизни поляков в XIX в.

Можно отметить, что на протяжении 18 лет (1993–2011) в изучении проблематики в области истории образования, касающейся высших учебных заведений в России, на первый план выдвинулись Казань и Казанский университет. Это совсем неудивительно, если учитывать тот факт, что именно в Казани оказалось сосредоточено много образованных поляков, сосланных туда из Виленского университета после процесса филоматов и филаретов, а затем студентов Киевского университета. Проблематика по истории образования явно доминировала на конференции в Казани в 1993 г., на которой большинство докладов было посвящено истории Казанского университета и Ветеринарного института, его выдающимся профессорам, как русским, так и польским: Яну (Ивану Александровичу) Бодуэну де Куртенэ, Юзефу (Осипу Михайловичу) Ковалевскому, Миколаю (Николаю Вячеславовичу) Крушевскому. Свои исследования представили упоминавшиеся уже выше ученые; в их числе были Г.Н. Вульфсон, И.И. Шарифжанов, О.М. Гильмутдинова, Ежи Рузевич. О других университетских центрах в России говорили в своих докладах Юлиуш Бардах (о кафедрах польского права в Московском и Петербургском университетах),

²⁴ См.: *Owczarek J., Różewicz J. Historiografia polska i rosyjska w ostatnich dwóch dziesięcioleciach. Czy rzeczywiście przełom? // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2000. № 2. S. 180–181.*

Францишек Новиньский, подготовивший доклад совместно с Геновефой Курписовой, и Юрий Давидович Марголис (о поляках в Петербургском университете), а также Калина Бартницка (о студентах-поляках Профессорского института Дерптского университета). Лешек Заштовт рассказал о начальном этапе польских исследований по истории российских университетов на примере деятельности Людвика Яновского, занимавшегося историей Харьковского университета. Перечислять все выступления не имеет смысла, следует только подчеркнуть, что не много нашлось бы на территории Российской империи главнейших учебных заведений, которые бы не попали в поле зрения ученых. Количество представленных докладов и их диапазон убедительно свидетельствуют о широко ведущихся исследованиях по этой проблематике, значение которой, кажется, недостаточно оценивается историками, занимающимися политической историей, в то время как она создает чрезвычайно большие возможности для открытия новых аспектов, которые могут способствовать прояснению и, что еще важнее, пониманию сложных вопросов польско-российских отношений, особенно в XIX–XX вв.

Тема истории народного просвещения была одной из центральных на конференции, состоявшейся в 2011 г. в Варшаве — Пултуске. На ней было зачитано более десяти докладов, рассматривавших проблемы, о которых говорилось на предыдущих научных встречах, но поднимались также и новые вопросы; в частности, первые результаты своих исследований по истории образования представила Л.П. Марней. В ходе дискуссии на упомянутой конференции отметила, что в российской историографии о профессиональном образовании на польских землях написано относительно немного по сравнению с трудами польских коллег, среди которых, несомненно, выделяется книга Юзефа Мёнсо «Профессиональное образование в Королевстве Польском в 1815–1915 гг.», изданная в 1966 г.

Представленные доклады по истории образования можно, в общем, поделить на те, в которых основной интерес концентрировался на деятельности институций: университетов, высших учебных заведений, разного типа школ, научных обществ и всевозможных объединений, в том числе

культурно-просветительских, и на те, героями которых были люди, являвшиеся представителями определенных социальных групп, или личности, имевшие особые, всеми признанные заслуги и достижения. Во многих докладах оба аспекта пересекались; например, в выступлении Ф. Новиньского, который представил новые соображения, касающиеся польской студенческой среды в Петербургском университете в первой половине XIX в., или же Яна Трынковского, реконструировавшего образ Дерптского университета, основываясь на воспоминаниях обучавшихся в нем польских студентов, которым автор уделил значительное внимание.

Среди важнейших выступлений, представивших новые методологические подходы в рамках работы Комиссии, следует назвать доклад Романа Дуды, специалиста по истории математики, подготовившего доклад о научно-педагогических достижениях нескольких выдающихся математиков-поляков или тех, кто имел польское происхождение, работавших в учебных заведениях России, потом Советского Союза. Веслав Цабан охарактеризовал среду польских студентов, обучавшихся в российских военных учебных заведениях в XIX в., особенно интересуясь тем, какова была мотивация молодых поляков, воздействовавшая на их решение поступить в эти учебные заведения. Юзеф Мёнсо, на протяжении нескольких лет увлеченно занимающийся изучением жизненного пути выдающегося деятеля культуры, поляка по происхождению, генерала Альфонса Шанявского, мецената в сфере просвещения, основателя Московского городского народного университета, познакомил присутствовавших с результатами своих исследований, отметив, что многие страницы биографии Шанявского до сих пор не выяснены и стоит приложить дальнейшие усилия, чтобы углубить наши знания об этой незаурядной личности²⁵. Станислав Вех на примере жизненного пути Александра Мицкевича, брата поэта Адама Мицкевича, предпринял попытку показать светлые и темные стороны работы учителя-поляка в западных губерниях России в первой половине XIX в.

²⁵ См.: *Miqso J. Z dziejów polskiego mecenatu naukowego i oświatowego w Rosji. (Uniwersytet Ludowy im. Alfonsa Szaniawskiego w Moskwie) // Ars Educandi. 1998. № 1. S. 11–30.*

В соответствии с тематикой, обозначенной в названии конференции, много времени было отведено истории научных институций, особенно высших учебных заведений. Очень интересный доклад, сделанный на основе принципиально нового исследовательского подхода, сделала Калина Бартницка; она охарактеризовала организационные формы польских и российских университетов на рубеже XVIII–XIX вв. с учетом европейского фона. Бартницка представила свою авторскую позицию в дискуссии о распространении и восприятии университетских концепций в европейской культурной среде, сосредоточившись на вопросах теоретического плана: что с философской точки зрения должен был тогда представлять собой университет, какие функции он должен был выполнять в государстве и что должен был давать обществу. Дорота Замойска, проведя трудоемкие подсчеты, попыталась выяснить, какую роль сыграли российские университеты в подготовке преподавательских кадров для академических государственных институтов периода II Речи Посполитой. Как следовало из ее исследования, этот вклад был значительным; таким образом, это подтверждало тезис, что знание структуры российских высших учебных заведений и системы образования имеет глубокий смысл при изучении истории польской науки и культуры XIX и XX вв. Аналогичная проблема, также касавшаяся межвоенного периода, была рассмотрена Артуром Кийясом, который рассказал о польских ученых, приехавших из России для занятия кафедр в Познанском университете.

Об учебных заведениях и их преподавателях в послевоенный период говорила Янина Волчук, которая на этот раз отошла от проблематики XIX в. и охарактеризовала группу советских преподавателей, в 1960-е — 1970-е годы работавших в Институте славянской филологии Вроцлавского университета, и Ян Малицкий, директор Центра Восточной Европы Варшавского университета, доклад которого был посвящен истории Центра и его вкладу не только в образование молодежи, но также и в развитие исследований по изучению стран и народов Восточной Европы, в том числе и русистики. В выступлении Барбары Ендрыховской речь шла о средней школе; на примере свислочской гимназии 1824–1825 гг. она охарактеризовала школьную администрацию при кураторстве Императорского Виленского университета.

Подводя итоги краткого обзора успехов, достигнутых Комиссией историков Польши и России в области изучения истории просвещения, несмотря на то что отнюдь не все труды членов Комиссии были в нем упомянуты, можно констатировать, что польско-российское сотрудничество принесло существенные научные результаты: удалось открыть много новых источников, поднять много новых тем, сделать новые выводы и предложить новые интерпретации. Было ли это возможно без поддержки и стимулирования со стороны Комиссии, сказать трудно, однако несомненно, что ее деятельность способствовала поддержанию и расширению научных контактов, при отсутствии которых реализовать научные замыслы было бы нелегко.

Перевод Г.В. Макаровой

Профессор Виктория Сливовска — исследователь истории России и ссылных поляков в Сибири XIX века

Профессор Виктория Сливовска — доктор исторических наук, почетный доктор Российской академии наук, выдающийся специалист по истории России XIX в., исследователь судеб поляков, сосланных в Сибирь в XIX и XX вв. Ее вклад в науку в этой области прочно вошел в польскую и российскую историографию.

В. Сливовска, получив высшее историческое образование в Ленинграде в Государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена, по возвращении на родину в 1953 г. начала работать в семинаре профессора Стефана Кеневича и под его руководством защитила диссертацию, посвященную петрашевцам и положенную в основу книги «Дело петрашевцев», опубликованной в Варшаве в 1963 г.¹ Еще до защиты диссертации она подготовила к печати «Воспоминания революционера» П.А. Кропоткина и два обширных тома мемуаров декабристов².

Хрущевская оттепель в СССР открыла для В. Сливовской возможность работы в российских архивах. Среди прочего плодом ее архивных изысканий тех лет стала монография «Николай I и его время (1825–1855)», в которой были раскрыты и проанализированы существенные черты николаевской Российской империи. Спустя более двух десятилетий В. Сливовска вновь обратилась к теме николаевской России, когда в 1988 г. в польском переводе была опубликована книга о российском императоре известного американского историка Брюса Линкольна³. В послесловии к

¹ См.: *Śliwowska W. Sprawa Pietraszewców*. Warszawa, 1963.

² См.: *Kropotkin P. Wspomnienia rewolucjonisty* / Oprac. W. Śliwowska. Warszawa, 1959; *Pamiętnikidekabrystów* / Oprac. W. Śliwowska. T. 1–2. Warszawa, 1960.

³ См.: *Lincoln W.B. Nicolas I Emperor and autocrat of all the Russia 1796–1855*. Blomington–London, 1978. Польский перевод: *Lincoln W.B. Mikołaj I / przeł.* H. Krzeczowski, konsult. nauk. i posł. W. Śliwowska. Warszawa, 1988.

этому изданию Сливовска высоко оценила монографию как обобщение американских исследований по истории России XIX в. По ее словам, наиболее существенным недостатком исследования стало слабое освещение политики в отношении национальностей, которая была существенным элементом внутренней и внешней политики Николая I⁴.

Когда бы мы задались вопросом, какие коррективы внесла бы В. Сливовска в свою монографию о Николае I по прошествии 50 лет после ее выхода в свет ввиду расширения наших знаний и происшедших за эти годы столь значительных политических перемен, то, по нашему убеждению, в значительной мере эти коррективы были бы сосредоточены на полемике с различного рода публикациями (в том числе и с воспроизведением изданий XIX в.), которых в последнее время в России появилось действительно немало и в которых Николай I весьма часто предстает как проводник прогрессивных реформ.

Еще со студенческих времен В. Сливовскую интересовали островки общественного сопротивления гнету властей в России XIX в. (как она сама это называла). Этой теме она посвятила несколько небольших работ, в том числе Н.И. Сазонову (1815–1862), сотруднику издаваемой Адамом Мицкевичем «Трибуны народов» (“Trybuny Ludów”), перешедшему из православия в католичество иезуиту И.С. Гагарину (1814–1882), П.В. Долгорукову (1816–1868), развернувшему активную публицистическую и издательскую оппозиционную деятельность во Франции, или связям И.Г. Головина (1816–1890) с польскими заговорщиками — участниками польского освободительного движения. В 1971 г. вышла в свет ее книга «В кругу предшественников Герцена»⁵, а двумя годами позже на витринах польских книжных магазинов появилась книга, написанная ею в соавторстве с мужем Рене Сливовским — филологом и выдающимся знатоком русской литературы, — «Александр Герцен. Жизнь и творчество»⁶. Книга посвящена одному из наиболее выдающихся мыслителей XIX в.,

⁴ См.: *Lincoln W.B.* Mikołaj I. S. 390.

⁵ См.: *Śliwowska W.* W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław, 1971.

⁶ См.: *Śliwowski R., Śliwowska W.* Aleksander Hercen. Życie i twórczość. Warszawa, 1973.

значение которого отнюдь не замыкается в границах России. К сожалению, в наши дни об А.И. Герцене не часто вспоминают как в России, так и в Польше. Десятью годами позже авторское содружество Виктории и Рене Сливовских обратилось к творчеству Андрея Платонова — одного из наиболее ярких русских прозаиков минувшего века⁷.

Возвращаясь к теме И.С. Гагарина в научных трудах В. Сливовской, стоит упомянуть, что по ее инициативе и при непосредственном участии в 2014 г. в Риме было выпущено фундаментальное издание богословских и публицистических сочинений Гагарина⁸. С его выходом в свет В. Сливовска с обоснованным удовлетворением может констатировать, что политическая, научная и религиозная деятельность Гагарина, автора известного сочинения «Могла ли Россия стать католической» (Париж, 1856)⁹, получила ныне достойную оценку.

В связи с работой над такими фундаментальными изданиями, как 25-томная публикация документов и материалов Январского восстания 1863 г.¹⁰, или же, как так называемая «Зеленая серия»¹¹, на которых подробнее мы остановимся ниже¹², В. Сливовска систематически обращалась к

⁷ См.: Śliwowski R., Śliwowska W. Andrzej Płatonow. Warszawa, 1983.

⁸ См.: [Gagarin I.S. *L’Affaire Gagarine* / par Mireille Chmelewsky, Paul Pierling SJ], Wiktoria Śliwowska. (Institutum Historicum Societatis Iesu. Vol. 77). Roma, 2014.

⁹ См.: [Gagarin I.S.] *La Russie sera-t-elle catolique*. Paris, 1856.

¹⁰ См.: *Powstanie Styczniowe. Materiały i Dokumenty*. Т. 1–25. Warszawa, 1961–1986.

¹¹ Полное название издания — «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века». В начале 1980-х годов серия получила измененное название «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи». — *Прим. перев.*

¹² Подробнее об истории «Зеленой серии» см.: *Макарова Г.В.* Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в. // *Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы*. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 108–118.

проблематике польских подпольных организаций освободительного движения и к истории царских репрессий и поляков, сосланных в глубь Российской империи. С середины 1980-х годов «польская Сибирь» находится в центре ее научных интересов. О неизвестных страницах биографий ссыльных поляков, а нередко и о совсем безвестных людях, сосланных за участие в освободительном движении, она опубликовала немалое число статей во многих исторических журналах и сборниках, главным образом в «Историческом квартальнике» (“Kwartalnik Historyczny”), в «Восточном обозрении» (“Przegląd Wschodni”), во «Вроцлавских восточных исследованиях» (“Wrocławskie Studia Wschodni”). Результаты своих исследований она представила на многих научных конференциях в Польше и России. В России В. Сливовска в течение нескольких десятилетий участвовала во всех без исключения конференциях, в которых рассматривалась история поляков в Российской империи. Это были конференции не только в таких научных и общественно-политических центрах, как Москва, Санкт-Петербург и Казань, но и в других расположенных далеко за Уралом городах — Омске, Томске, Тобольске, Новосибирске, Иркутске или Якутске.

В 1991 г. на страницах журнала «Восточное обозрение» В. Сливовска опубликовала работу «Поляки — политические ссыльные в Сибири в первой половине XIX в. Мифы и реальность»¹³, в которой, с одной стороны, подвергла критике использование в историографии разного рода вымыслов и примитивных представлений, а с другой — указала направления дальнейших исследований.

На рубеже 1980-х — 1990-х годов В. Сливовска возглавила проект подготовки биографического словаря польских ссыльных и приложила немало труда для его реализации. В 1990 г. в рамках «Зеленой серии» был опубликован том, озаглавленный «Участники освободительных движений в 1832–1855 гг. (Королевство Польское)»¹⁴. Совместно с В. Сливовской над составлением и изданием словаря работали В.А. Дьяков, Адам

¹³ См.: *Śliwowska W. Polscy zesłańcy polityczni na Syberii w pierwszej połowie XIX wieku. Mity i rzeczywistość // Przegląd Wschodni. 1991.*

¹⁴ См.: *Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855 (Królestwo Polskie). Przewodnik biograficzny. Warszawa, 1990.*

Галковский, В.М. Зайцев. Ими были составлены биограммы трех тысяч участников подпольных организаций, эмиссаров заграничных польских эмигрантских центров, а также лиц, отданных под суд за чтение и распространение запрещенной литературы. Восемь лет спустя В. Сливовска опубликовала труд «Ссылочные поляки в Российской империи в первой половине XIX в.»¹⁵. Названный труд содержал биограммы 2500 лиц, а вместе с помещенными в приложениях материалами — в общей сложности информацию о 3500 поляках, отбывавших ссылку в Российской империи. Биограммы были составлены на основе архивных источников, находящихся главным образом в российских архивах, а также на основе дневников и иной мемуарной литературы, корреспонденции, материалов прессы.

Во время презентации этого издания, как и на других разного рода научных мероприятиях, В. Сливовска обращала особое внимание читателей на обнаруженные в издании мелкие неточности, от которых издания подобного типа обычно не свободны, но таковых, правда, было немного. Читатели буквально восторгались способностью автора к искусной критике источника, к сопоставлению противоречивых показаний, данных обвиняемыми на допросах в разного рода следственных комиссиях. Все это требовало скрупулезности и терпения в работе.

Примерно двумя годами позже вышла в свет публикация, посвященная сибирской ссылке Якуба Гейштора — председателя Отдела провинций Литвы повстанческого правительства во время Январского восстания 1863 г., автора интереснейших воспоминаний. Издание это было долгом чести и памяти роду Гейштор, а также и Александру Гейштору, который, по словам В. Сливовской, «как истинный и достойный ученый не проявлял свысока пренебрежительности по отношению к ее мелочному буквоедству»¹⁶. Эта книга, помимо описания сибирской ссылки Я. Гейштора, содержит биограммы многих людей, с которыми тому довелось встретиться на тяжком пути ссылки от Вильно до Вятки и далее в Сибири и, наконец, на пути

¹⁵ См.: *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku.* Warszawa, 1998.

¹⁶ *Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów — zesłańców postyczniowych.* Wilno; Sybir; Wiatka; Warszawa. Warszawa, 2000. S. 399.

на родину. Таким образом, книга Сливовской представляет собой коллективный портрет Я. Гейштора и его сотоварищей по сибирской ссылке.

Можно было бы сказать, что книга, посвященная Я. Гейштору, стала для В. Сливовской своего рода повседневным явлением, поскольку автор, обладая огромным опытом в публикации исторических источников и в исследованиях библиографического характера, уже приучила читателей к трудам подобного типа, сформировала у них впечатление, что она в состоянии подготовить очередную книгу быстро, чуть ли не от руки. Однако иначе обстояло дело с вышедшей в 2005 г. книгой «Побеги из Сибири»¹⁷. Ее появлению предшествовала подготовительная работа на протяжении нескольких лет. Мысль написать эту книгу зародилась еще в 1995 г., когда Сливовская опубликовала статью «Недооцененные в историографии поляки, бежавшие из Сибири»; далее последовали ее статьи о побеге Руфина Пиотровского (1997) и Зигмунта Минейки (2001). В книге о побегах сибирских ссыльных 2005 г. с опорой на огромный архивный материал следственных дел (например, только для исследования лишь одного случая побега автором были изучены шесть объемистых томов следственного дела в архиве Томска) и воспоминаний детально описаны факты побегов отдельных людей, групп ссыльных и целых сообществ. Чтение книги просто очаровывает. Во многие описанные случаи даже трудно поверить, как же такой побег мог состояться. Не один из читателей задавался вопросом: правдива ли описанная автором судьба солдата-поляка, подлинно ли бежал трижды из ссылки Станислав Крупский? И в этом нет ничего удивительного, поскольку даже Руфин Пиотровский, оказавшись после побега на Западе, был встречен там с недоверием и подозрением, не является ли он агентом российской тайной полиции. Трудно сказать, исследовала ли В. Сливовская все случаи побегов поляков из царской ссылки, ибо это отнюдь не простая, а возможно, и невыполнимая задача. Однако можно уверенно утверждать, что в книге показан иной образ «Польской Сибири», а также опровергнуты некоторые мифы, хотя бы связанные с героями повести Л.Н. Толстого «За что?» или с Альбиной и Винцентом

¹⁷ См.: Śliwowska W. Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005.

Мигурскими, а также с Шимоном Токажевским. «Побеги из Сибири» были опубликованы в 2014 г. в переводе на русский язык, а презентация этой публикации состоялась в Омске на Международной конференции, организованной Омским государственным университетом им. П.А. Столыпина, и вызвала большой интерес участников.

Спустя два года, после выхода в свет польского издания «Побегов из Сибири», В. Сливовска совместно с Анной Брус подготовили к печати и издали еще один комплекс исторических источников о сибирской ссылке участников польского освободительного движения. Речь идет о книге «Восстание польских каторжан на байкальском тракте. Четыре реляции»¹⁸. Читатель, изучая сохранившиеся свидетельства, может задаться вопросом о смысле решения поднять восстание в 1866 г., а может быть, говоря точнее, взбунтоваться против системы царской власти. Во всяком случае, в оправданности такого выступления сомневались многие поляки, отбывавшие наказание в Восточной Сибири.

По истечении очередных двух лет В. Сливовска выпустила фундаментальную научную публикацию «Сибирского дневника» Юлиана Сабиньского¹⁹. О значении издания этого памятника польской литературы и ценнейшего исторического источника писал в еще в 1928 г. Михал Яник. Однако потребовалось 80 лет ожидания, чтобы был создан соответствующий подготовленный научный коллектив для осуществления этого важного предприятия. Виктория и Рене Сливовские подготовили рукопись к печати, а предисловие и примечания составил Ян Трынковский, детально проанализировавший каждый факт, каждую деталь, связанные с пребыванием поляков в Сибири в период между восстаниями 1830 и 1863 гг.²⁰

¹⁸ См.: *Wystąpienie polskich katorżników na trakcie okołobajkalskim. Cztery relacje* / Oprac. W. Śliwowska i A. Brus. Warszawa, 2007.

¹⁹ См.: *Sabiński J. Dziennik syberyjski* / Oprac. Wiktoria i Rene Śliwowsky i J. Trynkowski. Т. 1–3. Warszawa, 2009.

²⁰ См.: *Трынковский Ян. Юлиан Сабиньский (1797–1869) и его «Дневник» — уникальный источник по истории ссыльных-поляков, и не только* // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 119–127.

Дневник Сабиньского является фундаментальным историческим источником для изучения повседневной жизни польских ссыльных в Восточной Сибири. Сам его автор был внимательным наблюдателем и фиксировал на страницах «Дневника» до мельчайших деталей все, что происходило в польской колонии в Иркутске, в течение своей двенадцатилетней ссылки. Ю. Сабиньский был одним из участников так называемого Огула (Ogół) — организации взаимопомощи ссыльных, — благодаря чему имел относительно регулярные контакты со всеми ссыльными. От его внимания не скрылись никакие дела, никакие болезни или скромные успехи соотечественников. Упомянутые достижения касались главным образом тех людей, которые решались своими руками обустроить собственное хозяйство и развивать экономическую деятельность. Со страниц «Дневника» можно почерпнуть свидетельства того, что колония польских политических ссыльных Иркутского округа стойко переносила тяготы и страдания, сохраняя при этом достоинство.

По инициативе Музея декабристов в Иркутске первый том «Дневника» Ю. Сабиньского был опубликован в переводе на русский язык. Следующие тома готовятся к печати.

Публикаторская деятельность В. Сливовской берет свое начало тогда же, когда была начата работа над запланированным польскими и советскими историками изданием документов к 100-летию Январского восстания 1863 г. По соглашениям, подписанным в 1958 г. между Польской академией наук и Академией наук СССР, был образован рабочий коллектив, в задачу которого входило издание 15 томов архивных материалов по истории Январского восстания. С польской стороны работами руководил Стефан Кеневич, а с российской И.С. Миллер, а после его смерти — В.А. Дьяков. В. Сливовская с самого начала деятельности этого советско-польского коллектива участвовала в работах по подготовке отдельных томов, а с 1970 г. входила в состав редакционного комитета, отвечавшего за тома, публикуемые в Польше.

В итоге вместо 15 запланированных изначально томов было издано в период 1961–1986 гг. 25 томов серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы»²¹. Этому

²¹ См.: Powstanie Styczniowe. Materiały i Dokumenty. T. 1–25. Wrocław; Warszawa, 1961–1986.

изданию нет ничего подобного не только в польской историографии. На него было опубликовано несколько десятков рецензий, сообщений и откликов в десятках журналов и других научных изданиях, польских, российских, украинских, немецких и даже американских. Само это издание стимулировало развитие исследований по истории Январского восстания как в Польше, так и в России. Как особо подчеркивал В.А. Дьяков, издание способствовало возрастанию интереса к истории Польши XIX в. среди российских (советских) историков.

Трудно определить конкретно вклад В. Сливовской в работу над изданием: в исследование и подготовку к публикации нескольких сотен российских документов, в редакторскую работу и в деятельность Редакционного комитета. В этом было бы лучше всего сослаться на мнение Стефана Кеневича, который в предисловии к заключительному тому серии, посвященному документам местных органов повстанческих властей, писал, что дольше всех и наиболее упорно трудились два человека, а именно Францишка Рамотовска и Виктория Сливовска, и обе они внесли наибольший вклад в общее дело²².

В ходе работ над изданием документов Январского восстания сообщество польских историков убедилось, насколько огромно собрание исторических источников, относящихся к истории польского освободительного движения XIX в., хранящихся в архивах Москвы, Петербурга, Киева, Вильнюса. И тогда по инициативе Марии Янён и В.А. Дьякова возникла так называемая «Зеленая серия», обиходное название которой было дано по цвету обложки. Первый том серии «Объединение польского народа в Королевстве Польском. Густав Эренберг и “свентокшисцы”»²³ увидел свет в 1978 г. В опубликование этого тома, как и шести последующих томов, В. Сливовска вложила огромный труд. Последний из напечатанных томов — «Национальное масонство. Валериан

²² См.: Dokumenty terenowych władz cywilnych powstania styczniowego 1862–1864. Powstanie Styczniowe. Materiały i Dokumenty. Wrocław, 1986. S. VI.

²³ См.: Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i “świętokrzyscy”. Warszawa, 1978.

Лукасиньский»²⁴ — вышел под ее редакцией в 2014 г. Том стал своего рода символом воздания чести и долга памяти мученичеству Валериана Лукасиньского, ибо никто другой из национальных героев Польши XIX в. не прошел через геенну царских тюрем в течение 46 лет, из которых 37 лет провел в казематах Шлиссельбурга. В 2015 г. была также завершена публикация двух томов, посвященных движению Шимона Конарского²⁵, которые уже в полном комплекте присутствуют на прилавках книжных магазинов.

«Зеленая серия» в целом как научный и издательский проект осуществляется в сотрудничестве Института истории ПАН, Института славяноведения РАН и Института литературных исследований ПАН. В опубликованных в рамках серии семи обширных томах помещены особо ценные исторические источники по истории польского освободительного движения, важные не только для историков, но и для лингвистов и литературоведов. В каждом из томов содержатся также исследования в рамках тематики, затрагиваемой публикуемыми в томе историческими источниками. Свои статьи помимо уже упомянутого В.А. Дьякова публиковали в серии среди других авторов Б.С. Шостакович, А.С. Нагаев, Д.Б. Кацнельсон.

При подготовке издания документов Январского восстания коллектив составителей, редакторов и авторов разного рода исследовательских материалов, а также примечаний и комментариев много сил и времени посвятил выявлению персонального состава повстанцев. В ходе этой работы зародился замысел составления картотеки участников Январского восстания. В течение многих лет в Институте истории ПАН была сформирована картотека, объемлющая детальные персональные и биографические данные более чем 40 тыс. человек, принимавших участие в движении. В состав этой картотеки были

²⁴ См.: *Wolnomularstwo Narodowe*. Walerian Łukasiński. Warszawa, 2014.

²⁵ См.: *Stowarzyszenie ludu polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni Kijowskiej*. Szymon Konarski (Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский) / Red. M. Micińska. Warszawa, 2009; *Stowarzyszenie ludu polskiego na Litwie i Białorusi*. Szymon Konarski (Содружество польского народа в губерниях Виленской и Минской. Шимон Конарский) / Red. A. Brus. Warszawa, 2015.

включены и персональные данные повстанцев, собранные на основании материалов российских, украинских, белорусских и литовских архивов, хранившиеся в Институте славяноведения РАН и безвозмездно переданные Российской академией наук польским коллегам.

Если принять расчеты ряда исследователей, что в отрядах повстанцев насчитывалось до 100 тыс. бойцов (хотя, по нашему мнению, это число существенно завышено), то из простого вычисления следует, что данная картотека вносит огромный вклад в изучение, с одной стороны, социальной и профессиональной структуры участников восстания, а с другой — их дальнейшего жизненного пути после поражения движения. В последнем случае картотека представляет важный материал о судьбе повстанцев — сибирских ссыльных.

Данные картотеки почерпнуты из различных архивов Польши, России, Литвы, Украины, Белоруссии. Особенно много трудностей пришлось преодолеть для получения достоверной информации из судебно-следственных дел и из полицейской документации. Акты этого типа, минуя утраты, понесенные архивными фондами вследствие разного рода катастроф, а также социальных и политических потрясений XX в., сохранились в значительном объеме. Царская бюрократия оставила после себя огромное количество разного рода документов. Если часть их погибла и не сохранилась в центральных архивах, то историк имеет еще возможность обнаружить их копии в региональных архивах. Многие факты повстанческой истории были таким образом открыты и введены в научный оборот, однако это потребовало титанического труда не только на этапе архивного поиска, но и в ходе сопоставления противоречивых данных источников, научной критики последних. В создании упомянутой картотеки принимали участие российские ученые: уже неоднократно упомянутый В.А. Дьяков, Ю.И. Штакельберг из Петербурга и др. Существенная роль принадлежала также и вспомогательным материалам, собранным Элигиушем Козловским.

Виктории и Рене Сливовским принадлежит неоспоримая заслуга в информировании польского общества (прежде всего научного сообщества Польши) о вкладе российских историков, литераторов и публицистов в изучение истории и культуры Польши и в целом в развитие диалога польской

и российской общественности. Дважды Сливовские переводили на польский язык книги «Лунин» и «Грань веков» Н.Я. Эйдельмана — писателя и исследователя русской истории XVIII–XIX вв. В польском переводе они были озаглавлены «Лунин — адъютант великого князя Константина»²⁶ и «Павел I, или Смерть тирана»²⁷. В 1982 г. в их же переводе была издана монография О.П. Морозовой²⁸.

Тогда же, но уже без участия мужа как соавтора В. Сливовска перевела на польский язык исследование Ю.И. Штакельберга, посвященное печатям повстанческих организаций периода Польского восстания 1863–1864 гг.²⁹ Следует указать, что благодаря этому труду, который лишь в небольшом фрагменте был опубликован в России, можно с большей достоверностью судить о функционировании в это время польского «подпольного государства». В переводе Сливовской были изданы также «Письма об Испании»³⁰ В.П. Боткина (1812–1869) — публициста, литературного и музыкального критика, принадлежавшего к западническому направлению русской общественной мысли, сочувствовавшему польскому освободительному движению, но под влиянием событий Январского восстания поддержавшему царское правительство.

Видное место в творчестве В. Сливовской принадлежит рецензиям и рецензионным статьям. На протяжении нескольких десятилетий она опубликовала в этом жанре более 50 работ, причем значительное их большинство (около 30) посвящено трудам российских историков, а также сочинениям, опубликованным на Западе, но посвященным российским проблемам. Рецензии эти выходили главным образом на страницах журналов “Przegląd Historyczny”, “Исторический кварталник” и “Slavia Orientalis”. Они помимо своего

²⁶ См.: *Ejdelman N. Łunin — adiutant wielkiego księcia Konstantego*. Warszawa, 1976.

²⁷ См.: *Ejdelman N. Paweł I czyli śmierć tyrana*. Warszawa, 1976.

²⁸ См.: *Морозова О.П. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце*. М., 1975. В польском переводе: *Morozowa O.P. Bronisław Szwarce*. Wrocław, 1982.

²⁹ См.: *Sztakelberg J.I. Pieczęcie powstańców 1863–1864*. Warszawa, 1988.

³⁰ *Botkin W.P. Listy o Hiszpanii*. Warszawa, 1983.

научного значения играли и иную — а именно информационную роль, поскольку польские историки времен ПНР и СССР посредством таких рецензий могли глубже познакомиться с исследованиями своих коллег за пределами Польши по темам польской и российской истории, а также по истории польско-российских отношений. Это было возможно, поскольку В. Сливовска благодаря своим многообразным личным контактам и связям как в СССР, так и на Западе Европы имела доступ к широчайшему кругу литературы и к иной информации, получаемой от коллег и друзей за пределами Польши. Надо ли говорить, что поддержание такого уникального круга общения требовало от нее немалых усилий, хотя и приносило большое удовлетворение. В связи с этим приведем только один, но достаточно характерный факт: за многие годы ни одно из писем, адресованных Сливовской, не было оставлено ею без обстоятельного ответа.

Очерк научной деятельности В. Сливовской был бы неполным, если не сказать о ее работе в Комиссии историков Польши и СССР/России, которая действовала при Польской академии наук и Академии наук СССР (в дальнейшем Российской академии наук). Сливовска участвует в работе Комиссии практически со времени ее основания в 1965 г. Ее вовлеченность в деятельность Комиссии стала особенно заметна во второй половине 1980-х и в 1990-е годы, когда с польской стороны Комиссию возглавил Юлиуш Бардах, а с российской — Я.Н. Шапов. Позже, в 1998–2008 гг., Комиссию возглавили сама В. Сливовска и В.К. Волков. В этот период по ее инициативе были организованы более десяти научных конференций в Польше и России; по итогам каждой из них публиковались доклады и сборники статей, становившиеся стимулом для дальнейшего развития научных исследований. Невозможно охарактеризовать все эти конференции, однако хотелось бы упомянуть о двух из них, состоявшихся в Казани. Первая в 1992 г., была посвящена польским профессорами и студентами российских университетов, а вторая, в 1997 г., польским ссыльным в Российской империи XIX–XX вв. с акцентом на проведение исследований в российских регионах.

Российская академия наук по достоинству оценила вклад В. Сливовской в исследования в области российской истории

и в развитие научного сотрудничества России и Польши, присвоив ей в 2001 г. высокое звание почетного доктора Российской академии наук.

В творчестве Виктории и Рене Сливовских особое место занимает написанная ими книга «Россия — наша любовь»³¹, опубликованная в Варшаве в 2008 г. Книга вызвала в Польше и России большой интерес. Авторы, зная Россию по личному опыту со сталинских времен, и в период хрущевской оттепели, и в так называемые годы застоя, и во времена уже новейшей российской истории, запечатлели в книге свои воспоминания, впечатления и переживания. Однако, будучи написана на основе воспоминаний, книга эта не замыкается в рамках сугубо мемуарного жанра. Она содержит глубокие размышления авторов о судьбах российской интеллигенции и о ее выдающихся представителях, живущих как в России, так и за ее пределами, о русском народе и других народах многонациональной России, в которой и по сей день, в частности и на просторах Сибири и Дальнего Востока, проживает немало поляков, по разным причинам переселившихся в Россию в XIX–XX вв. С этой точки зрения книга приобретает временами черты социально-психологического исследования. Как было удачно подмечено на страницах журнала «Tygodnik Powszechny» в связи с выходом книги «Россия — наша любовь», Виктории и Рене Сливовским «несвойственно ощущение превосходства над россиянами», вопреки тому, как они сами признались, что по приезду на учебу в Ленинград в конце 1940-х годов «пережили культурный и цивилизационный шок».

Перевод Б.В. Носова

³¹ Śliwowski W. i R. Rosja nasza miłość. Warszawa, 2008.

Историческая наука, историческая мысль и историческая память

Л. Заитовт (Варшава)

Политика, стереотипы
и историческая память.
Многогранные польско-русские
отношения XIX века — ряд
размышлений

Л.С. Лыкошина (Москва)

Образ России как фактор
формирования национальной
идентичности в общественно-
политическом дискурсе
современной Польши

И.С. Яжборовская (Москва)

Верификация подходов к
изучению истории двусторонних
советско- и российско-польских
отношений в исторической мысли
рубежа XX–XXI веков

Политика, стереотипы и историческая память. Многогранные польско-русские отношения XIX века — ряд размышлений

Политика. Негативный аспект.

Славянская вольность и единство славянских народов

Польско-русские отношения в XIX столетии можно рассматривать с различных точек зрения. При этом и в историографии, и в индивидуальной исторической памяти доминирует, безусловно, политическое измерение. Россия рассматривается в этом случае прежде всего в негативном свете, как могущественная империя, целью политики которой было не только покорение Речи Посполитой, но также русификация всех живущих в ней народов, включая и поляков.

Констатируя в целом отрицательное отношение поляков к Российской империи как к инструменту угнетения и порабощения в течение всего XIX века, можно в то же время выделить периоды, характеризовавшиеся в той или иной мере улучшением или ухудшением польско-русских отношений¹. В новейшей историографии уже в наши дни ученые обращают внимание на существенные различия в методах и политике русификации, которые могущественная империя использовала в отношении населявших ее народов. Поляки, как выясняется, оказались не в наихудшей ситуации, если сравнить их с белорусами или украинцами².

Несомненно, что с польской точки зрения достаточно позитивно воспринимался такой правитель, как Александр I, особенно до 1818 г., когда он старался быть образцом

¹ См.: *Malia M.* Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Massachusetts, 1999.

² См.: *Staliūnas D.* Making Russians. Meaning and practice of russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; N.Y., 2007. P. 57 etc. На это обращает внимание также Богдан Цывиньский в своей новейшей работе. См.: *Cywiński B.* Szańce kultur. Szkice z dziejów narodów Europy Wschodniej. Warszawa, 2013. S. 593 etc.

европейски просвещенного монарха. Именно ему Королевство Польское было обязано Конституцией 1815 г., когда ничего подобного не имела сама Россия³. Однако в дальнейшем чем больше ужесточалась российская политика по отношению к полякам, тем сильнее возрастало их недовольство российскими царями. Наиболее ненавистным императором был Николай I. Надежды на Александра II и его реформы были развеяны подавлением Январского восстания 1863–1864 гг. Ни от Александра III, ни от Николая II уже никто ничего хорошего не ожидал. Оба они, впрочем, так же как и Николай I, не испытывали к полякам особых симпатий, а периоды их правления характеризовались усилением антипольских репрессий.

Вместе с тем в польском обществе существовали определенные социальные слои, чьи интересы были тесно связаны с Русским государством. В наибольшей степени это касалось помещичьей среды и зарождавшегося движения национальных демократов. Особенно это проявилось к концу столетия, с воцарением Николая II, когда консервативное польское дворянство как в Королевстве Польском, так и в западных губерниях империи старалось придерживаться так называемой реалистической политики⁴. Она заключалась в лояльности по отношению к российскому трону взамен сохранения шляхетских привилегий и положения в обществе, которые гарантировались имущим классам Королевства Польского царской администрацией и российским военным присутствием. В момент угрозы имениям польской шляхты на Украине со стороны восставших крестьян их защиту брали на себя именно российские гарнизоны. Так было в XIX в., так было и в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.⁵

³ См.: *Чернов К.С.* Забытая конституция. «Государственная уставная грамота Российской империи». М., 2007.

⁴ См.: *Jurkiewicz J.* Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905–1922. Poznań, 1983; *Szpoper D.* Sukcesorzy Wielkiego Księstwa: myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939. Gdańsk, 1999; *Jurkowski R.* Ziemiaństwo polskie Ziem Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906–1913. Olsztyn, 2009.

⁵ См.: *Beauvois D.* Trójkąt ukraiński. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin, 2005. S. 349 etc.

Отношение основной массы поляков к России в сущности совпадало со взглядами на нее на западе Европы и эволюционировало в зависимости от уровня политической либерализации в империи. При этом следует подчеркнуть, что западные консервативные правительства в целом с симпатией относились к России и ее политике, хотя очень часто и неохотно признавали это публично, особенно во Франции. Западноевропейское общественное мнение, в большинстве своем либеральное и прогрессивное, осуждало Россию за ее ультраконсерватизм и роль жандарма Европы.

Перед Первой мировой войной короткое время ориентацию на Россию использовали в своей политической игре и национальные демократы во главе с Романом Дмовским, особенно в период Славянского съезда 1908 г. в Праге. Сам Дмовский выразил свои идеи и взгляды по этому поводу в известной работе «Германия, Россия и польский вопрос», где однозначно высказывался за союз с Россией, считая германскую угрозу наиболее опасной для Польши и поляков⁶.

Вопреки распространенному мнению польская шляхта, начиная с 1890-х годов уже не являлась носителем идеи вооруженного восстания против самодержавия, выступая всего лишь одним из множества социальных слоев империи, которые поддерживали существующий политический и общественный порядок. Более того, ее верноподданническая позиция разделялась зарождавшимся преимущественно в среде интеллигенции национальным движением.

Подобным же образом эволюционировало и мировоззрение польских крестьян, которые, в целом хотя и с симпатией относились к шляхетским революционерам в первой половине XIX в., в частности во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., позднее постепенно все более превращались в лояльных подданных царя. Особенно проявилось это

⁶ См.: *Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska*. Lwów, 1908. Были также многочисленные позднейшие переиздания (1914, 1938, 1988, 1991, 2000). В 1908 г. данная работа вышла и на чешском языке в Праге. См.: *Dmowski R. Německo, Rusko a otázka polská*. Praha, 1908. См. также новейшую работу: *Maszkiewicz M. Między bezpieczeństwem a tożsamością. Rosyjskie, ukraińskie i białoruskie interpretacje idei i koncepcji w polskiej polityce wschodniej (1990–2010)*. Wrocław, 2013. S. 75 etc.

в 1860-е годы, во время Январского восстания 1863 г., когда польские крестьяне в королевстве выдавали своих земляков-повстанцев за вознаграждение царским властям, или в последующий период «наделения крестьян» землей.

В то же время наиболее антироссийски настроены были мелкая шляхта, зарождавшаяся интеллигенция, а также люди, благосостояние которых не зависело в значительной мере от российской бюрократии, — студенчество, учащаяся молодежь (гимназисты). К этой категории относились и представители новых социальных слоев — деревенской бедноты и рабочего класса, численность которых быстро возрастала в последней трети XIX — начале XX в. Антиправительственные настроения доминировали прежде всего в крупных городских центрах, таких как Варшава и Вильно. Деревни и малые местечки оставались в этом смысле, скорее, индифферентными.

В итоге, несмотря на общее негативное отношение к России как к государству, польское общество характеризовалось и определенной разнородностью. Большинство старалось попросту спокойно жить в рамках существующей политической системы, которую предлагала ему Российская империя. Различные теории и идеологические догмы, обращавшиеся к общим славянским корням, не имели в действительности к повседневной жизни никакого отношения.

В польском обществе не встретила серьезного отклика и российская идея объединения всех славян под скипетром Романовых⁷. С самого начала (а точнее, скорее с периода позднего Средневековья и уже наверняка в Новое время) ей противопоставлялась также «славянская идея», но в польском измерении, в завершенном виде оформленная в XIX в. отцом современной польской историографии Иоахимом Лелевелем, а именно идея всеобщей свободы славян и других народов. Считалось, что выработанное польским обществом понимание свободы было очень близким, если не идентичным американской идее свободы XVIII в. Согласно идее «польской вольности», Польша была не столько «Иисусом Христом

⁷ Может быть, за исключением немногочисленного круга варшавских славянофилов. См.: *Kulecka A. Między słowianofilstwem a słowianoznawstwem: idee słowiańskie w życiu intelektualnym Warszawy lat 1832–1856. Warszawa, 1997.*

наций», принесшим себя в жертву во имя всеобщего освобождения, сколько страной, народ которой особенно жаждал свободы. Популярность такого взгляда была связана очевидным образом с периодом романтизма, который оставил неизгладимый след в польском общественном сознании XIX в. Ради свободы и независимости не только Польши, но и других угнетенных народов поляки, как следует, по крайней мере, из опыта исторической и романтической литературы XIX в., были готовы бороться до конца не только в Европе, но и на других континентах. Именно поэтому в большинстве случаев русская концепция панславизма под верховенством российского самодержавия отвергалась. Вместо нее предлагалась польская идея, согласно которой поляки и другие славянские народы, по сути, созданы для того, чтобы жить в условиях неограниченной свободы⁸. Свобода выступает, таким образом, качеством, которое якобы имманентно присуще всем полякам и является важнейшим маркером их национального характера. Как это нередко бывает, такого рода максимы общественного сознания применительно к отдельным людям переживали самые причудливые трансформации, одним из многочисленных примеров такого рода была личность графа Адама Гуrowsкого, разделявшего воззрения российского панславизма, который, однако, имел в польском обществе репутацию предателя и беспринципного человека, продавшего свою душу Российской империи⁹.

* * *

Отрицательное отношение к Российской империи нашло отражение и в обыденном сознании, и в сложившихся стереотипах представлений о русских, как существовавших издавна, так и новых, сформировавшихся в XIX в. Легко догадаться,

⁸ В этом направлении развивалась национальная философия Бронислава Трентовского. Ср. вступление Анджея Валицкого в: *Trentowski B. Chowanna czyli System pedagogiki narodowej jako umiejętności wychowania, nauki i oświaty, słowem wykształcenia naszej młodzieży*. Т. 1–2. Wrocław, 1970. Т. 1–2. См. также: *Walicki A. Filozofia polskiego romantyzmu*. Kraków, 2009.

⁹ См.: *Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» w niebieskich binoklach i kraj przyszłości*. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012. S. 9 etc.

что в рамках этих стереотипов русские изображались не в самом лучшем свете. Выразалось же это главным образом посредством поэзии.

*Kto powiedział, że Moskale
Są to bracia dla Lechitów,
Temu pierwszy w łeb wypalę
Przed kościołem Karmelitów.*

*Скажет кто, что москали —
Это братья нам, лехитам,
Тому в лоб пальню я первый
У костела кармелитов.*

Этот стишок, возникший в XVIII в., вновь стал популярен в период Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Будучи пародией на «Полонез Костюшко», автором которого был Райнольд Суходольский, он получил поэтическое название «Москалик». Подобная поэтическая форма, начинающаяся с оборота «кто сказал, что» («kto powiedział, że»), а затем обращающаяся к людям с угрозами, которые должны быть осуществлены, как правило, у костела, была довольно распространенной. Прочитированный пример посвящен русским, отсюда и название — «Москалик». В следующих стихах говорится о представителях уже других народов¹⁰. «Москали», в соответствии

¹⁰ См.: Szymborska W. Rymowanki dla dużych dzieci. Kraków, 2003. S. 17. Примеры, в которых говорится о других народах:

<i>Jeśli powie ktoś, że Turek</i>	<i>Если скажет кто, что турок</i>
<i>Ma przyjaciół w nas, Słowianach</i>	<i>За друзей славян считает,</i>
<i>Krwią i mózgiem splami murek</i>	<i>Кровью он ограду храма,</i>
<i>Przy klasztorze na Bielanych.</i>	<i>Что в Белянах, замарает.</i>
(Адам Коминек, редактор журнала «Przekrój», 1960-е годы)	

или:

<i>Kto śmie wątpić, żeby Czesi</i>	<i>Кто не верит в то, что чехи</i>
<i>Wszepochecny knuli spisek,</i>	<i>Заговор плетут упорно,</i>
<i>Tego gniewny lud powiesi</i>	<i>Того у монастыря кларисок</i>
<i>Pod klasztorem u klarysek.</i>	<i>Гневный люд за шею вздернет.</i>
(Станислав Бараньчак)	

с народной традицией, сформировавшейся в XIX в., были, с одной стороны, синонимом всего злого, а с другой — народом угнетенным и достойным сочувствия. С сожалением следует также признать, что нередко указанный стереотипный образ русских ассоциировался с невоспитанностью, выражавшейся, в частности, в злоупотреблении алкоголем и т.п. С другой стороны, обращалось внимание и на позитивные стороны русского национального характера, такие как доброта, гостеприимство, простодушие и бескорыстие.

Таким образом, российская политика и тогдашние геополитические реалии, заключавшиеся в ликвидации шляхетской Речи Посполитой, в результате чего под властью империи в 1815 г. оказалось 60% территории и более 40% населения страны, обусловили формирование отрицательного отношения польского общества к России¹¹. В XIX в. негативный образ России в сознании польского общества усугубился под воздействием опыта восстаний — Ноябрьского, или польско-русской войны, 1830–1831 гг. и Январского 1863–1864 гг. История польско-русского противостояния в периоды восстаний и следовавшие за ними репрессии довольно неплохо исследованы, поэтому остановимся только на констатации убедительно доказанного тезиса, что в польской национальной традиции врагом в первую очередь была именно царская империя, а не русский народ или русские как таковые, т.е. как нация или как обычные люди.

Политика. Позитивный аспект. Свобода для всех

Следует признать, что в XIX в. в польско-русских отношениях зародилась и другая традиция. Речь идет о совместной борьбе за ту самую вождеденную свободу. Свободу, плодами

или:

*Kto mi bąknie, że Polacy
Być nie mogą wszech cnot wzorem,
Zamaluję tu na casy
Durną gębę pod klasztorem!*

*Кто мне брякнет, что поляки
Не пример всех добродетелей,
Прямо у монастыря я в морду
Дам ему, чтоб все заметили!*
(Шимон Кобылинский)

¹¹ См.: *Zasztowt L. Kresy 1832–1864. Warszawa, 1997. S. 21.*

которой могла бы воспользоваться не только возрожденная Польша, но и освобожденная от ярма самодержавия Россия.

Как о друзьях и соратниках в общей борьбе писал Адам Мицкевич о декабристах.

*Где все вы теперь? Посылаю позор и проклятье
Народам, предавшим пророков своих избиенью...
Рылеев, которого братски я принял в объятия,
Жестокою казнью казнен по цареву веленью.*

*Бестужев, который как друг мне протягивал руку,
Тот воин, которому жребий поэта дарован,
В сибирский рудник, обреченный на долгую муку
С поляками вместе, он сослан и к тачке прикован. <...>*

*О, пусть эта песнь из страны, где свободны народы,
До вас донесется на льдистые ваши равнины,
Да будет она провозвестницей вашей свободы,
Как вестником вешней поры — перелет журавлиный¹².*

Этот отрывок относится к третьей части поэмы Мицкевича «Дзяды», озаглавленной «К приятелям-москалям». Следует заметить, что якобы антироссийское содержание этой части спровоцировало в 1967 г. резкий протест советского посольства в ПНР, результатом чего стало запрещение популярного спектакля и исключение «Дзядов» из театрального репертуара. Ответом на действия властей стали студенческие выступления в марте 1968 г.

Идея совместной борьбы за свободу была в XIX в. проиллюстрирована не слишком многочисленными, но зато весьма показательными примерами. Один из наиболее ярких — Анна Пустовойтова, дочь Марианны (в девичестве Коссаковской) и российского офицера Трофима Пустовойтова, была участницей Январского восстания и умерла в эмиграции в Париже¹³.

¹² Мицкевич А. Избранные произведения / Перев. А. Виноградова. М.; Л., 1929. С. 246–247.

¹³ См.: Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1983. S. 346. Ср.: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики. Поляки в России — русские в Польше. М., 1999.

Позитивных примеров, связанных с русскими, можно привести больше, особенно из польской художественной литературы. Взять хотя бы самого А. Мицкевича и его «Пана Тадеуша», в котором присутствует такой положительный образ, как командир роты капитан Никита Никитич Рыков. Он был старым солдатом А.В. Суворова, а следовательно, «обагрил руки польской кровью» еще во времена восстания Т. Костюшко. При этом Рыков — человек добродушный, готовый идти на компромиссы, причем не только в тот момент, когда он квартировал в Соплицове. Мицкевич вкладывает в уста Рыкова такие слова:

*Ja nie szpieg, a po polsku umiem —
Ojczyzna! Ja to czuję wszystko, ja rozumiem!
Wy Polaki, ja Ruski, teraz się nie bijem <...>*

*Ruskie przysłowie: Z kim się biję, tego lubię;
Gładź drużkę jak po duszy, a bij jak po szubie¹⁴.*

*Хотя я не шпион, но я по-польски знаю;
Для каждого из нас отчизна — мать родная!
Вы ляхи, русский я, теперь мы не воюем, <...>¹⁵*

*Пословица есть русская: с кем бьюсь, того люблю
Дружка душевно глажу я и как по шубе бью¹⁶.*

¹⁴ Mickiewicz A. Dzieła. T. 1. Warszawa, 1955. S. 511 etc.

¹⁵ Перевод дан по: Мицкевич А. Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве. Шляхетская история 1811–1812 годов в двенадцати книгах стихами / Пер. с польск. С. Мар (Аксеновой). М., 1985. С. 50.

¹⁶ Адекватного литературного перевода этих строк найти не удалось. По-польски они звучат так:

*Ruskie przysłowie: Z kim się biję, tego lubię;
Gładź drużkę jak po duszy, a bij jak po szubie.*

Наиболее близкий перевод предложила поэтесса Сюзанна Мар (Аксенова):

*В России говорят: «Люби дружка, как душу!
Но спуску не давай, тряся его, как грушу!»
(Мицкевич А. Пан Тадеуш... С. 50)*

Вместе с тем позитивные примеры русских людей, как и положительные русские герои польской литературы, изначально в восприятии поляков противопоставлены державе угнетателей. Они выступают как исключения, которые только подтверждают правило. Поэтому достойные русские люди — это те, которые в той или иной мере находятся в оппозиции царским властям и тем более связаны с поляками общей борьбой «за нашу и вашу свободу».

Упомянутая традиция, подразумевавшая совместную борьбу с царизмом, характерна была прежде всего для революционного движения. Именно на ней во времена так называемого реального социализма основывалась официозная интерпретация польско-российских отношений XIX в., поскольку «традиционная» дружба Польши с народами «братского» Советского Союза должна была базироваться на солидном историческом фундаменте. Несомненно, что как раз таким фундаментом могла стать традиция совместной революционной борьбы.

Впрочем, многие герои, ассоциировавшиеся с данной традицией, а также вышедшие из XIX в., часто оказывались весьма спорными персонажами с точки зрения конструирования истории революционного сотрудничества. Одни, как, например, Ф.Э. Дзержинский, «бесстрашный рыцарь революции» и создатель ВЧК, С.В. Косиор — секретарь ЦК Украины и создатель первого прообраза ГУЛАГа, так называемой Кавказской трудовой армии или А.Я. Вышинский, сталинский прокурор, оставили кровавый след в истории России. Другие, такие как жившие в СССР члены Компартии Польши, были расстреляны в сталинские времена (среди них Якуб Ханецкий, Юзеф Уншлихт, Адольф Варский-Варшавский, Мария Кошутска, Максимилиан Горовиц-Валецкий, Юлиан Лещинский-Ленский). Одним словом, формирование нового видения истории опиралось на достаточно шаткий фундамент. К каким бы персонажам ни обращались, везде можно было столкнуться в первую очередь с жертвами сталинских репрессий, когда большинство польских коммунистов, которые находились на тех же самых политических позициях, что и их большевистские соратники, было уничтожено.

Традиции и стереотипы

Следует подчеркнуть, что предрассудки как часть традиционного мировоззрения, а также стереотипы были в XIX в. неотъемлемой частью общественного сознания и существенно образом влияли на польско-русские отношения. Негативный образ России и русских в Польше усиливался вследствие их военного и политического присутствия, их роли в административном аппарате, в частности в области народного просвещения, как на бывших восточных территориях Речи Посполитой, так и в существовавшем с 1815 г. Королевстве Польском. С русскими в Польше ассоциировалась русификаторская политика царских властей. Подобные отрицательные представления, оказывавшие значительное влияние на поляков, еще более укоренились после подавления очередного восстания, а также по мере распространения таких негативных общественных явлений, как, например, коррупция¹⁷. Даже русские офицеры, бывшие частью имперской элиты, редко воспринимались на польских землях положительно, в духе образа упомянутого уже Никиты Рыкова. В связи с этим неудивительно, что служба поляков в царской армии не вызывала у последних особого энтузиазма¹⁸. Слишком велика была дистанция между двумя народами. Русские являлись для поляков зримым воплощением ненавистной самодержавной власти, их воспринимали как захватчиков независимо от их уровня образования, воспитания и культурного развития. Парадоксально, что это не могло помешать весьма частым случаям возникновения романтических отношений между поляками и русскими офицерами, причем в условиях, когда царских офицеров и других чиновников не принято было приглашать в дом. Исключением могли быть разве что официальные приемы в высшем обществе либо встречи в магнатских резиденциях, особенно на «креках» (так по традиции именовались осточные украинско-белорусские литовские окраины Польского государства).

¹⁷ См.: *Chwalba A. Imperium korupcji: korupcja w Rosji i Królestwie Polskim w latach 1861–1917.* Warszawa, 2001.

¹⁸ См.: *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w carskiej armii w latach 1831–1873.* Warszawa, 2001.

Говоря о связях полек с русскими, нельзя не упомянуть об Иоанне Грудзиньской, княгине ловичской, жене великого князя Константина, ради которой он отрекся от престола в пользу Николая I. Другим подобным примером может служить фигура Марии Калергис, жены варшавского обер-полицмейстера С.С. Муханова, пианистки и покровительницы искусств. Вместе с тем случаи смешанных браков в аристократической среде не были характерны для низших общественных слоев. Вообще, русско-польские романы были весьма резонансными событиями, особенно те из них, которые оканчивались трагически. Одним из таких ярких случаев трагической любви стал роман варшавской драматической актрисы, красавицы Марии Висновской. Будучи на вершине славы, она погибла в ночь с 30 июня на 1 июля 1890 г. от руки ревнивого любовника — гвардейского офицера Александра Бартенева. Замечательный памятник актрисе сохранился на варшавском кладбище Повонзки, а сама трагическая любовь была увековечена как в польской, так и в русской литературе и культуре (в рассказе И.А. Бунина «Дело корнета Елагина», в романе Ю.Л. Ельца «Болезнь века»; в произведениях С.А. Вотовского, А. Тушиньской, В. Терлецкого, а также в фильме режиссеров М. Коротышевского и И. Ефимова «Игра в модерн» 2003 г.)

*Религия, конфессиональные проблемы
и общественные отношения*

В XIX в. главным препятствием к заключению браков между русскими и поляками являлись конфессиональные различия. Вопреки старой традиции, когда дочь воспитывалась в вере матери, а сын — в вере отца, со времен Николая I утвердился принцип, согласно которому все дети от подобных союзов должны быть православными. Для поляков и полек это означало принудительную ассимиляцию. Поэтому смешанные браки воспринимались польским обществом крайне негативно как на кресах, так и в Королевстве Польском. Те, кто решался на подобные союзы, часто оказывались изгоями. С другой стороны, российские офицеры и чиновники, вступившие в брак с поляками, немедленно переводились на службу в другие, отдаленные регионы

империи из-за опасений властей по поводу их возможного ополячивания¹⁹.

В целом именно законодательство, предписывавшее воспитание детей от смешанных браков исключительно в православной вере, отвращало как поляков, так и полек от желания вступать в брак с русскими. Католическая традиция, оказывавшая в XIX в. все еще значительное влияние на польское общество, подразумевала довольно терпимое отношение к смешанным бракам. Однако, как и в православии, их непременным условием было воспитание детей в своей, т.е. католической, вере. Интересно отметить, что в рассматриваемый период существовало немало смешанных католическо-протестантских семей, которые никто не заставлял делать насильственный выбор касательно вероисповедания детей. Родители сами решали этот вопрос без какого-либо административного вмешательства.

К этому добавлялись довольно распространенные стереотипы, наиболее популярным среди которых было убеждение, что жена-полька не только «ополячит» детей, но и самого мужа может перетянуть на польскую сторону, даже если тот — истинный русский патриот и офицер гвардии. Подобный взгляд официально пропагандировался среди русских военных, квартировавших в королевстве, Литве, Белоруссии и на Украине. Целью этого было предотвратить необдуманные «связи» и укрепить «бдительность» военных в случае их контакта с поляками, тем более что повсеместно польки считались красивыми, образованными, влюбчивыми, но также и лицемерными, коварными и прежде всего — сильно, аж на грани помешательства, патриотически настроенными. Помимо уже упомянутых препятствий культурного и языкового характера все это являлось дополнительным барьером на пути заключения смешанных браков.

Следует также отметить, что православное духовенство, утверждавшее и распространявшее подобные взгляды, опиралось на древнюю традицию греческого христианства восточного обряда, подразумевавшую крайне недоверчивое

¹⁹ См.: *Gorizontow L. Ustawodawstwo dotyczące małżeństw różnowierczych w historii stosunków rosyjsko-polskich // Przegląd Wschodni. 2000. T. 7. Z. 1 (25). S. 69–95.*

отношение к латинянам. Истоки его следует видеть в расколе христианской церкви и средневековых идеях борьбы восточного, греческого христианства с западным или латинским. В русских летописях латинянин, особенно католик, часто изображался как бес, черт и воплощение дьявола, который готов не только обольстить и бросить женщину, забрав ее тело, но и поработить душу. Одним словом, преграды на пути взаимного сближения существовали в обоих обществах, и в польском, и в русском. Подробно об этом пишет Анджей Кемпиньский в книге «Лях и москаль. Из истории стереотипов»²⁰.

В XII в. грек Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря, писал: «...вере же латынской не приобщаться <...> и всех их обычаев и нравов гнушаться и блюстись; дочерей своих не давать за них замуж, ни у них дочерей брать; ни брататься с ними, ни кланяться им, ни целовать его (латинянина. — Л.З.); и из одной посуды не есть, и не пить с ним, и не брать у них пищи. Им же, когда они просят у нас есть или пить Бога ради, давать есть и пить, но из их собственной посуды. Если же <...> давать и в своей, только потом, вымыв, сотворить над ней молитву. Ибо *неправо они веруют и нечисто живут* (курсив мой. — Л.З.): едят со псами и кошками, пьют свою мочу и едят ящериц, и диких коней, и ослов, и удувленную, и мертвечину, и медвежатину, и бобровое мясо, и бобровый хвост. В говенье мясо разрешают...»²¹

Подобные конфессиональные стереотипы и даже предрассудки могли в латентной форме просуществовать даже до XIX в., особенно среди так называемого простонародья, например в патриархальной крестьянской среде, из которой

²⁰ См.: Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990.

²¹ Ibidem. S. 146. Касательно истории традиций см. также: Rybarczyk-Dyjewska J. Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich. Kraków, 2013.

Цитата из послания Феодосия к князю Изяславу «о вере латинской» дана по переводу с древнерусского на основе: Поучения и молитва Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. Н.В. Поньрко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 449. — *Прим. перев.*

рекрутировался рядовой состав русской армии. Препятствия религиозного характера для контактов между людьми были не менее серьезными и с другой, польской стороны как в среде польского католического крестьянства, так и в среде католической мелкой шляхты. Все это предопределяло, что, несмотря на языковую и культурную близость, широкое сближение между тогдашними поляками и русскими было в значительной мере затруднено.

Рудименты указанных стереотипов можно встретить в польских пословицах, этих хрестоматийных примерах «народной мудрости». Интересно заметить, что понятия «Россия», «Русь» и «Москва» выступают в них как синонимы, несмотря на то что Русь в польской традиции отождествляется в первую очередь с Украиной. Из наиболее распространенных, вплоть до сегодняшнего дня, пословиц можно назвать следующие: «Помни русский месяц!» («Pamiętać ruski miesiąc!»); в смысле предостережения перед неприятными и долговременными последствиями какого-либо поступка); «С русским говори, а за пазухой камень держи» («Z Ruskim gadaj, a w zanadrzu kamień trzymaj»); означает, что не следует доверять русским или россиянам); «Упрямый, как москаль», «Врет, как москаль» («Uparty jak Moskał», «Łże jak Moskał»; обе пословицы отражают, с одной стороны, упрямство, а, с другой — пронируемость русских)²². Однако наиболее известной и популярной является пословица «Должен — это на Руси, а в Польше кто как хочет!» («Musi to na Rusi, a w Polsce jak kto chce!»). Существует и ответ: «А раз Польша близко к Руси, то и в Польше каждый должен!» («A że Polska blisko Rusi to też w Polsce każdy musi!»).

Говоря о реалиях общественного развития, стоит вспомнить и о том, что традиция общих славянских корней проявлялась не только у А. Мицкевича, но и в обыденном сознании, в народной мифологии. Несмотря на разделы Речи Посполитой по-прежнему жива была легенда о трех братьях прародителях славянских народов и основателях древнейших славянских государств — Лехе, Чехе и Русе, из которых Чех пошел на юг, Рус — на восток, а Лех остался на горе Леха под Гнезно, где и

²² См.: Świerczyńska D. Narody w przysłowiach // Wiedza i Życie. 1996. № 2.

зародилась Польша. При этом важно добавить, что в чешской традиции присутствуют только два брата — Чех и Лех.

Особенностью XIX в. было также и то, что необходимость осознания национальной идентичности в условиях утраты собственной государственности из-за разделов Речи Посполитой приводила ко все шире доминировавшему отождествлению польскости с католичеством. Можно сказать, что после первой Контрреформации в Польше рубежа XVI–XVII вв. наступила, говоря условно, вторая, относившаяся к XIX в. Вновь приобрел популярность лозунг: «Поляк — значит католик», ставший определяющим в понимании «польскости» и в следующем, XX столетии. Значение придавалось, таким образом, именно различиям между народами, в частности поляками и русскими, а не общему славянскому происхождению.

Реалии повседневной жизни

В данной статье уже говорилось об эволюции позиции в отношении России польского дворянства, которое к концу XIX в. стало одной из опор самодержавия в Королевстве Польском. Указанная лояльность в целом старательно маскировалась, и только отдельные личности решались открыто ее демонстрировать. Вместе с тем интеграция польского населения в общеимперское пространство становилась все более глубокой, вовлекая в этот процесс широкие круги общества.

Перемены капиталистического характера вызывали разорение мелкого шляхетского землевладения. В результате представители мелкой шляхты вынужденно вливались в ряды формирующейся интеллигенции, начиная зарабатывать на жизнь частично умственным трудом, частично в качестве государственных чиновников не столько на бывших территориях Речи Посполитой (где это было скорее невозможно в силу существовавших запретов), сколько во внутренних районах самой России. Значительное число, около 60 тыс. человек, к концу XIX в. (более 30 тыс. в Сибири и столько же в Европейской России) ссыльных поляков так никогда и не вернулись на родину²⁵. Многие из этих людей

²⁵ См.: *Zasztowt L. Powstanie styczniowe i jego konsekwencje demograficzne. Zesłania i przesiedlenia ludności polskiej z zachodnich guberni w*

занимались торговлей и предпринимательством, перевоза в Россию свои семьи, нередко зарабатывая значительные состояния. Примером такого удачливого предпринимателя может служить Станислав Вокульский, герой «Куклы» Болеслава Пруса. И подобных богачей в России было немало, достаточно вспомнить семейства Кербедзь, Кроненберг, Згленицких, Ледницких и множество других.

Среди представителей свободных профессий в России также было немало поляков, среди них — выдающиеся литераторы и адвокаты, как, например Владимир Спасович, Эразм Пильц, знаменитый медик Юзеф Малиновский, первый и последний ректор Варшавской главной школы в 1862–1869 гг. и личный врач дочери Николая I, княгини Марии Лейхтенбергской²⁴.

Весьма показательным было и количество польских офицеров, служивших в царской армии, которое особенно возросло к концу столетия²⁵. Многие из них подвергались постепенной ассимиляции. Примером здесь мог бы послужить Юзеф Довбор-Мусницкий²⁶, генерал-лейтенант, позднее особо проявивший себя в период возрождения Польши как участник Великопольского восстания 1919 г. Довбор-Мусницкий родился в Польше, под Сандомиром, но после многолетней службы в России говорил по-польски с большими трудностями и до конца жизни сохранял характерный русский акцент. Подобных случаев, особенно на уровне среднего и младшего офицерского состава, было множество. Люди эти, сохраняя в целом польское сознание, в то же время интегрировались в российское общество.

К моменту обретения Польшей независимости оказалось, что Россия подготовила для возрождающейся страны многочисленные кадры военных, врачей, юристов, литераторов,

głąb Cesarstwa Rosyjskiego // *Zasztowt L. Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX wieku. W kręgu edukacji i polityki.* Warszawa, 2007. S. 173.

²⁴ См.: *Kasa Mianowskiego 1881–2011 / Pod red. L. Zasztowta.* Warszawa, 2011. S. 19 etc.

²⁵ См.: *Kulik M. Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914).* Warszawa, 2008.

²⁶ См.: *Bauer P. Generał Józef Dowbor-Muśnicki 1867–1937.* Poznań, 1988.

ученых и профессуры. Очевидно, что данное явление не было результатом целенаправленной государственной политики, будучи обусловлено скорее естественным ходом вещей. В государстве, где человек жил и работал, он и получал образование, и оттачивал профессиональные навыки.

Среди наиболее известных профессоров польского происхождения следует назвать ректора Казанского университета, востоковеда Юзефа Ковалевского; лингвиста, профессора университетов Казани, Дерпта и Санкт-Петербурга Яна Нечислава Бодуэна де Куртенэ; юриста и философа, профессора Санкт-Петербургского университета Леона Петражицкого. Нельзя не упомянуть исследователей Сибири и Центральной Азии: Бенедикта Дыбовского, Александра Чекановского, Яна Черского, Кароля Богдановича, Юзефа Морозевича, Бронислава Громбчевского, Леона Барщевского, Вацлава Серошевского, Бронислава Пилсудского, Юзефа Ходзько, Иеронима Стебницкого. Подобные примеры можно привести и еще, а более подробные сведения — почерпнуть из труда Ежи Рузевича «Польско-русские научные связи (1725–1918)»²⁷.

Эта ситуация имела важные последствия общекультурного характера, которые нельзя не отметить. Речь идет о том, что в течение более чем столетия значительная часть бывших земель Речи Посполитой находилась в границах Российской империи. Все проживавшие на них поляки не только в той или иной степени владели русским языком, но и проникались симпатией к русской культуре, литературе и поэзии, по достоинству ценили человеческие качества русских, в частности присущее им чувство юмора. Иными словами, они прекрасно понимали Россию и русских, имели среди них немало настоящих друзей, а часто обзаводились и родственными связями.

Именно поэтому для многих поляков огромной трагедией стала революция, которая обусловила уход в прошлое той русской цивилизации, которая была им близка и в лоне которой они выросли. Крушение старой России они воспринимали как личную трагедию, и большая политика не

²⁷ См.: *Róźiewicz J. Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław, 1984.* См. также многочисленные работы Збигнева Вуйцика.

имела с этим ничего общего, поскольку речь шла о судьбах конкретных людей и их близких. В связи с этим Варшава наряду с Парижем, Мюнхеном и Прагой стала пристанищем для определенной части белой эмиграции²⁸. В ее рядах были и выдающиеся представители дореволюционной России, сыгравшие крупную роль в развитии польской науки, такие как педагог и философ С.И. Гессен, преподаватель Петроградского и Томского университетов, а позднее — профессор Свободного польского университета и Университета в Лодзи²⁹.

Заключение

Главным итогом анализа польско-российских отношений в XIX в. может быть вывод, что польско-российские контакты существовали и развивались на множестве различных уровней. Кроме наивысшего из них, то есть уровня большой политики, который вызывал у поляков наиболее негативные коннотации, оказав основополагающее влияние на формирование и развитие убеждения в их хронической антироссийскости, существовали и иные сферы взаимодействия. Сюда можно отнести и межличностные контакты поляков и русских как в общественной, культурной, научной областях, так и на уровне человеческого общения. Отношения эти функционировали значительно лучше, нежели политическое взаимодействие между властью и обществом.

Если попытаться измерить или взвесить, что преобладало в XIX в. — отрицание России или ее акцептация, то окажется, что помимо политической враждебности в отношении империи существовали иные многочисленные сферы для взаимопонимания, касавшиеся прежде всего непосредственных и нередко продуктивных контактов между конкретными людьми — поляками и русскими. С этой точки зрения можно заключить, что, несмотря на подчинение и порабощение

²⁸ См.: *Emigracja rosyjska: losy i idee / Pod red. R. Bäckera i Z. Karpusa. Łódź, 2002.*

²⁹ С.И. Гессен оказал серьезное влияние на молодого Анджея Валицкого. См.: *Walicki A. Idee i ludzie. Próba autobiografii. Warszawa, 2010. S. 22 etc.*

Польши Россией, польско-российские отношения были неожиданно благополучными, а близость национальных характеров, склада мышления и миропонимания сыграла в данном случае, как мне кажется, решающую роль³⁰.

Перевод К.А. Кочегарова

³⁰ См.: Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX wieku / Pod red. L. Zasztowta. Warszawa, 2013. S. 11 etc.

Верификация подходов к изучению истории двусторонних советско- и российско-польских отношений в исторической мысли рубежа XX–XXI веков

Советско-польские и российско-польские отношения весьма специфичны. Они складывались в условиях почти постоянного противостояния последних четырехсот лет. С созданием Российской империи шляхетское Польско-литовское государство оказалось в зависимости от восточного соседа, а с конца XVIII в. польские земли были сначала разделены и порабощены Россией вместе с двумя другими так называемыми «империями черных орлов». После двадцатилетнего периода (1918–1939 гг.) независимого существования Польша испытала на себе жестокий гнет нацистской оккупации, а затем сорок пять лет зависимости от Советского Союза. Будучи на протяжении почти двух веков во власти авторитарных режимов, польский народ сформировал отягощенную пережитыми антагонизмами историческую память, что и предопределило чрезвычайно высокую реактивность и остроту польского исторического сознания, политики памяти, как и своеобразие польской исторической политики. Российское историческое сознание в силу специфики исторического развития России как государства и как общества оказалось также в высокой степени идеологизировано. Достаточно указать на так и не преодоленные до наших дней в общественном сознании России последствия революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг., одним из важнейших периодов которой стала советско-польская война 1920 г.

Все это предопределило особую значимость и определенную трудность перемен при застойной модели билатеральных отношений в современную, переходную историческую эпоху, когда остались позади десятилетия существования тоталитарно-авторитарных режимов. Происходящие системные

преобразования диктуют повышенный интерес к проработке и смене важных дискурсов исследования эволюции российско-польских отношений.

До рубежа 1980-х — 1990-х годов существенным элементом отражения польско-российских отношений в коллективной исторической памяти стала в большей или меньшей степени мифологизированная картина исторических событий. Ввиду слабой политизации советского общества, его неспособности верифицировать общественное, в том числе историческое сознание именно идеологема и мифологема были определяющей, органичной составляющей представлений о событиях истории, традиционно воспроизводимых в вульгаризированной и инструментально трактуемой форме. В такой форме они использовались Советским Союзом для укрепления своих позиций и ограничения суверенитета других государств в рамках социалистического лагеря и ближайших союзников СССР, обозначавшихся термином «социалистическое содружество». Констатировать это принципиально важно, потому что в сознании обществ такого типа идеологема и мифологема традиционно доминируют. Коллективная память функционирует в обстановке мифологизации историко-цивилизационного процесса. Историческая политика в этих условиях играла роль своего рода стартовой площадки для политических действий.

Начало верификации подходов к истории двусторонних, тогда еще советско-польских отношений относится к концу послевоенного десятилетия, когда социалистическая система преодолела кризис, кульминацией которого стали события 1956 г., а одним из последствий — так называемая оттепель. Она знаменовала приближение смены парадигмы советско-польских отношений, как и системы межгосударственных отношений в социалистическом лагере в целом.

Когда в 1956 г., раздосадованный тем, что польское руководство не согласовало — в нарушение коминтерновской традиции — утверждение на высший пост В. Гомулки, Н.С. Хрущев прилетел в Варшаву и в ходе церемонии встречи на аэродроме, указав на нового главу ПОРП, задал явно провокационный вопрос: «Это кто таков?», то в ответ советский лидер получил напоминание о репрессиях 1948 г. Затем и

В.М. Молотову припомнили «уродливое детище Версальской системы». Драматизм ситуации вынудил Хрущева осудить советскую позицию в отношении Польши в 1939 г.

В датированной 30 октября 1956 г. Декларации Правительства Союза ССР об основах развития и укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами впервые — для документов такого ранга — подчеркивалась необходимость учета уроков исторического прошлого и национальных особенностей каждой из стран.

На практике же процесс избавления от наследия сталинизма оказался весьма противоречивым и длительным. Со времени окончания Второй мировой войны и образования ПНР советская историческая политика концентрировала внимание только на позитивных тенденциях и фактах исторического взаимодействия с Польшей. На это указал в недавно изданных «Очерках истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы»¹ в прошлом видный дипломат Ю.В. Иванов, отмечавший, что Кремль последовательно проводил «курс пропагандировать только те моменты в истории, которые сближали наши народы»². Именно на это в течение десятилетий и была сориентирована деятельность Комиссии историков обеих стран.

То, что Иванов определил в качестве «благородных намерений» исторической политики власти, критики этой политики называют «политикой непамяти», или, если угодно, беспамятства. Обе отмеченные тенденции отражают объективную ситуацию постоянно присутствующей политической борьбы по вопросу об оценках исторического прошлого и научного исторического знания. Эта непростая проблема, как представляется, в настоящее время находит с точки зрения современного этапа развития российско-польских отношений свое оптимальное решение. Она все больше разводит историческое сознание, «политику памяти» и «историческую политику».

¹ См.: *Иванов Ю.В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы.* М., 2014.

² Там же. С. 223.

Примером, отражающим и соединяющим в себе все три вышеуказанные тенденции, стало фундаментальное многотомное издание, объединившее в себе различные комплексы исторических источников (от актов верховной государственной власти до документов общественных организаций и материалов прессы), — «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Первый его том, относящийся к периоду 1917–1918 гг., был опубликован в Польше и СССР в 1962–1963 гг.³ К сегодняшнему дню издание насчитывает 13 томов и доведено до 1965 г.

В целом названная публикация исторических источников, явно заявившая о себе как об объективном, хотя и часто одностороннем и неполном воплощении «политики памяти», столкнулась с властными «исторической политикой» и «политикой непамяти». В частности, это выразилось в одной, хотя и чрезвычайно яркой детали. В томе, посвященном периоду Великой Отечественной войны, была опубликована текущая информация о сборе средств на танк с надписью на броне «Месть за Катынь». Это было единственное прорывное упоминание о трагической гибели в лагере под Смоленском интернированных осенью 1939 г. польских офицеров. Публикация любой информации об этом событии была с 1950-х годов полностью — в любой редакции — запрещена в Советском Союзе.

Наступление в СССР на рубеже 1960-х – 1970-х годов так называемого периода застоя не позволяло основательно пересматривать и устранять из общественного сознания конфронтационные идеологические клише. Вновь стали воспроизводиться устаревшие черно-белые штампы, реанимировались мифологемы и соответствовавшие им стереотипы освещения советско-польских отношений межвоенного периода 1920-х — 1930-х годов. Хотя декоративно-плакатные формулы дружбы пропагандировались назойливо, этот процесс не подкреплялся основательной переработкой и снятием комплекса негативных стереотипов, отказом от прежней уничижительной лексики.

Развитие кризисных событий в Польше в 1980–1981 гг. обнажило возбужденное состояние польской исторической памяти как неизменного стимула брожения в польском

³ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1 / Ред. Т.Г. Снытко. М., 1963.

обществе и напряженности в двусторонних отношениях, подрывавшей взаимодействие и сотрудничество двух стран. Историческое прошлое взаимоотношений народов СССР и Польши привлекло усиленное внимание советского посольства в Варшаве в неменьшей мере, чем экономические и политические вопросы взаимоотношений двух стран. От советского посла А.Н. Аксенова в Москву, в МИД, шел поток детальной информации об «антисоветских кампаниях» по поводу дат и событий прошлого. В связи с этим Отдел науки ЦК КПСС был завален якобы научной работой и мобилизовал на помощь историков из Института славяноведения и балканистики АН СССР. Большого проку от этого, впрочем, не было. По вопросу о Катыни дальше самого узкого возвращения к заключению Комиссии Н.Н. Бурденко ни они, ни привлеченные в связи с катынскими материалами Нюрнбергского процесса сотрудники Института всеобщей истории не пошли.

Только на следующем историческом повороте, в годы перестройки, системная трансформация, включившая механизмы объективного политического анализа действительности, позволила основательно продвинуться по пути комплексного научного анализа. В новой общественно-политической обстановке открылась возможность начать в меру обстоятельно, адекватно трактовать историю двусторонних отношений. Прямо скажем, именно благодаря этому были достигнуты качественно новые результаты.

По инициативе польской стороны усилиями руководителей обеих стран были сформулированы основы взаимоотношений в идейно-политической области. При подписании ими «Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры»⁴ М.С. Горбачев делал упор именно на идеологию дружбы и сотрудничества, обещая предоставить новые документы, В. Ярузельский — на признание засекреченных «политикой непамяти» фактов, то есть на научную верификацию истории отношений, на снятие трудных вопросов и ликвидацию так называемых белых пятен, на практике чаще всего оказывавшихся окрашенными в трагические цвета.

⁴ См.: Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. М., 1987.

В мае 1987 г. развернула работу двусторонняя Комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами. Собственно, тогда и было положено начало установлению многих подлинных фактов истории и верификации их интерпретации, т.е. советской исторической политики. Была проведена каталогизация основных конфликтов из «истории памяти», сформулировано 22 темы и запланировано 25 проектов, созданы рабочие группы по их изучению и совместному обсуждению и достижению взаимопонимания. Около половины из них удалось реализовать до кардинального геополитического поворота в судьбах СССР и ПНР. Это была отнюдь не формально-академическая работа. Польской стороне были переданы многие совершенно секретные документы. Проекты готовились тщательно, обсуждались неформально. Установление подлинных фактов при сопоставлении и переосмыслении идеологических, нередко антагонистических стереотипов исторической политики той и другой страны сопровождалось, как правило, личными открытиями и драматическими переживаниями. Сформировавшиеся в период гигантских международных конфликтов — двух мировых войн, — десятилетиями подогреваемые накладывавшимися и накладываемыми друг на друга (особенно во время так называемого освободительного похода Красной Армии 17 сентября 1939 г.) раздуваемыми национальными и классовыми противоречиями сшибки в историческом сознании требовали от ученых (историков и правоведов) готовности к откровенному научному диалогу. Требовали детального выяснения как факты, так и контекст принятия в прошлом тех или иных решений. В доверительных разговорах нам довелось обсуждать с руководителем польской части Комиссии Яремой Мачишевским состояние сознания красноармейцев в 1920 г., а с руководителем советской части директором ИМЛ при ЦК КПСС Г.Л. Смирновым причины расстрела в Катынском лесу польских офицеров.

В этой работе все четче обозначались контуры исторической политики. Польские ученые ставили во главу угла работы Комиссии выяснение прежде всего Катынской проблемы. А это изначально было очень трудной задачей, потому что аппарат ЦК КПСС наложил строжайший запрет на рассмотрение этого, как и некоторых других вопросов, представлявших советскую сторону, мягко выражаясь, не в лучшем свете.

Принимаемые на заседаниях решения немедленно, фельдъегерской почтой направлялись на Старую площадь. Однако при наличии различных трудностей удалось создать советскую Катынскую подкомиссию и добиться доступа в архивы, а также первой официальной передачи Горбачевым катынских документов польской стороне. Хотя сам Генеральный секретарь до последнего момента проявлял колебания и сам высказывался в пользу их уничтожения. В опубликованных польских социологических опросах признание СССР вины по Катынскому делу дважды было признано наиболее важным для польского народа событием года.

В Комиссии удалось добиться изменения трактовки воссоздания в 1918 г. Польского государства, уточнения истории советско-польской войны 1919–1920 гг., обстоятельств роспуска Компартии Польши, заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г., Освободительного похода Красной Армии 17 сентября 1939 г. и включения в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Варшавского восстания 1944 г. и ряда других ключевых проблем двусторонних отношений. Были отвергнуты старые историко-политические стереотипы и предприняты меры к имплементации новых подходов. По инициативе советской части Комиссии в Москве в 1989 г. было создано проходившее в Институте славяноведения и балканистики Всесоюзное совещание историков-полонистов, а также проведены две конференции для общественности — в Москве и Варшаве.

Геополитические подвижки 1989-го и последующих годов затормозили работу по формированию обновленных концепций истории российско-польских отношений. Давала о себе знать официальная, традиционно идеологизированная историческая политика. Раскрытие правды о Катыни породило «Анти-Катынь» — поиски возможности «вчинить» другой стороне «встречный иск» и нейтрализовать общественное мнение. Начало этому было положено распоряжением М.С. Горбачева от 3 ноября 1990 г. — одновременно с ускорением следствия по Катынскому делу — найти архивные материалы о событиях и фактах по истории советско-польских отношений, «в результате которых был причинен ущерб советской стороне». Так возник вопрос о судьбах пленных красноармейцев времен советско-польской войны 1919–1920 гг.

С ликвидацией в 1991 г. Советского Союза Комиссия прекратила свою работу, однако плодотворными итогами ее деятельности стали многочисленные научные публикации и публицистические выступления в России, Польше и в других странах.

В 1990-е и в начале 2000-х годов властями новой России проводилась более адекватная политика памяти, верификация исторической политики перешла в это время в значительной степени в правовое поле и принесла плоды в виде обстоятельных монографий. Российско-польские отношения налаживались. В 2008 г. развернула интенсивную работу совместная Группа по сложным (трудным) вопросам в истории российско-польских отношений, в задачи которой вошла выработка рекомендаций относительно того, «как лучше и быстрее снимать преграды исторического плана из политической повестки» руководства обеих стран, а также «подготовка совместной публикации историко-документального характера, которая дошла бы до самых широких кругов общественности». В 2009 г. году дело дошло до личной встречи В.В. Путина и Д. Туска в Гданьске. Вновь, но на более широких общественных основах встал вопрос о верификации исторической политики. В России из старой копилки оказались извлечены и посредством СМИ представлены общественности старые, как бы симметричные претензии — присутствие поляков в Кремле в XVII в., соучастие Польши в разделе Чехословакии и захват поляками Тешинской области. Наряду с причастностью к Мюнхенскомуговору властям межвоенной Польши некоторыми российскими публицистами вменялся в вину якобы имевший место секретный протокол к польско-германскому договору 1935 г. В совокупности, по мысли их инициаторов, указанные аргументы позволяли бросить тень на Польшу, возложив на нее долю ответственности за развязывание Второй мировой войны. Присутствие в российских СМИ и на телевидении такого рода «материалов», за исключением пропагандистских акций ко Дню национального единства в годовщину освобождения Москвы ополчением Минина и Пожарского осенью 1612 г., носило маргинальный характер. Выпады некоторых публицистов в отношении политики Польши в XX в. никогда не получали официальной поддержки со стороны российских властей. В то же время неизменно

сохраняется антироссийская тенденция в публикациях ряда польских СМИ. Применительно же к истории российско-польских отношений главной темой польских публицистов стал, разумеется, пакт Молотова–Риббентропа.

В начале 2000-х годов как в Польше, так и в России к 70-летию начала Второй мировой войны были опубликованы нескольких десятков статей и сборников различного научного достоинства в разной мере идеологизированных. В ответ совместная Группа по сложным (трудным) вопросам подготовила и осуществила совместными усилиями специалистов обеих стран, на двух языках коллективное сводное издание параллельных статей по 15 важнейшим, вызывающим споры проблемам двусторонних отношений «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях»⁵. Среди упомянутых проблем были: а) польский вопрос накануне падения царизма; б) двусторонние отношения в 1920-е — 1930-е годы и в период Второй мировой войны; в) катынское преступление; г) послевоенное десятилетие и оттепель; д) введение военного положения в Польше; е) политические и экономические отношения, Россия и Польша в системе международных отношений и др. В сборнике было проанализировано также состояние историографии. Анализ указанных проблем был продолжен на совместных конференциях, материалы которых, усилившие звучание политики памяти и верификацию исторической политики, были опубликованы⁶.

После того как Российская Федерация на высшем государственном уровне дала официальную оценку катынскому преступлению, мы можем задаться вопросом, что принесли усилия ученых, прежде всего российских, в деле снятия трудных проблем в двусторонних отношениях в целом и по катынской проблеме в частности как одному из наиболее трудных вопросов. Прежде всего принципиальное значение приобретает также вопрос, в какой мере реализована

⁵ См.: Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; Отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. М., 2010.

⁶ См.: Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры / Под ред. С. Дембского, А.В. Мальгина. М., 2014. Среди авторов данной публикации были Е. Боженцкий, Я.Я. Брускин, В.Ф. Верстюк.

предлагаемая историческая политика диалога и согласия, в каком виде в историческом сознании россиян присутствуют российско-польские отношения.

Проходящая сейчас процесс становления теория исторической политики констатирует, что эта политика не бывает нейтральной, она всегда формируется в конкретных интересах государства, класса, политических сил, геополитической миссии страны или международного общественного мнения. И используется в инструментальных целях.

Кто является субъектом исторической политики? Ее реализуют руководители государственных институтов, элита власти, лидеры политических партий и групп давления, представители различных СМИ, которые сознательно отождествляют себя с определенной исторической традицией или отвергают ее. Особенно склонны спекулировать на исторической политике носители консервативной, национальной и псевдопатриотической аксиологии, использовать ее в отношении соседних государств, формируя односторонние, субъективные трактовки, направленные против близкого соседа или же политического оппонента на международной арене. Возобновление прежних установок исторической политики не может отвечать меняющимся задачам, новым запросам. Необходимо постоянно выверять, чем она в настоящее время является, ради какой интенции, для удовлетворения каких претензий и достижения каких политических и идеологических целей используется. С какой целью по-прежнему институализируется в исторической политике и распространяется среди масс историческая мифология?

Нельзя не признать, что и ранее, и в настоящее время в историческую память искусственно внедрялась, внедряется и закрепляется далеко не всегда правдивая историческая информация, источники используются при помощи сомнительных интерпретаций и нередко откровенной мистификации для разных целей, при различии в способах их реализации. Например, в обобщающем труде «Польша в XX веке: Очерки политической истории»⁷, в разделе авторства В.С. Парсадановой, эксперта Главной военной прокуратуры и

⁷ См.: Польша в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.

соавтора книги «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»⁸. Катынское дело излагается вполне адекватно. Но в том же труде изложена и альтернативная версия, которую предлагают «ряд российских исследователей и политических деятелей»⁹. Авторы тома указали на нее для иллюстрации тезиса, что общественная дискуссия по названной проблеме не исчерпывается официальным постановлением, что в обществе сохраняется и будет впредь сохраняться вариативность представлений об историческом процессе, а следовательно, и почва для формирования исторической политики и для воздействия последней на общественное сознание вплоть до конъюнктурного использования описания обстоятельств катынского преступления. Это, по нашему мнению, могло бы послужить реабилитации ни много ни мало репрессивной деятельности силовых структур сталинского режима. В русле той же Анти-Катыни, поименовав второй, дополнительный раздел книжки «Катынь. Современная история вопроса»¹⁰ вполне откровенно как «Анти-Катынь, или Красноармейцы в польском плену», «публицист-политолог» В.Н. Швед при соучастии координатора интернет-сайта «Правда о Катыни» С.Э. Стрыгина и с использованием этой и подобной информации выпустил в свет второе издание вышедшей в свет в 2007 г. книги «Тайна Катыни»¹¹.

В то же время отмеченная продолжающаяся дискуссия ставит весьма важный вопрос о научном и профессиональном уровне предлагаемой обществу аргументации. Так, уже упоминаемый выше Ю.В. Иванов в своих «Очерках истории российско-польских отношений в документах. 1914–1945 гг.» выдвигает сомнительное утверждение, что он использует исторические источники не для их анализа, а для «приведения в качестве

⁸ См.: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001; 2-е изд. 2009.

⁹ Тайны катынской трагедии: Материалы круглого стола по теме «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты» / Отв. за выпуск В.И. Илюхин. М., 2010.

¹⁰ См.: Швед В.Н. Катынь. Современная история вопроса. М., 2012.

¹¹ См.: Швед В.Н. Тайна Катыни. М., 2007.

подтверждения авторских оценок и выводов»¹². На источники и историографию автор ссылается в едва заметной степени, предпочитая опираться на собственные былые наработки о настроениях польского общества предшествующих десятилетий, игравшие определенную роль при формировании текущей советской внешней политики. Обращаясь к катынской тематике, он не упоминает, что историческое явление «Катынское преступление» не ограничивается расстрелом в Катыни, а имело место в трех специальных лагерях НКВД. Вызывают сомнения ряд приводимых им данных, достоверность которых автор не обосновывает и которые в то же время противоречат материалам других исследований. В итоге вывод Ю.В. Иванова, что «убедительного и всестороннего расследования данного вопроса до сих пор не проведено», приводит его к бездоказательным констатациям типа: «документы сфальсифицированы», «возрастает сомнение в правильности официальной версии», «мы всегда зачем-то спешим с самоосуждением своих деяний» и т.п.¹³ Решительные возражения вызывает и фундаментальный вывод автора о характере российско (советско)-польских отношений в XX в. По его словам, «все представленные историей в XX в. возможности к сближению обеих стран оказались безуспешными и не привели к ожидаемым результатам»¹⁴.

Остается только констатировать, что состояние кризиса общественного сознания отнюдь не способствует не только утверждению адекватной памяти истории в современной исторической науке, но и сколько-нибудь прозрачной, оптимальной исторической политики. Разумеется, исторический нарратив о политике мощно воздействует на политическую конъюнктуру в наших странах с исключительно сложной историей. В политологическом дискурсе он очень важен, поскольку в настоящее время именно он верифицирует политику памяти и корректирует историческую политику, особенно сильно воздействует на состояние двусторонних отношений, нейтрализует разжигание противоречий, атмосферу

¹² См.: *Иванов Ю.В.* Очерки истории российско(советско)-польских отношений... С. 3, 203.

¹³ См. там же. С. 226–227, 353.

¹⁴ Там же. С. 353.

нервозности и конфликтов, поскольку билатеральные российско-польские отношения в силу специфики исторического процесса охватывают все сферы жизни общества.

Если постоянно воссоздается в той или иной степени мифологизированная картина жизни общества и его взаимоотношений с соседними странами, если сознательно превагирует селективный подход к подаче материала, заведомо основательно научно не исследованному, тем более если это делается из каких-либо сугубо субъективных (личных, тем более карьерных или политиканских) соображений, то это по-прежнему на практике приводит к распространению ксенофобских, шовинистических, националистических и других подобных негативных настроений.

Последние исследования варшавских, краковских, торуньских и других польских, а также московских, Санкт-Петербургских и ряда других российских научных центров, занимающихся этой проблематикой не только в сфере истории билатеральных отношений, но и в политологии, политической философии, социологии и родственных общественных науках, показали, что негативные последствия вульгарной идеологической деформации общественного сознания значительно шире. Потому остается принять, что более глубокий, научный анализ соответствующих явлений и процессов обеспечивается при эффективном взаимодействии этих наук.

Следует признать, что установка на то, что можно считать основные научно-исторические проблемы решенными и далее предоставить ученым сосредоточиться на изучении фактов, а учрежденным в силу совместного решения правительств Российской Федерации и Польши Центрам российско-польского и польско-российского диалога и согласия реализовать широкие и многоплановые контакты между россиянами и поляками, не выдерживает проверки на результативность решения основной проблемы. А эта проблема состоит в необходимости постоянной и тщательной верификации исторической политики. Необходимо глубокое понимание научного аспекта исторической политики, учет достижений историографии и применение методологии гуманитарно-общественных наук, представляемых в мультидисциплинарных категориях. Историческая политика — существенный компонент политики в сфере просвещения и воспитания, культурной политики.

Образ России как фактор формирования национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе современной Польши

Обретение национальной идентичности является важной задачей самоопределения любого народа. Идентичность формируется на основе осознания исторического опыта, культурного наследия, особенностей политического и национального сознания. Причем каждый из названных феноменов отнюдь не всегда однозначно оценивается обществом.

Проблема национальной идентичности в настоящее время является одной из ключевых в гуманитарных исследованиях и представляет далеко не только академический интерес. Само понятие идентичности широко используется и в науке, и в публицистике. При попытках определения понятия идентичности возникает целый ряд трудностей, однако большинство концепций основывается на признании постулата о том, что идентичность складывается из двух составляющих, одна из которых исторически унаследованная, а вторая приобретенная. Формирование идентичности, таким образом, является именно процессом, продолжающимся во времени и в пространстве и, соответственно, испытывающим влияние событий и сегодняшнего дня.

Подходы польских ученых к проблеме идентичности, даже при самом общем знакомстве с ними, отражают многообразие мнений и позиций. Так, профессор Торуньского университета П. Чаплиньский называет поляков «придуманной общностью». Имеется в виду некое фиктивное сообщество, а такое, которое «непрерывно само себя придумывает», будучи скрепленным разного рода мифами¹.

¹ См.: *Czapliński P. Horror Polonicus // Kim są polacy? Warszawa, 2013. S. 96.*

Профессор Института философии и социологии ПАН А. Белик-Робсон полагает, что польская национальная идентичность не восприняла современность и пребывает в «мистическом безвременье»².

Вслед за С. Бжозовским³ А. Белик-Робсон полагает, что польская идентичность — «фантом, возникший как сложившийся в период разделов порыв ностальгии по величию I Речи Посполитой, содержащий в себе при этом отторжение современности»⁴. Такова позиция не только столь значимых для польского самосознания классиков романтизма — Мицкевича и Словацкого, но и Милоша⁵, и в известной степени Кароля Войтылы, и современного польского поэта, апологета братьев Качиньских Я.М. Рымкевича⁶. У истоков такого подхода — презрение к слишком заземленной западной современности, к амбициям, не выходящим за пределы «теплой воды в кране».

Известный польский историк Я. Тазбир достаточно традиционно отмечает, что в формировании польской идентичности ключевую роль сыграли элементы шляхетской ментальности, превратившиеся в общепольское достояние.

² См.: *Belik-Robson A. Polska: wspolnota fantazmatyczna // Kim są polacy? Warszawa, 2013. S. 86.*

³ *Станислав Леопольд Бжозовский (1878–1911)* — польский писатель, философ, литературный критик. Был близок к социал-демократам. Его идеи пропагандирует в современной Польше журнал «Политическая критика».

⁴ *Belik-Robson A. Polska: wspolnota fantazmatyczna // Kim są polacy? Warszawa, 2013. S. 86.*

⁵ *Чеслав Милош (1911–2004)* — польский поэт, переводчик, эссеист, лауреат Нобелевской премии 1980 г.

⁶ *Ярослав Мирек Рымкевич (род. 1935)* — постоянный автор «Газеты польской», в своих стихах выражает романтическое, католическое видение польской идентичности. Воплощением последней нередко выступает Я. Качиньский, а антиподами — Туск и Коморовский. В опубликованном осенью 2013 г. стихотворении присутствовал жутковатый образ Туска, «белые перчатки» которого якобы обогреты кровью жертв Смоленской трагедии, когда в авиакатастрофе погибли президент Польши Лех Качиньский и его спутники. Эта смоленская кровь должна, по мысли Рымкевича, стать символом воскресения.

Даже поляки несомненно плебейского происхождения, как уже давно подмечено, отождествляют себя с героями трилогии Сенкевича. Польской идентичности, полагает Я. Тазбир, в высшей степени свойственны опасения перед угрозой утраты «польскости».

Неотъемлемой чертой польской ментальности, полагает Я. Тазбир, является убежденность в том, что свобода может быть добыта только в вооруженной борьбе. «В большинстве атак на круглый стол⁷ чувствуется внутреннее сожаление о том, что независимость началась с компромисса и была завоевана поэтапно... Норвид писал, что «Отчизна — это “великая общая обязанность”. Эта обязанность требует прежде всего крови»⁸.

Нынешние поляки, заключает Тазбир, мечутся между опасениями, что «нас купят немцы» и стремлением стать настоящими европейцами. Поляки все более чувствуют себя принадлежащими к Европе, а свои требования все более готовы предъявить собственному правительству. «Они согласны с тем, чтобы родина была всеобщей обязанностью, но обязанностью хорошо оплачиваемой»⁹.

Чем является нынешняя Польша для современного мира? Каково ее отношение к другим народам? В чем суть польской специфики? Как сохранить ее и надо ли ее сохранять? Все эти вопросы относятся к разряду наиболее актуальных в современной польской действительности.

Польская национальная идентичность, как и всякая другая, строится на противопоставлении, основанном на понятиях «свой–чужой». Некогда это было деление на благородных сарматов и «хамов», шляхту и крестьянство. В межвоенный период влиятельная политическая партия того времени — Национальная демократия во главе с Р. Дмовским — в качестве «чужих» видела прежде всего немцев, а Ю. Пилсудский и его сторонники — русских. Католическая церковь того

⁷ Имеются в виду соглашения круглого стола (1989 г.), достигнутые между властью и оппозицией. Определенные круги в Польше расценивают их как предательство, лежащее в основе проблем и неудач нынешней, III Речи Посполитой.

⁸ *Tazbir J. Jacy byli i są polacy // Kim są polacy? Warszawa, 2013. S. 76.*

⁹ *Ibid. S. 78.*

периода противопоставляла «поляка-католика» «большевику-атеисту» и «жидомасону». На пороге XXI в. Иоанн Павел II представил свое видение польской идентичности, основанное не на вражде к «чужим», а на социальном и национальном единении, на общем для всех поляков прошлом. Но стало ли его видение проблемы общепольским?

Судя по той ожесточенной «польско-польской войне», которая велась в стране между сторонниками двух противоборствующих партий — «Гражданской платформы» и «Права и справедливости» на протяжении, по меньшей мере, последних десяти лет, до единения весьма далеко. Аналитики и публицисты упорно говорят о «двух Польшах». Иногда это Польша «либеральная» и «солидарная». Иногда речь идет об исполненном патриотизма «смоленском народе» (имеется в виду та часть польского общества, которая свято верит в то, что 10 апреля 2010 г. под Смоленском произошла не авиакатастрофа, а террористический акт, организатором которого были Россия и ее польские пособники) и о других поляках, лишенных благородных патриотических помыслов. Актуальность понятия «две Польши» показали и итоги прошедших в 2015 г. президентских и парламентских выборов.

Однако есть феномены, применительно к которым можно говорить об относительно едином отношении к ним поляков. К такого рода феноменам можно отнести образ России, который в дихотомии «свой–чужой» исполняет роль «чужого», «другого», на противопоставлении с которым строится во многом образ «своего».

Осмысление России польской общественной мыслью чаще всего связано с созданием образа чего-то чуждого, враждебного и вместе с тем чем-то притягательного, заставляющего думать о себе

После Второй мировой войны, вплоть до 1980-х годов, образ России вписывался в схемы, предлагаемые Москвой. Сложные моменты в польско-российских отношениях, белые пятна в истории обходились, замалчивались (во всяком случае, в официальных изданиях). Достаточно заглянуть в школьные учебники той поры, чтобы убедиться, что образ России официальными средствами формировался во вполне официальном духе. О новейшем периоде истории старались говорить как можно меньше. В Народной Польше, согласно

школьной программе 1946 г., конечной датой изучения всеобщей истории был 1919-й, а программа 1958 г. предусматривала изложение исторических событий только до 1918 г. В 1954-м конечным рубежом стал 1945 год.

Работу системы образования в ПНР пытались организовать в соответствии с советским образцом. Более того, подготовка учебников по истории велась либо под контролем советских специалистов, либо при их непосредственном участии. В 1949 г. министр просвещения С. Скжешевский выступал с просьбой срочного перевода на польский язык учебников, изданных в СССР¹⁰. Польские историки немало усилий прилагали для создания позитивного образа СССР в глазах поляков, признав в начале 1950-х годов марксизм-ленинизм в качестве господствующей идеологической платформы исторических исследований. В ходе совместной работы с советскими историками формировался соответствующий политическим задачам того времени образ восточного соседа.

Конечно, лучшим способом избежать оценки сложных моментов польско-российских отношений был способ умолчания о них. А если что-то и говорилось, то весьма тенденциозно и в духе официальной концепции. После 1956 г. веяния оттепели коснулись и истории, но к 1970-м годам наметившиеся были тенденции сошли на нет. В средней школе часы преподавания истории были сокращены, а из программ средних специальных учебных заведений история исчезла вообще.

Несмотря на все старания, 1980-е годы, когда атмосфера в обществе стала более свободной, показали, что позитивный образ СССР, на создание которого были направлены усилия официальной науки и пропаганды, не прижился в польском обществе. «Неприязнь к русским, — по мнению польского историка Я. Стефаниака, — была глубоко укорененной, особенно среди старшего поколения»¹¹.

¹⁰ См.: *Sielezin J.R.* *Obraz Rosji i Rosjan w polskiej opinii publicznej i w webranych sztytach historii Polski i publicystyce w XX wieku* // *Obraz Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XX wieku. Opinia publiczna. Stosunki polsko-rosyjskie. Pamięć historyczna.* Lublin, 2012. S. 184.

¹¹ *Stefaniak J.* *Obraz Rosji i Rosjan w historiografii PRL (ewolucja postaw ideowo-politycznych)* // *Obrazy Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XX wieku. Opinia publiczna. Stosunki polsko-rosyjskie. Pamięć historyczna.* Lublin, 2012. S. 189–202.

В польских учебниках истории, появившихся после 1989 г., акцентировались проблемы ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны, за Катынь, за трагедию Варшавского восстания, за преследования поляков со стороны службы безопасности. В некоторых научных трудах и особенно в публицистике муссировалась идея о том, что коммунизм нисколько не лучше фашизма и принес Польше не меньше потерь.

В целом правомерно говорить о том, что в школах в сознание учеников внедряется скорее негативный образ русских и России.

Если даже допустить, что молодежь хотела бы прочитать о России что-то написанное в положительном ключе, сделать это было бы непросто в силу того, что таких авторов в Польше не много. Прежде всего следует назвать философа А. Валицкого, авторитетного исследователя российской общественной мысли, для которого русская интеллектуальная традиция — интегральная часть европейской. Он отрицает постулат «ненормальности» России. Валицкий возлагал на себя великую миссию: раскрыть истинную ценность русской мысли, вернуть понимание этой ценности и самим русским, которые утратили его в советское время. «Я хотел бы, — пишет А. Валицкий в своем письме к Ч. Милошу, — посмотреть на русскую мысль с точки зрения общих у нас с русскими испытаний — они не могут этого сделать, я могу... За действительное духовное возрождение России я готов заплатить «внутренней русификацией всех поляков»... Те, кто поворачивается спиной к России вместо того, чтобы повернуться к ней лицом, вовсе не националисты — это абстрактные «западники», с пренебрежением относящиеся к родному «захолустью»¹².

Философ не соглашается с позицией, якобы в Польше все ненавидят русских, ненавидят горячо и страстно, как писал об этом один из авторов и идеологов парижской «Культуры» — Ю. Мерошевский. «Русских ненавидят в Польше больше, чем англичан в Индии или французов в Алжире. Ненавидят их одинаково католики и коммунисты, крестьяне и рабочие,

¹² Валицкий А. Россия // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 84.

интеллигенция — словом, все. Эта ненависть безгранична, никакие слова не дают представления о ней»¹³.

А. Валицкий же утверждает, что «...мы не должны ненавидеть русских <...> больше всего страданий они причинили себе сами <...> из иррациональной веры, что из этих страданий вырастет нечто великое для всего мира»¹⁴.

Однако позиция А. Валицкого является, скорее, исключением. Холодной, варварской, грубой и неприветливой предстает Россия в средневековых польских хрониках; этот мотив холода и грубости проходит через века и знакомо повторяется в работах многих современных польских авторов. Именно такой виделась Россия известнейшему польскому публицисту Р. Капусциньскому (1932–2007). Его знают и читают в Польше, а произведения Капусциньского входят в обязательную школьную программу.

В книге «Империя» автор делится своими взглядами на Россию и СССР. Он родился и провел детство в Полесье, на территории нынешней Белоруссии. Его первые впечатления о советском строе — аресты, голод, бессмысленная пальба красноармейцев по костелу. На протяжении жизни Капусциньский еще не раз сталкивался с Империей и путешествовал по ней. Он увлекается и восхищается многим из увиденного в разных уголках Империи: в Грузии, в Азербайджане, в Средней Азии. Но в самой России лишь холод, колючая проволока, лагеря, неприветливые, грубые люди. Пространства России угнетают его, ассоциируются со смертью, они слишком бескрайни для человека, они таят в себе небытие, уничтожение, они отнимают все силы, от величия пространства захватывает дух, и дышать человек не может.

Человека давит не только пространство, но и деспотическая власть. «Царь считался Богом в полном смысле слова. <...> Если цари — наместники Бога, а Ленин и Сталин — наместники мирового коммунизма...»¹⁵

И народ это приемлет, он носитель «цивилизации, которая не задает вопросов <...> цивилизации остановив-

¹³ Цит. по: Там же. С. 86.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Kapusiński R. Imperium. Warszawa, 2007. S. 91.*

шейся, парализованной, неподвижной...». Этим людям многого не надо: «начальство лучше знает». Суть же русской философии жизни, как полагает Р. Капусциньский, лучше всего выразила одна сибирячка, обитающая в убогом, грязном домишке на окраине Иркутска и ответившая на вопрос о том, как она живет, такими словами: «Как живем?.. Дышим»¹⁶. Только демократические перемены позволили жителям Империи не просто дышать, но и жить. Однако самой Империи не стало.

Не стало Империи, но остались в силе геополитические параметры бытия России, остались ее агрессивные устремления. Как яркое проявление этого в польском общественном дискурсе рассматривается позиция России в украинском конфликте, однозначно трактуемом разными политическими силами в Польше как акт агрессии и нарушения международного права. Эта же позиция господствует и в польской публицистике.

Глава Российского государства однозначно оценивается в негативных тонах. Главный редактор достаточно влиятельной «Газеты выборчей» А. Михник выражает уверенность, что Путин — это не вся Россия, у России есть и иное лицо, воплощаемое демократической оппозицией. Россия нужна миру, но без Путина. Агрессивной, антиевропейской и дикой России противопоставляется демократическая Польша, твердо стоящая на позициях соблюдения международного права и готовая поддержать стремление Украины строить свое будущее по законам западного мира¹⁷.

Именно в столь важном для поляков вопросе о принадлежности к западному миру дихотомия «мы—они» прослеживается достаточно четко: Польша — часть этого мира, а Россия отнюдь нет.

Известный польский политолог А. Смоляр полагает, что между Россией и Западом — глубокая пропасть. «Россия может быть партнером в переговорах об энергоносителях, о борьбе с терроризмом, о распространении оружия массового

¹⁶ *Kapusiński R. Imperium. S. 189.*

¹⁷ *Michnik A. Rosja to nie Putin // http://wyborcza.pl/1,75968,15587952,Rosja_to_nie_Putin.html*

поражения, об Иране, Северной Корее, исламском радикализме. Но она не является и не может быть партнером для переговоров о мировом порядке»¹⁸.

А. Смолар, разделяющий характерную для польской общественной мысли позицию о невозможности некоего самобытного пути развития России, полагает, что сейчас, как, впрочем, и всегда, она стоит перед выбором: или окончательная интеграция с Западом, или погружение в изоляцию, превращение в страну с вымирающим населением, ставящую вечные вопросы об идентичности, предназначении и мечтающую о величии. Постулат о пограничном положении России, непреложной предопределенности выбора между Востоком и Западом и о нежелании (или невозможности в силу глубоких цивилизационных причин) выбора в пользу Запада достаточно характерен для размышлений польских авторов.

Лежащая на границе двух миров Россия, полагает автор еженедельника «Политика» З. Рачиньский, не хочет быть частью «либерально-демократического интернационала». Действующая в России система власти больше похожа на классическую модель российского самодержавия, чем на настоящую демократию. Но это, по его словам, «нравится россиянам»¹⁹.

Россия, как пишет известная журналистка и писательница А. Аппельбаум, — это «антизападное государство», другое, с иными ценностями и задачами, несущее угрозу западному миру²⁰. Россия должна платить двойную цену за каждый доброжелательный жест со стороны Запада. Она должна доказать, что достойна внимания и поощрения²¹.

Имперские амбиции России, замечает Б. Вильдштейн на страницах «Жечипосполитой», слишком хорошо известны

¹⁸ Smolar A. Kuda idiosz, Rossija? // Gazeta Wyborcza. 2008. 23/23 sierpnia. S. 20–21.

¹⁹ Raczynski Z. Rosja wstaje z kolan // Polityka. 2008. № 37. S. 45–46.

²⁰ См.: Appelbaum A. Powstrzymac Rosje // http://wyborcza.pl/magazyn/1,136823,15666481,Powstrzymac_Rosje.html

²¹ См.: Appelbaum A. Priorytetem Europy est zabezpieczenie przed wojna // <http://wiadomosci.onet.pl/swiat/anne-applebaum-priorytetem-europy-jest-zabezpieczenie-przed-wojna/9glcr>

Польше. Запад же плохо знает Россию и явно обольщается по поводу ее продвижения по пути демократии. Между тем Россию надо остановить, ибо опасно выращивать «российского монстра»²².

Претензии на особые знания о России, позволяющие Польше быть экспертом, характерны для польского общественного дискурса. Эти претензии основаны на длительном историческом опыте взаимоотношений с Россией и на принадлежности Польши одновременно и к славянскому миру, и к западной цивилизации. Акцентирование понимания Польшей сущности России и российской политики проявилось, в частности, в претензиях Польши на особую роль в формировании восточной политики Европейского союза.

Польские СМИ как либеральной, так и консервативной направленности рисуют скорее негативный образ России, страны агрессивной и отсталой, строящей свою идентичность на мифах, не желающей знать правду, «заметающей под ковер» неприятные страницы своей истории. Польша же стремится к правде, к «расчету с прошлым». Польская исследовательница И. Курчевска полагает, что эмпирические исследования позволяют говорить об определенном чувстве превосходства поляков по отношению к восточному соседу²³.

Восприятие поляками России весьма ощутимо «отягощено» историей, властно вторгающейся в день сегодняшних. Критическое отношение к «российскому наследию» — характерная черта польской идентичности. Для польского общественно-политического дискурса характерно преимущественно негативное отношение к российскому влиянию на Польшу периода разделов, акцентирование отсталости российской части Польши, замалчивание или отрицание влияния русской культуры того периода. Весьма показателен пример, связанный с историей Варшавского университета, в

²² См.: *Wildsztejn B.* Hodowanie rosyjskiego monstrum // Rzeczpospolita. 2008. 5 wrześ. S. 14.

²³ См.: *Зарицкий Т.* Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности // Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.). СПб., 2006. С. 67.

музее которого тот период его деятельности, когда университет именовался Императорским, не считается частью истории университета, а имена ректоров не включены в общий список ректоров²⁴.

«Отягощенность историей» со всей очевидностью проявилась и в последнее время, в дни празднования 70-летия Победы. Глава Института национальной памяти Л. Каминьский откровенно заявил, что 2015-й станет годом «серьезного спора с Россией о том, чем в реальности было для Восточной Европы окончание Второй мировой войны». А было оно, по мнению главы ИНП, да и многих поляков, началом новой оккупации и террора²⁵.

Именно эти моменты акцентируются польскими историками и публицистами. По-разному оценивается в России и Польше и тема «проклятых солдат», и тема «августовской облавы», и тема взаимоотношений Армии Крайовой и Красной Армии. Не задаваясь целью разрешить названные проблемы, важно констатировать эту разницу подходов в вопросах, столь важных и для россиян, и для поляков. Эта разница подходов зачастую предопределяет и отсутствие взаимопонимания, и взаимное раздражение: в России не готовы иной раз даже попытаться понять поляков (о чем свидетельствуют хотя бы высказывания и комментарии в интернете), в Польше даже на официальном уровне можно констатировать нередко вызывающее нежелание понять и принять особое отношение к войне, характерное для российского общества.

Примером может служить хотя бы освещение темы войны на страницах достаточно популярной «Газеты wyborчей», где в насмешливо-пренебрежительном тоне пишется о «бессмертном полке», о Параде Победы. Да и сама Победа расценивается как некая «новая религия» и даже «опиум для народа». Интересно при этом, что в комментариях читателей весьма заметны сожаления по поводу русофобской

²⁴ См. там же. С. 271.

²⁵ См.: Prezes IPN: w 70 rocznice zakonczenia II wojny światowej czeka nas spor o jej konsekwencje // <http://wpolityce.pl/historia/228052-prezes-ipn-w-70-rocznice-zakonczenia-ii-wojny-swiatowej-czeka-nas-spor-o-jej-konsekwencje>

позиции издания и высказывания в том роде, что, возможно, лучше сакрализация Победы, чем Смоленской катастрофы и обломков самолета.

Президент Коморовский в Параде Победы усмотрел, прежде всего символ «нестабильного и беспокойного мира», полагая, что 9 мая «Красная площадь в Москве вновь обернется бронетанковой площадью. Вновь там будут демонстрировать силу те дивизии, которые недавно на виду всего мира и у нас на глазах напали на соседнюю Украину»²⁶.

Тема войны, столь важная для россиян и являющаяся одним из базовых моментов российской идентичности, важна и для поляков, но с совсем другим смысловым содержанием. Чувство морального превосходства поляков над россиянами, жертвенность, мариология во многом определяют восприятие войны в польском общественном сознании.

Но если в публицистике и политическом дискурсе преобладает (но не является единственной) позиция противопоставления демократической, свободолобивой Польши и агрессивной деспотической России, то в научных публикациях прослеживается и иная точка зрения: отнюдь не все ученые склонны демонизировать международную политику России, видеть в ней извечного агрессора, столь отличающегося от «рыцарской» Польши. Констатируя присутствие постимпериалистической идеи как основы российской концепции международной политики, исследователи замечают, что и полякам не чужд инструментальный подход к своим соседям, в частности к Украине. Для России последняя — часть истории великой империи, для Польши — часть I Речи Посполитой. Польша и Россия соревнуются между собой за сферы влияния, отличаясь лишь риторикой.

Как полагает профессор С. Белень, специалист по проблемам России и российско-польских отношений, русофобия в Польше — явление достаточно распространенное. В исторической памяти поляков укоренено представление о России как государстве репрессивном и агрессивном, враждебном по отношению к Польше. Для многих поляков

²⁶ Президент Польши назвал Парад Победы в Москве угрозой миру // <http://www.ntv.ru/novosti/1402581/>

русофобия превратилась в своеобразную «политическую карму», без которой они не мыслят своего существования в общественной жизни²⁷.

Профессор С. Белень полагает, что польским национальным интересам не соответствует стремление к демонизации России, представление ее как врага всего прогрессивного мира, на пути к подчинению которого российским агрессором стоит Польша²⁸. Но такого рода позиции отнюдь не доминируют в польском общественно-политическом дискурсе²⁹.

Представляется возможным констатировать, что польская идентичность в настоящее время испытывает на себе влияние как традиционных, национальных ценностей, так и ценностей модернистских, европейских, являя собой некий еще не застывший и не обретший окончательную форму сплав тех и других. Образ России в формировании идентичности играет роль прежде всего «чужого», противоположного положительным, принимаемым в настоящее время ценностям, на которых строится польская идентичность.

²⁷ См.: *Bieleń S.* Rusofobia jest zjawiskiem powszechnym — Mode of access: <http://geopolityka.net/stanislaw-bielen-rusofobia-jest-zjawiskiem-powszechnym-w-polsce/>

²⁸ См.: *Bieleń S.* Wokół Ukrainy // *Polityka polska*. 2015. № 1. S. 46.

²⁹ В частности, речь идет о трудах сотрудников Лаборатории по изучению России и постсоветских государств Варшавского университета.

Россия и Польша: история и историография

Б.Н. Флоря (Москва)
Современная русская
историография Смоленской войны

К.А. Кочегаров (Москва)
Правобережная Украина в
отношениях России и Речи
Посполитой в 1704–1708 годах.
Польская историография
проблемы XX века

Б.В. Носов (Москва)
Речь Посполитая и российско-
польские отношения в XVIII веке
в российской историографии
(до начала 1990-х годов)

И.И. Шарифжанов (Казань)
Польша в научных трудах и
воспоминаниях Н.И. Кареева

О.С. Каштанова (Москва)
Персонификация власти: великий
князь Константин Павлович
в российской и польской
историографии

М.А. Крисань (Москва)
Национальное самосознание
польского крестьянства в XIX–
XX веках: постановка проблемы и
пути ее решения в историографии
Польской Народной Республики

В. Цабан, С. Вех (Кельце)
Изучение польско-российских
отношений в XIX веке в среде
историков города Кельце

З. Опацкий (Гданьск)
Российская проблематика
в исследованиях историков
гданьской научной школы
во второй половине XX —
начале XXI века

А. Марковский (Варшава)
История евреев в Польше и России
в исторических исследованиях
(до 1939 г.). К вопросу о взаимо-
влиянии национальных
историографических школ

С.М. Фалькович (Москва)
Проблемы истории Польши и
российско-польских отношений
Нового времени в комплексных
трудах полонистов Института
славяноведения РАН

Г.В. Макарова (Москва)
Биографические исследования
в трудах В.А. Дьякова

Г.Ф. Матвеев (Москва)
Юзеф Пилсудский в освещении
советской и русской эмигрантской
прессы и публицистики
(до конца 1960-х годов)

В. Матерский (Варшава)
СССР и так называемый
польский вопрос (1943–1945) —
«левая альтернатива»

Современная русская историография Смоленской войны

Современная русская историография Смоленской войны, возможно, и не представляет собой очень значительного явления, но обращение к этому сюжету дает возможность, как представляется, затронуть некоторые вопросы, представляющие общий интерес.

В конце 2012 г. в Польше увидело свет переиздание цикла работ военного историка В. Липиньского о Смоленской войне 1632–1634 гг.¹ Исследователь, работавший над изучением темы в 1930-е годы, писал о трудностях, с которыми он столкнулся в своей работе. В течение двух лет он безуспешно разыскивал книгу Е. Сташевского о подготовке русской армии к Смоленской войне и, наконец, смог получить ее от М.С. Грушевского². Это собрание работ, представляющее само по себе значительную ценность, было снабжено послесловием известного специалиста по военной истории XVII в. профессора Мирослава Нагельского с обзором публикаций источников и литературы по теме, вышедших после издания статей В. Липиньского. Подробно перечисляя публикации и работы польских исследователей, автор послесловия отмечает из русской литературы только *wielce przestarzałe** работы Б.Ф. Поршнева о связи между Смоленской и Тридцатилетней войнами³. Автор, уважаемый и компетентный специалист, по-видимому, полагает, что к истории изучения этой связи после издания книги Поршнева никто не обращался и что русскими учеными не сделано ничего для изучения истории самой Смоленской войны.

Дело, однако, обстоит не совсем так. В последующем сообщении не будет идти речь о русских работах, посвященных

¹ См.: *Lipiński W. Wojna smoleńska 1632–1634. Zabrze, 2012.*

² См.: *Ibid.* S. 18.

* Сильно устаревшие (*польск.*).

³ См.: *Lipiński W. Wojna smoleńska 1632–1634. S. 257.*

дипломатической подготовке Смоленской войны и деятельности русской дипломатии во время войны, так как такие вопросы не рассматривались в работах В. Липиньского. Речь пойдет только о работах, посвященных собственно военной истории. В начале 2000-х годов, в десятилетие, предшествовавшее переизданию работ Липиньского, в России заметно усилился интерес к военной истории. Появился ряд изданий, публикующих работы по этой тематике. Особо следует выделить такое издание, как «Единорог» — специально посвященное военной истории Средневековья и Раннего Нового времени. Вышло уже три тома этого издания. В нем публикуются работы польских исследователей, ведется творческий диалог между ними и их русскими коллегами.

В течение упомянутого периода в разных изданиях был опубликован ряд работ, в которых нашли отражение различные явления и события, связанные со Смоленской войной. Со времени издания книги Е. Сташевского важное место в русской военной истории стал занимать вопрос о реформах, которыми сопровождалась подготовка русской армии к войне. Этой теме посвящена защищенная в 2009 г. в Санкт-Петербурге кандидатская диссертация Д.Н. Меньшикова «Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии». Эта тема затрагивается также в статьях А.В. Малова, касающихся некоторых особенностей формирования в русской армии полков «нового строя» накануне Смоленской войны⁴.

Если говорить о самом ходе военных действий на разных направлениях в годы Смоленской войны, то здесь следует отметить ряд статей А.В. Малова, посвященных положению в одном из граничивших со Смоленщиной уездов — Великолукском — и характеристике военных действий, развернувшихся затем в близкой округе. В этих работах тщательно проанализирован комплекс документальных источников, характеризующих численность и боеготовность «служилого

⁴ См.: Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1; Он же. Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2013.

города» — дворянского ополчения Великолукского уезда и в 1620-е годы, и накануне начала войны⁵.

В последних работах исследователя помещена обстоятельная характеристика военных действий, которые вели «служилые люди» Великолукского уезда и другие отряды на направлении Великие Луки — Невель — Полоцк в конце 1632 — первой половине 1633 г.⁶ Эта группа статей представляет собой интересный пример микроисследования, посвященного детальному изучению состояния дел на одном из участков военных действий. Как представляется, такая работа могла бы послужить образцом для детальной разработки ряда подобных сюжетов и подготовки тем самым обобщающего исследования о состоянии русских войск и их действиях. Для анализа событий, происходивших на главном, Смоленском направлении военных действий (а это главный сюжет книги В. Липиньского), большое значение имеет публикация петербургским исследователем К.В. Петровым отписки одного из главных воевод русской армии под Смоленском — С.В. Прозоровского с резкой критикой действий главнокомандующего М.Б. Шеина⁷. Характеристике армии, выступившей в поход осенью 1632 г., и военных

⁵ См.: Малов А.В. Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор «служилых городов» 1621/22 г. // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.* М., 2008; *Он же.* Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.: от разбора «служилых городов» 1630 г. до начала военных действий в октябре 1632 г. // *Архив русской истории.* М., 2007. Вып. 8; *Он же.* «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной. На материале Великих Лук // *Цейхгауз: Военно-исторический журнал.* 2002. Вып. 19. № 3.

⁶ Малов А.В. Невельское взятие 1632 г. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // *Цейхгауз: Военно-исторический журнал.* 2002. Вып. 19. № 3; *Он же.* Начальный период Смоленской войны на направлении Луки Великие — Невель — Полоцк до разгрома Полоцка 3 июня 1633 г. // *Памяти М.П. Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению.* М., 2006; *Он же.* Потерянное войско: отряды полоцкого воеводы Яна Кишки в 1633 г. // *Край Смоленский.* 2013. № 10.

⁷ См.: *Петров К.В.* Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // *Очерки феодальной России.* Вып. 4. М., 2000.

действий под Смоленском в августе–сентябре 1633 г. посвящены статьи Д.Н. Меньшикова⁸.

Смоленская война, как известно, не ограничивалась действиями армий в районе Смоленска. Крупные военные действия имели место и на территории Северной земли. О происходивших здесь событиях сохранились довольно многочисленные архивные материалы. Достаточно подробное описание военных действий в этом регионе (с преимущественным вниманием к участию в них «черкас») содержится в III главе монографии исследователя из Белгорода А.И. Папкова⁹. Уже после выхода книги Папкова появились посвященные войне на территории Северной земли статьи А.С. Ракитина¹⁰. Очень обстоятельная характеристика событий на основе источников обеих сторон содержится в III разделе книги украинского исследователя П. Кулаковского¹¹.

В послесловии М. Нагельского специально говорится о новых источниках, обнаруженных и введенных в научный оборот с тех пор, как в 1930-е годы Лепиньский завершил

⁸ Меньшиков Д.Н. Боевая сила армии М.Б. Шеина в смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 2. История. Вып. 4. Ч. 1; Он же. Смоленская война 1632–1634 гг. Бои под Смоленском в августе–сентябре 1633 г. // Материалы студенческого научного общества исторического факультета СПбГУ. Вып. 2. СПб., 2005.

⁹ См.: Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI — первая половина XVII века. Белгород, 2004. С. 148–174. См. также: Папков А.И. Поход российских войск под Миргород осенью 1633 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). Сентябрь.

¹⁰ См.: Ракитин А.С. Малоизвестные страницы Смоленской войны. Северский театр военных действий (1632–1633 гг.) // И помнит мир спасенный: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Боевые подвиги защитников Отечества и их роль в патриотическом воспитании». СПб.; Пушкин, 2011; Он же. Северский поход 1632–1633 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.

¹¹ См.: Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618–1648. Київ, 2006, С. 97–138. У М. Нагельського в підстрочниці згадується перший варіант цієї роботи (*Lipiński W. Wojna smoleńska 1632–1634. S. 252*), де лише вказано, що він користувався роботою В. Липиньського.

работу над рукописью монографии о Смоленской войне. В приведенном Нагельским перечне источников не упомянут, однако, изданный в 1988 г. в Ленинграде труд С.Г. Жемайтиса о находящихся в собрании Государственной Публичной библиотеки документах из архива командующего литовской армией К. Радзивилла, относящихся ко времени Смоленской войны¹². Этот труд вышел в свет также после публикации упомянутой книги Б.Ф. Поршнева.

Отсутствие в послесловии Нагельского упоминания о труде Жемайтиса свидетельствует о том, что, очевидно, и этот обзор, и другие перечисленные выше работы не поступали в Польшу, как и какие-либо сведения о них, и поэтому остались неизвестными польским специалистам. Однако, несомненно, что все публикации, содержащие информацию о хранящихся в российских собраниях исторических источниках, были бы полезны для каждого польского исследователя.

В течение многих лет я, как и многие мои коллеги, с восхищением и завистью наблюдал за созданием такого много-томного издания, как «Библиография польской истории», где можно было найти сведения о работах по польской истории, опубликованных не только в Польше, но и в других странах. Ничего подобного такому изданию в моей стране, к сожалению, нет. Приведенный мной пример говорит о том, что, хотя издание продолжает выходить, оно, очевидно, не полностью выполняет свою задачу — информировать польского (и, конечно, всякого другого историка) обо всех работах, касающихся истории Польши. Вероятно, нам следует подумать о том, как попытаться общими усилиями исправить такое положение.

Знакомство с приведенными в тексте сообщения работами русских исследователей и украинского исследователя П. Кулаковского показывает наличие в русских архивах значительного документального материала, характеризующего как подготовку русской армии к войне, так и действия русских

¹² См.: Жемайтис С.Г. Источники по истории Смоленской войны (1632–1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1988.

войск и планы русского командования. Думается, что привлечение этих материалов, их исследование необходимы для полной научной реконструкции событий. Вызывает поэтому удивление написание обобщающей работы о Смоленской войне без обращения к таким материалам¹³.

Хотелось бы коснуться еще одного сюжета. Как представляется, важным условием для успешного выполнения научной работы является знакомство с изданиями источников и исследованиями, касающимися предмета занятий автора того или иного труда, в особенности давно изданными и хорошо известными. К сожалению, это условие не всегда соблюдается. Сравнительно недавно увидела свет биография такого известного литовского политика второй половины XVII в., как гетман Михаил Пац¹⁴. Для русских исследователей этот сюжет представляет особый интерес, так как в 1670-е годы М. Пац был единственным крупным политиком Речи Посполитой, который поддерживал постоянные контакты с русским правительством. Знакомство с книгой разочаровывает. Об этой стороне дела в ней почти ничего не говорится. Между тем в архивных фондах Посольского, Разрядного, Малороссийского приказов сохранилось достаточно много и грамот гетмана, и записей бесед с ним и его представителями¹⁵. Конечно, известно, что сроки командировок для научной работы в Москву ограничены, и это сужает возможность для серьезных архивных разысканий. Однако далеко не все можно узнать только в архиве.

Отношения с Россией М. Пац в значительной мере поддерживал через русского представителя в Речи Посполитой В.М. Тяпкина, находившегося в Варшаве в 1674–1677 гг. Посольству Тяпкина была посвящена напечатанная в 1854 г. книга А.Н. Попова¹⁶. В ней на основании подготовленного

¹³ См.: *Kupisz P. Smoleńsk 1632–1634. Warszawa, 2001.*

¹⁴ См.: *Bobiatyński K. Michał Pac — wojewoda wileński, hetman wielki litewski. Działalność polityczno-wojskowa. Warszawa, 2008.*

¹⁵ О некоторых из этих материалов см.: *Флоря Б.Н. Россия, Ян Собеский и гетман М. Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). Март.*

¹⁶ См.: *Попов А.Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854.*

Тяпкиным статейного списка воспроизведен целый ряд его сообщений о контактах с литовским гетманом. Книга эта была использована в труде Збигнева Вуйцика «Rzeczpospolita wobec Turcji u Rosji. 1674–1679». К. Бобятыньский не нашел нужным обратиться к этой работе. Между тем, ознакомившись с этой книгой, исследователь узнал бы о существовании важной для темы его работы публикации собрания донесений в Москву киевских воевод 1674 г.¹⁷ Донесения содержат интересные записи сведений, доходивших до Киева о взаимоотношениях М. Паца и Я. Собеского и сведений о контактах М. Паца с киевским воеводой.

В середине XIX в. увидела свет большая публикация материалов из архива Посольского приказа о взаимоотношениях России и Австрии в XVI–XVII вв. В одном из томов публикации содержится статейный список посольства И.В. Бутурлина, ехавшего в Австрию и из Австрии через территорию Речи Посполитой. В нем содержатся важные предложения гетмана Паца русскому правительству от декабря 1679 г.¹⁸ Этот источник также остался неиспользованным. При знакомстве (многолетнем) с работами польских ученых мне не приходилось сталкиваться с таким отношением к изданиям давно известным и легкодоступным в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Хотелось бы выразить надежду, что этот печальный пример не будет иметь продолжения.

¹⁷ См.: Синбирский сборник. Т. 1. Малороссийские дела. М., 1845.

¹⁸ См.: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 5. СПб., 1858. Стлб. 1155–1157.

К.А. Кочегаров
(Москва)

Правобережная Украина в отношениях России и Речи Посполитой в 1704–1708 годах. Польская историография проблемы XX века*

*Co pozostaje z pracy historyka dla przyszłych pokoleń?
Czasem zacytuje go po pięćdziesięciu latach jego następcy w badaniach,
uzupełni, skrytykuje tak, jakby polemizował z sądami żywego.
I to chyba wszystko**.*

О тношения России и Речи Посполитой в годы Северной войны имеют фундаментальное значение с точки зрения как противостояния России и Швеции в ходе конфликта, так и дальнейшего развития российско-польских отношений на протяжении всего XVIII в., вплоть до последнего раздела Польши в 1795 г. Для Польско-литовского государства начало восемнадцатого столетия ознаменовало вступление в «саксонскую эпоху», когда кризис политических и социальных устоев шляхетской республики достиг апогея, для России же оно прошло под знаком реформ Петра I, связанных с резкими и разительными переменами в самых разных областях развития страны. Несомненная важность указанного времени для истории русско-польских отношений подчеркивается наличием нескольких крупных самостоятельных научных проблем, уже длительное время

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И.С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

** «Что сохраняется от творчества историка для будущих поколений? Иногда, по прошествии лет пятидесяти, процитирует его последователь в своих трудах, дополнит, да еще раскритикует так, будто полемизирует с суждениями здравствующего до сих пор коллеги. И это, собственно, все» (*Kersten A. Wstęp // Czermak W. Ostatnie lata Jana Kazimierza. Warszawa, 1972. S. 5.*)

привлекающих внимание историков. В 1950-е годы советский историк-славист В.Д. Королюк в виде серии очерков опубликовал исследование, посвященное генезису вступления Речи Посполитой в Северную войну¹, значительное внимание в котором уделил критике взглядов польского историка Ю. Фельдмана. Польский исследователь А.С. Каминьский в 1960-е годы изучал взаимоотношения России и сандомирских конфедератов², в начале 1990-х В.А. Артамонов издал ценную монографию о русско-польских взаимоотношениях в первые годы после Полтавы³, наконец, относительно недавно современный польский исследователь Яцек Бурдович-Новицкий произвел впечатляющую ревизию состояния изучения русско-польских отношений 1700–1706 гг., в фокусе которой — сложные взаимоотношения польского короля Августа II и русского царя Петра I в начале Северной войны⁴.

Одной из важнейших проблем в рамках комплекса дискуссионных вопросов русско-польских отношений указанного периода является тематика, связанная с обострением конфликта между Россией и Речью Посполитой, в который оказались в той или иной мере втянуты Швеция и Турция, вокруг Правобережной Украины в 1704–1708 гг. Она разрабатывалась

¹ См.: *Королюк В.Д.* Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия // Ученые записки Института славяноведения. Т. 3. М., 1951. С. 176–219; *Он же.* Речь Посполитая и подготовка Северной войны // Ученые записки Института славяноведения. Т. 4. М., 1951. С. 190–236; *Он же.* Речь Посполитая и начало Северной войны // Ученые записки Института славяноведения. Т. 5. М., 1952. С. 259–295; *Он же.* Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны (1701–1702 гг.) // Ученые записки Института славяноведения. Т. 6. М., 1952. С. 208–283; *Он же.* Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну // Ученые записки Института славяноведения. Т. 7. М., 1953. С. 210–276; *Он же.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну // Ученые записки Института славяноведения. Т. 10. М., 1954. С. 239–347.

² См.: *Kamiński A.S.* Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkim, 1706–1709. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

³ См.: *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990.

⁴ См.: *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706. Kraków, 2010.

историками Украины и русско-украинских отношений, однако ее польско-российский и международный аспект при этом часто либо не рассматривался, либо учитывался недостаточно. Между тем в ряде польских работ, увидевших свет в XX столетии, теме Правобережной Украины уделяется немало места. В связи с этим задача данной статьи — анализ интерпретаций польскими исследователями соответствующих фактов и событий с целью их более полного включения в отечественное историографическое поле как украинистических, так и полонистических исследований.

Сам конфликт вокруг правобережных украинских земель, где в 1680-е и особенно в 1690-е годы разворачивалось очередное казацкое движение, завершившееся мощным восстанием 1702 г., отчасти был обусловлен незавершенностью урегулирования русско-польских территориальных противоречий даже, казалось бы, после заключения в 1686 г. Вечного мира. По этому договору, в польской исторической традиции именуемому трактатом Гжимултовского, часть правобережных земель с городами Чигирин, Черкассы, Канев и др. была признана нейтральной зоной⁵. При этом и после 1686 г. Речь Посполитая продолжала лелеять надежды на его пересмотр, а Россия, вопреки обязательствам по договору, негласно поддерживала казацкое движение С. Палия. Уже в ходе Северной войны, в 1704 г., по условиям Нарвского договора царь принял на себя обязательства подавить казацкое восстание на Правобережье и передать охваченные им земли Речи Посполитой. Однако русская сторона выполнила их только частично. Вступив за Днепр, царские войска прочно закрепились на указанных территориях, в том числе и в Белой Церкви — опорном форпосте польской администрации в регионе. Занятые Россией земли Речь Посполитая получила назад лишь после неудачи Прутского похода 1711 г., однако именно в 1704–1708 гг. они стали и яблоком раздора в русско-польских отношениях, и одновременно крупным козырем, позволявшим Петру I удерживать польско-литовских союзников в орбите своего влияния.

⁵ О русско-польских отношениях в первой половине 1680-х годов и генезисе договора о Вечном мире см.: *Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире.* М., 2008.

Сама ситуация в Польше в это время была весьма сложной. Присоединение Августа II как саксонского курфюрста к основанному Петром Великим союзу против Швеции способствовало невольному втягиванию в войну и Речи Посполитой, избранным королем которой он был с 1696 г. Это привело к глубочайшему расколу шляхетского сословия, часть которого поддержала шведского короля Карла XII, избрав при его поддержке нового монарха — Станислава Лещинского, другая часть осталась верной Августу II, образовав Сандомирскую конфедерацию и заключив с Россией союзный трактат в Нарве (1704).

В польской историографии межвоенного периода 1920-х — 1930-х годов наиболее глубоко рассматриваемой проблематике коснулся в своей докторской диссертации «Польша в эпоху Великой Северной войны, 1704–1709», защищенной в 1923 г. и опубликованной двумя годами позднее, краковский историк Юзеф Фельдман. Разделы его работы об Украине в значительной мере историографичны и опираются на соответствующие труды Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева и др. Использовал историк и такое фундаментальное издание, как «Письма и бумаги Петра Великого». В целом книгу характеризует негативное отношение и к саксонской эпохе как времени упадка Речи Посполитой, и к русско-польскому сближению в начале XVIII в. как одной из важных предпосылок углубления внутривосточного кризиса в шляхетской республике.

Уже на первых страницах своего труда, анализируя общее положение Речи Посполитой в начале Северной войны, Фельдман полемизировал с С.М. Соловьевым и Н.И. Костомаровым, отрицавшими, по его словам, заинтересованность России в разжигании антипольских народных движений на Правобережье и ее соучастие в подстрекательстве к восстанию С. Палия. Напротив, польский историк полагал, что московское правительство изначально, руками украинского гетмана И.С. Мазепы или напрямую, инспирировало повстанческое движение казаков на Правобережье (в поддержку своей точки зрения Фельдман приводит ряд прямых и косвенных данных, которые требуют отдельного разбора и критики). Польский исследователь считал, что царь Петр держал руку на пульсе украинских событий с самого начала своего правления, сдерживая соответствующие стремления Мазепы и Палия, и лишь

в момент, когда посчитал, что Речь Посполитая «безоружна и безвластна, отпустил вожжи», что стало очередным этапом реализуемого русскими властями на протяжении длительного исторического периода плана «объединения Великой, Малой и Белой Руси под скипетром православного царя». Подстрекательство казацкого бунта на Правобережье в 1702 г. (прямых доказательств этого Ю. Фельдман все же не приводит) способствовало реализации трех целей: *во-первых*, путем демонстрации ненависти местного населения к полякам заставить шляхетскую республику отказаться от планов возвращения Киева; *во-вторых*, вынудить ее принять российскую помощь для разрешения возникшей ситуации и тем самым облегчить заключение русско-польского союза в войне со Швецией; наконец, *в-третьих*, при подавлении восстания закрепить в правобережных крепостях, чтобы навсегда оставить эти области под царской властью. Однако столь очевидно враждебная политика Москвы в отношении Речи Посполитой в ходе восстания Палия, по мнению Фельдмана, скорее играла против популярности идеи союза с Россией, нежели способствовала ее поддержке в кругах шляхты⁶. В развитие этой точки зрения автор акцентирует внимание на деятельности И. Паткуля — лифляндца на русской службе, который предложил Речи Посполитой посредничество в урегулировании отношений с правобережными казаками, прозрачно намекая на связь его с возможным заключением русско-польского союза (его заключение как условие возвращения Белой Церкви выдвигал якобы сам Палий)⁷.

Говоря о посольстве Т. Дзялыньского и заключении Нарвского договора, Ю. Фельдман отмечает, что при участии якобы антироссийски настроенных магнатов — С.А. Шуки и А. Залуского, врученная Дзялыньскому инструкция среди прочего предписывала требовать возвращения под власть Речи Посполитой ничейной полосы земель на правом берегу Днепра⁸. Пишет Фельдман и об острых противоречиях в ходе

⁶ См.: *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków, 1925. S. 18–20.

⁷ См.: *Ibid.* S. 25–26.

⁸ См.: *Ibid.* S. 38–39.

союзнических переговоров в Нарве, когда польская сторона «не хотела и слышать о включении в трактат пункта об амнистии для бунтовщиков», требуя подробного перечисления в его тексте занятых русскими на Правобережье территорий (и соответственно их возвращения). Русская же дипломатия полагала, что полное подавление восстания Палия противоречит ее интересам⁹.

Вторжение казацких войск Мазепы на Правобережную Украину и на Волынь в 1704–1705 гг., по мнению Ю. Фельдмана, «привело к разрешению ситуации сообразно с намерениями России». Палий, как «орудие», переставшее быть «полезным», был отправлен в Сибирь, а Мазепа умышленно не хотел ликвидировать господствовавшее на Правобережье положение «полувосстания», реализуя идеи И. Паткуля о разорении имений Потоцких с целью удержать в верности Августу II одних и оторвать от союза с Лещинским других представителей этой фамилии¹⁰. В целом итогом этой политики стало, по мнению Ю. Фельдмана, не только появление на Правобережье, где тлели остатки «восстания Палия», царских гарнизонов, но и переход шляхетских имений в руки восставших, пользовавшихся покровительством И.С. Мазепы, «под присмотром которого на пространствах, обратившихся в пустыню после трактата Гжимултовского 1686 г., множились вновь поселившиеся здесь казаки, грабившие пограничные воеводства Речи Посполитой»¹¹. Касаясь в связи с этим русско-польских переговоров 1707 г. в Жолкве и Львове, Фельдман отмечает их полную безрезультатность для Польши, несмотря на обещания царя издать указ Мазепе о возвращении занятых на Правобережье крепостей. Однако предводители конфедерации справедливо, по мнению ученого, подозревали, что указ этот был «совершенным обманом». Это подтверждал и факт, что русский дипломат Е.И. Украинцев, который вез упомянутый документ сандомириянам во Львов, одновременно имел отменяющий его *contre-ordre* для Мазепы. Ситуация до предела обострилась: коронный гетман Сенявский пробовал,

⁹ См.: Ibid. S. 48.

¹⁰ См.: Ibid. S. 155.

¹¹ См.: Ibid. S. 217.

несмотря на недовольство россиян, переманить на свою службу правобережных полковников и угрожал занятием Украины силой. Это якобы напугало Украинцева, задержавшего у себя секретное письмо Мазепе, однако в итоге не привело хоть к какому-то сдвигу в переговорах о возвращении Правобережной Украины¹².

Касааясь генезиса и подготовки планов Мазепы разрыва с царем и перехода на сторону шведов и С. Лещинского, Ю. Фельдман отмечает, что гетман временами готов был вредить интересам Речи Посполитой даже более, чем сам царь Петр, вспоминая его советы русскому правительству установить свой контроль над Белой Церковью уже в 1702 г. и предложение присоединить к России нейтральную зону на правом берегу Днепра в случае возвращения Польше остальных украинских земель в этом регионе¹³. К этому, в изложении Фельдмана, и сводилась роль Мазепы в русской политике по отношению к Правобережью, которая рассматривается историком в рамках сюжета о сближении украинского гетмана с Польшей в 1707–1708 гг. Описание это, несколько беллетристическое, сделанное на основе корпуса научной литературы, сложившегося к периоду 1920-х — 1930-х годов, не лишено романтического пафоса об угнетении «московским централизмом» «вольного казацкого народа»¹⁴. В целом исследование Ю. Фельдмана рисует проблему Правобержья в русско-польских отношениях как один из тех факторов, которые ухудшили положение шляхетской республики, способствуя усилению на нее российского влияния. Ряд его наблюдений послужил исходным пунктом для последующих трудов польских историков.

1960-е — начало 1970-х годов стали особенно плодотворными для польской историографии эпохи Северной войны, так или иначе затрагивавшей вопрос о Правобережной Украине в русско-польских отношениях. Наиболее заметной в этом ряду стала работа польского историка-украиниста, доцента Высшей педагогической школы Кракова Яна Пердени,

¹² См.: *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. S. 218–219, 257–258.

¹³ См.: *Ibid.* S. 302–303.

¹⁴ См.: *Ibid.* S. 303–305.

посвятившего свою монографию украинской политике Польши в конце XVII — начале XVIII в. Он шире, чем кто-либо из его предшественников и последователей, рассмотрел взаимоотношения Речи Посполитой с правобережным казачеством, используя обширный и практически неизвестный до этого времени польский архивный материал. В определенной степени новаторским для польской историографии подходом стало и представление автором казачества Правобережной Украины как самостоятельной силы, стремившейся воссоединиться в рамках единого политического образования с Левобережной Украиной, а не исключительно как объекта польской либо российской политики¹⁵. С этой точки зрения Перденя не акцентировал так, как Фельдман, внимание на якобы имевшем место манипулировании царского двора казацким движением в собственных интересах, однако ряд тезисов, сформулированных предшественником, получили развитие в его работах. При этом Перденя, что вообще характерно для его исследований, зачастую избегает свойственных Фельдману и другим исследователям категоричных констатаций и однозначных выводов, а часто вообще ограничивается верным, с его точки зрения, изложением фактического материала без какого-либо комментария.

Стоит также отметить, что в своем изложении краковский историк опирался, хотя и не всегда в достаточной степени, на ценный фактический материал, представленный в работах В.Д. Королюка, а также украинского советского историка Г.Я. Сергиенко, изучавшего палиевское движение на материалах архивов Малороссийского приказа и издавшего свою монографию в один год с появлением исследования Я. Пердени¹⁶.

Так, в частности, переговоры И. Паткуля 1703 г. Перденя представляет как собственную инициативу лифляндца,

¹⁵ См., например: *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieku. Wrocław, 1963. S. 218.* Автор отмечает, что правобережные казаки много лет стремились к воссоединению с Гетманщиной, не отрицая, впрочем, что они получали помощь от царя и левобережного гетмана И.С. Мазепы.

¹⁶ См.: *Сергієнко Г.Я. Визвольний рух на Правобережній Україні в кінці XVII і на початку XVIII ст. Київ, 1963.*

не связанную с конкретными указаниями царского двора. Историк отмечает, что в переговорах с Палием тот имел исключительно полномочия от коронного гетмана Сенявского, который поддался его уговорам и принял посредничество. Более того, Перденя подчеркивает, что позднее Паткуль заявил о согласии царя вернуть Белую Церковь, если Сенявский официально попросит Россию о помощи и после того, как с ней будет заключен союз. Здесь Перденя идет вслед за Фельдманом, однако, в отличие от последнего, никак не связывает действия Паткуля с решениями или директивами русского правительства¹⁷. Свою роль в таком изложении материала сыграло, видимо, и то, что Перденя, тщательно собрав и проанализировав польские источники, не имел доступа к русским архивным материалам, и в частности к корреспонденции Паткуля с русским двором.

Впервые достаточно развернуто на основе польских источников Я. Перденя представляет контакты гетмана Мазепы с польскими магнатами. Так, украинский гетман в переписке с И. Любомирским весной–летом 1703 г. неизменно подчеркивал свою готовность оказать им помощь против шведов немедленно после получения царского распоряжения и обещал склонить Палия к возвращению Белой Церкви. При этом историк, избегая прямых констатаций, признает, что и Мазепа, и Палий зависели в своих решениях от России, учитывая, что по распоряжению главы Посольского приказа Ф.А. Головина последнему были отправлены подарки и денежное жалованье, а вскоре и казацкие отряды на помощь¹⁸. Не раскрывая ясно роль России в событиях на Правобережье 1703 г., Перденя тем не менее полагает, что именно с этого момента «начались десятилетние старания Польши с целью возвращения уже не Заднепровья со Смоленском и Киевом, но Белой Церкви и Правобережья. Постоянно повторявшиеся и не исполнявшиеся на протяжении нескольких лет обещания как царя, так и его посла касательно возвращения крепости и земель на правом берегу Днепра показывают, что с

¹⁷ См.: *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy...* S. 191–196.

¹⁸ См.: *Ibid.* S. 198.

момента взятия Белой Церкви Палием царь решил удержать Правобережье в своих руках навсегда»¹⁹.

Анализируя политику Петра, автор затрагивает и позицию его посла в Польше, Г.Ф. Долгорукого. Последний в ответ на требования польской стороны возратить Белую Церковь отделялся уклончивыми комментариями, тогда как Петр в своем письме Августу II, с одной стороны, решительно отмежевывался от деятельности Паткуля, а с другой — обвинял во всем Сенявского, легкомысленно поддавшегося его уговорам. Между тем это не убедило шляхту и магнатов, собравшихся на сейме в Люблине, которые публично обвиняли царя в поддержке восстания Палия и захвате Белой Церкви, в нарушении договора о Вечном мире 1686 г., в связи с чем к Долгорукому была даже выслана специальная депутация с требованием объяснений. Посол пытался смягчить ситуацию, обещая, что царь прикажет подавить движение Палия; по просьбе посла в сенате были зачитаны письма царя и Мазепы к Палию с призывом возратить Белую Церковь полякам, однако это не успокоило собравшихся. В итоге Долгорукий, опасаясь, что сейм лишит короля и министров права заключать союзные договоры, убеждал русское правительство вернуть под польскую власть Белую Церковь как можно скорее²⁰.

Ян Перденя полагал, что поездка Мазепы в Москву в 1703 г. была связана как раз с намерением Петра обсудить с гетманом проблему Правобережья (так, по крайней мере, следовало из депеш монарха Долгорукому, поскольку сами материалы переговоров с Мазепой неизвестны). Посла в Польше убеждали, что обсуждаться будут способы изъятия Белой Церкви из-под власти Палия и ее передачи Речи Посполитой. Историк, однако, считал, что если царь и хотел забрать крепость у казацкого вождя Правобережья, то совсем не затем, чтобы вернуть ее шляхетской республике. Таким образом, по мнению Пердени, в русско-польских переговорах конца 1703 — начала 1704 г. вопрос о Белой Церкви стал играть важную роль во втягивании Польши в антишведский союз. Непоследнюю роль в этих переговорах играл уже

¹⁹ См.: Ibid. S. 199.

²⁰ См.: Ibid. S. 199–203.

упомянутый И. Паткуль, который предлагал согласиться включить в договор обещание о возврате Белой Церкви, что столкнулось с негативной реакцией руководителя посольских дел Ф.А. Головина, поставив переговоры под угрозу срыва. В этой ситуации царь в марте 1704 г. направил Палию грамоту с призывом немедленного оставления Белой Церкви, угрожая в противном случае занять ее царскими войсками²¹.

Касаясь первого похода Мазепы на Правобережье в 1704 г., Перденя рассматривает последовавший за ним арест Палия как собственную инициативу гетмана, который имел давние планы объединения Правобережья, стоившие ему немало средств и усилий. Автор весьма подробно рассуждает на тему противоречий между Мазепой и Палием. Он отмечает, что уже в конце 1703 — начале 1704 г. Мазепа начинает кампанию по дискредитации Палия, обвиняя его перед Петром и Августом II в намерениях перейти на шведскую сторону (здесь автор опирается на труды В.Д. Королюка, Н.И. Костомарова и ряда других историков). Вместе с тем Перденя справедливо отмечает, что не только Мазепа выступал за арест Палия. То же советовали Долгорукий и Паткуль, считая, что это устранил одно из важнейших препятствий на пути заключения русско-польского союза. Петр, от которого, по мнению Пердени, зависело окончательное решение, в итоге согласился арестовать Палия; Мазепа получил соответствующее письменное распоряжение Головина (здесь историк ссылается на Г.Я. Сергиенко). Это вполне отвечало стремлениям украинского гетмана, не желавшего делить с Палием власть «на обеих сторонах Днепра»²².

Практически тогда же начались переговоры Т. Дзялыньского под Нарвой о заключении русско-польского союза, которые Перденя излагает на основе работы В.Д. Королюка. На них вопрос о возвращении Правобережной Украины был одним из центральных, и в тексте заключенного союзного договора содержались обязательства России заставить Палия вернуть Речи Посполитой захваченные земли, в случае если тот

²¹ См.: *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy...* S. 203–210.

²² См.: *Ibid.* S. 214–217.

откажется сделать это добровольно. Перденя особенно подчеркивает, что арест Паляя по времени совпадает с переговорами Дзяльньского под Нарвой²³, а следовательно, сама эта акция имела самое непосредственное отношение к планам России привлечь к союзу шляхетскую республику, используя козырь Правобережной Украины.

По наблюдениям Пердени, установление на Правобережье власти Мазепы после ареста Паляя укрепило украинского гетмана в убеждении не отдавать Польше Правобережье. Русское правительство прислушивается к его советам, предписывая Паткулю и Долгорукому искать перед польскими властями убедительные оправдания в невозможности скорого выполнения положений Нарвского трактата о возвращении Белой Церкви²⁴.

С привлечением широкого круга опубликованных источников и литературы Ян Перденя достаточно подробно рассматривает украинский вопрос в русско-польских отношениях в 1705–1708 гг. Автор показывает, как русская дипломатия оттягивала возвращение занятых в 1704 г. областей Правобережной Украины, одновременно заявляя полякам о готовности выполнить данные ранее обещания. При этом царское правительство консультировалось и с Мазепой, который твердо стоял на позиции удержания, по крайней мере, части Правобережной Украины за Россией. Когда польская сторона назначила в конце 1705 г. комиссию для передачи земель, Мазепа по приказу царя отказался взаимодействовать с ней. Особенно остро вопрос о возвращении Правобережья встал в 1707 г., когда Петр в очередной раз обязался вернуть занятые территории, однако спустя некоторое время тайным указом запретил Мазепе делать это. В итоге соответствующая миссия волынского каштеляна Яна Вельгорского потерпела неудачу. Более того, Перденя уделяет особенное внимание достаточно серьезному обоснованию необходимости сохранения Россией за собой Правобережной Украины, которое было сформулировано в письме царя Мазепе от 1 сентября 1707 г. Эти территории были особенно важны для Петра I как плацдарм для активной политики в отношении Турции.

²³ См.: Ibid. S. 217–220.

²⁴ См.: Ibid. S. 224–226.

Перденя, опираясь на известную работу немецкого историка Эрика Хассингера «Бранденбург-Пруссия, Швеция и Россия в 1700–1713» (1953), прямо связывает эти планы с возникшими несколько позднее идеями раздела польских территорий между Россией и Пруссией, согласно которым царю должны были достаться белорусские земли с Могилевом и Быховом и Правобережная Украина.

Лишь угроза вторжения в Россию Карла XII, когда помощь войск Сандомирской конфедерации в борьбе со шведами и их польским ставленником С. Лещинским стала более насущной, нежели ранее, заставила Петра изменить свое мнение, несколько смягчив позицию в отношении Речи Посполитой. В начале 1708 г. царь разрешил пустить польский гарнизон в Белую Церковь, но не передавать полякам окрестный «уезд». Однако польская сторона, сознавая, по мнению Пердени, «иллюзорность» оборонительных возможностей крепости без контроля над окрестностями, отказалась от такого предложения. Тогда русское правительство в июне 1708 г. пошло на дальнейшие уступки, выразив готовность передать Польше Белую Церковь с «уездом», оставив, однако, окончательное решение на усмотрение Мазепы. Но тот, по мнению Пердени, находясь теперь в тайных контактах с Лещинским, не собирался отдавать крепость царским союзникам — сандомирским конфедератам²⁵.

Некоторое время спустя после выхода рассмотренной книги Я. Перденя опубликовал небольшую статью, посвященную уже политике России в отношении Правобережной Украины в начале XVIII в.²⁶ В ней историк более подробно остановился на действиях Мазепы и на его посредничестве в оказании негласной поддержки со стороны России правобережному казачеству, которое, по мнению Пердени, связывало с ней свои надежды на объединение украинских земель. Польский исследователь вновь подчеркивал важную

²⁵ См.: *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy...* S. 226–232.

²⁶ См.: *Perdenia J. Stanowisko Rosji wobec prawobrzeżnej Ukrainy w pierwszych latach wojny północnej // Rocznik naukowo-dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie. Prace Historyczne. 1967. T. 3. Zerzyt 26. S. 137–147.*

роль русских обещаний подавить восстание Палия и передать Речи Посполитой занятые им земли, чтобы сначала втянуть шляхетскую республику в союз, а затем удерживать Сандомирскую конфедерацию в орбите царской политики. Автор отмечал, что лишь поражение России в конфликте с Турцией в 1711 г. сделало возможным возвращение Польше Правобережной Украины²⁷.

В уже упоминавшейся работе еще одного выходца из Кракова — выпускника Ягеллонского университета Анджея Сулимы Каминьского проблема Правобережной Украины рассматривается в контексте отношений России и Сандомирской конфедерации в 1706–1709 гг. При анализе указанной темы А.С. Каминьский частично учел работу Я. Пердени опираясь на общеизвестный труд Н.И. Костомарова²⁸, но в значительной степени строил свое изложение на архивной переписке русских властей с сандомирянами (часть документов была позднее опубликована в «Письмах и бумагах Петра Великого»).

Историк характеризовал обязательства России по подавлению собственными силами восстания Палия на Правобережной Украине как одно из важнейших постановлений Нарвского договора. Он отмечал, что Палий, представлявший «казацкую стихию», ставил Петра I в трудную ситуацию своей слишком самостоятельной политикой, как направленной против Августа II, так и потенциально угрожавшей присутствию России в Левобережной Украине. Поэтому царское правительство в конце концов удалило с политической сцены казацкого вождя, расправившись с ним руками Мазепы²⁹.

Говоря о переговорах в Жолкве и Львове (1707) и о согласии русской стороны возвратить Польше занятое Правобережье, А.С. Каминьский отмечал, что там была реализована тактика А.Д. Меншикова, который советовал не только ни в чем

²⁷ См.: *Perdenia J. Stanowisko Rosji wobec prawobrzeżnej Ukrainy w pierwszych latach...* В статье есть некоторые мелкие неточности. Так, например, Я. Перденя ошибочно полагал, что нейтральные земли с городами Чигирин, Черкассы, Канев и др. на правом берегу Днепра, согласно трактату о Вечном мире, принадлежали Польше. См.: *Ibid.* S. 140.

²⁸ *Костомаров Н.И. Мазепа // Он же. Исторические монографии и исследования.* Т. 16. СПб., 1885.

²⁹ См.: *Kamiński A.S. Konfederacja Sandomierska...* S. 9.

полякам не отказывать, но и как можно больше обещать³⁰. Однако далее автор отдельно останавливался на позиции И.С. Мазепы, указывая, что концепция его политики в отношении Польши отличалась от той, которую выработало русское правительство. Основываясь на традиции своего предшественника И. Самойловича, Мазепа якобы стремился к разрыву мирных отношений с Речью Посполитой, а подавление восстания Палия открыло ему возможность объединения под своей властью всей казацкой Украины. В связи с этим, принимая во внимание угрожающую привилегиям казачества политику Петра и требования поляков вернуть Правобережье, Мазепа склонялся к поиску соглашения со Станиславом Лещинским и Швецией. Более того, А.С. Каминьский полагал, что после отречения Августа II идея Мазепы об отторжении Правобережной Украины стала преобладать и в петровском окружении. Он считал российскую политику первого периода Северной войны в отношении указанного региона «большой ошибкой», поскольку официальные декларации о его возвращении под власть Речи Посполитой раздражали казачество, провоцируя рост социальной напряженности (здесь автор ссылаясь на фактические данные из работ советских историков В.Е. Шутого и Г.Я. Сергиенко). С другой стороны, как отмечал польский исследователь, русско-украинское вторжение за Днепр 1704 г. обострило отношения России и Речи Посполитой, а также вызывало опасения Турции, делая более реальной перспективу русско-турецкого конфликта, которого царь стремился в тот момент избежать. Таким образом, указанная «ошибка», надо полагать, состояла в том, что, закрепившись на Правобережье, Россия поставила себя в сложную ситуацию, поскольку его невозвращение вызывало недовольство польской стороны и отчасти турок (с первой русское правительство хотело заключить союз, со вторыми сохранить мир), а возвращение настроило бы против царских властей украинское казачество на обоих берегах Днепра.

При этом А.С. Каминьский полагал, что именно Мазепа направил русское правительство на указанный путь, который рано или поздно должен был привести либо к

³⁰ См.: Ibid. S. 25–26.

польско-русско-турецкой, либо к русско-польской войне. По мнению историка, шеф русской дипломатии Г.И. Головкин должен был предотвратить указанные интриги Мазепы, однако дал себя обмануть казацкому гетману. Планам захвата Правобережья якобы пытался противодействовать старый и опытный дипломат старомосковской школы Е.И. Украинцев, однако безуспешно (подобный вывод автор делает на основе депеш Украинцева, в которых тот «без комментариев» повторял требования поляков вернуть занятые в 1704 г. земли)³¹.

Рассматривая достаточно подробно русско-польские переговоры в начале 1707 г., А.С. Каминьский отмечал, что позиция Петра характеризовалась «ярко выраженным нежеланием возвращать Правобережье», входившее в сферу его потенциальных экспансионистских устремлений вкупе с белорусскими землями (Быхов и Могилев). В связи с этим Каминьский ставил вопрос об искренности его деклараций о передаче Речи Посполитой указанных территорий, сделанных в ходе переговоров с польской делегацией на Вальной раде во Львове (по их итогам рада сформировала даже комиссию для участия в передаче Правобережья). Царь должен был учитывать и стратегическое значение района Быхова и Могилева для возможного движения шведов как к Смоленску, так и к Киеву. Польский историк указывал, что в случае марша шведов на Киев русским властям следовало бы также принять во внимание и колебания коронных и литовских магнатов, многие из которых незадолго перед тем перебежали из про-российского лагеря в шведский. Наконец, Каминьский анализировал мнения «экспертов-советников» российского двора, включая посла в Польше Г.Ф. Долгорукого, дипломатических представителей в Вене и Берлине, а также Мазепу, которые рекомендовали не верить полякам, а последний якобы «был остро против» возвращения Правобережья. В этих условиях Петр принял решение все же дать необходимые декларации в соответствии с требованиями польской стороны, поскольку рассчитывал на привлечение шляхетского сообщества Речи Посполитой на свою сторону в случае избрания нового короля. Однако действовать царь решил в зависимости

³¹ См.: Ibid. S. 32–33.

от развития событий, и поскольку «элекционные» планы его оказались перечеркнуты, то и от возвращения Польше Правобережья он отказался³².

Касаясь попыток польской стороны добиться имплементации договоренностей о возвращении Правобережья осенью 1707 г., Каминьский подчеркивал, что «Мазепа закрыл ворота украинских крепостей перед поляками по распоряжению царя». Он подробно говорил о том, как представители пророссийской «партии» польского двора, в частности куявский епископ К.Ф. Шанявский, убеждали русское правительство в необходимости выполнения данных обещаний как гарантии сохранения антишведского союза между царем и Сандомирской конфедерацией. Однако положение осложнялось тем, что русский представитель Е.И. Украинцев, прибывший в лагерь сандомирян, вполне осознавал, что привезенное им письмо с распоряжением Мазепе вернуть Правобережье является такой же «фикцией», как и предыдущие подобные документы. Он оттягивал его вручение, а польская сторона тем временем угрожала, что двинет войска на спорные земли, чтобы заставить Мазепу вернуть их под угрозой применения силы. Об этом коронный гетман А. Сенявский лично написал Петру I. Головкин ответил резким письмом, сочетавшим упреки в неблагодарности за помощь России в подавлении восстания Палия с вымышленными обвинениями польской стороны в саботаже передачи Правобережья. Вместе с тем, как отмечал А.С. Каминьский, Петр, обеспокоенный развитием событий шведской войны, стал серьезно подумывать о возвращении Правобережья, направив Мазепе указ о введении в Белую Церковь наряду с российским гарнизоном и польского. Присяга коронного войска на верность Сандомирской конфедерации и союзу с Россией и выплата последней 20 тыс. руб. субсидий вкуже с очередным обещанием царя возратить Правобережье — все это, по мнению Каминьского, позволило завершить серьезный кризис в отношениях царских властей и сандомирян. Впрочем, возврат украинских земель и далее продолжал фигурировать в требованиях группировок польской знати, связанных с Россией³³.

³² См.: *Kamiński A.S. Konfederacja Sandomierska...* S. 40–42, 51, 56, 62.

³³ См.: *Ibid.* S. 128–135.

В своей книге А.С. Каминьский пошел дальше Яна Пердени, развивая и дополняя многими ценными подробностями затронутые им сюжеты, связанные с проблемой Правобережья. С одной стороны, он более тщательно обрисовал трения вокруг исполнения четвертой статьи Нарвского договора и соответствующие дипломатические маневры Петра I и его польских союзников, а с другой — более ярко представил роль Мазепы, придавая гораздо более значения участию украинского гетмана в формировании внешнеполитической линии русского двора в отношении Польши, нежели это делалось ранее польскими историками.

Вместе с тем, с отдельными тезисами Каминьского можно поспорить. Вызывает сомнения попытка представить деятельность Е.И. Украинцева как не вполне соответствовавшую директивам Посольской канцелярии на основе тех косвенных доводов, на которые обратил внимание польский историк. Здесь можно видеть скорее педантичность в сборе и передаче данных вкупе с опасениями проявить малейшую инициативу без распоряжений свыше, в целом свойственную старомосковской дипломатической школе XVII в. Противоречивыми представляются и наблюдения историка о том, что Петр и его окружение самостоятельно вынашивали планы отторжения от Речи Посполитой Правобережной Украины и белорусских земель, в сочетании с утверждениями, что именно интриги Мазепы стали главной причиной натиска России на украинские земли.

Последний тезис выглядит особенно спорным, если принять во внимание результаты исследований еще одного польского историка, связанного с Краковским и Вроцлавским университетами, — Юзефа Анджея Геровского, которые по какой-то причине прошли мимо внимания специалистов по русско-польско-украинским отношениям указанного периода. И это при том, что еще в 1959 г. историк опубликовал на русском языке обширный очерк «Польша и победа под Полтавой»³⁴, который затем в переработанном и дополненном виде стал второй главой «Польша и русская кампания Карла XII» в его монографии «Польша в тени Северной

³⁴ См.: Геровский Ю.А. Польша и победа под Полтавой // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 13–70.

лиги», изданной в 1971 г.³⁵ Рассматривая историю Северной войны 1700–1721 гг. в целом, Геровский весьма общо пишет о проблеме Правобережной Украины. В частности, важные с этой точки зрения русско-польские переговоры весны 1707 г. он описывает весьма сжато, главным образом на основе работ предшественников: Ю. Фельдмана, Я. Пердени и А.С. Каминьского (последнему Геровский даже приносит благодарность за ценные замечания и помощь в виде материалов московских архивов)³⁶. При этом Геровский, как и ранее Каминьский, но более акцентированно, отметил, что, не возвращая Польше правобережные города, русская сторона имела на это свои основания. По его мнению, Петр I справедливо опасался, что эти области могут легко попасть в руки Карла XII и Станислава Лещинского. Царь, по словам историка, не доверял до конца сандомирянам, подозревая, что «как только появятся шведы, все они перейдут на их сторону», тем более что отдельные примеры этого уже имели место³⁷.

Вместе с тем именно Ю.А. Геровский на основе польских источников впервые указал на важный аспект политики гетмана Мазепы в вопросе Правобережья, который до этого освещался исключительно по источникам русского происхождения, отражающим в значительной мере стремление гетмана следовать генеральной линии русской внешней политики. Сделать это польскому историку удалось благодаря введению в научный оборот уникального корпуса документов — писем к А. Сенявскому от его резидента при украинском гетмане — Францишека Граби и от самого Мазепы. Из проведенного Геровским анализа следует, что в августе 1708 г. Мазепа стал убеждать Сенявского отказаться от ориентации на Петра I, который якобы думает только о своих интересах, не собирается помогать Августу II и не только не намерен вернуть Польше ранее занятый Правый берег Днепра, но и хочет захватить земли аж до Львова и дальше. Мазепа же обещал коронному гетману за разрыв союза с царем и за оказанную

³⁵ См.: *Gierowski J.A. W cieniu Ligi Północnej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971.

³⁶ См.: *Ibid.* S. 24, 26–27, 30, 33–34.

³⁷ См.: *Ibid.* S. 30.

ему — Мазепе — поддержку включение всей Украины и даже области Войска Донского в состав Речи Посполитой. А в опубликованном в примечании тексте письма Граби к Сенявскому от 23 августа 1708 г. и вовсе указано, что в случае согласия коронного гетмана с планами Мазепы последний в доказательство своей приверженности заявленным позициям немедленно передаст полякам «Заднепровскую Украину», то есть в данном случае как раз правобережные земли, возвращения которых польская сторона столь упорно домогалась³⁸. Геровский, таким образом, ясно показал, что в решающий момент, когда Мазепа уже принял решение об измене царю и переходе на сторону Карла XII и Станислава Лещинского, Правобережная Украина стала для украинского гетмана разменной картой. Ведь в случае согласия Сенявского Мазепе пришлось бы выполнить им же поставленное условие и вывести свои войска из Правобережной Украины, тем более что, как отмечал Я. Перденя, к этому времени Петр I отдал решение этого вопроса на усмотрение самого Мазепы.

Рассматривая в целом вклад польских исследователей истории польско-русских отношений и роли в них проблемы Правобережной Украины в период Северной войны 1700–1721 гг., следует подчеркнуть, что в XX в. польская историография прошла значительный путь. Польскими учеными детально изучены как история повстанческого движения казачества, так и международные факторы, оказавшие существенное влияние на развитие польско-российских отношений по проблеме государственной принадлежности правобережных территорий Поднепровья. Исследователи, связанные главным

³⁸ См.: *Gierowski J.A. W cieniu Ligi Północnej*. S. 18, 47–49. См. также: *Геровский Ю.А. Польша и победа под Полтавой*. С. 37–40. Позднее этот уникальный комплекс документов был издан украинским историком-эмигрантом О. Субтельным. См.: *On the Eve of Poltava: the Letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski. 1704–1708.* / Ed. by O. Subtelny. New York, 1975. То, что в письмах Мазепы Правобережная Украина фигурировала как «Заднепровская» (здесь возможна путаница, так как для поляков таковой была как раз Левобережная Украина), подтверждается и другими источниками. Так, «заднепрскими тамобочными полками» Мазепа называл правобережные казачьи полки в письме Г.И. Головкину от 25 апреля 1708 г. (Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. 1708 г. Д. 3. Л. 138–139).

образом с таким научным центром, как Ягеллонский университет в Кракове, не только всесторонне использовали опубликованные источники и новейшую литературу предмета, но и ввели в оборот обширный и разнообразный материал польских архивов. В работах 1960-х — начала 1970-х годов им удалось преодолеть определенный схематизм Ю. Фельдмана, показав сложность и многообразие исследуемой проблематики. Из их трудов видно, что Россия всерьез рассматривала планы длительного закрепления на землях Правобережной Украины, хотя царь очевидным образом и не трактовал этот вопрос как первостепенный и в наиболее сложные моменты, оказавшись, например, перед лицом шведского нашествия, готов был идти на определенные уступки польской стороне. В то же время русская дипломатия умело пользовалась казацким фактором, чтобы втянуть Речь Посполитую в Северную войну, а затем — чтобы не допустить выхода шляхетской республики и сандомирских конфедератов из антишведской коалиции. Достаточно определено, хотя порой и не без противоречий очерчена в польских работах роль гетмана И.С. Мазепы, который, без сомнения, поддерживал русское продвижение на Правобережье, будучи прямо заинтересован в нем, но тем не менее трактовал обладание указанными землями инструментально и был готов принести в жертву правобережное казачество ради более важных стратегических целей, главной из которых летом 1708 г. было закрепление его позиций в антироссийской коалиции после перехода на сторону Карла XII и Станислава Лещинского.

Многие проанализированные выше труды, содержащие ценные наблюдения, и сейчас сохраняют свое научное значение, и, несомненно, заслуживают того, чтобы быть принятыми во внимание при будущих исследованиях. Дальнейшие перспективы изучения данной проблематики могут быть связаны с изучением хранящихся в российских архивах фундаментальных материалов Посольского и Малороссийского приказов, которые обогатят общую картину исторического развития государств и народов Восточной Европы в конце XVII — первых десятилетиях XVIII в. и могут принести новые уточнения, подтверждения или опровержения версий, суждений и концепций ученых-историков.

Речь Посполитая и российско-польские отношения в XVIII веке в российской историографии (до начала 1990-х годов)

Исследования в области истории польско-российских отношений XVIII в. как одно из направлений внимания Комиссии историков России и Польши берет свое начало на рубеже 1980-х — 1990-х годов, когда в российской и польской исторической науке был поднят вопрос о так называемых белых пятнах в истории взаимоотношений двух стран. В России впервые он прозвучал на Всесоюзном совещании историков-полонистов в 1989 г., а затем годом позже, когда на русском языке в публицистическом сборнике «Историки отвечают на вопросы» был опубликован очерк польских историков Т. Цегельского и Л. Конджели о разделах шляхетской Речи Посполитой в XVIII в.¹ В России международная научная дискуссия по указанным проблемам берет начало в 1995 г., когда в Москве в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Польша и Европа в XVIII в.: международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой». В этой конференции помимо российских специалистов приняли участие ученые из Германии и Польши М.Г. Мюллер, М. Шульце-Вессель, Л. Конджела, М. Мыцельский. В 1999 г. в Москве был опубликован сборник статей по материалам конференции², в котором приняла участие также З. Зелиньска. На конференции был рассмотрен широкий круг вопросов по истории польско-российских отношений, начиная от эпохи «Шведского потопа» второй половины XVII в. (в неопубликованном, к сожалению, докладе Л.В. Заборовского) и до восстания Тадеуша

¹ См.: Конджела Л., Цегельский Т. Концерт трех черных орлов (Споры о разделах Польши) // Историки отвечают на вопросы. М.: Московский рабочий, 1990. Вып. 2. С. 83–105.

² См.: Польша и Европа в XVIII в. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999.

Костюшко. Указанная конференция не только дала импульс новому этапу разработки в России истории польско-российских отношений XVIII в., но и положила начало осуществлявшемуся на протяжении более чем десятилетия трехстороннему исследовательскому проекту «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике»³, в котором Комиссия историков России и Польши также принимала участие.

На рубеже 1980-х — 1990-х годов, как представляется, берет начало качественно новый этап исследования в России истории российско-польских отношений XVIII в., что побуждает рассмотреть историю разработки данной проблематики в российской историографии в предшествовавшие периоды, чтобы ответить на вопрос, какой проблемный круг в итоге был сформирован ранее, какие приоритеты наблюдались в этой области до 1990-х годов и какие исследовательские задачи встают перед российскими историками в наши дни, в частности в работе Комиссии историков России и Польши.

* * *

В XVIII в. в общественной мысли России и в русской публицистике Польско-литовскому государству было уделено относительно немного внимания в отличие от предшествовавшего столетия, когда из всех соседних с Московским царством государств Речи Посполитой несомненно принадлежало первое место. Тогда это было обусловлено многообразием связей между двумя народами, а также их почти вековым противоборством между ними на востоке Европы. Нет необходимости перечислять факты разного рода проявлений этих связей между нашими странами, требовавшие осмысления, взаимного заимствования опыта, оживленной дискуссии и полемики в идейном, политическом и культурном отношении.

Однако уже с начала XVIII в. интерес русской общественной мысли к шляхетской республике двух народов

³ См.: *Ивонин Ю.Е., Носов Б.В.* Проект «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX веков» и его место в отношениях российских и польских историков // *Nauka w Polsce i Rosji — miejsca wspólne, miejsca różne (obszar humanistyki)* / Red. naukowa Magdalena Dąbrowska i Piotr Głuszkowski. Warszawa, 2016. S. 137–145.

существенно ослабевает. Это объясняется упадком ее политического значения в Европе, переориентацией внешних связей России на запад континента, изменением структуры культурного обмена, в котором все больший вес приобретали непосредственные контакты со странами Западной Европы.

В официальной правительственной пропаганде Российской империи начиная с 1716–1717 гг. Польско-литовское государство изображалось пораженным стихией анархии, склонным к измене ненадежным партнером на международной арене, нуждавшимся в царской опеке и протекторате⁴. Диссонансом общему хору звучали в России голоса отдельных представителей дворянских верхов, с одобрением отзывавшихся о правах и свободах польской аристократии. Так, например, в 1770-е годы анонимный автор (А.Р. Воронцов) сочинения «Свободные мысли гражданина пожилого и отечество свое любящего» писал, что причиной бед Польши было неисполнение законов. Законы Польской республики, по его словам, «были сами по себе и по словесному своему гласу очень хороши, но как не было при них точного и строгого исполнения по причине неустройства в законодательной (верховой. — *Б.Н.*) власти, то есть в самом источнике государственного здания, то и видели мы доньше сию от естества всеми благами щедро одаренную и отчасти многолюдную землю во всегдашней бедности, во всегдашних внутренних волнениях и во всегдашнем порабощении от окрестных держав, кои напоследок лучшие ее провинции меж собою разделили без всякого от республики сопротивления — не потому, что в духе поляков не было мужества и истинной храбрости, но потому, что множество рук без головы ничего не значат». Автор приведенного рассуждения был явно настроен к Польше благожелательно, называя страну благодатной, а поляков мужественными, но политическое устройство шляхетской республики он осуждал, видя в нем причины «ее всегдашнего порабощения от соседних держав»⁵.

⁴ См.: *Носов Б.В.* Представление о Польше в правящих кругах России в 60-е гг. XVIII в., накануне первого раздела Речи Посполитой // *Поляки и русские в глазах друг друга* / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2000. С. 72–82.

⁵ Архив князя Воронцова. Т. 25. М., 1882. С. 503–504.

Первые элементы научной историографии истории Польши XVIII в. начинают складываться в русской науке в первой половине XIX в. Первым историческим сочинением в этой области стала написанная еще в 1795 г. по повелению Екатерины II книга Н.Н. Бантыша-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше Унии с показанием начала и важнейших в продолжении оной, через два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении <...> из хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг»⁶. Приведенное здесь название достаточно точно характеризует как официальную и клерикальную направленность исследования, так и его источниковую базу. Опубликованная в 1805 г. к десятилетию третьего раздела Польши, книга эта должна была быть направлена против полонофильских настроений начала царствования Александра I и послужить обоснованием «законности» русской политики в отношении Польши вплоть до ликвидации польского государства в 1795 г. Примечательно, что второе и третье ее издания были осуществлены в Вильно в 1864 и 1866 гг. по указанию М.Н. Муравьева для безвозмездной раздачи православному духовенству и наставникам народных училищ Северо-Западного края.

Именно в книге Н.Н. Бантыша-Каменского впервые были сформулированы тезисы об исторической роли русского правительства в воссоединении Западной Руси и Великороссии и об особом значении покровительства православному населению Польши и Литвы со стороны России чуть ли не со времен Гедимина и уж, по крайней мере, с начала царствования Петра I. Тезис об исторических правах России на земли Западной Руси, дополненный утверждением о гибели Польши вследствие внутренней анархии развивал и М.Н. Карамзин, писавший, что Екатерина II «взяла в Польше только древнее наше достояние и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством»⁷.

⁶ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше Унии... М., 1805.

⁷ См.: *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 27.

Разумеется, названные сочинения лишь условно могут быть отнесены к историографии. По содержанию и по форме они представляли собой памятники исторической мысли и находились целиком в русле официальной охранительной концепции. Однако в них присутствовали и элементы научного знания, которые проявились, *во-первых*, в обращении авторов к корпусу исторических источников и, *во-вторых*, в попытке дать периодизацию истории Польши, в которой XVIII век выделен как отдельный период.

Вместе с тем можно констатировать, что русская общественная мысль второй половины XVIII — первой трети XIX в. на тему упадка и гибели Речи Посполитой в XVIII в. существенно отставала от историографии ведущих европейских стран. На Западе в этот период названная проблема уже была поставлена в научном плане, хотя ее научная историография вследствие своей политической актуальности не выделилась еще в полной мере из области политических сочинений. Однако уже тогда был сформулирован ряд принципиальных научных проблем, по которым развернулась международная дискуссия. *Во-первых*, был поднят вопрос о внутренних и внешних причинах гибели Польско-литовского государства; при этом большинство авторов констатировали решающую роль внешнего фактора, возлагая ответственность за разделы Польши на великие державы, в первую очередь на Россию и Пруссию. *Во-вторых*, было указано на значение для международного положения в целом и для судьбы польско-литовской шляхетской республики революционной эпохи, положившей конец старому порядку в Европе, а также выделена антиномия между «правом монархов» и «правом народов». *В-третьих*, был поставлен ряд частных проблем: о характере диссидентского вопроса, о политических реформах в Речи Посполитой и о российской гарантии польской конституции.

* * *

Важным этапом в развитии русской историографии истории Польши XVIII в. стал период 1830-х — 1850-х годов открывшийся польским Ноябрьским восстанием 1830 г. В эти годы русское общество обратилось к истории Польши в условиях набиравшего силу национального вопроса и сформировавшегося как в России, так и в Польше освободительного

движения и революционной общественной мысли. Важным стимулом обращения русской науки к истории Польши стала также сформулированная Иоахимом Лелевелем демократическая концепция польской истории.

В этот период центральное место в русской историографии принадлежало работам немецких авторов, вышедших из семинара Леопольда фон Ранке. В научных кругах получили распространение в оригиналах и в переводах работы Георга Бандтке «История государства Польского»⁸, труды Генриха Зибеля⁹ и работавшего по заданию русского правительства Эрнста Германа¹⁰. В целом в 1830-е — 1850-е годы для российской историографии проблем истории Польши XVIII в., «упадка и гибели» шляхетской Речи Посполитой новыми явлениями стали: *во-первых*, новый подход к историческим источникам, когда была поставлена задача формирования фундаментальной источниковой базы научных исследований; *во-вторых*, выделение научной историографии из общего потока политических сочинений; *в-третьих*, начало взаимодействия национальных историографических школ и международная дискуссия между ними. Как и прежде, изучение «падения» Польши развивается в рамках анализа международных и внутренних причин упадка Речи Посполитой, однако значительно расширяется круг конкретных исследовательских проблем. Так, был поставлен вопрос о хронологических рамках и периодизации истории Польско-литовского государства XVII–XVIII вв., утверждается выделение Петровского времени как исторического рубежа и особого периода для истории не только России и Речи Посполитой, но и для других стран Центральной и Восточной Европы. Развернулась дискуссия о характере и форме политического строя шляхетской Речи Посполитой, о роли сословий и сословных политических институтов в истории Польши, в частности о конфедерациях. Как самостоятельная научная проблема был рассмотрен

⁸ См.: Бандтке Г. История государства Польского. Т. 1–2. СПб., 1830.

⁹ См.: Зибель Г. История Французской революции и ее времени. СПб., 1863.

¹⁰ См.: Hermann E. Geschichte des russischen Staats. Bde 3.–6. Hamburg, 1853–1861.

вопрос о реформах государственного устройства польско-литовской шляхетской республики. В работах И. Лелевеля и Э. Германа впервые были намечены научные подходы к анализу причин «диссидентского вопроса» и политической роли в нем России и Пруссии.

С точки зрения анализа международной обстановки, оказавшей решающее влияние на судьбу Польши, был выдвинут тезис об определяющей роли политики великих держав. При этом получает развитие рационалистическая теория равновесия интересов государств, которая была дополнена концепцией Г. Зибеля о кризисе политических отношений «старого порядка», когда на место феодальной системы престолонаследия, с присущей ей иерархией суверенитетов и владельческих прав, приходит произвол «военных государств». Однако изложенные воззрения вполне сочетались с иррационалистическими геополитическими концепциями расового и цивилизационного противостояния Востока и Запада.

В связи с рассматриваемыми проблемами принципиальное значение имели вопросы о месте в системе великих держав России, о характере ее политики по отношению к Польше. Особо следует указать на вопросы о характере политических реформ в Речи Посполитой и об отношении к ним России, об установлении международного протектората над шляхетской республикой, о значении для Польши международных союзов, в первую очередь на дилемму: союз с Россией или с Пруссией.

* * *

Польское национальное восстание 1863 г. и последовавшее вскоре за ним столетие первого раздела Речи Посполитой вызвали особый интерес историков к событиям предшествовавшего века в истории Польши. Январское восстание косвенным образом открыло и новый этап в развитии русской и польской историографии, продолжавшийся практически до рубежа 1880-х — 1890-х годов. Его первой важной особенностью было то, что вслед за польской историографией для русской исторической науки, обращенной к истории Польши XVIII в., главным стал вопрос о причинах гибели шляхетской Речи Посполитой. Это указывает и на то, что для данного периода развития исторической науки русская и польская историография практически представляли собой единое целое,

несмотря на понятные расхождения в суждениях и оценках. Доказательством этому может послужить знаменитая книга Н.И. Кареева «Падение Польши в исторической литературе»¹¹. Подробнее на ней мы остановимся ниже. Второй важной особенностью русской историографии данного периода было выделение в трудах историков отдельных этапов в развитии отношений России со шляхетской республикой в XVIII в., включая Петровское время, затем 1730-х — 1750-х годы и, наконец, правление Екатерины II.

Первыми работами по истории польско-российских отношений XVIII в., опубликованными в указанный период в России и в Польше, заложившими основы российской историографии и ставшими непосредственным откликом на Январское восстание, были «История падения Польши» С.М. Соловьева, книги Хенрика Шмита: «История Польши XVIII и XIX вв.» и «История правления Станислава Августа Понятовского»¹², а также фундаментальная публикация Валериана Калинки «Последние годы правления Станислава Августа»¹³. При этом важным отличием трудов русских авторов было то, что в своем анализе они охватили всю эпоху XVIII столетия, а С.М. Соловьев начинал ее даже с середины XVII в., когда Россия выступила в поддержку восстания Богдана Хмельницкого на Украине. Существенным при этом для историка был вопрос о противостоянии католического Запада и православного Востока.

Важнейшим основанием, позволяющим отнести книги Соловьева, Шмита и Калинки к современной историографии, является подход авторов к историческим источникам, к методике их выбора, критики и анализа. Отмеченные

¹¹ См.: Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888

¹² См.: Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863. См. новейшее издание: *Он же*. Сочинения. Кн. 16. М., 1995. С. 405–628; Schmitt H. Dzieje Polski XVIII i XIX wieku. Т. 1–3. Kraków, 1866–1867 (Изложение доведено до 1795 г.); *Idem*. Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Т. 1–4. Lwów, 1868–1884 (Изложение доведено до Первого раздела Польши).

¹³ См.: Kalinka W. Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Cz. 1. Kraków, 1868.

последующими исследователями их отдельные ошибки в данной области только подтверждают этот вывод. Главной же их заслугой в исследовании поставленной проблемы стало обращение к сокровищам, соответственно, русских и польских архивов. Ссылки в данном случае с обеих сторон как на Соловьева, так и на польских историков позволяют подчеркнуть важный тезис об одновременном и взаимообусловленном формировании научной историографии как в России, так и в Польше.

В «Истории падения Польши» С.М. Соловьев практически не обращался к источникам польского происхождения¹⁴, но широко использовал русские дипломатические архивы. Причину гибели шляхетской республики русский историк видел в том, что Польша якобы не выполнила своей исторической задачи: противостоять германской экспансии на Западе, и в то же время стремилась к завоеваниям на Востоке. Привели же, по его мнению, дело к концу «русское национальное движение» (стремление православных народов к воссоединению и неприятие ими церковной унии 1596 г.), завоевательные устремления Пруссии (в духе Зибеля) и «преобразовательные движения», господствовавшие в Европе (противоречие между польской анархией и регулярно в рационалистическом духе устроенными государствами). Исходя из приведенной концепции, Соловьев практически не придавал значения вопросу о реформах Польско-литовского государства, считая, что гибель того была предрешена, а попытки реформ оказались для него пагубны, подобно тому как интенсивное, хотя и бесполезное лечение только усугубляет агонию умирающего больного. О проблеме польско-русского союза историк писал только, что тот мог бы защитить Речь Посполитую от прусской экспансии, но оказался неосуществимым из-за нежелания поляков пойти на уступки в диссидентском вопросе. Последнюю проблему историк считал центральной, видя в ней узел противоречий между «русским

¹⁴ С.М. Соловьев обращался преимущественно к сочинениям второстепенных мемуаристов. Исключения в этом смысле составляли воспоминания Станислава Августа, хранившиеся в российском архиве, и мемуары Михала Огинского. См.: *Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. Paris, 1826.*

национальным движением» и враждебной России политикой католических магнатов и шляхты.

Во второй половине 1870-х годов, когда С.М. Соловьев работал над заключительными томами «Истории России с древнейших времен», он добавил к изложенной концепции «падения Польши» лишь тезисы о противоположности интересов России и Пруссии в отношении Польши, о стремлении России сохранить слабую и зависимую от себя Речь Посполитую, в то время как Пруссия вела дело к захвату польских земель, почему Фридрих II и втайне противодействовал русской политике. Подчеркнутые антипруссские настроения в трудах Соловьева этого времени отражали реакцию русского общественного мнения и либеральных кругов, к которым принадлежал историк, на охлаждение отношений между Берлином и Петербургом и постепенное обострение российско-германских противоречий.

К сочинениям Соловьева в известном смысле примыкают опубликованные во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов труды Н.И. Костомарова¹⁵ «Последние годы Речи Посполитой» и Д.И. Иловайского о Гродненском сейме 1793 г.¹⁶ Книга Костомарова, первое издание которой увидело свет в 1866 г., несет на себе следы исторической публицистики, особого подхода автора к историческому повествованию как скорее к литературному жанру. Как и Соловьев, Костомаров описывал историю падения Польши, однако главное внимание он уделил периоду Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., подробно рассмотрев его работу дискуссии в польском обществе в связи с его постановлениями. В книге Костомарова был помещен до сих пор единственный перевод на русский язык Конституции 3 мая 1791 г. Автором был использован огромный массив современной сейму польской публицистики и последующая польская историография, хотя в выборе и критике источников в верификации фактов автор далеко не всегда следовал научным критериям.

¹⁵ См.: Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. Т. 1–2. СПб., 1866.

¹⁶ См.: Иловайский Д.И. Гродненский сейм 1793 г. М., 1870. Польское издание: *Howajski D. Sejm grodzieński roku 1793. Ostatni Sejm Rzeczypospolitej Polskiej*. Poznań, 1872.

Нашли отражение в работе и демократические убеждения Костомарова, который видел причину «падения» Польши в деморализации шляхетского сословия, что, по мнению автора, привело к гибели позитивные начинания и способствовало консервации отживших учреждений и дурных традиций. При этом, критикуя нравы польской шляхты, историк имел в виду вопрос о роли российского дворянства в период падения крепостного права и буржуазных реформ 1860-х годов в России. По существу, работа Костомарова, несмотря на свое жанровое своеобразие, стала первой монографией на русском языке, посвященной Великому сейму Речи Посполитой, монографией, написанной на основе преимущественно польской исторической литературы.

Сочинение Иловайского стало первым трудом российского автора, изданным на польском языке. Исходным пунктом гибели польского государства он считал польский «народный характер», который, хотя его отличали и мужество, и талант, не обладал, по словам Иловайского, «инстинктом самосохранения» перед лицом еврейской и немецкой опасности. Евреи заполонили польские города, лишив страну городского сословия, а немцы целенаправленно захватывали польские земли. Участие России в разделе Польши было вынужденным и предопределено международной ситуацией. Пожалуй, наиболее оригинальным суждением Иловайского был его вывод, что русско-польский союзный договор 1793 г. был последней попыткой спасти «остаток Польши» от полного раздела и подготовить его к слиянию с Россией, подобно Царству Польскому при Александре I.

Заметное место в русской историографии 1860-х — 1880-х годов принадлежало монографии П.К. Щебальского «Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II»¹⁷, первоначально в 1864 г. опубликованной в виде серии статей в «Вестнике Европы». Ее значение состояло в том, что автор первым среди русских историков монографически проанализировал российско-польские отношения в первой половине XVIII в., выделив как самостоятельный петровский период и политику преемников Петра. По мнению Щебальского, курс

¹⁷ См.: *Щебальский П.К.* Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864.

царя-реформатора состоял в установлении русского контроля над Польско-литовским государством с опорой на «русскую часть», пользуясь определением С.М. Соловьева, «двусоставной Польши». Наследники же Петра Великого отказались от этой линии, используя тактику лавирования между магнатскими группировками, уступив ключевую роль в Польше другим европейским державам. Возрождение принципов петровской политики Щебальский усматривал во внешнеполитических концепциях Екатерины II.

Важнейшим признаком становления в России современной историографии в 1860-е — 1880-е годы стало появление монографии как основной формы исторического исследования. Оно сопровождалось формированием жанра обобщающих синтетических трудов, исторических очерков, пришедших на смену прежним историко-описательным сочинениям, и появлением университетских курсов лекций как особого вида исторических сочинений. Применительно к рассматриваемой теме особое значение имел специальный курс, прочитанный Н.И. Кареевым в Петербургском университете в 1887–1888 гг. опубликованный вскоре в России и в Польше под заглавием «Падение Польши в исторической литературе»¹⁸. Книга Кареева стала, если не считать отдельных статей, первым в России монографическим исследованием в области историографии. Ее написание было связано с двумя другими работами автора, посвященными истории польского сейма и истории реформ в Польше XVIII в.¹⁹ Однако очевидно, что появление этого труда было бы едва ли возможно без обращения Кареева к сочинению Михала Бобжиньского²⁰ и книге Владислава Смоленьского²¹ об основных исторических школах в Польше и о направлениях польской историографии.

¹⁸ См.: *Кареев Н.И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888; *Kariejew N.* Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków, 1891.

¹⁹ См.: *Кареев Н.И.* Исторический очерк польского сейма. М., 1888; *Он же.* Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.

²⁰ См.: *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1880. Wst. II. O nauce historii polskiej i jej umiejętne zadaniu.

²¹ См.: *Smoleński W.* Szkoły historyczne w Polsce (Główne kierunki poglądów na przeszłość). Warszawa, 1886.

Собственно, с этих работ польских историков Кареев и начинает анализ историографии проблемы²². Названные историографические работы, вышедшие в Польше и в России, стали одним из наиболее важных свидетельств складывания современной историографии в наших странах; примечательно, что они были посвящены вопросу о причинах падения шляхетской Речи Посполитой.

Важнейшим явлением в науке последней трети XIX в. стало формирование научной исторической журналистики. История Польши XVIII в., разделы Польши, польский вопрос и раньше были благодатной почвой для публицистов самых разных политических направлений. Однако уже в 1870-е годы научные монографические статьи выделяются из потока публицистических сочинений и становятся одним из важнейших направлений научного творчества, позволяя развивать дискуссию по важнейшим методологическим, историографическим, источниковедческим и конкретно-историческим проблемам. Одним из наиболее ярких примеров такой научной журналистики может послужить история варшавского журнала «Атенеум» (1876–1901), основанного выдающимся польским историком А. Павиньским и его российским коллегой, историком права и профессором Петербургского университета В.Д. Спасовичем. Более трети публикаций по исторической проблематике на страницах журнала относились к истории Польши и польско-российских отношений XVII–XVIII вв.²³

* * *

В российской историографии конца XIX — начала XX в. заметное место в историографии рассматриваемых проблем принадлежало трудам Н.Д. Чечулина, В.А. Бильбасова, В.О. Ключевского, А.А. Корнилова. Названные историки не

²² После рассмотрения в первом разделе своей книги польской публицистики XVIII в. Н.И. Кареев начинает второй раздел, посвященный оценке польскими историческими школами XIX в. упадка Речи Посполитой, с работ Боб\жиньского и Смоленского. См.: *Kariejew N. Upadek Polski...* S. 28–29.

²³ См.: *Ромек З. Историческая проблематика на страницах «Атенеума» (1876–1901) // Славянские народы: общность истории и культуры.* М., 2000. С. 256–285.

занимались специально историей Польши. Они работали в области истории России, однако высказанные ими суждения имели существенное значение для характеристики либерального направления российской историографии, — суждения, отличные от консервативных взглядов Иловайского или же концепции С.М. Соловьева.

Книга Н.Д. Чечулина, посвященная истории внешней политики России 1762–1774 гг.²⁴, была непосредственно связана с публикацией исторических источников, поскольку основу для нее составили напечатанная в сборниках Русского исторического общества дипломатическая корреспонденция Екатерины II, Н.И. Панина, переписка иностранных дипломатов при русском дворе, в частности В.Ф. Сольмса. Не разбирая сочинения Чечулина по существу, остановимся только на том, что важно для нашей темы. Автор выделил в истории подготовки и осуществления первого раздела Польши две проблемы, рассмотрев их монографически самостоятельно: польская политика Петербурга 1762–1768 гг. и собственно история первого раздела Речи Посполитой. В первом случае Чечулин, воспроизводя, по существу, концепцию П.К. Щербальского, высказал мнение, что целью польской политики России было политическое подчинение себе Речи Посполитой посредством избрания короля-ставленника Петербурга и с помощью одной из магнатских партий: вначале — Чарторьских, а в дальнейшем — их политических противников. Отстаивая тезис о «национальном характере» русской внешней политики, историк стремился опровергнуть мнение о влиянии на русский двор Фридриха II. В отличие от Соловьева он не придавал диссидентскому вопросу существенного значения. Во втором случае историк доказывал, что возможность раздела Польши рассматривалась в Петербурге начиная с 1763 г. и что инициатива в этом деле намеренно была уступлена русской дипломатией Пруссии, чтобы получить возможность ограничивать чужие претензии и избежать обвинений в свой адрес. Чечулин сознавал необходимость опереться в своей работе на достижения польской историографии, ее тесного взаимодействия с русской, хотя попытка автора осуществить это

²⁴ См.: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.

намерение оказалась неудачной²⁵. Им было высказано весьма важное положение об особенностях критики национальных и иностранных источников по истории внешней политики отдельных стран в рамках истории международных отношений. На исследование Чечулина был опубликован ряд критических рецензий как в России, так и в Польше.

Если, согласно Н.Д. Чечулину, несмотря на критические суждения автора по отдельным вопросам правительственного курса, русская внешняя политика рассматриваемого периода предстает как последовательная, целеустремленная и вполне соответствующая национальным интересам, то концепция В.О. Ключевского содержит скорее негативную оценку. По мнению историка, перед Россией во второй половине XVIII в. стояло две задачи: «территориальная», то есть завоевание Причерноморья, и «национальная» — включение в состав России всех восточных славян. Вместо следования указанным целям Екатерина II и Н.И. Панин, по мнению историка, ввязались во внутренние польские дела из-за «диссидентского вопроса» и «гарантии» анархического государственного устройства шляхетской республики, что позволило Пруссии в условиях Русско-турецкой войны 1768–1772 гг. воспользоваться возникшим кризисом и спровоцировать невыгодный для Петербурга первый раздел Польши, в то время как цели России остались не достигнуты²⁶.

* * *

Первая мировая война и революционная эпоха 1917–1920 гг. кардинально изменили международное положение в Европе, социально-политическое устройство государств. Под натиском революционного движения рухнули империи Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых, а на их развалинах возникли новые независимые государства, было восстановлено польское государство. Под воздействием свершившихся событий были пересмотрены многие теории и концепции, считавшиеся до этого прочно утвердившимися

²⁵ Из работ польских авторов Чечулиным была использована только книга: *Askenazy Sz. Die letzte polnische Königswahl.* Göttingen, 1894.

²⁶ См.: *Ключевский В.О. Сочинения.* Т. 5. М., 1858. С. 39–64.

в историографии. На это применительно к воззрениям на «падение Польши» указывал М.Х. Серейский²⁷. Для польской историографии главная перемена заключалась в том, что раздел шляхетской республики в XVIII в., зачастую (особенно в публицистике) воспринимавшийся ранее антиисторически как некий финал польской истории — *finis Polonia*, — что было предметом напряженной дискуссии между сторонниками исторического и антиисторического подхода к проблеме «падения Речи Посполитой», оказался преодолен и тем самым превратился в интерпретации исследователей в один из исторических этапов развития Польши.

Для советской историографии межвоенного периода (1918–1939 гг.) обращение к истории Речи Посполитой и польско-российских отношений XVII–XVIII вв. было связано, с одной стороны, с попытками выработать марксистскую концепцию истории России и Польши периода феодализма, основанную на теории общественно-экономических формаций (с этой точки зрения советские историки оценивали и польскую историографию²⁸), а с другой — с постепенным переходом в первой половине 1930-х годов от упрощенных социологических схем к конкретным исследованиям по гражданской истории и истории международных отношений. Свою роль в этом сыграло направленное в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1934 г. и опубликованное в 1941 г. в журнале «Большевик» письмо И.В. Сталина о статье Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма»²⁹.

В 1930-е годы наиболее полно взгляды советских историков на «падение Польши» в XVIII в. были изложены М.В. Джервисом³⁰. В статье «Внешняя политика русского са-

²⁷ См.: *Serejski M.H.* Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. S. 5–6.

²⁸ См.: *Ясинский Ч.* «Польская историография XIX и XX вв.» в освещении польских буржуазных историков // *Борьба классов.* 1933. № 10.

²⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 11–52; *Сталин И.В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // *Большевик.* 1941. № 9. См. также: *Достян И.С.* Политика России в восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука // *Славянские народы: общность истории и культуры.* М., 2000. С. 215–227.

³⁰ См.: *Джервис М.В.* К вопросу о разделах Польши // *Исторический сборник.* Вып. 1. М., 1934. С. 177–197.

модержавия в изображении М.Н. Покровского» он, в частности, отмечал, что «исторические судьбы феодально-крепостнической Польши были теснейшим образом связаны с ходом и исходом широчайших народных движений на восточных окраинах Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. (Крестьянская война на Украине 1648–1653 гг., национально-освободительные войны Хмельницкого, гайдаматычина и др.)». По мнению автора, «победа феодальной реакции на Правобережье и в Белоруссии повлекла за собой консервацию феодально-крепостнических отношений в самой Польше, резкое замедление ее исторического развития». И далее «эта консервация выродилась в открытое загнивание при королях из саксонского дома (1704–1763)»³¹. Характеризуя положение польско-литовской шляхетской республики, в дополнение к «загниванию» автор добавляет и понятие «распад», формой проявления которого стал «рост центробежных тенденций в экономической и политической жизни страны, тяготение восточных областей к России и его оформление в русофильских тенденциях украинско-польских магнатов, выступивших в качестве союзников и слуг русской политики»³².

Разделы Польши М.В. Джервис связывал с «дебютом России в роли жандарма Европы» и с событиями Великой французской революции³³. Окончание Семилетней войны он считал началом нового этапа внешней политики самодержавия, характеризуемым сближением между Россией и Пруссией и совместно проведенным ими первым разделом Речи Посполитой. Одновременно этот этап, по словам автора, выдвигает на первое место так называемый восточный вопрос, открывая собой длинную цепь военных столкновений царской империи с Турцией. «Войну 1768–1774 гг., — писал Джервис, — следует рассматривать в тесной связи с разделом Польши. Этот последний представляет выдающийся интерес в том отношении, что он отразил столкновение двух систем

³¹ Джервис М.В. Внешняя политика русского самодержавия в изображении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. М.; Л., 1942. С. 191.

³² Там же. С. 192.

³³ См. там же.

диктатуры дворянства: вооруженного на новейший лад русско-пруско-австрийского абсолютизма и архаической <...> шляхетской республики. Это столкновение показало, что раздираемая внутренними противоречиями республика не выдержала фронтальной атаки союза абсолютистских держав»³⁴. В данной характеристике принципиальное значение имеет тезис о внешней политике, обусловленной диктатурой дворянства, и об экспансии абсолютистских режимов, а также о связи политики разделов Польши и установления политической гегемонии России в Европе. Вместе с тем тезис о «распаде» Речи Посполитой и о тяготении ее «восточных окраин» к России явно заимствован из русской историографии предшествующего периода.

В то же время вопрос о характере внешней политики царизма в XVIII в. в конце 1930-х годов, накануне Великой Отечественной Войны, постепенно подвергается пересмотру и сближается с оценками, данными еще С.М. Соловьевым. Показательным в этом отношении стал вышедший в 1941 г. первый том «Истории дипломатии»³⁵.

* * *

В первые десятилетия после Второй мировой войны (примерно до конца 1960-х годов) проблема «упадка» Речи Посполитой и разделов шляхетского Польско-литовского государства в XVIII в. рассматривалась в отечественной историографии главным образом в обобщающих трудах³⁶. В 1954–1956 гг. двумя изданиями первого тома в СССР была начата публикация трехтомной «Истории Польши»³⁷. Первый том охватывал период с древнейших времен до 1845 г. Его концепция и редакция были согласованы с польскими учеными.

³⁴ Джервис М.В. Внешняя политика русского самодержавия... С. 196.

³⁵ См.: История дипломатии. Т. 1 / Под ред. В.П. Потемкина. М., 1941.

³⁶ См., например: The New Cambridge Modern History. Vol. 7. The Old Regime 1713–1763 / Red. J.O. Lindsay. L., 1957; The New Cambridge Modern History. Vol. 8. The American and French Revolutions / Red. A. Goodwin. L., 1965; The Cambridge History of Poland. Vol. 1–2. Cambridge, 1950–1951; Halecki O. Historia Polski. L., 1958.

³⁷ См.: История Польши. Т. 1 / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. 2-е изд. М., 1956.

В Польше аналогичное издание многотомной отечественной истории увидело свет во второй половине 1950-х годов. Первая часть второго тома польского издания, посвященная периоду 1764–1795 гг., вышла из печати в 1958 г.³⁸

Внимание авторов как советских, так и польских обобщающих трудов было направлено главным образом на процессы социально-экономического развития Польши³⁹, описываемые в духе сформировавшейся к этому времени марксистской концепции перехода от «барщинно-крепостнического феодального общества» к буржуазной нации. В первом томе советского издания отмечалось: «Падение Польского государства не было внезапным единовременным актом — оно составляло целый период в истории Польши». На «царизм» возлагалась «полная историческая ответственность за захват Пруссией и Австрией коренных польских земель», за уничтожение польского государства, вместе с тем указывалось на «“прогрессивную роль” воссоединения в рамках России украинского и белорусского народов». «Победа феодально-абсолютистских режимов (Пруссии, Австрии и России, разделивших между собой территорию шляхетской Речи Посполитой. — *Б.Н.*) была реакционным явлением еще и потому, что она политически укрепила уже разлагавшийся в Польше феодальный общественный строй». «По третьему разделу Россия не захватила ничего из этнографически польских земель». «Вместе с тем разделы Речи Посполитой были результатом провала захватнической политики царизма в Польше, ставившей целью превращение ее в зависимую, слабую и отсталую страну — буфер на западных границах царской империи»⁴⁰. В духе противостояния феодального строя, его господствующим сословиям — магнатской олигархии и дворянства — и нарождавшегося капиталистического уклада, элементы которого формировались в городе, а также в результате промышленной деятельности крестьянства и расслоения крестьянских

³⁸ См.: *Historia Polski*. Т. 2. 1764–1864. Cz. 1. 1764–1795 / Pod red. S. Kieniewicz i W. Kuli. Warszawa, 1958.

³⁹ См., например: *Kula W.* L'histoire économique de la Pologne au XVIIIe siècle // *Acta Poloniae Historica*. 1961. № 6. P. 133–146.

⁴⁰ История Польши. Т. 1. С. 416–419.

хозяйств, советские историки и ученые Народной Польши в обобщающих трудах рассматривали важнейшие события истории Речи Посполитой второй половины XVIII в., уделяя главное внимание в политической области преобразованиям Четырехлетнего сейма и восстанию Т. Костюшко. Следует подчеркнуть, что приведенные оценки, данные в первом томе «Истории Польши» (в сравнении с суждениями, высказанными в других многочисленных обобщающих трудах по истории России, Польши, народов СССР и по истории международных отношений), были сформулированы наиболее развернуто и четко. Вместе с тем они представляли собой эклектичное соединение воззрений русской историографии XIX в. (Россия не стремилась к разделу Польши, желая видеть ее как буфер по отношению к Германии. Когда же разделы совершились, Екатерина II «не взяла» собственно польских земель, а присоединила к империи только области, населенные украинцами и белорусами) с принятыми в то время в советской историографии марксистскими концепциями перехода от феодализма к капитализму и реакционной природы «польской магнатурии» XVIII в. и так называемого позднего абсолютизма. В этих воззрениях также явно присутствовала характерная для послевоенного времени ярко выраженная антигерманская направленность.

В советской историографии 1950-х — 1960-х годов по истории международных отношений в вопросе о российско-польских отношениях XVIII в. проявились и новые тенденции по сравнению с русской классической историографией и воззрениями советских историков 1920-х — 1930-х годов. Это касалось главным образом эпохи Северной войны 1700–1721 гг. Советские историки обходили молчанием польскую политику Петра I, сводя ее к тезисам, с одной стороны, о поддержке царем своего союзника — польского короля и саксонского курфюрста Августа II, а также сторонников России из лагеря Сандомирской конфедерации, а с другой — о противодействии шведскому ставленнику на польском престоле — Станиславу Лещинскому⁴¹. Среди этих трудов особое

⁴¹ См., например: *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959; *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в последние

место принадлежало циклу статей В.Д. Королюка, посвященных российско-польским отношениям кануна и первых лет Северной войны, опубликованных в Польше отдельной книгой⁴². Его работы представляли собой новое явление в российской историографии, поскольку, *во-первых*, они вышли из-под пера автора, специализировавшегося на истории Польши (именно в 1950-е годы формировалось соотечественное общество историков-полонистов, к которому принадлежал и Королюк). И *во-вторых*, они были основаны главным образом на польских источниках и содержали критику польской историографии начала XX в. и межвоенного периода (прежде всего трудов Юзефа Фельдмана), что было нехарактерно для русской историографии ранее. Это объяснялось как задачей выдвижения аргументов против антироссийской тенденции польской историографии 1920-х — 1930-х годов, так и структурными переменами в российской (советской) историографии. Они заключались в том, что если ранее, как у Н.И. Кареева, польская «историческая литература» трактовалась как составная часть российской историографии, то теперь, с восстановлением независимой Польши в 1918 г. и образованием после Второй мировой войны Польской Народной Республики, труды польских ученых, с российской точки зрения, входили в корпус зарубежной литературы и требовали поэтому соответствующего анализа и критики.

Со времени становления исследовательской монографии и монографических статей как основных форм публикации исторических исследований на рубеже XIX–XX вв. постепенно трансформировался и подход к анализу истории Польши и российско-польских отношений в XVIII в. На смену фундаментальным сочинениям в духе С.М. Соловьева пришли монографические работы, посвященные отдельным частным вопросам, и обобщающие труды, призванные дать структурированное по проблемно-хронологическому принципу изложение и анализ исторического процесса. Во второй половине XX в. эта система приобрела практически всеобщий характер.

годы Северной войны. М., 1959; Некрасов Г.А. Русско-шведские отношения и политика великих держав. 1721–1726. М., 1964.

⁴² См.: Koroluk W.D. Polska i Rosja a Wojna Północna. Warszawa, 1954.

Ее следствием стало то, что и история Польши и польско-русских отношений XVIII в. могла рассматриваться историками с различных точек зрения как совокупность отдельных исследовательских проблем.

Характерная для советской историографии преемственность концепции социально-политического развития Речи Посполитой XVIII в. по отношению к обобщающим трудам 1950-х — 1960-х годов нашла отражение и в трудах советских историков 1970-х — 1980-х годов, в частности в монографии «Польша на путях развития и утверждения капитализма», вышедшей в 1984 г.⁴³ Ее авторы уделили основное внимание истории Польши XIX в. В то же время во введении были даны весьма важные характеристики и оценки, относящиеся к периоду «падения Речи Посполитой». В частности, говорилось об изменении «расстановки патриотических сил и политического облика национального движения от Барской конфедерации 1768 г. до восстаний 1794 г. Движение приобрело социальную направленность, массовый характер, сформировалось радикальное крыло. <...> Восстание 1794 г. открыло серию национально-освободительных выступлений польского народа, которые происходили на протяжении последующих семи-восьми десятилетий, когда польский вопрос оставался на повестке дня европейской политики»⁴⁴.

В советской историографии диссидентский вопрос рассматривается как средство, использованное русским правительством для защиты белорусского и украинского населения Речи Посполитой от национального и религиозного угнетения и для сохранения слабой и зависимой от России Польши в интересах противодействия экспансии европейских держав на Восток⁴⁵. По сути, эта концепция восходит к точке зрения С.М. Соловьева.

Иную оценку мы встречаем только у М.Т. Белявского, который писал, что «воссоединение в едином государстве

⁴³ См.: Польша на путях развития и утверждения капитализма / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1984. С. 9–11.

⁴⁴ Там же. С. 11.

⁴⁵ См., например: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Т. 3. М., 1967. С. 518–519.

русских, украинских и белорусских земель полностью соответствовало национальным интересам народов, но царизм меньше всего заботился об этом. В качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Польши монархи России и Пруссии использовали так называемый диссидентский вопрос, то есть вопрос о положении и правах православного населения на востоке и лютеранского населения на северо-западе Польши. Требуя уравнивания их в правах с католиками, Россия и Пруссия одновременно с этим поддерживали борьбу магнатов против попыток централизации в Польше»⁴⁶. Однако следует заметить, что в этой оценке отсутствует весьма важный аспект: сословное содержание диссидентского вопроса.

В работах по истории Белоруссии и Украины история русской политики в «деле диссидентов» либо не упоминается вообще, либо приводятся без каких-либо комментариев ее основные факты. Главное же внимание направляется на освещение национально-освободительной борьбы белорусского и украинского народов⁴⁷.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. занимали центральное место среди внешнеполитических акций России. В зарубежной историографии 1970-х — 1980-х годов (главным образом в обобщающих трудах) им отведено значительное место. Однако в нашу задачу, разумеется, не входит рассмотрение всего круга проблем, связанных с юго-западным направлением внешней политики России. Применительно же к истории «падения Польши» в литературе высказывается практически единая точка зрения, что русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. определили условия разделов Речи Посполитой. В связи с проблемой первого раздела Польши важнейшими дискуссионными проблемами в историографии рассматриваемого периода оставались вопросы о державе — инициаторе разделов, о последствиях его для Речи Посполитой и о его влиянии на социально-экономическое положение и этнополитическую ситуацию в Центральной Европе. Первый раздел Польши был предreshen

⁴⁶ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С. 349.

⁴⁷ См.: История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 82–85; История Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1983. С. 510–520.

еще в 1769–1770 гг., когда Австрия, Пруссия и Россия совместно выступили против барских конфедератов, а австрийские войска заняли польские Бескиды. Важнейшим юридическим прецедентом раздела стало присоединение к владениям Габсбургов Ципских земель, против которого возражали в Петербурге⁴⁸.

Советская историография по данной проблеме, в отличие от подходов к ней зарубежных, в том числе и польских, исследователей, проводила грань между характеристикой русско-прусского союза 1764 г. и ролью Пруссии в подготовке первого раздела Польши. В вопросе о союзе советские исследователи вслед за С.М. Соловьевым и Н.Д. Чечулиным выдвигали на первый план тезис, что «система Н.И. Панина» открывала для Петербурга возможность независимой (от Габсбургов) внешней политики и в то же время позволяла сдерживать экспансионистские устремления Берлина. Раздел же Польши стал возможен вследствие спровоцированной врагами России войной с Турцией, чем и воспользовался Фридрих II, вступив в стовор с Веней. После чего Австрия и Пруссия якобы вынудили Петербург дать согласие на раздел Речи Посполитой⁴⁹.

Советские историки, вслед за С.М. Соловьевым, утверждали, что Россия не смогла сохранить зависимую Польшу перед лицом агрессии со стороны Габсбургов и Гогенцоллернов⁵⁰. Справедливым представляется мнение исследователей, которые считали, что неудачи Австрии и Пруссии, а также опосредованно и России в борьбе с революционной Францией

⁴⁸ См.: *Handbuch der europäischen Geschichte*. Bd. 4. S. 745.

⁴⁹ См.: *Гендель Г.М.* Австрийская дипломатия во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Саратовского ун-та. 1947. Вып. 43; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М., 1955; *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.* М., 1956; *Юсупов Р.Р.* Речь Посполитая и русско-турецкие войны второй половины XVIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980; *Миронова Е.М.* Внешнеполитические взгляды и деятельность Н. И. Панина (1762–1772): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.

⁵⁰ См., например: *Джуджула К.Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972.

вызвали к жизни взаимное стремление к скорейшему разрешению польского вопроса, к укреплению таким образом общих позиций абсолютистских монархий в борьбе на Западе. Восстание Костюшко только укрепило эту решимость⁵¹. В известной мере, вопреки этому мнению, Т. Цегельский и Л. Конджеля показали, что планы третьего раздела Польши имелись у Пруссии и России еще до восстания под руководством Т. Костюшко, что ответственность за ликвидацию польского государства разделяют Австрия, Пруссия и Россия и что третий раздел Польши был неразрывно связан с кризисом международных отношений 1794–1795 гг., когда абсолютистские режимы Европы, с одной стороны, искали за счет Польши способ разрешения взаимных противоречий для сплочения в борьбе с революционной Францией, а с другой — пытались ликвидировать очаг республиканизма и якобинства в Центральной Европе⁵².

* * *

Анализ российской (советской) историографии 1970-х — начала 1990-х годов истории в ее сравнении с зарубежной историографией русско-польских отношений второй половины XVIII столетия и разделов Речи Посполитой свидетельствует о том, что, в отличие от отечественной историографии, проблемы эти широко освещались в исследованиях историков Польши, Германии, Австрии, США, Англии и Франции в контексте проблем развития международных отношений в Европе, внутренних и внешних факторов становления и развития абсолютизма.

Характерной особенностью историографии рассматриваемого периода стало постепенное сближение позиций национальных историографических школ. Это проявилось, с одной стороны, в развитии сравнительно-исторических и региональных исследований, когда в процессе работы

⁵¹ См.: *Michalski J.* Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // *Historia dyplomacji polskiej*. Warszawa, 1982. Т. 2. S. 624; *Müller M.G.* Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München, 1982. S. 52–53; *Goralski Z.* Austria a trzeci Rosbiór Polski. Warszawa, 1979.

⁵² См.: *Cegielski T., Kądziela L.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. Warszawa, 1990. S. 288–325.

формируются общие для ученых различных стран оценки и концепции, а с другой — в преодолении воззрений, продиктованных субъективными политическими интересами.

Дискуссионной проблемой зарубежной историографии стал вопрос о роли России в Европе и о международных отношениях в целом в XVIII в., когда Россия прошла путь от окраинного государства к державе-гегемону и превратилась в крупнейшую континентальную империю в мире. Русско-польские отношения и выход России к Черному морю, по мнению исследователей, сыграли решающую роль в процессе возрастания международного значения Российской империи. При этом одна часть исследователей связывает рост российского влияния преимущественно с действиями России в восточном вопросе, а другая — с российской политикой в Польше.

Однако содержание понятия «российская гегемония» нуждается в уточнении. Действительно, Россия к концу XVIII в. достигла наибольших военно-политических успехов в сравнении с другими странами, исключительное значение при этом имели разделы Речи Посполитой. Однако ни победа над Портой, ни гарантия имперской Конституции в Германии, ни декларация о вооруженном нейтралитете не свидетельствуют о возможности России навязать свою волю другим державам. Крупнейшие внешнеполитические акции России в XVIII в. и в первую очередь разделы Польши явились результатом компромисса между абсолютистскими державами, которые делили Европу в соответствии со своими силами и влиянием, но этот процесс не был продиктован гегемонией какой-либо одной страны или коалиции стран.

Еще одним важнейшим дискуссионным вопросом является вопрос о роли разделов Польши в европейской политике. В целом в зарубежной историографии высказывается мысль, что территориальные разделы и переделы были характерны для международных отношений XVIII в. Предпринимались попытки разделов шведских владений, владений Габсбургов, Баварии. В этом ряду разделы Польши были наиболее значительным, но не исключительным явлением. Напротив, польская историография подчеркивает исключительность разделов Польши, указывая, что это был единственный в своем роде случай ликвидации без войны, дипломатическим путем одного из крупнейших европейских государств.

Вопрос о причинах разделов Польши представлен в историографии как комплекс внутренних факторов (упадок Речи Посполитой) и внешнеполитических условий. При этом польские историки подчеркивают, что международные отношения и международные кризисы обусловили разделы польского государства, в то время как слабость шляхетской республики явилась опосредованной причиной, повлиявшей на выбор объекта разделов со стороны Австрии, Пруссии и России.

Отсюда естественно вытекает вопрос об ответственности за политику разделов. Представляется, что, если исключить известного рода публицистику на тему разделов Польши, в современной историографии принцип историзма постепенно приходит на смену политической полемике. Разделы Польши были проявлением характерной для XVIII в. формы разрешения международных противоречий, которая соответствовала как политической практике, так и общественному сознанию. Поэтому принцип ответственности политических режимов и господствующих сословий не должен превращаться в вину народов.

Исходя из этого, в историографии делается вывод об общей ответственности держав, осуществивших разделы Речи Посполитой, среди которых решающая роль принадлежала России, а дипломатическая инициатива исходила от Пруссии. Важной исследовательской проблемой современного этапа изучения российско-польских отношений является вопрос о целях российской политики в Польше, о возможном российско-польском союзе, проекты которого постоянно возникали начиная с 1760-х годов, о том, в какой мере этот союз был приемлем для Польши. Исследование этого вопроса требует более глубокого изучения российских архивных материалов и сравнительного анализа внутренней и внешней политики России и Польши XVIII в. в первую очередь со стороны историков России.

* * *

Обзор российской историографии (до начала 1990-х годов) истории Речи Посполитой и российско-польских отношений XVIII в. свидетельствует, что исследование названных проблем по-прежнему остается одним из актуальных направлений исторической науки. При этом центральное место в

современных исследованиях занимает вопрос о характере сословного и политического строя шляхетской республики, роли внешнего фактора в формировании ее внутренней и внешней политики. В концентрированном виде эти вопросы могут быть представлены как проблема политических реформ, направленных на централизацию республиканских институтов государственной власти в условиях ограниченного внутреннего и внешнего суверенитета Речи Посполитой, что самым тесным образом связано с историей разделов Польши.

Особое значение для новейшей историографии является состояние источниковой базы исследований. В значительной мере историки опираются на классическую историографию второй половины XIX — первой половины XX в., заимствуя не только введенные предшественниками в научный оборот источники, но нередко и концепции тех периодов. Разумеется, непреходящей заслугой классиков было то, что они более чем на столетие удовлетворили потребности науки в комплексе источников по указанным проблемам благодаря своим монографиям, обобщающим трудам и фундаментальным публикациям исторических документов. Однако уже на нынешнем этапе исследований историки признают недостаточность имеющегося материала. Среди многих исследователей, придерживающихся такого мнения, это, в частности, отмечали ведущий современный польский историк в этой области — Зофья Зелиньска и историк из Литвы Рамуне Шмигельските⁵³.

Подобной постановкой исследовательских задач объясняется одна из причин интереса современных исследователей к истории польско-российских отношений и к политической истории XVIII в. в целом, что связано не в последнюю очередь с широкой доступностью не только для российских ученых, но и для их зарубежных коллег отечественных архивов. Однако следует подчеркнуть, что неменьшее значение имеет обращение к архивам Германии, Австрии и Франции.

⁵³ См., например: *Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001. S. 7; Šmigelskitė R. Pirmojo respublikos padalijimo dokumentų publikavimas XVIII a. pabaigoje pradžioje // Lietuvos Metrika 1991–1996 metų tyrinėjimai. Vilnius, 1998. S. 282–293.*

Особо укажем на значение для данной проблематики архивов Австрии и Саксонии, материалы которых практически не опубликованы.

В связи с этим следует отметить, на наш взгляд, важнейшую особенность современных исследований по названной теме. Она состоит в том, что новый уровень научного анализа достигается не только и не столько за счет критики воззрений предшествовавшей историографии, сколько путем углубленного и более детального изучения источников, достигается на основе максимального привлечения конкретного фактического материала, что позволяет выйти на новый уровень обобщения, уточнить, а нередко и пересмотреть признанные концепции. Нельзя не сказать, что подобный метод исследования позволяет верифицировать и собственные суждения путем их сопоставления с данными широкого круга различных источников, которые сами, как отражение политической практики исследуемой эпохи, становятся критерием оценки высказываний ученого.

Польша в научных трудах и воспоминаниях Н.И. Кареева

Выдающийся русский ученый Николай Иванович Кареев (1850–1931) был по своей научной специализации «всеобщим историком», посвятившим себя исследованию многих стран Европы, а также важнейших событий европейского масштаба, таких как Английская революция XVII в. (1640–1660) и Великая Французская революция (1789–1794). В узком смысле он считался франковедом, специалистом по истории Великой Французской революции. Но Франция не была его единственной «сердечной привязанностью», его привлекали и другие страны континента — славянские, романо-германские, англосаксонские. Воистину он был общеевропейским историком. И его сочинения «Общий курс истории XIX века», «История Западной Европы в Новое время», «История западной Европы в начале XX века», «Общий ход всемирной истории» являются настоящим выражением его духа, его интересов и призвания.

Особое место в кругу научных интересов историка занимала Польша, и тому были свои основания: *во-первых*, в 1879–1885 гг. Н.И. Кареев работал в Варшавском университете в качестве экстраординарного профессора и, естественно, имел самые благоприятные возможности познакомиться со страной и ее историей; *во-вторых*, Польша в его время представляла собой самую острую и болезненную проблему для России, которая в XVIII в. сыграла решающую роль в разделах шляхетской Речи Посполитой и которая на протяжении XIX в. подавляла польское освободительное движение. Кареев как человек высоких нравственных убеждений и непоколебимых либеральных воззрений не мог оставаться равнодушным к страданиям великого славянского народа, к которому, по его собственным словам, чувствовал «братскую» симпатию.

Н.И. Кареев родился в Москве в семье кадрового военного. Вместе с родителями долго проживал в Смоленской губернии в родовом поместье деда. После окончания 1-й Московской

губернской гимназии с золотой медалью поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1873 г. со степенью кандидата. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1878/79 учебном году прочитал для студентов университета курс лекций по истории XIX в. Эта педагогическая практика имела важное значение для определения дальнейшей судьбы молодого преподавателя. В своих воспоминаниях Н.И. Кареев пишет: «Попробовав университетского преподавания, я хотел немедленно же его продолжить»¹. Однако в Московском университете свободных вакансий не было, и тогда Кареев принял заманчивое предложение занять место экстраординарного профессора в Варшавском университете. Все разговоры о трудном положении русского человека во враждебной окраине были сразу отменены по причине высокой и благородной цели, которую поставил перед собой новиспеченный профессор. «А разве, думал я, — вспоминал то время Н.И. Кареев, — не заманчива была бы задача явиться там, среди родственного славянского народа, не казенным обрусителем, но человеком, который бы явился представителем гуманной, либеральной, прогрессивной части русского общества, раз историческая судьба соединила Польшу с Россией»².

Варшавский период жизни Н.И. Кареева был весьма насыщенным и плодотворным в научном плане. Здесь он опубликовал множество работ как по истории Польши, так и по европейской истории. Это статьи, лекции, прочитанные в Варшавском университете, «Польские письма» в журнале «Русская мысль» и «Варшавские письма» в журнале «Русские ведомости». В Варшаве он издал магистерскую диссертацию «История французских крестьян с древнейших времен до 1789 года» (1881). В 1884 г. Н.И. Кареев защитил в Москве докторскую диссертацию по философии истории, в связи с чем вышли в свет не только сама диссертация, получившая огромное количество откликов, но и полемические работы, связанные с ней. Пребывание в Варшаве способствовало расширению знаний Н.И. Кареева о Польше, содействовало более

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 156.

² Там же.

близкому знакомству со спецификой положения поляков не только в Царстве Польском, но и в Познани и Галиции, отошедших, соответственно, к Германии и Австрии. На положение поляков в Царстве Польском русский профессор смотрел с большим оптимизмом, он был уверен, что реформа 1864 г. спасла польскую нацию и открыла перед ней блестящие перспективы для дальнейшего развития. Вот как он сам писал об этом в «Польских письмах» в 1881 г.: «Нигде польская национальность не сильна в такой степени, как в Царстве Польском, ибо здесь живет большая часть ее, живет компактной массой, ибо здесь ради своего сохранения ей нет надобности бояться прогресса, ибо здесь у нее нет таких конкурентов, как в Познани и отчасти в Галиции, ибо, наконец, она имеет здесь широкую народную основу в крестьянстве, наделенном землей великим актом 19 февраля 1864 года»³.

Вместе с тем Н.И. Кареев испытывал огромные страдания в связи с враждебным отношением многих русских, проживавших в Варшаве, к полякам и ко всему польскому. «Я видел, — вспоминал он позднее, — что в Варшаве русские люди только и делают, что всячески теснят поляков и своей некультурностью позорят русское имя, к чести которого я не мог быть равнодушным на чужбине»⁴. Говоря о своем русском окружении в Варшавском университете, Н.И. Кареев, в частности, представил целый список славистов, в котором, по его словам, один был «заражен ненавистью к полякам», другой был «беспощадным обрусителем», третий — «большим ругателем поляков» и т.д. Эта атмосфера враждебности среди коллег и начальства вызывала у Кареева желание поскорее покинуть Варшавский университет и вернуться в Россию. Такая возможность представилась в 1885 г., когда ученый переехал в Петербург, где он окончательно стал столичным русским профессором по всеобщей истории.

Вернувшись на родину, Н.И. Кареев не прерывал своих широких научных связей, установившихся с польскими коллегами. Он посетил Краков и Львов, где был тепло и дружески

³ Кареев Н.И. *Polonica*: Сборник статей по польским делам. СПб., 1905. С. 32.

⁴ Кареев Н.И. *Прожитое и пережитое*. С. 171.

принят польскими учеными, которые организовали в его честь торжественный прием. Более того, в 1903 г. он был избран членом-корреспондентом Краковской академии наук. Такое уважительное отношение польского научного сообщества к русскому историку было обусловлено прежде всего доброжелательным расположением Н.И. Кареева к полякам, его стремлением морально их поддержать в это трудное время. «Я всегда был врагом всякой национальной исключительности и розни, — писал Кареев в своих воспоминаниях, — всякого квасного патриотизма, шовинизма и т.п., всегда мечтал в духе завета Мицкевича о времени, “когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся”, всегда в особенности думал о необходимости русско-польского “примирения”»⁵.

Проблема польского самоопределения оставалась в центре внимания Н.И. Кареева и в последующие годы. После его избрания в 1905 г. в I Государственную Думу он неоднократно выступал по национальному вопросу с высокой депутатской трибуны. В одной из речей он, в частности, говорил: «В России, кроме русской земли, есть земля польская, латышская, эстонская, грузинская и разных других национальностей... Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу своего национального самоопределения, и от этого, уверяю вас, выиграет, между прочим, и самая господствующая в настоящее время национальность»⁶. Активная политическая деятельность Н.И. Кареева продолжалась недолго — после поражения революции 1905–1907 гг. он отошел от политики и вновь вернулся к проблемам науки и университетского преподавания, которыми занимался до конца своей жизни.

Изучать историю Польши Н.И. Кареев начал, еще будучи в Варшавском университете. Его увлекла проблема религиозной Реформации в Польше XVI в. Поскольку в университете он читал общий курс о реформационной эпохе в Европе, то включил в него специальный раздел о Польше. По его словам, этот раздел привлекал «особенно много слушателей», среди которых был даже один польский ксендз. Свой курс лекций о

⁵ См. там же.

⁶ Там же. С. 25.

польской Реформации Кареев опубликовал в отдельной книге «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (1886). В ней автор представил широкую и красочную панораму зарождения реформационного движения в Польше, его причин и характера, движущих сил и социально-политических последствий для дальнейшего развития польского государства. Причем он стремился рассматривать польскую Реформацию в тесной связи с европейской историей и в сравнении с другими странами Европы, прежде всего с Англией, Францией, Германией, Голландией, Чехией, которые также пережили это яркое и великое религиозное возрождение. По словам русского историка, Реформация XVI в. представляла собой «один из крупнейших фактов новой европейской истории вообще» и поэтому польская реформация «перед судом истории» не могла рассматриваться иначе, как «в сравнении с движениями того же характера в других странах Европы»⁷. В концепции Н.И. Кареева, зарождение польской Реформации приходилось на XV–XVI вв., которые были временем «исторического роста шляхты». В этот период она превращается в могущественный и преуспевающий социальный класс, способный бросить вызов господствующему в стране богатому католическому духовенству. Польская Реформация и явилась результатом борьбы за власть между амбициозной шляхтой и католическим клиром. «В Польше, — писал Н.И. Кареев, — не было реформации ни сверху, от короля, ни снизу, от народных масс: государственная власть и низшие классы общества начинали исчезать перед шляхтой и духовенством, борьба между которыми, как социальная причина польской Реформации, и является одним из самых выдающихся моментов всего движения»⁸. Неоднократно в книге подчеркивалось, что не религиозность, а «чисто мирские побуждения» вызывали ненависть шляхты к духовенству и что шляхта, «довольно индифферентная к вопросам веры», начинала «ненавидеть» духовенство из-за чисто светских побуждений. Русский профессор, в отличие от некоторых

⁷ Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886. С. 37.

⁸ Там же. С. 55.

своих польских коллег, давал самую высокую оценку реформационному движению в целом, называя его «героическим периодом» в истории Польши. «Конечно, — писал он, — польская история приняла бы совсем другое направление, если бы осуществилась программа “направы Речи Посполитой” и удержалась в стране *de facto* и *de jure* религиозная свобода»⁹. Совсем иное отношение автор выражал к восторжествовавшей католической реакции в Польше. Она получала резко отрицательную оценку под пером русского историка. «Оживив в XVI в. политическую жизнь и просвещение в польской нации, Реформация призвала в страну иезуитов, которые убили все, что было жизненного и прогрессивного в польском обществе XVI в. Таков был окончательный результат реформационного движения в Польше»¹⁰. В книге особо подчеркивалось, что орден иезуитов и иезуитизм в католической реакции были тем же, что протестантизм в Реформации: это были два противоположенных принципа. Если протестантизм выводил личность на новую дорогу, воспитывал в ней стремление к самоопределению и самостоятельности, то иезуитизм убивал личность, «дрессируя ее для служения целям, ей посторонним»; протестантизм был продуктом пробудившейся совести, иезуитизм же заглушал ее голос своими казуистическими успокоениями; протестантизм оживлял мысль, иезуитизм, наоборот, зарывал ее в ворох мертвой учености; если протестантизм оживлял чувство национального и политического патриотизма, то иезуитизм не знал родины и не учил любить ее¹¹. Ко всему перечисленному Н.И. Кареев добавлял еще один важный для всякого русского пункт — агрессивную политику католицизма по отношению к православию. Она, по его словам, создала польскому государству немало затруднений¹². Наконец, уже в этой книге автор поставил вопрос о причинах падения Польши в XVIII в., говоря о том, что Польша XVI в. и Польша XVIII столетия — это две противоположности, такие же резкие, как индипендентская Англия и клерикальная

⁹ См.: Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения... С. 30.

¹⁰ См. там же. С. 192.

¹¹ См. там же. С. 155.

¹² См. там же. С. 31.

Испания XVII в. Поэтому Польша пала «нетерпимой и анархической Речью Посполитой» в век вольномыслия и просвещенного абсолютизма¹³. Более подробно этот вопрос Н.И. Кареев рассмотрел в своей новой книге «Падение Польши в исторической литературе» (1888).

Данная книга родилась из серии статей, которые профессор опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1888 г. (№ 1, 3, 5, 6, 9, 11, 12). В ней на обширном историографическом материале Н.И. Кареев детально прослеживает причины, приведшие страну к политическому краху в XVIII столетии. Автор при этом критически рассмотрел всю специальную литературу по данному вопросу в польской, немецкой, французской и русской историографии. В отличие от своих западных и польских коллег, выступавших против «политики захватов», он прежде всего обращает внимание на внутренние причины упадка Польши. «Главная мысль, проходящая через всю рассмотренную нами литературу, — писал он, — та, что Польша пала вследствие своей внутренней безурядицы»¹⁴. Говоря о «внутренней безурядице», или «безнарядье», Н.И. Кареев подчеркивал, что некоторые историки, главным образом немецкие и русские, причину «безнарядья», погубившего Польшу, видели во врожденном народном характере поляков. В книге эти представления, оправдывавшие раздел Польши, решительно отвергались. По мнению Кареева, причины «безнарядья» надо искать прежде всего в «шляхетской анархии», приведшей к дезорганизации власти в стране и к политической деморализации поляков. «Самой собой разумеется, — писал он, — что угнетение крестьян, их равнодушное или прямо враждебное отношение к “отечеству”, экономический упадок страны, преследование диссидентов, всегда почти готовых на восстание, подавление умственной жизни католической реакцией, повальное невежество правящего класса и т.д. сами по себе были элементами упадка, за которым следовало и окончательное падение»¹⁵.

¹³ См. там же. С. 192.

¹⁴ Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888. С. 376.

¹⁵ Там же. С. 380.

Но не только критика присутствовала в книге Н.И. Кареева «Падение Польши...». В ней он отдавал должное тем немецким и русским историкам, которые стремились показать, что «не одна простая страсть к захватам, пользуясь слабостью соседа, не одни временные обстоятельства, сложившиеся под влиянием случайных условий текущей политики, играли роль при отторжении от Речи Посполитой и Западной Пруссии, и русских земель»¹⁶. В книге отмечалось, в частности, что прусская монархия была жизненно заинтересована в ликвидации чересполосицы своих владений, поэтому польская территория, лежавшая широкой полосой между двумя главными владениями дома Гогенцоллернов, рано или поздно должна была отойти к Пруссии. Что же касается земель, присоединенных к России, то они также не были случайным приобретением Русского государства, некогда они составляли русские княжества, завоеванные Литвой и перешедшие к Речи Посполитой после их объединения в единое государство. Когда же православная вера стала подвергаться преследованиям со стороны католицизма, население этих спорных земель начало тяготеть к единоверному Московскому государству. Игнорирование этих исторических фактов, по мнению автора книги, имело следствием необъективное и одностороннее освещение раздела Речи Посполитой в польской национальной историографии. В своей книге Н.И. Кареев также обратился к вопросу о роли польского сейма в судьбах польского государства в Новое время. Это обращение не было случайным; дело в том, что русский ученый в принципе отвергал распространенную на Западе и в России гипотезу о якобы врожденной неспособности польской нации к политической организации. Он отмечал, что сейм не смог создать сильное правительство, чтобы в решительный момент отстоять независимость государства от иностранного вмешательства. Но всесторонне этот вопрос профессор рассмотрел в специальном труде, озаглавленном «Исторический очерк польского сейма». Он был опубликован в 1888 г. одновременно с книгой «Падение Польши...».

В очерке по истории сейма в Польше Н.И. Кареев выделял две главные его особенности на протяжении без малого

¹⁶ Там же. С. 383.

трех столетий — с конца XV до конца XVIII в.: первая — это односословность, то есть участие в сейме одного только сословия — дворянства (шляхты); вторая — конгрессивность, то есть когда постановление собрания шляхты составлявших Речь Посполитую земель и повелений обладало верховенством по отношению к консолидированной воле сейма. Первое обстоятельство позволило шляхте сделать сейм орудием своих сословных интересов в ущерб общегосударственным интересам, а также интересам других сословий. Вторая структурная особенность сейма привела к появлению права *liberum veto*, позволявшего одному послу своим несогласием отменять все решения сейма, у которого областные сеймики начали оспаривать политический приоритет. Именно эта, по словам русского профессора, «дурная организация» сейма и явилась одной из причин политического упадка Польши в XVIII столетии¹⁷. Кареев подчеркивал, что шляхта, захватив верховную власть, не сумела организовать эту власть надлежащим образом, в результате никто в стране не подчинялся сейму. Каждый шляхтич был независимым и неограниченным царьком в своем имении, поэтому Речь Посполитая выступала как конфедерация великого множества мелких абсолютных шляхетских монархий. Наряду с характеристикой двух главных особенностей польского сейма (его односословности и конгрессивности) Н.И. Кареев в своей работе особо останавливался на оценке политической роли короля и сената в системе государственной власти в Польше. Он указывал, что в Польше существовали две палаты (две избы сейма), которые составляли вместе с королем три чина Речи Посполитой. Обе палаты польского сейма были обречены на взаимный антагонизм, король же был только номинальным главой шляхетской республики, власть в которой в действительности перешла к несменяемым сановникам. «Польское правительство было устроено таким образом, что у него не было объединяющего принципа»¹⁸, — к такому выводу приходил русский ученый. Он подчеркивал, что сами польские законодатели делали все, чтобы разрушить сильную

¹⁷ См.: Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. М., 1888. С. 1, 7–8.

¹⁸ См.: Кареев Н.И. Польские реформы XVIII века // Вестник Европы. 1889. Т. 3. Кн. 5. С. 5–65; Кн. 6. С. 109.

верховную власть в стране. «При продолжительности между-сеймовых промежутков и краткости времени, отводившегося сеймам, и при формальностях, стеснявших работу земских послов, словно нарочно были придуманы разные средства для того, чтобы от сеймов оставалось как можно меньше результатов»¹⁹, — говорилось в книге. В целом, по мнению Н.И. Кареева, к середине XVIII в. в Польше почувствовали потребность в политических реформах вообще и в реформах сейма в частности. Были предприняты некоторые преобразования, завершившиеся принятием Конституции 3 мая 1791 г. Русский историк положительно оценивал эту Конституцию, хотя и полагал, что она не устранила все пороки политического устройства Польши, накопившиеся в течение трех столетий.

В 1889 г. Н.И. Кареев вновь обратился к XVIII в. в истории Польши. Сначала в журнале «Вестник Европы» он опубликовал две статьи под общим названием «Польские реформы XVIII века»²⁰. А в 1890 г. увидела свет его отдельная книга с тем же названием, основанная на материале указанных статей. Повторное обращение маститого ученого к истории Польши в XVIII в., конечно, не было случайностью, оно было продиктовано важностью этого периода как в европейской истории в целом, так и в польской истории в частности. Кареев видел тесную связь между событиями Французской революции конца XVIII в. и польскими реформами. Уже в самом начале своей работы он писал: «В то самое время, когда на смену просвещенному абсолютизму в европейской политике пришла великая революция, и в Польше произошел аналогичный переворот: в 1788 г., за несколько месяцев до открытия в Версале Генеральных штатов, превратившихся в национальное учредительное собрание, в Варшаве открылся сейм, получивший впоследствии название Четырехлетнего, — сейм, ставший в оппозицию к правительству Станислава Августа и начавший реформировать Польшу по-новому, так что к Французской революции прибавилась весьма скоро (1791 г.) революция польская»²¹. Русский профессор подчеркивал, что Французская и

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ Там же. С. 550–620.

²¹ Там же. С. 7.

польская революции, несмотря на значительные различия, имели и общие черты благодаря тому, что передовые умы в польском обществе успели проникнуться политическими и общественными идеями французских писателей, так что события во Франции не прошли бесследно для Польши. «Одним словом, — продолжал он, — внутренние преобразования, происходившие в Речи Посполитой в последней трети XVIII века, были как бы несколько измененной и уменьшенной копией реформ, которые вводились в других местах просвещенным абсолютизмом и французской революцией: Польша за эти тридцать лет имела и своего короля-реформатора, и свою революцию. Доживая свои последние годы в качестве самостоятельного государства, польская нация была, таким образом, увлечена общим движением европейской жизни: внутренняя история Речи Посполитой в эпоху разделов, положивших конец польскому государству, может составить поэтому интересную главу в истории того преобразования европейского государства и общества, которое началось под знаменем философских идей прошлого века»²². Русский историк отказывался признавать какую-либо связь между падением Польши и политическими реформами XVIII в. в стране, указывая, что преобразования в ней преследовали цель дать Польше более прочное положение среди других держав, особенно ближайших соседей. Если реформы не достигли своей цели и не спасли государство от окончательной гибели, то на это были веские основания. Автор весьма скептически оценивал саму возможность успешного политического преобразования Польши в XVIII в. «Нужно всегда помнить, — писал он, — что Речь Посполитая представляла из себя одну из наиболее отсталых стран западной цивилизации: в ней поэтому было слишком мало предварительной подготовки к усвоению реформ, коих требовали дух времени и сами обстоятельства переживавшейся государством поры»²³. Недостаток времени для перестройки страны сверху донизу усугубляли другие обстоятельства. Автор называл два препятствия на пути реформ:

²² Там же.

²³ См.: *Кареев Н.И.* Польские реформы XVIII века // Вестник Европы. 1889. Кн. 6. С. 555.

это сословные права, привилегии, интересы, предрассудки, привычки, инстинкты шляхты, с одной стороны, и унаследованное от прошлого разложение государственного устройства — с другой. «Если в сословном консерватизме шляхты, — отмечал профессор, — остававшейся во второй половине XVIII века такой же, какой она была в течение целых полутора-двух веков и по своим идеям, и в своем внешнем положении, мы находим одно из тех препятствий, о которые не раз приходилось разбиваться делу реформы, то другим таким препятствием был невозможный политический строй Речи Посполитой»²⁴. Н.И. Кареев указывал, что для создания в Польше настоящего правительства необходимо было обеспечить преобладание сейма над сеймиками, установить правило, когда решения сейма принимались большинством голосов и действовало в стране парламентарное министерство. Конституция от 3 мая 1791 г. могла бы стать первым шагом на пути внутреннего перерождения Польши, но она оказалась недостаточно радикальной. В завершение своей работы русский автор еще раз доказывал, что для того, чтобы Польша в XVIII в. вышла на новую дорогу, ее сейм должен был стать более независимым, исполнительная власть — более самостоятельной, шляхта должна была перестать быть всем народом (в политическом смысле), «мещанство» должно было получить больше прав, как и крестьянство, которое законы страны должны были защищать не на словах, а на деле²⁵. Такова программа преобразований (политических реформ) Польши в XVIII в., как ее видел великий русский ученый в своих исторических трудах.

Последней книгой Н.И. Кареева, посвященной «польским делам», был сборник «Polonica», увидевший свет в 1905 г. Он включал «Польские письма», историографический очерк «Новейшая польская историография и переворот в ней», а также статьи из газет «Русские ведомости» и «Право». Все материалы сборника представляли собой ранее опубликованные работы автора в период с 1881 по 1905 г. В предисловии к сборнику Н.И. Кареев признавал, что его общее отношение к польскому вопросу за эти двадцать с лишним лет осталось

²⁴ Там же. С. 557.

²⁵ См. там же. С. 620.

прежним; также мало что изменилось за последние четверть века и в русско-польских отношениях, и прежде всего «та обоюдная неосведомленность, которая столь долго характеризовала наши взаимные отношения»²⁶. Именно в этом русский профессор видел оправдание для републикации своих трудов в данном сборнике.

В отечественной литературе книга «Polonica» стала предметом детального анализа в статье видного советского историка-полониста В.А. Дьякова «Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX века»²⁷. В ней с марксистских позиций автор утверждал, что во взглядах Н.И. Кареева «немало ограниченности, несовершенства и даже ошибок», что Кареев исследовал историю Польши с либерально-буржуазных позиций, «которые, разумеется, несли на себе печать классово-ограниченности»²⁸. Несмотря на эти традиционные для советской историографии клише и стереотипы, В.А. Дьяков в своей статье весьма объективно и обстоятельно рассмотрел основные работы Кареева, представленные в книге «Polonica». Среди них особый интерес, конечно, вызывают статьи, опубликованные уже в XX в., перед Первой мировой войной. Все они посвящены вопросам русско-польских отношений и включают много личного, исходящего из опыта научных и педагогических (преподавание в Варшавском университете) связей Н.И. Кареева. Он вынужден был с горечью констатировать, что история русско-польских отношений «в громадном большинстве случаев всегда была в монопольном обладании националистических публицистов», и что «официальная Россия в глазах иноплеменных совершенно закрывает Россию неофициальную, русское общество и русский народ», и что «о нашем общественном мнении иноплеменники судят часто исключительно по тем газетам, которые подделываются под тон всего, что носит официальную печать»²⁹. Свою заслугу русский ученый видел в том, что

²⁶ Кареев Н.И. Polonica. С. V.

²⁷ См.: История и историки: Историографический ежегодник. М., 1981. С. 147–161.

²⁸ Там же. С. 152–153.

²⁹ Кареев Н.И. Polonica. С. 213, 225.

всегда стремился быть объективным и доброжелательным к полякам, о чем они публично ему говорили. Отсюда его слова: «Правдивая наука — лучший путь для установления человеческих отношений между обеими национальностями»³⁰.

Еще один важный вопрос поднимал Н.И. Кареев в своих статьях — речь шла о национальных правах поляков в составе Российской империи. Профессор решительно выступал против лишения прав для поляков (как, собственно, и других малых народностей) изучать в пределах России родной язык. Усвоение официального русского языка, подчеркивал он, должно быть «делом прежде всего добровольным, а не принудительным, в особенности не должно совершаться в ущерб родному языку иноплеменника»³¹. И, продолжая эту мысль, он выносил окончательный вердикт: «Я не вижу... никаких оснований к тому, чтобы дети поляков, живущих вне пределов этнографической Польши, не могли учиться по-польски»³². К неотъемлемым правам поляков в составе Российской империи Н.И. Кареев также относил свободу совести и вероисповедания.

После выхода в свет сборника «Polonica» Н.И. Кареев еще неоднократно обращался к «польским делам» в своих статьях. Однако Первая мировая война, революции и Гражданская война в России, естественно, значительно ограничивали его научную деятельность. Тем не менее можно упомянуть его большую статью «Польский вопрос в историческом освещении», опубликованную в 1915 г. в сборнике «Вопросы мировой войны»³³. В ней он рассматривал историю Польши через призму русско-австрийских и русско-прусских противоречий, доказывая, что поляки в Царстве Польском находились в более благоприятном положении, чем в Галиции и Познани, где им грозила либо денационализация, либо культурное банкротство. «И в Австрии, и в Германии в начале теперешней войны сильно рассчитывали на восстание в Царстве Польском — и ошиблись. Несмотря на все то, что разъединяло в прошлом

³⁰ Там же. С. 213.

³¹ Там же. С. 262.

³² Там же. С. 263.

³³ См.: Вопросы мировой войны: Сб. ст. Пг., 1915.

Польшу и Россию, в настоящем возобладали как раз те силы, которые давно уже начали работу в смысле сближения обоих народов на почве общих политических, экономических и культурных интересов»³⁴. В конце статьи автор призвал не забывать уроков истории и не совершать «прежних ошибок, повторять которые было бы непростительно в тот момент, когда польский вопрос получает столь широкую постановку»³⁵.

Подводя общий итог сказанному выше, следует подчеркнуть, что работы Н.И. Кареева по истории Польши имели исключительно важное значение для своего времени. В них была представлена глубоко научная, объективная и всесторонняя картина развития польского государства в наиболее сложные периоды его истории. С другой стороны, несомненной заслугой русского ученого было уважительное и доброжелательное отношение к польской культуре и жизни поляков, что весьма контрастировало с насаждаемым официальными кругами духом враждебности и нетерпимости. В наше время «польские штудии» Н.И. Кареева также не утратили своей научной актуальности. Они привлекают исследователей тонкими наблюдениями автора, его оригинальными выводами и заключениями, обширной источниковой базой и использованной литературой.

³⁴ Вопросы мировой войны. С. 85.

³⁵ Там же.

Персонификация власти: великий князь Константин Павлович в российской и польской историографии

Великому князю, цесаревичу Константину Павловичу довелось сыграть видную роль в истории России и Польши первой трети XIX в. При Александре I, не имевшем законных детей мужского пола, Константин считался наследником российского престола. В 1820 г. Константин Павлович заключил морганатический брак с польской графиней Иоанной (Жаннетой) Грудзиньской, получившей в браке титул княгини Лович. Однако, как считается, этот брак закрыл для него путь к императорской короне. 14 (26) января 1822 г. он подписал отречение от прав на российский престол. Манифест Александра I от 16 (28) августа 1823 г. о назначении наследником следующего по старшинству брата — великого князя Николая — не был опубликован, что явилось одной из причин наступившего после смерти Александра междуцарствия и, по мнению многих современников, послужило предлогом для выступления декабристов 14 (26) декабря 1825 г.

В 1815–1830 гг. Константин находился в присоединенном к Российской империи Царстве Польском формально в качестве главнокомандующего польской армией, но как царский брат и вследствие неофициальных распоряжений Александра I в 1820–1822 гг. фактически получил полный контроль над польским правительством в обход занимавшего до 1826 г. официальную должность наместника польского генерала Ю. Зайончека. Великому князю подчинялась также военная и гражданская администрация пяти западных губерний — то есть территорий, до разделов Речи Посполитой входивших в состав шляхетской республики в границах 1772 г. Константин Павлович считал свой статус в Царстве Польском своего рода компенсацией за отказ от прав на российский престол и разделял надежды поляков о присоединении к Царству Польскому западных российских губерний, рассматривая все эти земли как своего рода удельное княжество.

После воцарения Николая I надежды Константина стали несбыточными. Император тяготился как самим существованием конституционного и автономного Царства, так и исключительным положением, занимаемым в нем великим князем. Обнаружившееся еще при Александре недовольство в польском обществе, обусловленное нарушениями Конституции 1815 г. и рядом других причин, все более усиливалось при его преемнике. Разразившееся 17 (29) ноября 1830 г. восстание в Царстве Польском и последовавшая затем русско-польская война 1831 г. означали крах политической карьеры Константина. Правда, сам великий князь не дожил до гибели конституционного Царства Польского и уничтожения взлелеянной им польской армии. Находясь в Витебске, в июне 1831 г. он умер от холеры.

Будучи чуть ли не со времени своего рождения в центре политических интриг и эфемерных политических проектов (Екатерина II намеревалась увенчать внука греческой короной византийских императоров), Константин Павлович так и не достиг вершин власти и политического могущества, выпавших на долю двух его братьев. Однако его личная политическая судьба стала весьма характерным отражением сложного и противоречивого социально-политического явления, каким был российский абсолютизм конца XVIII — первой трети XIX в. Именно с этой точки зрения фигуре Константина Павловича принадлежит особое место в историографии.

В российской и польской историографии личность великого князя Константина в основном рассматривалась в связи с проблемой решения династического вопроса в России в 1822–1825 гг. и деятельностью высшей администрации в Царстве Польском в 1815–1830 гг. В изучении этих вопросов можно выделить несколько этапов.

В царствование Николая I события недавнего прошлого невозможно было обсуждать в печати по цензурным соображениям. В 1831 г., сразу после смерти цесаревича, вышла в свет его официальная биография, которая в 1833 г. была переведена на польский язык¹. В ней доказывалось, что отречения

¹ См.: Жизнь его императорского Высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича, или Полное и верное описание его деяний с 1799 г. по самую кончину, собрание писем к разным

Константина в 1822 и 1825 гг. носили добровольный характер, и умалчивалось о каком-либо влиянии цесаревича на политическую жизнь Царства Польского.

Интерес к личности великого князя начал возрастать с 1860-х — 1870-х годов, когда в научный оборот были введены мемуары, дневники, переписка и другие источники, освещавшие различные стороны его деятельности. В 1877–1878 гг. в журнале «Русская старина» был напечатан биографический очерк о Константине Е.П. Карновича, в 1899 г. вышедший отдельной книгой, а в следующем году опубликованный на польском языке². Это было уже полноценное исследование, написанное на основе широкого круга опубликованных и неизданных источников, которое оказало существенное влияние на всю последующую литературу о великом князе. Константин Павлович не был обойден вниманием в связи с публикацией многотомных справочников, посвященных русским государственным и военным деятелям. В 1903 г. в 9-м томе «Русского биографического словаря» была издана статья о нем Н.Д. Чечулина³. В 1913 г. увидел свет 13-й том «Военной энциклопедии» с обстоятельной заметкой о великом князе Г.С. Габаева⁴. В том же году в серии «Историческая библиотека» была напечатана небольшая книжка о цесаревиче А. Раменского⁵. Династический вопрос и отношение Константина к Царству Польскому также рассматривались в работах, посвященных царствованиям Александра I и Николая I.

лицам, в разные годы писанных, анекдотов и проч. Ч. 1–2. М., 1831; *Rys życia Jego Cesarzewiczowskiej Mości W. Ks. Konstantego Pawłowicza*. Warszawa, 1833.

² См.: *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович: Биографический очерк. СПб., 1899 (работа исследователя переиздана в 1995 г., далее ссылки приводятся по новому изданию. См.: *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович: Биографический очерк // Собр. соч. Т. 3. М., 1995. С. 373–603); *Wielki książe Konstanty. Zarys biograficzny*. Warszawa, 1900.

³ См.: *Чечулин Н.Д.* Константин Павлович // *Русский биографический словарь*. Т. 9. Кнаппе–Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 155– Стб. 240.

⁴ См.: *Габаев Г.С.* Константин Павлович, вел. кн. // *Военная энциклопедия*. Т. 13. Кобленц — Круз Александр Иванович. СПб., 1913. С. 138–144.

⁵ См.: *Раменский А.* Цесаревич Константин Павлович. М., 1913.

В дореволюционный период большинство историков считали отказ Константина от прав на престол в 1822 г. добровольным, объясняя его как нежеланием цесаревича царствовать (особенно при жизни Александра, в случае его возможного отречения), так и отсутствием у него государственных способностей. Исследователи полагали, что и после смерти Александра I в 1825 г. Константин Павлович оставался верен своему отречению. Поэтому многие из них считали, что он должен был отречься от престола как император или приехать в Петербург, чтобы рассеять все возможные сомнения. Эту точку зрения разделяли как представители официальной историографии (М.А. Корф, М.И. Богданович, Е.П. Карнович, Н.К. Шильдер, Н.Д. Чечулин, великий князь Николай Михайлович, Г.С. Габаев, А. Раменский)⁶, так и их оппоненты — революционеры-демократы (А.И. Герцен и Н.П. Огарев⁷) и близкие к ним по воззрениям лица (Г. Василич)⁸, а также либералы (А.А. Корнилов)⁹. На рубеже XIX–XX вв. появились концепции, авторы которых склонялись к мысли о вынужденном характере отречения

⁶ См.: Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом. Третье издание (первое для публики). СПб., 1857 // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 216–221, 244, 245; *Богданович М.И.* История царствования Александра I и России в его время. Т. 6. СПб., 1871. С. 350; *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. С. 513, 519, 520, 595–598; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 143–146, 278, 279, 398–400, 420, 424; *Он же.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1997 (впервые опубл. в 1903 г.). С. 112, 127–131, 210, 211; *Чечулин Н.Д.* Константин Павлович. Стб. 193, 201; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 312, 316, 326; *Габаев Г.С.* Константин Павлович, вел. кн. С. 140, 142; *Раменский А.* Цесаревич Константин Павлович. С. 65, 66.

⁷ См.: 14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа. Лондон, 1858 // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С. 185.

⁸ См.: *Василич Г.* Междуцарствие и восстание 1825 года. Ч. 1. М., 1907. С. 7, 8, 29, 43–45, 49, 50, 52–54.

⁹ См.: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993 (впервые опубл. в 1912–1914 гг.). С. 144.

великого князя Константина в 1822 г. (обусловленного давлением Александра I и вдовствующей императрицы Марии Федоровны) и не исключали у него намерения занять престол в 1825 г.¹⁰ После революции 1905–1907 гг., когда цензура ослабла, в исторической науке стало набирать силу либеральное направление и вышли первые марксистские работы, в объяснении поведения великого князя появились новые концепции. К.Н. Левин и М.Н. Покровский в 1907 г. предположили, что выжидательную позицию цесаревича после смерти Александра можно объяснить его желанием взойти на престол, а не только странностями его характера¹¹. В 1912 г. Покровский выдвинул концепцию, согласно которой Константин Павлович надеялся в 1825 г. прийти к власти с помощью тайных обществ¹². А. Раменский допускал, что во время междуцарствия цесаревич имел виды на польскую корону¹³.

Во второй половине XIX — начале XX в. в связи с недавними восстаниями особую актуальность сохранял польский вопрос. Рассматривая деятельность Константина Павловича в Царстве Польском в 1815–1830 гг., историки оценивали ее отрицательно. Это относится к исследователям как консервативного направления, которые причины восстания сводили к польскому «национальному характеру», «неспособности» польского народа к самостоятельному политическому развитию и готовности к необдуманным восстаниям и преувеличивали влияние на него европейских революций 1830 г. — Е.П. Карнович, А.К. Пузыревский, Н.К. Шильдер, Н.Д. Чечулин, Г.С. Габаев, А. Раменский¹⁴, так и либерального, считавшим, что союз

¹⁰ См.: Цесаревич Константин Павлович (Историческая характеристика) // Русская старина (далее — РС). 1900. Т. 101. С. 637–641.

¹¹ См.: Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1 (Ч. 1). СПб., 1907. С. 87–89.

¹² См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 3. М., 1933. С. 220, 226, 227.

¹³ См.: Раменский А. Цесаревич Константин Павлович. С. 67–68.

¹⁴ См.: Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. С. 478, 481, 482, 491, 492, 599; Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. Т. 1. СПб., 1890. С. 15; Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша в 1825–1831 гг. // РС. 1900. № 3. С. 518, 523, 541, 542; № 6. С. 493; Чечулин Н.Д. Константин Павлович. Стб. 184–186, 211, 212; Габаев Г.С.

между конституционной Польшей и самодержавной Россией был непрочен по своей природе, или видевшим одну из причин Польского восстания в антиконституционной политике российского самодержавия, — Н.И. Кареев, А.С. Трачевский, А.Л. Погодин, М.К. Любавский, И.С. Рябинин¹⁵. Все они полагали, что Константин из-за своих деспотических наклонностей и непоследовательности в характере совершенно не годился для роли конституционного правителя. Лишь А.А. Кизеветтер, анализируя отношение Константина к Царству Польскому на основе изданной незадолго до этого его переписки с Николаем I, доказывал, что великий князь хотя и не являлся поклонником польской конституции, тем не менее строго ее соблюдал¹⁶. Как правило, российские исследователи не видели эволюции во взглядах цесаревича применительно к Польше. Однако А.Л. Погодин, популяризируя точку зрения польских историков, отмечал в деятельности Константина Павловича в Царстве Польском два этапа: до и после его отречения от прав на российский престол¹⁷.

Константин Павлович, вел. кн. С. 141–144; *Раменский А.* Цесаревич Константин Павлович. С. 49, 53, 54.

¹⁵ См.: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1903. С. 19, 23, 24, 26, 28, 29; *Любавский М.К.* Царство Польское и его конституция 1815 г. // Книга для чтения по истории Нового времени. Т. 3. М., 1912. С. 687–710; *Он же.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков): Лекции, читанные в Московском университете и на высших женских курсах в Москве. 2-е изд. М., 1918. С. 382–384, 388–390; *Трачевский А.С.* Новая история. Т. 2. СПб., 1908. С. 581–584; *Рябинин И.С.* Польское восстание 1830 г. // Книга для чтения по истории Нового времени. Т. 4. Ч. 2. М., 1914. С. 51, 52, 55–58; *Погодин А.Л.* Польша перед восстанием 1830 года // Русское богатство. СПб., 1912. № 8. С. 37, 38. № 9. С. 45; *Он же.* История польского народа в XIX веке. М., 1915. С. 98, 99, 119, 120; *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 28, 29. См. также: *Тимощук В.* Император Николай Павлович и цесаревич Константин Павлович в их письмах 1825–1831 гг. (Их характеристика и взаимные отношения) // РС. 1911. № 5. С. 376, 377, 379, 380, 382; № 11. С. 373, 374; № 12. С. 599, 611–613.

¹⁶ См.: *Кизеветтер А.А.* Император Николай I как конституционный монарх // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 406, 412–415.

¹⁷ См.: *Погодин А.Л.* Польша перед восстанием 1830 года // Русское богатство. 1912. № 9. С. 45.

После Октябрьской революции 1917 г. в исторической науке Советской России меняются приоритеты исследований. На первый план выходит изучение истории общественно-политической и социальной борьбы. В советской довоенной историографии (до 1941 г.) отношение Константина к перспективе занятия престола в основном рассматривалось в работах, посвященных декабристам. Одни исследователи придерживались версии о добровольном отречении Константина Павловича в 1822 и 1825 гг. (А.Е. Пресняков)¹⁸, другие продолжали развивать концепцию М.Н. Покровского (Е.В. Сказин, Г.Г. Писаревский)¹⁹, считая отречение великого князя вынужденным. Разделяя мысль Покровского о том, что великий князь хотел прийти к власти с помощью тайных обществ, Писаревский решение династического вопроса в 1822–1825 гг. также во многом рассматривал сквозь призму современной ему польской историографии. В советской историографии 1920-х — 1930-х годов историки практически не обращались к анализу политики Константина в Польше, поскольку польский вопрос с восстановлением в 1918 г. польского государства и с заключением в 1921 г. советско-польского Рижского мирного договора утратил свою актуальность как проблема внутренней российской истории. Интерес к деятельности Константина в Царстве Польском проявил только Г.Г. Писаревский, который вслед за польскими исследователями считал, что после женитьбы на И. Грудзиньской отношение цесаревича к Польше заметно улучшилось²⁰.

В исторической науке СССР после окончания Второй мировой войны проблема исторической общности народов России и Польши приобретает особое значение в условиях

¹⁸ См.: Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1926. С. 55, 57, 72, 73.

¹⁹ См.: Сказин Е.В. Восстание 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1925. С. 22, 26–28; Писаревский Г.Г. К истории польской революции 1830 года. Баку, 1930. С. 59, 60, 63, 64.

²⁰ См.: Писаревский Г.Г. К истории польской революции 1830 года. С. 62, 63. О политике Константина в Царстве Польском см. также: Он же. Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. 3. Вып. 3. Смоленск, 1926. С. 297–344.

тесного союза между двумя странами в рамках объединения стран народной демократии и военно-политического Варшавского договора. В послевоенный период получила развернутое обоснование концепция об «освободительном движении» в России, первый «дворянский» этап которого открывало восстание декабристов. В советской историографии утвердился тезис о закономерности освободительного движения в России и национально-освободительного движения в Царстве Польском, о связи последнего с революционными выступлениями в России и Европе. Исходя из этого, за редким исключением, недостаточное внимание уделялось «человеческому фактору», роли личности в истории. Это касалось характеристики как самих декабристов, в которой нередко преобладал вульгарно-социологический подход, так и представителей правящих кругов и в целом дворянства и бюрократии. Оценки деятельности Константина Павловича встречаются в общих работах 1950-х — 1980-х годов по истории России и Польши. В частности, в первом томе «Истории Польши» под редакцией В.Д. Королюка, И.С. Миллера и П.Н. Третьякова отмечалось, что нарушения польской Конституции со стороны императорского комиссара Н.Н. Новосильцева и великого князя способствовали нарастанию недовольства в польском обществе²¹. С.Б. Окунь в очерках истории России конца XVIII — первой четверти XIX в. и книге о декабристе М.С. Луние внес в разработку концепции междуцарствия некоторые оригинальные суждения. Находя отречение Константина в 1822 г. вынужденным, он предположил, что присяга Николая цесаревичу после смерти Александра I, сопряженная с чтением манифеста 1823 г. в Государственном совете, отрезала Константину путь к престолу²².

С конца 1980-х — начала 1990-х годов начинается новый этап в развитии историографии о великом князе Константине Павловиче. Отечественные историки все чаще обращаются к изучению личностей последних российских монархов и членов их семьи. Это можно объяснить стремлением, с одной

²¹ См.: История Польши / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. Т. 1. М., 1956. С. 495, 497–499, 501.

²² См.: Окунь С.Б. История СССР. 1796–1825. Л., 1947. С. 445–448, 450–454; Он же. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962. С. 79–82, 85.

стороны, противопоставить «советскому» периоду в истории России предшествующий «императорский», а с другой — актуализировать исторический опыт реформаторской деятельности, обосновать особую роль в российской истории так называемой революции сверху.

В этот период появилось немало работ, специально посвященных Константину Павловичу. В 1992 г. в журнале «Родина» была напечатана статья о нем Ю.А. Борисёнка²³. Личность великого князя в контексте формирования народной легенды об идеальном царе стала объектом диссертационного исследования М.А. Кучерской, защищенного в 1999 г. в Калифорнийском университете (США)²⁴. В 2005 г. в серии «Жизнь замечательных людей» вышла в свет книга Кучерской о цесаревиче Константине Павловиче²⁵, которая в 2013 г. была переиздана. Роль великого князя в политической жизни России конца XVIII — первой трети XIX в. и его восприятие в российском обществе были проанализированы в кандидатской диссертации автора настоящей статьи²⁶. Тема отношения Константина к Царству Польскому, в частности к польской армии, к вопросу конституционных свобод, народному образованию, проблема восприятия Константина Павловича современниками и т.д. были освещены О.С. Каштановой в последующих статьях²⁷. Проблематика контактов цесаревича с

²³ См.: *Борисёнок Ю.А.* Не всякому нужна корона // *Родина*. 1992. № 11/12. С. 40–43.

²⁴ См.: *Kucherskaya M.* Grand Duke Constantine Pavlovich Romanov in Russian cultural mythology. Los Angeles, 1999.

²⁵ См.: *Кучерская М.А.* Константин Павлович. М., 2005.

²⁶ См.: *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

²⁷ См.: *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // *Столица и провинция в истории России и Польши*. М., 2008. С. 111–132; *Она же.* Донесения великого князя Константина Павловича и его переписка с императором Николаем I как источник по истории автономного Королевства Польского (1825–1829) // *Проблемы источниковедения*. Вып. 2 (13). М., 2010. С. 293–320; *Она же.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // *Славяноведение*. 2013. № 5.

польской средой, отражение мнений о нем в эпистолярных источниках и литературе исследованы в некоторых статьях Н.М. Филатовой²⁸. В 2006 г. вышла биографическая статья о Константине Павловиче А.С. Титова и Е.И. Юркевича²⁹, а в следующем году — краткая статья Юркевича, посвященная военной деятельности Константина³⁰. Попытку определить юридический аспект отречения великого князя от прав на престол предприняла Е.В. Староверова³¹.

Роль цесаревича Константина в решении династического вопроса была также рассмотрена в работах, посвященных междуцарствию и императору Николаю I. Наряду с версией о добровольном отречении великого князя в 1822 г. и его нежелании царствовать после смерти Александра I (Я.А. Гордин, С.В. Мироненко, Ю.А. Борисёнок, М.А. Кучерская, А.С. Титов и Е.И. Юркевич)³² идет творческое осмысление идей С.Б. Окуня,

С. 37–48; *Она же*. Высшая и средняя школа в Королевстве Польском при Александре I глазами царской администрации // *Akademie nauk. Uniwersytety. Organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* (Академии наук, университеты, научные учреждения. Польско-российские отношения в сфере науки XVIII–XX вв.) Warszawa, 2013. С. 499–514; *Она же*. Венский конгресс 1814–1815 гг. и организация польской армии // *Славяноведение*. 2016. № 1. С. 79–90.

²⁸ См., например: *Филатова Н.М.* Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // *Юлиуш Словацкий и Россия / Под ред. В.А. Хорева и Н.М. Филатовой*. М., 2011. С. 38–52.

²⁹ См.: *Титов А.С., Юркевич Е.И.* Цесаревич Константин Павлович: Страницы биографии // *Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность: Сб. ст. / Ред. Е.А. Гольдич*. СПб., 2006. С. 59–78.

³⁰ См.: *Юркевич Е.И.* «Константин Павлович... сочетал редкую чуткость и рыцарский образ мыслей и поступков» // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 6. С. 44–46.

³¹ См.: *Староверова Е.В.* Отречение цесаревича Константина Павловича от права наследования престола // *История государства и права*. 2009. № 5. С. 14–16.

³² См.: *Гордин Я.А.* События и люди 14 декабря: Хроника. М., 1985. С. 19, 20, 52–54, 65, 68, 70; *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 82–85, 87, 93.

которое приводит историков к принципиально новым выводам. В.А. Калинин полагал, что еще при жизни Александра I самим императором, его младшим братом Николаем и вдовствующей императрицей Марией Федоровной был разработан план, предусматривавший передачу императорской короны Николаю при формальном соблюдении закона о престолонаследии. По этому плану, в случае смерти Александра надлежало немедленно присягнуть Константину, чтобы уже затем добиться его отречения от престола³³. По мнению же М.М. Сафонова, Александр I, крепко державшийся за трон, намеренно создал такую ситуацию, когда существовало два наследника престола: явный — Константин и тайный — Николай, но никто не имел бесспорных прав. Согласно Сафонову, план немедленной присяги Николаю Константину исходил от Марии Федоровны. Она получала шанс занять престол в обход сыновей, поскольку Николай, отказываясь от своих прав на корону, приносил присягу уже ранее отрекшемуся Константину³⁴. Точки зрения Сафонова на решение династического вопроса в 1822–1825 гг. в определенной степени придерживается и историк николаевского царствования Л.В. Выскочков³⁵.

Военная и политическая деятельность великого князя в Царстве Польском анализируется как под влиянием концепций российской дореволюционной историографии (М.А. Кучерская, Л.В. Выскочков, А.С. Титов и Е.И. Юркевич), так и с учетом достижений польских ученых (Ю.А. Борисёнок, О.С. Каштанова, Н.М. Филатова).

³³ См.: Калинин В.А. Константиновский рубль и междуцарствие 1825 г. // Нумизматика в Эрмитаже. Л., 1987. С. 114, 115.

³⁴ См.: Сафонов М.М. Междуцарствие // Исторический опыт русского народа и современность: Дом Романовых в истории России: Материалы к докл. конф. 19–22 июня 1995 г. СПб., 1995. С. 166–168; Он же. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 535–537; Он же. Второе издание медали на рождение великого князя Константина Павловича (1825 год) // Факты и версии: Историко-культурологический альманах: Исследования и материалы. Кн. 4. Методология. Символика. Семантика. СПб., 2005. С. 76–82.

³⁵ См.: Выскочков Л.В. Николай I. 2-е изд., испр. М., 2006. С. 64, 65, 74–78, 81–93.

В польской историографии фигура великого князя Константина Павловича никогда не исчезала из поля зрения исследователей и привлекала едва ли не большее внимание, чем в российской. Первые работы, в которых затрагивался вопрос о деятельности Константина в Царстве Польском, были написаны эмигрировавшими за границу непосредственными участниками восстания 1830 г., называемого в польской исторической литературе Ноябрьским. Все они находили, что власть в Польше была предоставлена Константину Александром I в качестве компенсации за его отказ от прав на российский престол. По мнению М. Мохнацкого, причины Польского восстания лежали в самом создании Царства Польского, поскольку российский самодержец не мог быть одновременно польским конституционным монархом. «Тирания» главнокомандующего польской армией великого князя Константина и нарушение Конституции не являлись поэтому определяющими факторами³⁶. К. Гофман, напротив, рассматривал Ноябрьское восстание как следствие непрерывного нарушения Конституции со стороны российских императоров и представителей российской администрации в Польше: Константина Павловича и императорского комиссара Н.Н. Новосильцева³⁷. Некоторые исследователи из кругов польской «Великой эмиграции» (Л. Мерославский, Р. Солтык, С. Бажиковский) даже считали главной причиной восстания произвол со стороны великого князя Константина, вмешавшегося во все сферы польского государственного управления³⁸. Особое недовольство вызывала позиция Константина в отношении польской армии, его обвиняли в насаждении муштры,

³⁶ См.: *Mochnicki M.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. T. 1. Warszawa, 1984 (впервые изд. в Париже в 1834 г.). S. 146, 147, 150, 151, 167, 168.

³⁷ См.: *Hoffman K.A.* Cztery powstania czyli krótki wykład sposobów jankimi dobijały się o niepodległość Grecja, Hollandja, Portugalia i Polska. Paryż, 1837. S. 1, 67, 68.

³⁸ См.: *Mierosławski L.* Histoire de la révolution de Pologne. Vol. 1. Paris, 1838. P. 3, 4, 20, 30; *Sołtyk R.* La Pologne, précis historique, politique et militaire de sa révolution de 1830. Vol. 1. Paris, 1833. P. 49; *Barzykowski S.* Historia powstania listopadowego. T. 1. Poznań, 1883. S. 82, 83, 88–92, 94.

введении жесткой дисциплины и неуважении человеческого достоинства, что явилось причиной самоубийств ряда польских офицеров. Таким образом, несмотря на противоположные политические убеждения и принадлежность к различным слоям эмиграции — радикальному и консервативному, данные авторы сходились в отрицательной оценке деятельности цесаревича. Политики левого толка, как правило из числа молодых военных, были недовольны слабыми возможностями продвижения по службе, и это являлось не последней причиной «выступления подхорунжих». Консервативные деятели приписывали Константину ограничение конституционных свобод в Царстве Польском, а также полагали, что своим бездействием в первые часы Польского восстания он способствовал его успеху, вместо того, чтобы восстановить статус-кво.

В конце XIX — начале XX в. на смену историкам-эмигрантам приходят профессиональные исследователи. В этот период были написаны работы, посвященные военной деятельности Константина в Польше. Ш. Аскенази проанализировал позицию великого князя по отношению к Военному комитету 1814–1815 гг. и сменившей его Военной комиссии Ю. Вельгорского³⁹. Б. Гембажевский рассмотрел роль цесаревича в качестве главнокомандующего в работе, посвященной польской армии в 1815–1830 гг.⁴⁰ Более подробно коснулся этого вопроса В. Токаж в обширной монографии, написанной на ту же тему⁴¹. Позиция Константина в деле польских тайных организаций на фоне его отношения к Царству Польскому и польской армии была исследована Ш. Аскенази в общей работе по истории периода 1815–1830 гг. и главным образом в монографии о деятеле польского патриотического движения В. Лукасиньском⁴². В.М. Козловский сосредоточился на проблеме юридического статуса Царства Польского в рамках

³⁹ См.: *Askenazy Sz. Ministerium Wielhorskiego. 1815–1816. Warszawa, 1898.*

⁴⁰ См.: *Gembarzewski B. Wojsko polskie. Królestwo Polskie 1815–1830 / Oprac. i rys. B. Gembarzewski, z przedmową A. Rembowskiego. Warszawa, 1903. S. 29–34.*

⁴¹ См.: *Tokarz W. Armja Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917.*

⁴² См.: *Askenazy Sz. Rosja — Polska. 1815–1830. Lwów, 1907; Idem. Łukański. T. 1–2. Warszawa; Lwów, 1908.*

Российской империи, его автономии⁴³, и в этой связи рассмотрел взгляды Константина на польский вопрос.

Изучение архивных и новых опубликованных источников, а также ослабление цензуры после революции 1905–1907 гг. позволили польским ученым с большей объективностью проанализировать подоплеку и причины Польского восстания 1830 г. Историки полагали, что в первый период пребывания в Царстве Польском, в 1815–1819 гг., Константин отрицательно оценивал Конституцию, проводил жесткую политику в польской армии и в немалой степени способствовал обострению русско-польских отношений. Козловский отмечал, что пребывание цесаревича в Варшаве способствовало эволюции его взглядов в отношении Конституции Царства Польского. Аскенази и Токаж обратили внимание на изменение политики великого князя Константина Павловича после его женитьбы на И. Грудзиньской в 1820 г. и отречения от прав на российский престол в 1822 г. С этого времени, считали исследователи, цесаревич стал отождествлять польские интересы со своими, в силу чего поддерживал при Николае I план присоединения к Польше ее бывших восточных провинций — западных губерний Российской империи⁴⁴.

Отношение Константина к перспективе занятия престола в 1822–1825 гг. стало объектом научного рассмотрения со стороны Ш. Аскенази. По его мнению, существовало не одно, а два отречения цесаревича, которые были обусловлены нажимом императора. Первое отречение, написанное в 1822 г., в котором Константин отрекался от прав на престол в условной форме, было заменено в 1823 г. другим актом — безоговорочным и унижительным, составленным самим Александром I. Аскенази полагал, что великий князь также не считал свое последнее отречение окончательным и готов был согласиться на него лишь за равноценную компенсацию, то есть предоставление ему высшей власти в Польше и западных губерниях Российской империи. Однако присяга Николая Константину после смерти Александра, спровоцировавшая огласку документов,

⁴³ См.: *Kozłowski W.M. Autonomia Królestwa Polskiego (1815–1832). Warszawa, 1907.*

⁴⁴ См.: *Ibid. S. 131–135, 137, 138, 151, 168, 169, 172–174, 194–199; Askenazy Sz. Rosja — Polska... S. 75; Idem. Łukasiński. T. 1. S. 49; Tokarz W. Armja Królestwa Polskiego (1815–1830). S. 110, 111.*

касавшихся отречения цесаревича, сильно скомпрометировала Константина в качестве императора, и он вынужден был уступить престол Николаю без всяких условий⁴⁵. Концепцию Аскенази разделял Э. Езерский, который опубликовал книгу о Константине Павловиче и И. Грудзиньской⁴⁶.

После обретения Польшей независимости в 1918 г. интерес к истории конституционного Царства Польского продолжал сохраняться. Присоединение к новому государству Западной Украины, Западной Белоруссии и части Литвы, казалось бы, подтверждало правомерность надежд на возвращение Польше бывших земель Речи Посполитой. В этой связи оставалось актуальным изучение деятельности великого князя в Царстве Польском и эволюции его взглядов. В межвоенный период в Польше вышло немало работ, в той или иной степени посвященных великому князю Константину. Х. Венцковска и Р. Пшелясковский рассмотрели позицию великого князя по отношению к либеральной оппозиции и Сейму как к конституционному органу «народного представительства»⁴⁷. Поведение Константина накануне и во время восстания 1830 г. было проанализировано в исследовании В. Токажа⁴⁸. В 1931 г. вышла книга А. Чартковского о княгине Лович, в которой на основе архивных источников подробно воссоздавалась ее биография. Автор считал, что Жаннета не обладала политическими амбициями и не стремилась к обладанию короной⁴⁹. Противоположной точки зрения придерживался Ш. Аскенази. В опубликованной в 1933 г. статье «Братья» он продолжал развивать высказанную

⁴⁵ См.: *Askenazy Sz. Rosja — Polska...* S. 48–50; *Idem. Łukasiński*. T. 1. S. 161, 162; T. 2. S. 277, 278.

⁴⁶ См.: *Jezierski E. Wielki Książę Konstanty i Księżna Łowicka*. Warszawa, 1916. S. 31, 32, 38–42.

⁴⁷ См.: *Więckowska H. Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym 1815–1830 // Rozprawy historyczne towarzystwa naukowego warszawskiego*. T. 3. Warszawa, 1925. S. 8, 96–98, 101, 102, 104, 105, 107–111, 115, 116; *Przelaskowski R. Sejm warszawski roku 1825 // Ibid.* T. 7. Z. 2. Warszawa, 1929. S. 23–27, 53, 60, 61, 75–88, 143, 158.

⁴⁸ См.: *Tokarz W. Sprzysiężenie Wysockiego i noc listopadowa*. Warszawa; Kraków; Lwów, 1925. S. 69–72, 90–94, 99–101, 104–107, 239–244.

⁴⁹ См.: *Czartkowski A. Księżna Łowicka. Portret biograficzny (1791–1831)*. Poznań, 1931. S. 137.

им ранее концепцию решения династического и польского вопросов Александром I и Николаем I⁵⁰.

В послевоенный период, когда возникла социалистическая Польша, наряду с научно-образовательными и научно-исследовательскими центрами в самой стране исторические изыскания проводились и в кругах польской эмиграции. Период конца 1940-х — начала 1950-х годов характеризовался, с одной стороны, развитием марксистского направления в польской исторической науке, а с другой — продолжали выходить работы, подготовленные до или во время Второй мировой войны, в свое время неизданные, которые не следовали официально утвержденной методологии и отличались большей независимостью суждений. Из трудов, написанных в это время историками, придерживавшимися марксистских взглядов, следует отметить книгу Л. Баумгартена о декабристах. Автор проанализировал программы декабристских организаций и польского Патриотического общества, указав на то, что поляки связывали с именем Константина вопрос о возрождении Польско-литовского государства и рассматривали великого князя в качестве будущего польского монарха⁵¹. В других исследованиях 1940-х — 1950-х годов внимание уделялось отношениям крупнейшего польского государственного и политического деятеля первой половины XIX в. — князя А.Е. Чарторьского и великого князя Константина Павловича в контексте политики последнего в Царстве Польском. Эти вопросы нашли отражение в опубликованном в 1948 г. (посмертно) первом томе трехтомной монографии М. Хандельсмана⁵² и вышедшей в 1955 г. в Нью-Джерси на английском языке книге военного историка, члена бывшего польского эмигрантского правительства М. Кукеля⁵³.

⁵⁰ См.: *Askenazy Sz. Bracia // Teki historyczne*. Т. XI. Londyn, 1960–1961. S. 12–20 (впервые напечатано в «Варшавском вестнике» («*Kurier Warszawski*») в марте 1933 г.).

⁵¹ См.: *Baumgarten L. Dekabryści a Polska*. Warszawa, 1952. S. 139, 140, 152, 153, 157, 162, 173.

⁵² См.: *Handelsman M. Adam Czartoryski*. Т. 1. Warszawa, 1948. S. 100, 115–117, 130–135, 137, 138, 140, 144, 145, 149, 170, 189.

⁵³ См.: *Kukiel M. Czartoryski and European Unity 1770–1861*. New Jersey, 1955. (В 2008 г. исследование переиздано на польском языке. См.: *Idem. Czartoryski a jedność Europy*. Lublin, 2008.)

Не ослабевал интерес к личности великого князя и в последующие годы. Специальные исследования посвятили Константину В. Бортновский, Я.М. Рымкевич, З. Янечек⁵⁴. В работах В. Бортновского и Е. Лойека⁵⁵ была рассмотрена позиция Константина в отношении Польши накануне и во время Ноябрьского восстания. Лойек изучил мнение польских и европейских кругов о великом князе в 1825–1830 гг., его взгляды на свободу периодической печати. Х. Дылёгова исследовала позицию цесаревича в деле польских тайных организаций⁵⁶. М. Хойнацкий представил деятельность Константина Павловича в качестве главнокомандующего польской армией на фоне произошедших в 1823 г. больших маневров в Бресте⁵⁷. Я.М. Рымкевич попытался воссоздать психологический портрет Константина.

Изучая проблему решения династического вопроса в 1822 г., большинство ученых полагали вслед за своими предшественниками, что отречение Константина от прав на престол было вынужденным (В. Бортновский, Я.М. Рымкевич) или небескорыстным (Х. Дылёгова, М. Хойнацкий)⁵⁸. В деятельности Константина Павловича в Царстве Польском в

⁵⁴ См.: *Bortnowski W.* Wielki Książę Konstancy podczas Powstania Listopadowego // *Studia i materiały do historii wojskowości*. Т. 11. Warszawa, 1965. S. 193–232; *Idem.* Wielki Książę Konstancy i Joanna Grudzińska. Łódź, 1981; *Rymkiewicz J.M.* Wielki Książę z dodaniem rozważań o istocie i przymiotach ducha polskiego. Warszawa, 1983 (переиздано в 1991 и 2011 гг.); *Janeczek Z.* Wielki książę Konstancy a sprawa polska // *Powstanie listopadowe 1830–1831. Geneza – uwarunkowania – bilans – porównania* / Pod red. J. Skowronka i M. Żmigrodzkiej. Wrocław, etc., 1983. S. 25–30.

⁵⁵ См.: *Łojek J.* Studia nad prasą i opinią publiczną w Królestwie Polskim (1815–1830). Warszawa, 1966. S. 168–200, 214, 276–281, 284–292.

⁵⁶ См.: *Dylągowa H.* Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy 1821–1829. Warszawa, 1970. S. 114–119, 122, 123, 140, 154, 155, 216–221, 226, 236, 247, 261–268, 271, 294–296, 306–308, 312–318, 322, 323.

⁵⁷ См.: *Chojnacki M.* Wojsko polskie w 1823 r. i manewry pod Brześciem // *Studia i materiały...* Т. 17. Cz. 1. Warszawa, 1971. S. 171–200.

⁵⁸ См.: *Bortnowski W.* Wielki Książę Konstancy podczas Powstania Listopadowego. S. 199; *Rymkiewicz J.M.* Wielki Książę z dodaniem rozważań... S. 103–105; *Dylągowa H.* Towarzystwo Patriotyczne... S. 114, 198, 214; *Chojnacki M.* Wojsko polskie w 1823 r. ... S. 179, 180, 190.

1815–1830 гг. историки традиционно разделяют два этапа: до и после женитьбы на И. Грудзиньской (В. Бортновский, Х. Дылёнгова)⁵⁹. В то же время исследователи вносят в разработку этой проблемы и свои оригинальные суждения.

С конца 1960-х годов польские историки стараются оценить личность Константина Павловича все более объективно. Х. Дылёнгова отмечала стремление великого князя избежать репрессий в связи с расследованиями по делу польского Патриотического общества как при Александре I, так и при Николае I. На сравнительную мягкость приговора Лукасиньскому и другим членам этой организации, осужденным в качестве государственных преступников в 1824 г., указывал и В. Бортновский, также приводя в пример позицию Константина по отношению к тайным Обществам филоматов и филаретов в Виленском университете⁶⁰.

В новейшей польской историографии (после 1989 г.) личность Константина в основном привлекает внимание исследователей в связи с его деятельностью в Царстве Польском в 1815–1830 гг. Проблему отношения цесаревича к католической церкви затронула в своей монографии А. Бараньска⁶¹. Она же опубликовала ряд документов, заключавших переписку о польских тайных обществах между Константином Павловичем, Александром I и Н.Н. Новосильцевым⁶². М. Мыцельский проанализировал позицию великого князя по вопросу созыва польских сеймов⁶³. М. Кулик обратился к изучению восприятия польским

⁵⁹ См.: *Bortnowski W. Wielki Książę Konstanty podczas Powstania Listopadowego*. S. 197–200; *Dylągowa H. Towarzystwo Patriotyczne...* S. 15–20, 129–132, 216, 217.

⁶⁰ См.: *Dylągowa H. Towarzystwo Patriotyczne...* S. 114–117, 123, 140, 154, 155, 217, 218; *Bortnowski W. Łuna nad Solcem 1830: blaski i cienie nocy listopadowej*. Warszawa, 1982. S. 76, 90.

⁶¹ См.: *Barańska A. Między Warszawą Petersburgiem i Rzymem. Kościół a państwo w dobie Królestwa Polskiego (1815–1830)*. Lublin, 2008. S. 402–404, 408, 411, 412, 417, 513, 535, 554–562, 564–566, 571, 576–585 i inne.

⁶² См.: *Wolnomularstwo narodowe. Walerian Łukasiński (Национальное масонство. Валериан Лукасинский) / Red. W. Śliwowska*. Warszawa, 2014. Aneks. S. 624–632, 636, 637.

⁶³ См.: *Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830*. Warszawa, 2010.

обществом образа цесаревича⁶⁴. М. Тромбский подробно осветил роль Константина Павловича в качестве главнокомандующего в монографии, посвященной польской армии⁶⁵. Он, в частности, призывает отказаться от свойственного прежней историографии негативного взгляда на деятельность великого князя, имея в виду прежде всего классическую монографию В. Токажа, изданную в 1917 г.⁶⁶ Отмечая, что великого князя Константина «обвиняют в жестокости отношений, господствовавших в войске, уклоне от основного направления обучения, навязывании суровой дисциплины вместо прежней, основанной на уважении достоинства подчиненных, а также возлагают ответственность за массовые отставки и самоубийства офицеров», Тромбский пишет: «Разве по прошествии века и при переменах, которые наступили в историческом сознании, а также в подходе к анализу минувших событий, не следовало бы ответить на вопросы: что вызвало изменения в подходе к обучению и дисциплине в постнаполеоновскую эпоху (1815–1848/54), как это возможно, что в армии, “терроризируемой” главнокомандующим, всегда хватало добровольцев, а солдаты, подготавливаемые в течение 15 лет якобы исключительно для парадов, оказались в совершенстве обученными, а также разве дисциплина, какую ввели в польском войске в 1815 г., была так тяжела, как ее представляют?»⁶⁷ Однако, несмотря на сформулированные во Введении книги задачи, облик великого князя представлен в основном в традиционном свете. Рецензент монографии Тромбского Н. Каспарек считает неправомерным рассматривать каждое самоубийство, произошедшее в польской армии в 1815–1830 гг., как «результат “деятельности” главнокомандующего», полагая, что к ним могли привести и другие причины: несчастная любовь, депрессия, долги и т.д.⁶⁸

⁶⁴ См.: *Kulik M.* Wielki Książę Konstanty Pawłowicz w świetle polskich pamiętników // *Wolnomularstwo narodowe...* S. 89–106.

⁶⁵ См.: *Trąbski M.* Armia Wielkiego Księcia Konstantego. Wyszukolenie i dyscyplina Wojska Polskiego w latach 1815–1830. Oświęcim, 2013.

⁶⁶ См. сноску 41.

⁶⁷ См.: *Trąbski M.* Armia Wielkiego Księcia Konstantego... S. 25.

⁶⁸ См.: *Kasperek N.* “Armia Wielkiego Księcia Konstantego. Wyszukolenie i dyscyplina Wojska Polskiego w latach 1815–1830”. Maciej Trąbski, Oświęcim, 2013: [recenzja] // *Echa Przeszłości*. 2014. № 15. S. 337.

Таким образом, в польской историографии приоритет отдается изучению деятельности Константина в Царстве Польском, в отечественной — роли великого князя в решении династического вопроса в России накануне и во время восстания декабристов. Всесторонний анализ двух этих проблем в российской историографии до революции был осложнен цензурными ограничениями, а в советское время — сосредоточением внимания на истории общественно-политических движений. Польская историческая литература в данном плане развивалась более свободно, хотя, в свою очередь, зависела от национальных стереотипов, что зачастую вело к противопоставлению «польской цивилизации» и «российского варварства» и некритическому отношению к отечественным эпистолярным источникам.

Образ великого князя получил отражение и в художественных произведениях. Первые сочинения о нем появились еще в 1830-е годы в польской эмигрантской литературе. Это были роман Я. Чиньского «Иоанна Грудзиньская, или Польские якобинцы»⁶⁹ и драма Ю. Словацкого «Кордиан», посвященная неудавшемуся коронационному заговору 1829 г.⁷⁰ Внимание к личности цесаревича в польской литературе вновь оживилось в начале XX в., когда вышли в свет драма С. Выспянского «Ноябрьская ночь» (1904)⁷¹ и роман В. Гонсёровского «Княгиня Лович» (1908)⁷². В 1918 г. была опубликована пьеса С. Ясиньского «Великий князь Константин», посвященная событиям 17 (29) ноября 1830 г.⁷³ В межвоенный период

⁶⁹ См.: *Czyński J.* Cesarzewicz Konstanty i Joanna Grudzińska czyli Jakubini polscy. T. 1–4. Paryż, 1833–1834. Параллельно роман вышел на французском языке в переводе И.-Ж. Демольера: *Czyński J.* Le Czarewicz Constantin et Jeannette Grudzińska ou les Jacobins polonais / Trad. par H.-J. Demolière. Vol. 1. Paris, 1833; *Idem.* Le Grand-Duc Constantin ou les Jacobins polonais / Trad. par H.-J. Demolière. Vol. 2. Paris, 1834.

⁷⁰ Драма «Кордиан» написана в 1833 г., анонимно издана в Париже в 1834 г. Текст произведения см., например: *Słowacki J.* Kordian. Część pierwsza trylogii. Spisek koronacyjny / Oprac. E. Sawrymowicz. 3-e wyd., uzupełnione. Wrocław; Warszawa, 1958.

⁷¹ См.: *Wyspiański S.* Noc listopadowa: Sceny dramatyczne. Kraków, 1904.

⁷² См.: *Gąsiorowski W.* Księżna Łowicka: powieść historyczna z XIX w. Kraków, 1908. T. 1–2.

⁷³ См.: *Jasiński S.* Wielki Książę Konstanty i inne rzeczy. Lublin, 1918. S. 11–39.

психологический портрет великого князя попытался воссоздать В. Берент в повести «Сумерки вождей»⁷⁴. Представление Константина в художественной литературе тесно связано с развитием историографии предмета и в основном отображает происходившую в ней эволюцию взглядов на деятельность великого князя в Польше.

В отличие от польской литературы, в которой облик Константина и окружавших его лиц порой предстает в гротескном или фантастическом свете, российская художественная литература изображает его вполне реально. Произведений российских авторов о Константине Павловиче гораздо меньше, чем польских. В 1908–1918 гг. вышла в свет трилогия Д.С. Мережковского «Царство зверя», включавшая пьесу «Павел I», в которой одним из действующих лиц являлся цесаревич Константин. В романах «Александр I» и «14 декабря», входивших в эту трилогию, великий князь хотя и не фигурировал как отдельный персонаж, но о нем вспоминали другие герои в связи с его отречениями от прав на престол в 1822 и 1825 гг., объясняя их его нежеланием царствовать⁷⁵. Интерес к жизни и деятельности представителей династии Романовых стал проявляться с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Применительно к Константину он вылился в появление не отличающихся высокими художественными достоинствами произведений — новеллы Е.А. Арсеньевой «Красавица и чудовище» (2003) и романа З.К. Чирковой «Константин Павлович. Корона за любовь» (2004), в которых проводится мысль об отречении великого князя от прав на престол во имя брака с любимой женщиной⁷⁶.

⁷⁴ См.: *Berent W. Zmierzch wodzów. Opowieści biograficzne*. Warszawa, 1939.

⁷⁵ См.: *Мережковский Д.С. Павел Первый*. СПб., 1908; *Он же. Александр Первый*. Т. 1–2. СПб., 1913; *Он же. 14 декабря*. Пг., 1918. Романы переведены на немецкий и английский языки, см.: *Mereschkowski D.S. Alexander I: Historischer Roman / Übers. von A. Eliasberg*. 4. Aufl. München, 1913; *Merezhkovsky D.S. December the Fourteenth / Transl. from the Russian by N.A. Duddington*. L., 1923.

⁷⁶ См.: *Арсеньева Е.А. Красавица и чудовище (Иоанна Грудзинская — великий князь Константин Павлович) // Любовь у подножия трона: Новеллы*. М., 2003; *Чиркова З.К. Константин Павлович. Корона за любовь: Исторический роман*. М., 2004.

В польской литературе, как исторической, так и художественной, облик великого князя Константина более ярок и противоречив, чем в российской. Несмотря на некоторые фантастические утверждения, встречающиеся иногда и в исследовательских работах (например, мнение о том, что Константин не умер собственной смертью, а был отравлен), поведение цесаревича в ответственные исторические моменты получило у польских авторов более убедительную трактовку, поскольку объяснялось не странностями характера, а его реальными интересами в контексте сложившейся политической обстановки.

Национальное самосознание польского крестьянства в XIX–XX веках: постановка проблемы и пути ее решения в историографии Польской Народной Республики

*Направления в изучении крестьянства
в послевоенной польской гуманитарной науке*

Изучению истории крестьянства в Польской Народной Республике после Второй мировой войны уделялось серьезное внимание со стороны государства как в идеологическом, так и в институциональном плане. На проходившей на рубеже 1951–1952 гг. в Отвоцке под Варшавой методологической конференции польских историков указывалось, что истинная наука обязана заниматься историей производителей материальных благ, в том числе историей крестьянства¹. Заданное направление получило свое развитие в последующие годы: изучение истории крестьянства продолжало занимать особое место в Польше, несмотря на происшедшие перемены в политической жизни после 1956 г.²

В 1960 г. в Варшаве был основан Институт истории народного движения³. Свою задачу Институт видел в обосновании решающей роли крестьянства в становлении Польского государства в 1918 г. Одним из его руководителей с 1963 по 1971 г. был известный польский историк Юзеф Шафлик. По сей

¹ См.: *Kieniewicz S.* Powojenny dorobek historiografii okresu powstań narodowych // *Kwartalnik Historyczny.* 1987. № 1. S. 146; *Stobiecki R.* Koncepcja przebudowy nauki historycznej w latach 1945–1948 // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Politologia.* 1991. T. 2. S. 135.

² См.: *Topolski J.* Polish Historians and Marxism after World War II // *Studies in Soviet Thought.* 1992. Vol. 43. № 2. P. 178.

³ См.: *Inglot S.* Badania nad historią chłopów polskich // *Historia chłopów polskich / Pod red. S. Ingłota.* Warszawa, 1970. T. I. S. 18.

день Институт является инициатором и координатором исследований в области людовского движения⁴. С самого начала при Институте была создана специализированная библиотека, архив, где хранятся уникальные для истории польского крестьянства источники, в частности касающиеся истории прессы для крестьян⁵. С 1959 г. начал выходить Ежегодник по истории людовского движения (*Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego*). Несомненно, наиболее активный период деятельности Института пришелся на 1960-е — 1980-е годы. В это время появилось большое количество монографических работ, сборников источников, библиографических изданий⁶.

Близким по духу этому направлению был возглавляемый с 1962 г. историком Хеленой Бродовской-Кубич при участии этнографа Казимиры Завистович-Адамской Центр изучения крестьянства и людовского движения в Лодзи. Исследователей, связанных с этим центром, прежде всего интересовала проблема перемен в деревне Центральной Польши: их политический, социальный и экономический характер. Среди важных работ центра следует выделить сборник, посвященный проблематике и методике этнографических исследований; коллективную монографию по проблеме развития самоуправления, а также серию сборников, которая появилась в 1980-е годы по культуре Центральной Польши в процессе перемен⁷.

⁴ См.: *Jachymek J.* Historiografia ruchu ludowego // *Zeszyty Muzeum Historii Polskiego Ruchu Ludowego*. 1994. Т. 1. S. 17.

⁵ Речь идет о воспоминаниях А. Богуславского, дневниках М. Малиновского.

⁶ См.: *Historia chłopów...* Т. I–III; *Mioduchowska M.* Materiały do bibliografii historii ruchu ludowego w latach 1864–1974. Druki zwarte wydane w latach 1945–1947. Warszawa, 1979; *Molenda J.* Polskie Stronnictwo Ludowe w Królestwie Polskim 1915–1918. Warszawa, 1964; *Słownik biograficzny ruchu ludowego / Pod red. A. Wiekowej.* Warszawa, 1989; *Szczechura R.* Zagadnienia kulturalno-oświatowe i społeczno-gospodarcze wsi w czasopiśmie polskiego ruchu ludowego. 1889–1918. Materiały bibliograficzne. Warszawa, 1969; *Zarys historii polskiego ruchu ludowego*. Т. I–II. Warszawa, 1963–1970.

⁷ См.: *Gmina wiejska i jej samorząd.* Praca zbiorowa pod red. H. Brodowskiej. Warszawa, 1983; *Brodowska H.* Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864–1904. Warszawa, 1967; *Uwłaszczenie chłopów i*

Историей сельского хозяйства и крестьянства занимался Институт истории Польской академии наук в Варшаве. Результатом его работы стало издание с 1957 по 1970 г. серии под названием «Исследования по истории крестьянского хозяйства», а также трехтомного очерка истории крестьянского хозяйства в Польше⁸. Отдельно следует выделить работы историков Кристины Белецкой, занимавшейся изменениями в структуре использования земли во всех трех аннексированных частях Речи Посполитой, Регины Хомач, представившей в своей монографии изменения в аграрной структуре Царства Польского, и Эльжбеты Качиньской, занимавшейся социально-экономическим развитием северо-востока Польши⁹.

Наработки Бохдана Барановского, Юльяна Бартыся, Тадеуша Собчака, касающиеся механизации сельского хозяйства, продовольственного потребления, а также распространения картофеля в XIX в., нашли отражение не только в отдельных монографиях, но и в 6-м томе изданной в 1979 г. во Вроцлаве «Истории материальной культуры Польши»¹⁰.

Начиная с 1970-х годов в Польше появилось несколько монографий, посвященных истории повседневности, в том

mieszczan-rolników. *Studia i materiały do dziejów Łodzi i okręgu łódzkiego* / Pod red. H. Brodowskiej. Łódź, 1966. T. II.; *Zmiany kultury chłopskiej. Problematyka i metody prac etnograficznych* / Pod red. K. Zawistowicz-Adamskiej. Wrocław, 1973.

⁸ *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego*. Warszawa, 1957–1970. T. I–XII; *Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce*. Przewodniczący rady redakcyjnej S. Arnold / Red. J. Leskowiczowa. Warszawa, 1964–1970. T. I–III.

⁹ *Bielecka K. Przemiany struktury użytkowania ziemi w Polsce na przełomie XIX i XX wieku*. Warszawa, 1969; *Chomac R. Struktura agrarna Królestwa Polskiego na przełomie XIX i XX w.* Warszawa, 1970; *Kaczyńska E. Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego w okresie rozkwitu kapitalizmu*. Warszawa, 1974.

¹⁰ *Bartyś J. Początki mechanizacji rolnictwa polskiego*, Wrocław, 1966; *Baranowski B. Początki i rozpowszechnienie uprawy ziemniaków na ziemiach środkowej Polski*. Łódź, 1960; *Sobczak T. Przełom w konsumpcji spożywczej w Królestwie Polskim XIX wieku*. Wrocław, 1968; *Historia kultury materialnej Polski*. T. VI / Pod red. B. Baranowskiego, J. Bartysia, T. Sobczaka. Wrocław [etc.], 1979.

числе и работа Бохдана Барановского, в которой делается попытка показать повседневную жизнь деревни Центральной Польши в XIX в.¹¹ Продолжая тематический подход в описании изучения крестьянства в послевоенный период, следует обратить внимание на работы, написанные в рамках марксистской методологической школы, а именно работы Стефана Кеневича и Кшиштофа Гроневского, посвященные раскрепощению крестьян в Царстве Польском¹²; важное издание по истории образования в Польше до 1918 г.¹³; работы Даниэля Ольшевского¹⁴ о религиозной культуре, рассматриваемой им в рамках направления «la religion vécue» («религия переживаемая»)¹⁵.

«Религия переживаемая» — это одна из важных тем для школы «Анналов». Под влиянием этой школы находились многие польские исследователи, такие как, например, специалист по XVII–XVIII вв. Збигнев Кухович¹⁶. Одним из крупнейших специалистов по польской историографии, работавшим в том же направлении, что и школа «Анналов», был Витольд Куля. Основной темой исследований стало для Кули изучение разнородности социально-экономического развития и цены прогресса. С точки зрения изучения истории крестьян важна его работа «Крестьянство», написанная совместно с его учеником Яцеком Кохановичем для итальянской энциклопедии в 1978 г., а в 1981 г. вышедшая отдельной брошюрой на польском

¹¹ См.: *Baranowski B.* *Życie codzienne wsi między Wartą a Pilicą w XIX wieku.* Warszawa, 1969.

¹² См.: *Groniowski K.* *Kwestia agrarna w Królestwie Polskim 1871–1914.* Warszawa, 1966; *Kieniewicz S.* *Sprawa włościańska w powstaniu Styczniowym.* Wrocław [etc.], 1953.

¹³ См.: *Dzieje szkolnictwa i oświaty na wsi polskiej / Pod red. St. Michalskiego.* T. I. Warszawa, 1982.

¹⁴ См.: *Olszewski D.* *Polska kultura religijna na przełomie XIX i XX w.* Warszawa, 1996.

¹⁵ Это понятие используется Ольшевским вслед за Клодом Ланглуа: *Langlois C.* *La religion vécue // L'histoire religieuse de la France 19e–20e siècle. Problèm et méthodes / Red. J.M. Mayeur.* Paris, 1975. P. 41–72.

¹⁶ Одна из последних его работ посвящена человеку эпохи польского барокко: *Kuchowicz Z.* *Człowiek polskiego baroku.* Łódź, 1992.

языке¹⁷. Их подход к изучению крестьянства характеризует одна из цитат: «Крестьянское хозяйство может казаться традиционным и неизменным; жизнь крестьянина может представляться повторением до бесконечности одного и того же в ритме времен года; крестьянская культура может выглядеть противодействующей цивилизации. Однако если взглянуть с высоты птичьего полета на историю европейского сельского хозяйства, то можно увидеть происходящие в нем изменения: переход к двухпольному земледелию, затем к трехпольному, потом улучшение (трехполье непаровое), потом появление севооборота. В крестьянском хозяйстве традиционализм доминирует над инновациями, однако оно не лишено их»¹⁸. Кандидатская и докторская диссертации Я. Кохановича стали продолжением разрабатываемой с В. Кулей темы¹⁹.

В 1973 г. Витольд Куля вместе с женой, историком и социологом Ниной Ассородобрай-Кулей, и сыном, историком и социологом Марчином Кулей, издал письма эмигрантов из Бразилии и США к родственникам в Царстве Польском²⁰. Письма были задержаны одним из отделов канцелярии варшавского обер-полицеймейстера с целью борьбы с эмиграцией. Бóльшая часть коллекции, находившаяся в Архиве древних актов, погибла во время Варшавского восстания. Сохранилось более 300 писем, датированных 1890–1891 гг., периода так называемой бразильской лихорадки. Издание писем совпало с переизданием на польском языке в 1976 г. работы социологов Уильяма И. Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»²¹, по-

¹⁷ См.: *Kula W., Kochanowicz J. Contadini* // Enciclopedia. T. 3. Torino: Einaudi, 1978; *Kula W., Kochanowicz J. Chłópstwo. Problem intelektualny i zagadnienie nauk społecznych*. Warszawa, 1981.

¹⁸ *Kula K., Kochanowicz J. Chłópstwo*. S. 36.

¹⁹ См.: *Kochanowicz J. Pańszczyźniane gospodarstwo chłópskie w Królestwie Polskim w I połowie XIX w.* Warszawa, 1981; *Idem. Spór o teorii gospodarki chłópskiej: gospodarstwo chłópskie w teorii ekonomii i w historii gospodarczej*. Warszawa, 1992.

²⁰ См.: *Listy emigrantów z Brazylii i Stanów Zjednoczonych 1890–1891. Do druku podali, wstępem opatrzyli W. Kula, N. Assordobraj-Kula, M. Kula*. Warszawa, 1973.

²¹ См.: *Thomas W.I., Znaniecki F. Chłóп polski w Europie i w Ameryce*. T. I–IV. Warszawa, 1976.

ложившей начало использованию источников личного происхождения в общественных науках. В польской социологии эта методика получила широкое распространение. Еще в 1938 г. учеником Знанецкого социологом Юзефом Халасиньским была написана на основе 1544 воспоминаний работа «Молодое поколение крестьян»²². С 1945 по 1970 г. социологами было проведено более 400 конкурсов на лучшее воспоминание среди учителей, врачей, рабочих, крестьян и т.д.²³ Историки обратили внимание на использование методики Знанецкого в исторических исследованиях в 1970-е годы. В 1983 г. на страницах журнала «Пшеглэнд Полонийны» («Przegląd Polonijny») развернулась дискуссия среди историков о возможности использования массовых личных источников для изучения крестьянства²⁴. Было описано и издано несколько коллекций²⁵. Тема личных источников заинтересовала и литературоведов. Например, Чеслав Хернас в 1972 г. издал несколько писем галицийской крестьянки к жениху²⁶. Следует сказать, что благодаря работам литературоведов достаточно много было сделано в области анализа структуры писем²⁷.

²² См.: *Chałasiński J.* Młode pokolenie chłopów. T. I–IV. Warszawa, 1938.

²³ См.: *Dulczewski Z.* Autobiografie w badaniach nad przemianami społeczno-kulturowymi wsi polskiej // *Pamiętnikarstwo Polskie*. 1973. № 1/3. S. 41.

²⁴ См.: *Klawe-Mazurowa M., Kula M., Molenda J., Piątkowska D., Walaszek A.* Metoda Znanieckiego w oczach historyków // *Przegląd Polonijny*. 1983. № 4. S. 35–53.

²⁵ См.: *Francelle-Gervais C.* “Oto zasylam opisanie całego mojego życia...” (Listy przedpłatników “Gazety Świętecznej” do Promyka) // *Regiony*. 1978. № 4. S. 76–102; *Krisań M.* Listy do gazety “Zaranie” z lat 1909–1915 // *Dzieje Najnowsze*. 1998. № 4. S. 22–28; *Łopatkiewicz T.* Z Lendaku i Maniów. Chłopskie listy z końca XIX wieku. Żarnowiec, 1997; *Molenda J.* Listy chłopów galicyjskich w sprawie sezonowej emigracji do Francji z lat 1908–1909 jako źródło historyczne // *Przegląd Polonijny*. 1983. № 4. S. 43–50.

²⁶ См.: *Hernas Cz.* Listy miłosne z Łąki // *Literatura Ludowa*. 1972. № 1. S. 49–57.

²⁷ Важной является работа уже упомянутого Чеслава Хернаса, а также Генрика Березы (*Bereza H.* Odzyskane źródła // *Regiony*. 1975. № 1. S. 20–26), Роха Сулиммы (*Sulima R.* Dokument i literatura. Warszawa, 1980) и Адама Валашека (*Walaszek A.* Chłop i praca w przemyśle

Поскольку речь зашла об источниках, хотелось бы упомянуть и о конкурсе «Польская деревня в фотографии (до 1948 г.)», который был проведен Александрой Гарлицкой и Марией Бияк в 1983 г. Со всех концов Польши на конкурс было выслано около 6000 фотографий²⁸. Благодаря этому конкурсу, часть материалов которого была издана в 1993 г.²⁹, появилось несколько публикаций об использовании визуального материала в исторических и этнографических исследованиях³⁰.

С литературоведческим направлением связано изучение так называемой популярной, или рыночной, литературы, которая, как и лубок в России, переживала свой расцвет в Польше на рубеже XIX–XX вв. Основные исследования проводятся во Вроцлаве. На такого рода литературу обратил внимание в межвоенный период поэт Юлиан Тувим, исследованием этой литературы занимался Стефан Жулкевский, среди основных специалистов следует упомянуть Януша Дунина, Яцека Колбушевского, Тадеуша Жабского³¹. Для исследований по истории крестьянства важна работа литературоведа Францишека Зейки, в которой рассматриваются легенды о героях-крестьянах, существовавшие на протяжении всего XIX века³². Нельзя не упомянуть о лингвисте и фольклористе

amerykańskim. Pole semantyczne słowa “robota” w listach emigrantów polskich ze Stanów Zjednoczonych z lat 1890–1891 // *Etnografia Polska*. 1990. Z. 1–2. S. 107–118).

²⁸ Материалы хранятся в Институте этнографии и археологии Польской академии наук. Метод доступа: <http://www.iaepan.edu.pl/index_pol.html>

²⁹ См.: *Bijak M., Garlicka A. Fotografia chłopów polskich*. Warszawa, 1993.

³⁰ См. статьи Владзимежа Менджецкого, Яна Моленды, Руха Сулимы: *Nowa Wieś. Numer specjalny*. Warszawa, lipiec 1985, а также см.: *Sulima R. Album “cieni” i fotografia w kulturze ludowej // Roch S. Słowo i etos. Szkice o kulturze*. Kraków, 1992. S. 116–126.

³¹ См.: *Dunin J. Papierowy bandyta. Książka kramarska i brukowa w Polsce*. Łódź, 1974; *Kolbuszewski J. Od Pigalle po Kresy. Krajobrazy literatury popularnej*. Wrocław, 1994; *Żabski T. Proza jarmarczna XIX wieku. Próba systematyki gatunkowej*. Wrocław, 1993; *Żółkiewski S. Modele polskiej literatury współczesnej we wczesnym okresie jej rozwoju // Problemy literatury polskiej lat 1890–1939*. Wrocław [etc.], 1972. T. I. S. 7–75.

³² См.: *Ziejka Fr. Złota legenda chłopów polskich*. Warszawa, 1984. S. 424.

Ежи Бартминьском, под руководством которого ведется работа по составлению словаря народных стереотипов и символов³³.

Вроцлав, впрочем как и Краков, Познань, Варшава, важен с точки зрения изучения крестьянства этнографами. В этнографических исследованиях можно выделить два основных направления: 1) поиск «архаических» элементов крестьянской культуры, характерный еще в XIX в. для таких этнографов, как Оскар Кольберг; 2) изучение механизмов изменения народной культуры. Анна Кутшеба-Пойнарова³⁴ к первому направлению относит, например, Яна Станислава Быстроня, автора книги «Национальная мегаломания», в которой автором рассматривается процесс мифологизации образа чужого в исторической перспективе³⁵. Его последователем является Людвик Стомма, который под влиянием работ Быстроня, а также Клода Леви-Стросса написал «Антропологию культуры польской деревни XIX в.», представляющую польскую деревню как совершенно изолированное от мира пространство. Автором выделялись три типа изоляции: «горизонтальная» (географическая), «вертикальная» (классовая) и изоляция «сознания»³⁶.

Второе направление связано с именем Казимира Добровольского, создателя достаточно популярной в научных кругах модели понимания традиционной деревни. Выводы автора основаны на результатах многолетних этнографических исследований, проведенных в Малой Польше³⁷. В изданном во Вроцлаве в конце 1970-х годов и ставшем классикой польской

³³ См.: Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos / Red. J. Bartmiński. Lublin, 1999.

³⁴ См.: Kutrzeba-Pojnarowa A. Problematyka zmian kultury chłopskiej w historycznych i współczesnych kierunkach etnografii polskiej // Zmiany kultury chłopskiej... S. 95.

³⁵ См.: *Bystroń J.* St. Megalomania narodowa. Warszawa, 1935.

³⁶ Более подробно концепция автора представлена во второй части статьи. См.: *Stomma L.* Antropologia kultury wsi polskiej XIX w. Warszawa, 1986.

³⁷ См.: *Dobrowolski K.* Chłopska kultura tradycyjna (Próba teoretycznego zarysu na podstawie materiałów źródłowych XIX i XX w. z południowej Małopolski) // *Etnografia Polski*. 1958. T. 1. S. 19–56.

этнографии двухтомнике, посвященном изменениям в народной культуре³⁸, Добровольский в соавторстве с Анджеем Возняком дает определение традиционной культуры, для которой характерны две тенденции: стабильная и тенденция, порожденная сомнением, неудовлетворенностью, разрушающая изоляцию крестьянского мира.

Именно проблеме динамики в традиционной культуре были посвящены работы ученицы Добровольского Дануты Марковской. Она занималась изучением семьи в Галиции и в Полесье с конца XIX до середины XX в.³⁹ В том же ключе работал и Збигнев Вежбицкий. С 1957 г. он проводил повторное изучение деревни Жименца⁴⁰, которая в 1903 г. была описана историком Францишеком Буяком⁴¹. В отличие от Марковской исходным пунктом в исследованиях для Вежбицкого была не семья, а деревня целиком, семья рассматривалась им как один из ее элементов. В том же направлении работает и историк Влодзимеж Менджецкий, представивший в своей книге процесс социализации деревенской молодежи Центральной Польши на примере трех поколений с 1864 по 1939 г.⁴²

В исследованиях деревни преобладают работы, посвященные Центральной Польше (Царство Польское) и Малой Польше (Галиция). Великая Польша (прусская часть) привлекает внимание историков меньше. Тем не менее и здесь существуют фундаментальные исследования, как, например, трехтомное издание по народной культуре этого региона под редакцией историка, социолога и этнографа Юзефа Буршты⁴³.

³⁸ См.: *Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej* / Pod red. M. Biernarckiej, M. Franckowskiej, W. Paprockiej. Wrocław [etc.], 1976–1981. Т. I–II.

³⁹ См.: *Markowska D. Rodzina w środowisku wiejskim. Studium wsi podkrakowskiej*. Wrocław [etc.], 1964; *Markowska D. Rodzina w społeczności wiejskiej: ciągłość i zmiana*. Warszawa, 1976.

⁴⁰ См.: *Wierzbicki T. Z. Zymięca w pół wieku później*. Wrocław, 1963.

⁴¹ См.: *Bujak Fr. Zymięca: wieś powiatu Limanowskiego — stosunki gospodarcze i społeczne*. Kraków, 1903.

⁴² См.: *Mędrzecki W. Młodzież wiejska na ziemiach Polski Centralnej 1864–1939. Procesy socjalizacji*. Warszawa, 2002.

⁴³ См.: *Kultura ludowa Wielkopolski* / Pod red. J. Burszty. Poznań, 1960–1967. Т. I–III.

При всем существующем многообразии школ и подходов к изучению польского крестьянства во многом объединяющей проблемой, так называемой точкой соприкосновения, проблемой, к которой исследователи так или иначе приходили в своих работах или от которой отталкивались, была и остается проблема национального самосознания польского крестьянства⁴⁴.

Впервые эта проблема поднималась еще в трудах Иоахима Лелевеля и Кароля Шайнохи еще в XIX в., в начале XX в. исследования в этой области проводились медиавистами⁴⁵. В конце 1960-х гг. после достаточно долгого перерыва эта тема вновь стала предметом дискуссий и исследований. Свидетельством тому — книга Тадеуша Лепковского «Польша — рождение современного народа. 1764–1870 гг.»⁴⁶; X съезд историков Польши в сентябре 1969 г., где с докладом «Развитие польского национального самосознания в XIX в.» выступил Стефан Кеневич; организованная Институтом истории Польской академии наук конференция 1977 г., посвященная изучению национального самосознания, а также планы проведения коллективных и комплексных исследований национального самосознания крестьян с учетом междисциплинарного подхода⁴⁷.

И хотя непосредственно с изучением национального самосознания крестьянства можно связать главным образом

⁴⁴ См.: *Bończa-Tomaszewski N.* Polskojęzyczni chłopi. Podstawowe problemy historii chłopów polskich // *Kwartalnik Historyczny*. 2005. № 2. S. 96.

⁴⁵ См.: *Wierzbicki A.* Naród — państwo w polskiej myśli historycznej dwudziestolecia międzywojennego. Wrocław [etc.], 1978. S. 73–90.

⁴⁶ См.: *Lepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764–1870. Warszawa, 1967.

⁴⁷ Следует отметить следующие работы: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie kapitalizmu. Warszawa, 1981; *Brodowska H.* Chłopi o sobie i Polsce. Warszawa, 1984; *Chlebowczyk J.* Wybory i świadomość społeczna na Śląsku Cieszyńskim w drugiej połowie XIX wieku. Przyczynek do badań nad kształtowaniem się świadomości i aktywności społecznej w okresie kapitalizmu. Katowice; Kraków, 1966; *Kieniewicz S.* Historia i świadomość narodowa. Warszawa, 1982; *Molenda J.* Chłopi, naród, niepodległość. Kształtowanie się postaw narodowych i obywatelskich chłopów w Galicji i Królestwie Polskim w przededniu odrodzenia Polski. Warszawa, 1999.

два исследовательских центра — Институт истории людовского движения и Центр в Лодзи, эта проблематика, как уже было сказано, не была чужда в целом всему крестьяноведческому направлению и заслуживает более детального рассмотрения.

*Национальное самосознание польского крестьянства
в XIX–XX веков: постановка проблемы и пути ее решения*

Остановимся в первую очередь на вопросах, связанных с проблемой развития национального самосознания, а именно на этапах развития, их хронологических рамках, факторах, как способствующих формированию национального самосознания, так и замедляющих его развитие, а также явлениях, свидетельствующих о развитии национального самосознания.

Условно можно выделить два наиболее ярких подхода в понимании этапов развития национального самосознания в польской историографии. Первый связан с развитием классового самосознания, второй — с процессом развития национализма⁴⁸.

Сторонники первой концепции рассматривают процесс становления национального самосознания одновременно с наступлением краха феодальной системы⁴⁹ в результате социально-экономического развития деревни⁵⁰, когда из объекта крестьянин превращается в субъект социальной жизни⁵¹. Процесс становления национального самосознания идет через развитие классового сознания. Национальное самосознание на первом этапе формируется в результате борьбы против

⁴⁸ Понятие «национализм» употребляется здесь для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» (Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 5).

⁴⁹ Kieniewicz S. Sprawa włościańska... S. 389.

⁵⁰ См.: Brodowska H. Chłopi o sobie i Polsce. Warszawa, 1984. S. 5.

⁵¹ См.: Kieniewicz S. Rozwój polskiej świadomości narodowej w XIX wieku // Kultura i społeczeństwo. 1970. № 1. S. 55; Kisielewski T. Rodowody naszej tożsamości. Warszawa, 1980. S. 28.

национального гнета⁵², в том числе в результате буржуазных революций⁵³. С точки зрения исторического материализма для его развития необходимо наличие общенационального рынка — в условиях Польши XIX в. явление проблематичное⁵⁴. Следующий этап развития национального самосознания связывается с борьбой за независимость⁵⁵.

Сторонники второй концепции понимание этапов развития основывают на теории польского социолога Станислава Оссовского. Оссовский выделял такие понятия, как «малая родина» и «идеологическая родина». «Малая родина» определялась местом рождения, а также наиболее близким окружением человека, где он родился или провел большую часть своего детства. «Идеологическая родина» определялась ученым через идентификацию с государством, его всевозможными культурными и духовными ценностями. Понятие «идеологической родины», по Оссовскому, соотносилось с понятием народа⁵⁶. Понятие «малая родина» у различных исследователей включает понятия «отчизна», «этническая (культурная) группа», «локальная родина», «свойскость»⁵⁷. Кроме того, некоторые ученые склонны выделять понятие «региональной родины» как промежуточного этапа в сознании⁵⁸.

⁵² См.: *Kisielewski T., Znaniecki A.* Chłopi. Ruch ludowy. Państwo. Warszawa, 1980. S. 7.

⁵³ См.: *Kieniewicz S.* Rozwój polskiej świadomości... S. 51.

⁵⁴ Отметим, что Кеневич в 1953 г. решает это противоречие, указывая, что можно говорить о едином экономическом развитии в каждой из отдельных частей Польши. См.: *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 388.

⁵⁵ См.: *Kisielewski T., Znaniecki A.* Chłopi. S. 7.

⁵⁶ См.: *Ossowski S.* Dzieła. Z zagadnień psychologii społecznej. T. III. Warszawa, 1967.

⁵⁷ См.: *Wierzbicki Z.T.* Rozważania o rozwoju świadomości narodowej chłopów polskich // *Wieś i Rolnictwo.* 1993. № 1. S. 47. Термин «свойскость» дан как соответствие слову «tutejszość».

⁵⁸ См.: *Radzik R.* Ewolucja narodowa społeczności kresów wschodnich // *Kultura i Społeczeństwo.* 1991. № 2. S. 63; *Wapiński R.* Polska i małe ojczyzny Polaków. Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuch II wojny światowej. Wrocław; Kraków, 1994. S. 103.

Для начального этапа развития национального самосознания, по мнению специалистов, характерным является спонтанное чувство отличия от других, «чужих», основанное на языковых и религиозных факторах, обычаях, локально-территориальной связи, а также на вере в племенную неизменность, в общность предков, а следовательно, в кровную связь⁵⁹. Иными словами, сторонники этой концепции называют ее традиционализмом, то есть явлением, охватывающим все сферы крестьянской жизни (отношение к земле, семье, общине и т.д.)⁶⁰, для которого характерны изоляция⁶¹, отсутствие понимания истории⁶² и т.д.

Сторонники этой концепции отдают должное развитию капитализма и его влиянию на развитие национального самосознания⁶³, однако считают, что к изучению крестьянства

⁵⁹ См.: *Łepkowski T.* Naród polski w epoce rozbiorów // *Studia nad rozwojem narodowym Polaków, Czechów i Słowaków. Prace Polsko-Czechosłowackiej Komisji Historycznej / Pod red. R. Hecka.* Ossolineum, 1976. S. 61; *Brożek A.* Świadomość polskiej grupy etnicznej w Stanach Zjednoczonych w latach 1854–1939 // *Kwartalnik Historyczny.* 1977. № 2. S. 334; *Chlebowczyk J.* Świadomość historyczna jako czynnik procesu narodotwórczego. Zarys problematyki teoretycznej // *Dzieje Najnowsze.* 1977. № 1. S. 104; *Dobrowolski K.* Chłopska kultura... S. 44; *Markowska D.* Rodzina w społeczności...; *Mróz L.* Świadomościowe wyznaczniki dystansu etnicznego // *Etnografia Polski.* 1979. T. XXIII. Z. 2. S. 158; *Pater M.* Metodologiczne aspekty badań świadomości narodowej Polaków na Śląsku w XIX w. // *Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia XLIV.* Wrocław, 1986. № 647. S. 19; *Radzik R.* Ewolucja narodowa społeczności... S. 65; *Stomma L.* Antropologia kultury wsi... S. 210; *Szumski J.* Z problematyki świadomości społecznej chłopów na Suwalszczyźnie w okresie przed uwłaszczeniowym // *Rocznik Białostocki.* 1991. T. 17. S. 42–43; *Znanička-Lopata H.* Imigranci polscy w strukturze społeczeństwa amerykańskiego // *Zeszyty Naukowe KUL.* 1974. № 1/2.

⁶⁰ См.: *Kula K., Kochanowicz J.* Chłoptwo. S. 36–37.

⁶¹ См.: *Chałasiński J.* Kultura i naród. Warszawa, 1968. S. 536; *Chlebowczyk J.* Świadomość historyczna... S. 104; *Stomma L.* Antropologia kultury wsi... S. 82.

⁶² См.: *Szumski J.* Z problematyki świadomości społecznej... S. 48.

⁶³ См.: *Łepkowski T.* Przetwianie narodu i niepodległość państwa. (W kręgu zagadnień polskiego roku 1918) // *Więź.* 1978. № 11. S. 51; *Kula K., Kochanowicz J.* Chłoptwo. S. 24–27; *Mencel T.* Świadomość chłopów Lubelszczyzny. Podlasia i Małopolski Zachodniej na przełomie XVIII i XIX

следует подходить не только с классовой точки зрения, но обращать также внимание и на единство деревни, корнями уходящее в традиционную крестьянскую культуру⁶⁴.

Под высшим этапом национального самосознания сторонниками как первой, так и второй концепции подразумеваются: определенный культурный уровень развития; понимание крестьянами таких понятий, как «родина» и «народ»; осознанная потребность у крестьян в существовании собственного государства⁶⁵. Высший этап национального самосознания отражает процесс формирования национальной связи в качестве идеологической категории⁶⁶. Важной частью развития национального самосознания является историческое самосознание⁶⁷, то есть понимание общности исторических судеб⁶⁸.

Развитие национального самосознания, как писал Стефан Кеневич, можно сравнить со «сложной химической реакцией с множеством изменяющихся и не всегда значимых факторов»⁶⁹. Добавим, что наряду с факторами, способствующими развитию национального самосознания, существуют факторы, тормозящие этот процесс. Они связаны с понятием традиционализма. Это понятие введено в научный оборот антропологами и этнографами. Исследователи, непосредственно ставившие перед собой задачу изучения национального

wieku // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historyka* 45. 1992. S. 134; *Molenda J. Wpływ ukształtowania się nowoczesnego narodu na walkę o niepodległość* // *Z perspektywy sześćdziesięciu lat*. Warszawa, 1982. S. 223.

⁶⁴ См.: *Chałasiński J. Rewolucja młodości*. Warszawa, 1969. S. 205.

⁶⁵ См.: *Łepkowski T. Naród polski...* S. 63; *Molenda J. Rola ruchu ludowego w odbudowie niepodległości Polski* // *Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego*. 1960. № 10. S. 11; *Molenda J. Uwagi w sprawie kształtowania się świadomości narodowej w pierwszym dwudziestolecu XX wieku* // *Kwartalnik Historyczny*. 1978. № 2. S. 315–316.

⁶⁶ См.: *Chlebowczyk J. Świadomość historyczna...* S. 106.

⁶⁷ См.: *Pater M. Polskie postawy narodowe na Śląsku w XIX wieku*. Wrocław; Warszawa, 1992. Cz. 1–2. S. 88.

⁶⁸ См.: *Chlebowczyk J. Świadomość historyczna...* S. 105.

⁶⁹ См.: *Kieniewicz S.* Цит. по: *Kisielewski T., Znaniński A. Chłopi*. S. 5.

самосознания, даже если и констатировали влияние традиции на национальное самосознание в связи с тем, что «историческая жизнеспособность сформированных стереотипов определяется временем: чем дольше они формировались, тем глубже вошли в общественное сознание»⁷⁰, тем не менее, изучением этого явления ни в 1960-е, ни в 1970-е годы не занимались. Зато 1980-е и 1990-е годы отмечены отходом от этой традиции; свидетельством тому — работы Кули и Кохановича, Менджецкого и Стоммы⁷¹.

Традиционная культура — *orbis interior* — в большей степени характеризует первый, пассивный, этноязыковой⁷² этап развития национального самосознания. Развитие национального самосознания от первого этапа ко второму, или от традиционной культуры к национальной, происходит за счет влияния различных факторов и их взаимодействия с явлениями традиционной культуры.

С одной стороны, факторы развития национального самосознания одновременно являются негативными факторами традиционной культуры. С другой стороны, язык и религиозность, понимаемые как изначальные факторы развития национального самосознания, лежат в основе традиционной культуры. Кроме того, традиционной культуре, или традиционализму, присущи две тенденции, как пишут этнографы Добровольский и Возняк⁷³. Первая тенденция является стабилизирующей. Для нее характерен «консерватизм обычаев, предубежденность, недоверчивость и враждебность по отношению к новому и чужому»⁷⁴. Вторая тенденция порождена чувством сомнения, неудовлетворенности; именно она приводит к изменениям, разрушает изоляцию крестьянского мира⁷⁵.

⁷⁰ См., например: *Molenda J. Uwagi w sprawie...* S. 326.

⁷¹ См.: *Kula W., Kochanowicz J. Chłópstwo; Mędrzecki W. Młódzież wiejska...*; *Stomma L. Antropologia kultury wsi...*

⁷² См.: *Jakóbczyk W. W sprawie świadomości narodowej Wielkopolan // Przegląd Zachodni. 1986. № 5/6. S. 79.*

⁷³ См.: *Dobrowolski K., Wozniak A. Historyczne podłoże polskiej kultury chłópskiej // Etnografia Polski... T. I. S. 59.*

⁷⁴ См.: *Szumski J. Z problematyki świadomości społecznej...* S. 48.

⁷⁵ См.: *Dobrowolski K., Wozniak A. Historyczne podłoże...* S. 59.

В понятие традиционной культуры ими включаются: сельскохозяйственные работы; продолжительность поселения; патриархальность крестьянской семьи; социальное положение крестьянства; устная культура и ее анонимность; роль верований и магии; религиозность, а также религиозные запреты и предписания; уравнительный механизм; сильная социальная связь; миф групповых ценностей; значительная степень взаимосвязи и согласованности⁷⁶. Данное многообразие составных частей традиционной культуры Куля и Коханович в своей книге ставят в зависимость от трех факторов: риска; ритма полевых работ; сложившихся феодальных отношений⁷⁷.

Главной ценностью для крестьянина является земля. Добыча средств к существованию — основная цель хозяйства крестьянской семьи⁷⁸. По Томасу и Знанецкому, земля — основа социального положения, без земли семья перестает обладать социальной силой⁷⁹. «Крестьянин полностью подчинен земле, которая устанавливает его ритм жизни: дневной, недельный, годовой; она регулирует возможности производства продукции (вырастить на этом поле можно только то, что можно вырастить на данном поле); она требует работы, заботы, пота, мысли, надежд, капризно платит человеку за это: иногда щедро, иногда не очень, а иногда и вовсе ничем. Забирая труд, забирая мысль»⁸⁰. Хозяйство не дает возможности свободного времени⁸¹.

Все подчинено единственному желанию — желанию существования⁸², однако существует понятие риска, угрозы воспроизводству. Можно сказать, что риск является первопричиной, стоит у истоков влияния семьи и общины,

⁷⁶ См.: Ibid. S. 60–63.

⁷⁷ См.: Kula K., Kochanowicz J. Chłoptwo. S. 38–39.

⁷⁸ См.: Ibid. S. 8.

⁷⁹ См.: Thomas W. I., Znaniecki F. Chłopt polski... T. 1. S. 99.

⁸⁰ См.: Kula K., Kochanowicz J. Chłoptwo. S. 36.

⁸¹ См.: Gałaj D. Kwestia chłoptka. Próba definicji // Wieś i Rolnictwo. 1985. № 1. S. 50.

⁸² См.: Kochanowicz J. Spór o teorii... S. 40.

иерархичности общества, его консерватизма, изоляции, стремления к самодостаточности, повторению одного и того же цикла и т.д. Слабость человека и постоянный риск усиливают его связь с группой⁸³, семьей, общиной, признаваемой всеми одним из важнейших элементов крестьянского общества⁸⁴. Понятие общины включает в себя такие понятия, как «иерархичность», «консерватизм», «групповое мнение».

Община удовлетворяла наиболее важные, общие, элементарные социальные потребности, регулировала поступки и поведение своих членов⁸⁵. Она оказывала решающее влияние на поведение человека и семьи⁸⁶, выполняя экономические, административные функции и функции социального контроля⁸⁷. Жизнь деревни основывалась на полном подчинении личности обществу⁸⁸. «Замкнутое и совершенное крестьянское общество окружало человека во всех его жизненных интересах и давало этим интересам единое направление»⁸⁹. Создавалась ситуация невозможности индивидуальной и личной жизни, группа контролировала и диктовала человеку его поведение⁹⁰.

Способом сохранения внутреннего спокойствия, мира в этой группе была иерархия, разделение обязанностей и власти как внутри всего *orbis interior*, так и во всех составных его частях⁹¹. Такое деление проявляется, например, во взаимоотношениях родителей и детей. Родители обладают

⁸³ См.: Kula K., Kochanowicz J. Chłópstwo. S. 18.

⁸⁴ См.: Kochanowicz J. Spór o teorii... S. 42.

⁸⁵ См.: Chałasiński J. Młode pokolenie... T. I. S. 130. Хотя, например, Галецкий пишет, что «функции деревни дополняют функции семьи прежде всего в тех областях, в которых семья не является автаркической» (Galecki B. Chłopi a zawód rolnika. Warszawa, 1963. S. 143).

⁸⁶ См.: Szumski Z. Z problematyki świadomości społecznej... S. 43.

⁸⁷ См.: Turowski J. Socjologia wsi i rolnictwa. Metody y wyniki badań. Lublin, 1992. S. 159.

⁸⁸ См.: Kula K., Kochanowicz J. Chłópstwo. S. 19.

⁸⁹ См.: Chałasiński J. Młode pokolenie... T. I. S. 136.

⁹⁰ См.: Kochanowicz J. Spór o teorii... S. 40.

⁹¹ См.: Stomma L. Antropologia kultury wsi... S. 211.

монополией на принятие решений, касающихся судьбы детей, включая и брак⁹². Выбор партнера, как правило, обусловлен экономическими условиями⁹³, вступающие в брак рассматриваются не сами по себе, а как часть группы⁹⁴.

Деревенское общество порождает идеал самодостаточности крестьянского хозяйства и общины, который возможен при уменьшении риска продукции. Следствие этого — консерватизм, заключающийся в понятиях «так делал отец», «так наказывал дед» и «вообще так раньше делали»⁹⁵. Это приводит к тому, что исчезает прежде всего то, что носит характер индивидуальный, что не укладывается в стереотипно повторяемые схемы действий, поступков, мышления. Главным является групповое мнение, роль которого заключается в том, чтобы стоять на страже проведения в жизнь «новинок», так как с ними всегда связан риск, а риск для одного — это риск для всех⁹⁶.

Для этого явления характерен механизм нивелирования личного имущества и доходов, предполагающий отрицательное отношение к богатым крестьянам, а тем более к быстро разбогатевшим⁹⁷. Механизм этот имеет глубокий смысл защиты, так как поддерживает одинаковый уровень жизни для всех вне зависимости от способностей членов семьи и общины.

Как видим, существуют глубокие связи между крестьянской семьей и хозяйством, а также двусторонняя зависимость семьи и локального общества. Такого рода взаимосвязь приводит к малым размерам общества и к его изоляции. Причины последней при этом не следует сужать лишь до внутренних процессов в *orbis interior*. По мнению Стоммы⁹⁸, можно говорить о трех видах изоляции, а следовательно, и

⁹² См.: Ibid. S. 213.

⁹³ См.: Ibid. S. 215.

⁹⁴ См.: Thomas W.I., Znaniecki F. *Chłop polski...* Т. 1. S. 99.

⁹⁵ См.: Kula K., Kochanowicz J. *Chłopstwo*. S. 21, 38.

⁹⁶ См.: Ibid. S. 37.

⁹⁷ См.: Ibid. S. 22.

⁹⁸ См.: Stomma L. *Polska kultura ludowa...* S. 203.

о трех видах причин. Стомма выделяет «горизонтальную», «вертикальную» изоляцию, а также изоляцию «сознания».

«Горизонтальная», то есть географическая. Этот вид изоляции предполагает слабую социальную мобильность жителей деревни. По Добровольскому и Возняку, это понятие включает в себя «продолжительность поселения».

Под изоляцией «вертикальной» понимается изоляция классовая, являющаяся следствием сложившихся феодальных отношений. Исследователи, указывая на существование крепостничества и гнета⁹⁹, видят в них барьер в отношениях между шляхтой и крестьянством¹⁰⁰, а как следствие — невозможность объединения народа¹⁰¹. По мнению Борковского, отрицательное отношение к шляхте переносилось крестьянами на весь мир, следствием чего было усиление консерватизма крестьянского общества¹⁰².

Социальный конфликт приводит не только в значительной мере к ограничению доступа к «культуре элит», но и, по мнению исследователей, к существованию «деления на пана-поляка и крестьянина, верного подданного императора или царя»¹⁰³. Последнее было, по мнению Стоммы, следствием обожествления и в то же время присвоения своему кругу образа короля или царя, понимаемого следующим образом: «Наш император — такой же, как и мы тут, в нашем замкнутом обществе»¹⁰⁴. Причины подобной ситуации Стомма видит в том, что воображение польского крестьянина XIX в., формировавшееся мифической локальной традицией, не выходило далеко за рамки *orbis interior*. Видение мира «по ту сторону» существовало и могло существовать лишь в недвижимых мифических образах. Правда, существует и иная точка зрения: само по себе подобное восприятие короля до разделов можно

⁹⁹ См.: *Mencel T. Świadomość chłopów...* S. 147; *Siekierski S. Etos chłopski w świetle pamiętników.* Kraków, 1992. S. 151.

¹⁰⁰ См.: *Stomma L. Antropologia kultury wsi...* S. 75.

¹⁰¹ См.: *Borkowski J. Chłopi polscy w dziejach najnowszych // Przegląd Humanistyczny.* 1974. № 1. S. 72.

¹⁰² См.: *Ibid.* S. 73.

¹⁰³ См.: *Łepkowski T. Naród polski...* S. 52; *Siekierski S. Etos chłopski...* S. 152.

¹⁰⁴ См.: *Stomma L. Antropologia kultury wsi...* S. 216.

считать положительным, так как был он для польского крестьянина символом польского государства и традиции; отрицательным же было то, что после разделов восприятие это было перенесено на других императоров¹⁰⁵.

Изоляция «сознания» является производной двух предыдущих изоляций. Суть ее заключается в ограниченном знании о мире и в отсутствии желания расширять кругозор. Примером подобной изоляции может быть обучение «на экспорт». Крестьянская семья помогала в образовании только тем детям, чье будущее могло быть связано с миром «господ». Подобное отношение защищало общину от исхода молодого поколения и от ослабления влияния традиционных крестьянских авторитетов под воздействием новых знаний¹⁰⁶.

О защитной реакции крестьянского общества, по мнению Кули и Кохановича, можно судить и на примере экономической эмиграции. «Складывается впечатление, — пишут в своей книге Куля и Коханович, — что среди польского крестьянства, эмигрирующего в конце XIX в. в США и Бразилию, доминировали еще не крестьяне-пролетарии, а лишь люди, находящиеся под влиянием пролетаризации. Бегство за океан, в сказочную землю молочных рек и кисельных берегов должно было спасти от пролетаризации, что едва ли не задерживало наступление самой пролетаризации»¹⁰⁷. Иными словами, экономическая эмиграция могла способствовать консервации основ традиционной культуры.

Вышесказанное не означает, что процессы движения внутри *orbis interior* отсутствовали, хотя именно их отсутствии стремился доказать в своей книге Людвик Стомма¹⁰⁸. Причины изоляции польской деревни и крайне низкого уровня общественного, политического и национального самосознания исследователи видят во влиянии экономического развития на формирование общества. Истоки замкнутости

¹⁰⁵ См.: Wierzbicki Z.T. Żymęca... S. 216.

¹⁰⁶ См.: Chałasiński J. Rewolucja młodości... S. 207.

¹⁰⁷ См.: Kula K., Kochanowicz J. Chłoptwo. S. 49–50. Подобный тезис выдвигался и школой «Анналов». См., например: Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. Т. 1 / Пер. с фр. М., 1994. С. 49.

¹⁰⁸ См.: Stomma L. Antropologia kultury wsi...

деревенского общества, по мнению, например, Борковского, следует искать еще в XV–XVI вв., когда начинается процесс развития фольварка, а как следствие его возникает феодальная зависимость крестьянства¹⁰⁹. В сохранении этой зависимости видятся причины медленного развития национального самосознания. При этом часть исследователей подчеркивают, что разделы Польши замедлили решение крестьянского вопроса, что отрицательно сказалось на развитии национального самосознания¹¹⁰.

Факторы, способствующие развитию национального самосознания, связывают, как уже отмечалось, с процессами, направленными на преодоление традиционализма. Однако эти факторы не являются только «внешними». Динамика при-суща и *orbis interior*, следствие чего — появление, в частности, крестьян-будителей¹¹¹. При этом частью традиционной культуры являются язык и религиозность, способствующие, по мнению большинства исследователей, развитию национального самосознания. Следует сказать, что сам факт того, что крестьяне, несмотря ни на что, продолжали придерживаться обычаев и культуры, польскими учеными рассматривается как выражение национального самосознания¹¹².

Язык в условиях Польши стал основным фактором формирования нации¹¹³. На начальном этапе развития национального

¹⁰⁹ См.: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dziejach... S. 71.

¹¹⁰ См.: *Kisielewski T.* Rodowody... S. 28–29; *Radzik R.* Procesy narodowe na kresach wschodnich w okresie zaborów // *Przegląd Powszechny*. 1989. № 6. S. 390.

¹¹¹ См.: *Kostrzewska M.* Oddziaływanie przywódców na kształtowanie się świadomości chłopów // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica* 45. 1992; *Zajewska T.* Burzyciele chłopscy w powiatach piotrkowskim i kaliskim w latach czterdziestych i pięćdziesiątych XIX wieku // *Rocznik Łódzki*. 1960. T. 3.

¹¹² См. например: *Dunin-Wąsowicz K.* Świadomość narodowa chłopów w świetle pamiętników w okresie powstań narodowowyzwoleńczych // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica* 45. 1992. S. 87; *Molenda J.* Uwagi w sprawie... S. 321.

¹¹³ См.: *Brodowska H.* Chłopi o sobie... S. 10; *Chlebowczyk J.* Świadomość historyczna... S. 103; *Jasiński J.* Świadomość narodowa na Warmii w 19 wieku. Narodziny i rozwój. Olsztyn, 1983. S. 398; *Łepkowski T.* Polska — narodziny... S. 123.

самосознания язык усиливал противопоставление «свой–чужой», являясь одной из важнейших форм связи культурной группы приобретаая со временем идеологическое значение¹¹⁴. Исследователями язык рассматривается не только как фактор развития национального самосознания, но и как его выражение¹¹⁵. К примеру, выражением развития национального самосознания крестьянства была его борьба за право использования родного языка в школе, церкви и в учреждениях¹¹⁶.

На первых стадиях развития национального самосознания религия, как и язык, способствовала самоидентификации¹¹⁷, усиливала локальный патриотизм¹¹⁸, способствовала интеграции крестьянства на более широких территориях¹¹⁹, а в дальнейшем, на последующих этапах, благодаря, по мнению многих исследователей, проводимой костелом работе и политике государств-разделителей¹²⁰ религия стала одним из сильнейших факторов развития национального самосознания¹²¹.

Юзеф Хлебовчик отмечает, что это «была надклассовая идеологическая связь, связь принадлежности к христианскому миру»¹²², а следовательно, способствовавшая, например,

¹¹⁴ См.: *Pater M.* Metodologiczne aspekty... S. 19–20; *Idem.* Ruch polski na Górnym Śląsku w latach 1879–1893. Wrocław, 1969. S. 269.

¹¹⁵ См.: *Molenda J.* Uwagi w sprawie... S. 321.

¹¹⁶ См.: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dziejach... S. 76; *Dunin-Wąsowicz K.* Świadomość narodowa chłopów... S. 87.

¹¹⁷ См.: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie... S. 125.

¹¹⁸ См.: *Molenda J.* The Formation of National Consciousness of the Polish Peasants and the Part They Played in the Regaining of Independence by Poland // *Acta Polonia Historica.* 1991. № 63/64. S. 132.

¹¹⁹ См.: *Szumski J.* Z problematyki świadomości społecznej... S. 46.

¹²⁰ См., например: *Kieniewicz S.* Rozwój polskiej świadomości... S. 55; *Krawczak T.* Chłopów polskich droga do świadomości narodowej i obywatelskiej (1795–1895) // *Zeszyty Muzeum historii Polskiego Ruchu Ludowego.* 1994. № 8. S. 76; *Idem.* Kształtowanie świadomości narodowej wśród ludności wiejskiej Podlasia w latach 1863–1918. Białą Podlaska, 1982. S. 53; *Molenda J.* The Formation of National Consciousness... S. 133.

¹²¹ См.: *Łepkowski T.* Naród polski... S. 59.

¹²² См.: *Chlebowczyk J.* Świadomość historyczna... S. 108.

снижению антагонизма между шляхтой и крестьянством. М. Патер считает религиозность явлением изначальным, не поддающимся объяснению, приближенным по своему значению к языку¹²³. Исследователи, занимающиеся региональной историей, отмечают, что религиозный фактор мог оказывать более сильное влияние на развитие национального самосознания по сравнению с языком¹²⁴.

Большинство ученых полагают, что вышеприведенные характеристики могут относиться лишь к католицизму. По их мнению, протестантизм и униатство в среде польских крестьян не способствовали в той же степени, что и католицизм, развитию национального самосознания¹²⁵. Кроме того, принадлежность к католической церкви была не только фактором развития национального самосознания, но и его проявлением, например, в российской и прусской частях разделенной Польши¹²⁶.

Однако Стомма придерживается противоположной точки зрения. По его мнению, религиозность крестьянства лишь усиливала изоляцию традиционной деревни. «Народной культурой весь мир деревенской жизни, “дневные обязанности”, были включены в христианский круг священнодействия. Это не исчерпывалось лишь фольклором, наивными апокрифами, а серьезным образом влияло на позиции крестьянства, его отношение к различным предметам и явлениям»¹²⁷. Стомма пишет, что мифологизированные и ритуализированные представления (иногда неверные) о собственной религии были зачастую проверкой принадлежности к католицизму; они позволяли жителям *orbis interior* не только презрительно относиться к другим религиозным,

¹²³ См.: *Pater M. Metodologiczne aspekty...* S. 21.

¹²⁴ См.: *Brodowska H. Problemy badawcze świadomości...* S. 20.

¹²⁵ См., например: *Łepkowski T. Polska — narodziny...* S. 477; *Idem. Przyszłość miniona i teraźniejsza.* Warszawa, 1980. S. 59; *Pater M. Metodologiczne aspekty...* S. 22. Однако, например, Бродовская придерживается иной точки зрения. См.: *Brodowska H. Problemy badawcze świadomości...* S. 10.

¹²⁶ См.: *Molenda J. Uwagi w sprawie...* S. 321.

¹²⁷ *Stomma L. Antropologia kultury wsi...* S. 221.

национальным и локальным группам, но иногда игнорировать и самого священника¹²⁸.

По мнению большинства исследователей, язык и религия — составные части традиционной культуры — способствовали интеграции крестьянства, преодолению изоляции и развитию национального самосознания. Привязанность к земле, родному языку, религии, обычаям, культуре проявлялась в организации тайных курсов, школ, в создании просветительских организаций и товариществ, сопротивлении покупке земли иностранцами, в сохранении и развитии фольклора, народного искусства, а в периоды политического оживления — в участии в национально-освободительной борьбе (от участия в национал-политических собраниях и манифестациях, школьных забастовках до вооруженной борьбы)¹²⁹.

В основе развития национального самосознания в XIX в. лежит экономическое развитие, способствовавшее в XV–XVI вв., как уже отмечалось, созданию традиционной культуры. «Капитализм — с этим соглашаются все — облегчает и убыстряет территориальную и социальную мобильность, а кроме того, формирует новые структуры и социальные отношения. Эти явления естественно объединяются с процессом создания нации. Ведь заново создается народ из подвижного и видоизмененного капитализмом общества»¹³⁰. Для нас не является главным, «формирует ли экономика требуемую социальную структуру, — как пишет Лепковский, — или, наоборот, изменения в социальной структуре приводят к изменениям в экономике»¹³¹. Все исследователи согласны отнести развитие капитализма к основополагающим факторам развития национального самосознания¹³². Наиболее ярко этот

¹²⁸ См.: Ibid. S. 211–212.

¹²⁹ См.: *Molenda J. Uwagi w sprawie...* S. 321.

¹³⁰ См.: *Łepkowski T. Przetwarzanie narodu...* S. 51. См. также: *Molenda J. Wpływ ukształtowania się...* S. 102.

¹³¹ *Kula W. Rozwój gospodarczy w warunkach rosnącego zacoferania // Przemiany społeczne w Królestwie Polskim 1815–1864 / Pod red. W. Kuli, J. Leskiewiczowej. Wrocław, 1979. S. 11.*

¹³² Правда, следует отметить, что Стомма в уже упоминавшейся работе об этой проблеме не упоминает.

процесс, на наш взгляд, виден на примере крестьянина-эмигранта, «который в течение нескольких дней не только совершал путешествие из Польши в Америку, но и, по словам Витольда Кули, путь от феодализма к капитализму»¹³³.

Среди основных факторов развития национального самосознания помимо языка, религии и экономического развития исследователи выделяют деятельность духовенства и интеллигенции, земельные реформы, политику стран-разделителей, включающую в себя обычно отдельно выделяемую службу в армии, развитие образования, социальные катаклизмы (восстания, революция 1905–1907 гг. и Первая мировая война), формирование и деятельность партий, а также военных, просветительских и профессиональных организаций, экономическую миграцию населения. Естественно, список этот не является полным. Мы ограничились данным перечислением, включив в него наиболее часто рассматриваемые в польской науке факторы развития национального самосознания крестьянства.

В польской историографии принято считать, что католическое духовенство сыграло весомую роль в становлении национального самосознания¹³⁴. Правда, как пишет Ян Моленда, «наше знание о том, насколько католическая церковь влияла на формирование национального самосознания крестьянства, достаточно скудно»¹³⁵. Тем не менее духовенство было тесно связано с крестьянством, и, как отмечает Лепковкий, «следует помнить, что приход был ячейкой социальной жизни и что духовенство играло важную социально-организаторскую роль»¹³⁶.

Костел был местом собрания людей, «в храмовые праздники встречались люди из разных приходов, таким

¹³³ Brożek A. Świadomość polskiej grupy etnicznej... S. 339.

¹³⁴ См.: Borkowski J. Chłopi polscy w dobie... S. 127; Brodowska H. Problemy badawcze świadomości... S. 12; Burszta J. Chłopskie źródła kultury. Warszawa, 1985. S. 253; Kozłowski J. Rola kościoła w kształtowaniu polskiej świadomości // *Życie i Myśl*. 1993. № 2. S. 51; Krawczak T. Kształtowanie świadomości narodowej chłopów polskich w Galicji w latach 1864–1914 // *Przegląd Zachodni*. 1977. № 5/6. S. 147.

¹³⁵ Molenda J. The Formation of National Consciousness... S. 132.

¹³⁶ Lepkowski T. Polska — narodziny... S. 477.

образом формировалась региональная — надлокальная связь»¹³⁷. Католическая церковь формировала позиции крестьянства, культуру, поведение, образ мыслей¹³⁸. Ее влияние осуществлялось посредством проповеди, создания приходских школ, распространения религиозной литературы, сотрудничества с политическими партиями, в особенности с национал-демократическим уклоном¹³⁹, миссионерства¹⁴⁰, паломничества. К этому следует добавить, что священник зачастую в деревне «был единственным интеллигентом или полуинтеллигентом, заботящимся о просвещении крестьянства»¹⁴¹. Халасиньский считает, что католическая церковь сыграла огромную роль в формировании и даже пробуждении крестьянских амбиций¹⁴².

Несомненной для польской историографии является и роль интеллигенции в пробуждении и становлении национального самосознания крестьянства. Интеллигенция «отвергала вертикальную, иерархическую структуру феодального общества, стояла за горизонтальную связь, объединяющую общество, принимавшее бесклассовую национальную идею. Она протестовала против сословного деления, создавала надклассовые ценности»¹⁴³. Создание школ, в том числе и тайных, хождение в народ революционно и патриотически настроенных будителей¹⁴⁴, создание литературы, газет для деревни и их распространение, а также партии, занимающиеся политическим воспитанием крестьянства, и многое другое — все это имеет прямое отношение к интеллигенции.

¹³⁷ Szumski J. Z problematyki świadomości społecznej... S. 46.

¹³⁸ См.: Pater M. Polskie postawy narodowe... S. 56.

¹³⁹ См.: Molenda J. The Formation of National Consciousness... S. 134.

¹⁴⁰ См.: Pater M. Polskie postawy narodowe... S. 89.

¹⁴¹ Łepkowski T. Polska — narodziny... S. 477.

¹⁴² См.: Chałasiński J. Rewolucja młodości... S. 206.

¹⁴³ Radzik R. Ewolucja narodowa społeczności... S. 71. См. также: Burszta J. Chłopskie źródła... S. 253; Chałasiński J. Przeszłość i przyszłość inteligencji polskiej. Warszawa, 1958; Grzybowski K. Ojczyzna — Naród — Państwo. Warszawa, 1970. S. 143–144; Kisielewski T., Znaniecki A. Chłopi. S. 5; Pater M. Ruch polski... S. 269.

¹⁴⁴ См.: Łepkowski T. Naród polski... S. 53.

Часть исследователей считают, что законодательство как таковое способствовало формированию крестьянского самосознания, а следовательно, и формированию современного народа¹⁴⁵. Однако бóльшая часть исследователей полагают, что о такой роли можно говорить лишь в связи с реформами. Реформы 1864 г. считаются одним из важнейших и определяющих факторов развития национального самосознания, ведь «изменения в деревне не ограничивались лишь раскрепощением в буквальном смысле этого слова»¹⁴⁶. Благодаря их проведению барьер, разделявший общество, был ликвидирован¹⁴⁷. Деревня активизировалась в социальном смысле¹⁴⁸, начался процесс эмансипации крестьянства¹⁴⁹.

Перечисленные процессы не могли произойти в день принятия реформ. Вначале их проведение привело к усилению пророссийских настроений в среде крестьянства¹⁵⁰. Лишь с течением времени влияние реформ проявилось и повлияло на развитие национального самосознания крестьянства¹⁵¹. Примером тому могут служить изменения, происшедшие с деревенской гминой, ставшей, по мнению Бродовской-Кубич, школой формирования гражданских и политических позиций крестьянства. Благодаря гмине «расширялся их горизонт, развивалось национальное самосознание»¹⁵².

В польской историографии существуют разнообразные оценки влияния разделов Польши на формирование национального самосознания. Особое внимание в ней уделяется

¹⁴⁵ См., например: *Brodowska H. Chłopi o sobie...* S. 6; *Krawczak T. Chłopów polskich droga...* S. 72.

¹⁴⁶ *Groniowski K. Uwłaszczenie chłopów w Polsce: geneza — realizacja — skutki.* Warszawa, 1976. S. 338.

¹⁴⁷ См.: *Kieniewicz S. Świadomość narodowa // Polityka.* 1966. № 30. S. 7.

¹⁴⁸ См.: *Groniowski K. Uwłaszczenie chłopów...* S. 338.

¹⁴⁹ См.: *Ibid.*

¹⁵⁰ См.: *Baranowski B. Życie codzienne...* S. 183–184.

¹⁵¹ См., например: *Borkowski J. Chłopi polscy w dziejach...*; *Kieniewicz S. Świadomość narodowa...* S. 7.

¹⁵² *Brodowska H. Gmina wiejska szkoła kształcenia obywatelskiego chłopów polskich // Gmina wiejska i jej samorząd...* Cz. 1. S. 366.

влиянию национальных, политических и экономических репрессий, способствовавших определению позиций крестьянства, а следовательно, влиявших на развитие национального самосознания. Отношение к странам-разделителям можно проследить на основе различных форм противодействия их политике на польских землях. Причины противодействия кроются не только в национальной политике. Истоками конфликта часто могли быть, по мнению историков, ограничения экономического и социального характера, которые из социально-экономических перерождались в национально-политические¹⁵³. К политике стран-разделителей, естественно, относится и проведение реформ (обычно указывается на недостатки в их проведении), и создание школ, профессиональных организаций и многое другое, в том числе особенно выделяется служба в армии.

По мнению одних ученых, служба в армии существенным образом ускоряла развитие национального самосознания, пробуждала польский патриотизм, способствовала процессу интеграции¹⁵⁴. По мнению других, влияние ее было не столь значительно и гораздо более ограничено, чем предполагают первые, что являлось следствием численности набора, сроком службы и ее тяжестью, продолжительностью жизни крестьян¹⁵⁵, а также, как правило, отсутствием агитации в армии¹⁵⁶.

В формировании национального самосознания роль образования для исследователей очевидна¹⁵⁷. «Стремление

¹⁵³ См.: *Molenda J. Uwagi w sprawie...* S. 322.

¹⁵⁴ См.: *Borkowski J. Chłopi polscy w dobie...* S. 126; *Brodowska H. Problemy badawcze świadomości chłopów w okresie zaborów // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historiologica 45. Łódź, 1992.* S. 15; *Chlebowczyk J. Świadomość historyczna...* S. 108; *Jasiński J. Świadomość narodowa...* S. 398; *Łepkowski T. Naród polski...* S. 53; *Mencel T. Świadomość chłopów...* S. 144–145; *Molenda J. Uwagi w sprawie...* S. 325.

¹⁵⁵ См.: *Stomma L. Antropologia kultury wsi...* S. 67.

¹⁵⁶ См.: *Wierzbicki Z.T. Żymęca...* S. 50–51.

¹⁵⁷ См.: *Biernacka M. Oświata w rozwoju kulturowym polskiej wsi. Wrocław, 1984;* *Borkowski J. Chłopi polscy w dobie...* S. 118; *Brodowska H. Chłopi o sobie...* S. 13; *Chlebowczyk J. Świadomość historyczna...* S. 108; *Jasiński J. Świadomość narodowa...* S. 251; *Kisielewski T., Znaniecki A.*

крестьянства к знаниям и обучению шло одновременно с процессом преодоления изоляции крестьянского мира»¹⁵⁸, так как традиционная культура — культура устная¹⁵⁹, а «без письменности невозможно и думать о надлокальном образовании народа»¹⁶⁰. Чем более становился крестьянин образованным, социально и политически активным, тем динамичнее развивался процесс становления современной польской нации¹⁶¹. Развитие образования шло благодаря деятельности духовенства, интеллигенции, а также благодаря самим крестьянам, чье стремление к образованию было выражением развития их самосознания, в том числе и национального¹⁶².

Среди видов образования особое внимание уделяется обучению, касающемуся элементарных навыков чтения, письма и счета. Как правило, в первую очередь это относилось к детям. Уже сам факт того, что ребенок шел в школу, означал, что он постепенно узнавал совершенно иной мир, что, в свою очередь, приводило «к конфликтам детей и молодежи в традиционном семейном и соседском обществе»¹⁶³. Обучение могло быть как легальным, так и нелегальным. Последняя форма образования, по мнению целого ряда ученых, была особенно распространена на территории Царства

Chłopi. S. 7; *Kowalczyk S.* Warunki dojrzewania świadomości klasowej i narodowej chłopów w Królestwie Polskim w końcu XIX i na początku XX wieku // *Zarys historii polskiego...* T. 1. S. 101; *Kmieciak Z.* Ruch oświatowy na wsi. Warszawa, 1963. S. 176; *Krawczak T.* Kształtowanie świadomości narodowej wśród... S. 55; *Molenda J.* Wpływ ukształtowania się... S. 261; *Szumski J.* Z problematyki świadomości społecznej... S. 50. Данный список, естественно, не является полным. См. список литературы в: *Dzieje szkolnictwa i oświaty na wsi polskiej do 1918 roku.* Pod red. S. Michalskiego. T. 1. Warszawa, 1982.

¹⁵⁸ *Chałasiński J.* Rewolucja młodości... S. 206.

¹⁵⁹ См.: *Dobrowolski K.* Chłopska kultura...

¹⁶⁰ *Chałasiński J.* Rewolucja młodości... S. 202.

¹⁶¹ См.: *Szaflik J.R.* O rząd chłopskich dusz. Warszawa, 1976. S. 6.

¹⁶² См.: *Kieniewicz S.* Problem pracy organicznej 1840–1890 // *Pamiętnik VIII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie.* Warszawa, 1958. T. 1. S. 169–232; *Kmieciak Z.* Ruch oświatowy...; *Wojciechowski K.* Oświata ludowa 1863–1905 w Królestwie Polskim i w Galicji. Warszawa, 1954.

¹⁶³ *Chałasiński J.* Rewolucja młodości... S. 211.

Польского. Многие исследователи именно ему придают особое значение в формировании национального самосознания крестьянства¹⁶⁴. Особое место в образовании уделяется в исследованиях развитию исторического самосознания¹⁶⁵. Такого рода обучение проводилось через систематическую организацию празднований польских национальных годовщин¹⁶⁶ и через распространение литературы религиозно-патриотического характера¹⁶⁷.

Польские историки, говоря о степени развития начального образования, выделяют в первую очередь прусскую часть, во вторую — Галицию и в последнюю — говорят о Царстве Польском¹⁶⁸. Споры ведутся на тему о степени развития начального образования и его влиянии на деревню. Амплитуда спора колеблется от самых обнадеживающих высказываний до упоминания грустных строк Яна Леманского «о деревне, где в округе никто не знает, что такое школа»¹⁶⁹.

Оценка влияния польских восстаний на развитие национального самосознания крестьянства крайне дифференцирована. Указывается как на благотворное, так и на негативное влияние. По мнению одних, например Бродовской-Кубич, восстания усиливали национальные чувства крестьянства¹⁷⁰. Идеология национально-освободительного движения, формировавшаяся различными лагерями шляхты, от белых до красных, была известна крестьянам и влияла на развитие их национального самосознания¹⁷¹. Кроме того, позитивный

¹⁶⁴ См., например: *Brodowska H.* Chłopi o sobie... S. 13; *Krawczak T.* Kształtowanie świadomości narodowej wśród... S. 55.

¹⁶⁵ См.: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie... S. 109; *Jasiński J.* Świadomość narodowa... S. 250.

¹⁶⁶ См.: *Molenda J.* Chłopi. Narod. Niepodleglosc... S. 134–171.

¹⁶⁷ См., например: *Brożek A.* Świadomość polskiej grupy etnicznej... S. 336; *Molenda J.* The Formation of National Consciousness... S. 135.

¹⁶⁸ См.: *Molenda J.* Transformation in the Social Structure... S. 123.

¹⁶⁹ Цит. по: *Stomma L.* Antropologia kultury wsi... S. 79.

¹⁷⁰ См.: *Brodowska H.* Chłopi o sobie... S. 20.

¹⁷¹ См.: *Brodowska H.* Problematyka badań nad procesami zmian w polskiej kulturze chłopskiej // *Zmiany kultury chłopskiej*... S. 90.

эффект имела сама традиция восстаний, как, например, «январского восстания, сохраняемая и развиваемая деревенским обществом»¹⁷². По мнению исследователей, это способствовало формированию исторического самосознания, рассматриваемого ими как составляющая часть национального самосознания. Несмотря на то что эта группа исследователей считает проявлением роста национального самосознания активное участие крестьян в восстаниях, другие историки считают подобную оценку крайним упрощением и не видят в подобном участии крестьян в восстаниях проявления роста патриотизма¹⁷³.

В польской историографии существует единство в оценке революций и Первой мировой войны. Эти события расцениваются как факторы, всколыхнувшие сознание крестьян, заставившие их задуматься над своим положением, искать и не находить защиты у государств-разделителей. Эти годы привели к усилению миграции, контактов, к сближению деревни и города, крестьян разных районов Польши. Многие историки позитивно оценивают эти годы с точки зрения развития национального самосознания¹⁷⁴. Бродовска называет этот период «скачкообразным», считая его временем ускоренного развития национального самосознания¹⁷⁵.

Большинство исследователей считают, что в первых двух десятилетиях XX в. особенно сильное влияние на развитие национального самосознания крестьян оказало то, что они входили в состав партий, военных организаций и союзов, провозглашавших своей целью независимость Польши¹⁷⁶.

¹⁷² *Krawczak T.* Kształtowanie świadomości narodowej wśród... S. 55.

¹⁷³ См.: *Kowiecki J.* Z początków nowoczesnego narodu // *Polska w epoce Oświecenia. Państwo — społeczeństwo — kultura* / Pod red. B. Leśnodor-skiego. Warszawa, 1971. S. 165.

¹⁷⁴ См., например: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie... S. 119; *Brodowska H.* Chłopi o sobie... S. 11, 30; *Kieniewicz S.* Świadomość narodowa... S. 8; *Molenda J.* Chłopi. Narod. Niepodległość... S. 280–347; *Wojtas A.* Kształtowanie świadomości narodowej chłopów polskich // *Wieś i Rolnictwo*. 1993. № 1. S. 19.

¹⁷⁵ См.: *Brodowska H.* Problemy badawcze świadomości... S. 9–10.

¹⁷⁶ См.: *Molenda J.* The Formation of National Consciousness... S. 127; *Brodowska H.* Chłopi o sobie... S. 10–11.

Указанными организациями строились школы, распространялась литература патриотического характера (листовки, газеты, книги), создавались культурно-просветительские и социально-экономические организации (например, сельскохозяйственные кружки, кассы взаимопомощи и т.д.). По мнению большинства польских ученых, особенно сильное влияние оказало на деревню людовское движение¹⁷⁷. При этом Ян Моленда обращает внимание на то, что сам факт участия крестьян в военных организациях политических партиях не всегда означал достижение высшего этапа развития национального самосознания. В подтверждение своей мысли он указывает на то, что причиной участия крестьян в Польских легионах в 1914 г. было отсутствие средств к существованию, а не рост политического сознания. Однако, по его мнению, все участники подобного рода организаций находились в сфере влияния национально-освободительных идей¹⁷⁸.

В экономической миграции населения (в историографии можно выделить пять основных видов: 1) экономическая эмиграция на постоянное место жительства за пределы польских земель, а также, возможно, и Европы; 2) временная экономическая эмиграция (могла быть и за пределами Европы); 3) миграция колонизаторского типа внутри разделенных польских земель; 4) временная экономическая миграция; 5) миграция из деревни в город¹⁷⁹) исследователи видят стремление

¹⁷⁷ См., например: *Borkowski J. Chłopi polscy w dziejach... S. 75; Kisielewski T. Ojczyzna. Chłopi. Ludowcy. Warszawa, 1987; Kisielewski T., Znaniecki A. Chłopi. S. 26; Molenda J. Wpływ ukształtowania się.. S. 235; Szaflik R. Czynniki kształtujące świadomość narodową chłopów polskiego w końcu XIX i w początkach XX wieku // Przegląd Humanistyczny. 1983. № 4. S. 11.*

¹⁷⁸ См.: *Molenda J. Chłopi. Narod. Niepodleglosc... S. 38.*

¹⁷⁹ В отношении состояния национального самосознания эмигрирующих крестьян первых двух видов в польской историографии существуют две противоположные концепции. Одни исследователи считают, что национальное самосознание эмигрирующих развивалось в эмиграции либо благодаря столкновению с чужим (язык, религия) обществом, либо из-за конфликтов внутри Польши. Другие полагают, что у отъезжавших уже был определенный уровень национального самосознания. См.: *Groniowski K. Świadomość chłopskiej emigracji w Stanach Zjednoczonych do roku 1918 // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica 45. 1992. S. 157.*

крестьян заработать деньги для того, чтобы, вернувшись, приобрести землю¹⁸⁰. В отношении первых двух видов принято считать, что сам факт эмиграции крестьянина способствовал развитию его самоидентификации, а также росту национального самосознания¹⁸¹. Благодаря эмиграции крестьянин имел возможность осознать свой юридический, гражданский, национальный и политический статус¹⁸². Остальные виды миграции в меньшей степени способствовали развитию национального самосознания мигрировавшего, но тем не менее расширяли его кругозор, представление о мире.

Считается, что экономическая эмиграция способствовала росту национального самосознания не только эмигрировавших, но и остающихся, правда это утверждение касается в основном второго и четвертого видов эмиграции¹⁸³. Эмигрировавшие на постоянное место жительства могли влиять на взгляды оставшихся лишь с помощью писем, которые не всегда доходили, то есть не оказывали непосредственного влияния¹⁸⁴.

Миграция из деревни в город¹⁸⁵ способствовала «унификации жителей страны», «развивала новые жизненные потребности крестьян»¹⁸⁶, но это происходило лишь по прошествии долгого времени. Первой реакцией покидавших деревню было, как правило, желание прекращения отношений с ней¹⁸⁷, а это явление можно отнести и к факторам, тормозящим развитие национального самосознания.

¹⁸⁰ См.: Brożek A. Świadomość polskiej grupy etnicznej... S. 377.

¹⁸¹ См., например: Borkowski J. Chłopi polscy w dobie... S. 127; Listy emigrantów... S. 114–115.

¹⁸² См.: Molenda J. Uwagi w sprawie... S. 325; Stankiewicz Z. Kwestia chłopska w okresie narodzin polskiego ruchu robotniczego. Warszawa, 1985. S. 82.

¹⁸³ См.: Stomma L. Antropologia kultury wsi... S. 71; Wiereszycycki H. Wpływ zaboru austriackiego na świadomość społeczeństwa polskiego // Dzieje Najnowsze. 1977. № 1. S. 93.

¹⁸⁴ См.: Molenda J. Uwagi w sprawie... S. 323–324.

¹⁸⁵ См.: Dobrowolski K., Woźniak A. Historyczne podłoże... S. 63–64.

¹⁸⁶ См.: Gałaj D. Więzy społeczne — chłopskie ojczyzny // Chłopi a państwo. Materiały z konferencji naukowej (12–13 czerwca 1995) / Pod red. J. Janczaka. Łódź, 1997. S. 243.

¹⁸⁷ См.: Kula K., Kochanowicz J. Chłopstwo. S. 47.

Благодаря эмиграции возникали каналы проникновения новых для деревни образцов жизни: нравов, взглядов, ценностей¹⁸⁸. Крестьяне, вернувшиеся с сезонных или многолетних заработков, становились источником информации о мире, зачастую именно они подвергали критике местные обычаи и авторитеты¹⁸⁹. Эмиграция была дезинтегрирующим фактором для традиционной культуры, она прорывала психологическую и традиционную изоляцию деревни¹⁹⁰, способствовала расширению представлений о мире, появлению новых видов ценностей, идущих вразрез с традиционным укладом деревни, а в конечном счете способствовала развитию национального самосознания. Борковский считает, что именно экономическая эмиграция способствовала не только развитию, но и ускорению развития национального самосознания крестьянства¹⁹¹.

В заключение остановимся на вопросе о хронологических рамках развития национального самосознания.

Хелена Бродовская-Кубич считает, что национальное самосознание присуще крестьянству изначально и начиная со времен Т. Костюшко говорит лишь о росте национального самосознания, который, по ее мнению, завершается 1918 годом, то есть годом независимости Польши¹⁹². Борковский соглашается с последней датой, однако, с его точки зрения, о росте национального самосознания можно говорить лишь у второго пореформенного поколения¹⁹³. Вслед за ним Кравчак утверждает, что не стоит говорить о национальном самосознании крестьянства в первой половине XIX в.¹⁹⁴ Таким образом, возникают уже две точки зрения на периодизацию. Первая относит этот процесс к XIX столетию в целом (с начала

¹⁸⁸ См.: *Turowski J.* Socjologia... S. 163.

¹⁸⁹ См.: *Molenda J.* Uwagi w sprawie... S. 323–324.

¹⁹⁰ См.: *Stomma L.* Antropologia kultury wsi... S. 71.

¹⁹¹ См.: *Borkowski J.* Problemy badawcze historii... S. 68.

¹⁹² См.: *Brodowska H.* Chłopi o sobie... S. 6, 10.

¹⁹³ См.: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie... S. 87, 110.

¹⁹⁴ См.: *Krawczak T.* Kształtowanie świadomości narodowej chłopów... S. 137; *Idem.* Kształtowanie świadomości narodowej wśród... S. 56.

XIX в. до 1918 г.), а вторая — только к периоду после восстания 1863–1864 гг. и до конца Первой мировой войны¹⁹⁵. Стефан Кеневич близок к последней точке зрения, но считает, что «кристаллизация национального самосознания» завершилась уже в Народной Польше¹⁹⁶. Примерно этой же периодизации придерживается Лепковский¹⁹⁷, однако последний рубеж он связывает с периодом гитлеровской оккупации Польши.

По мнению этих ученых, можно говорить о существовании национального самосознания у крестьян в XIX в. В то же время часть ученых указывают на крайне низкий уровень его развития¹⁹⁸, а другие вообще не считают возможным говорить о развитии национального самосознания в XIX в.¹⁹⁹ Моленда полагает, что активное проявление национального самосознания в крестьянской среде можно отнести ко второму десятилетию XX в.²⁰⁰ С этого момента, по мнению ученого, начинается высший этап развития национального самосознания, завершающийся после 1945 г.²⁰¹ Для Халасиньского, как и для Кеневича, высший этап развития национального самосознания возможен лишь с возникновением Польской Народной Республики²⁰².

¹⁹⁵ Этой же точки зрения придерживаются Гжибовский и Радзик. См.: *Grzybowski K.* Ojczyzna — Naród — Państwo. S. 167; *Radzik R.* Ewolucja narodowa społeczności.. S. 57.

¹⁹⁶ См.: *Kieniewicz S.* Świadomość narodowa... S. 7.

¹⁹⁷ См.: *Lepkowski T.* O narodzie i polskiej świadomości narodowej w epoce powstań XVIII i XIX wieku // *Nowe Drogi.* 1966. Z. 6. S. 27; *Idem.* Naród polski... S. 62.

¹⁹⁸ См.: *Burszta J.* Chłopskie źródła... S. 253.

¹⁹⁹ Наиболее яростный сторонник этой концепции — Стомма. См.: *Stomma L.* Antropologia kultury wsi..., а также: *Siekierski S.* Etos chłopski... S. 151; *Wapiński R.* Polska i małe ojczyzny... S. 100; *Wierzbicki Z.T.* Żymęca. S. 61–62. Шафлик отмечает отсутствие проявлений национального самосознания еще в первых годах XX в. См.: *Szaflik J.R.* O rząd... S. 7.

²⁰⁰ См.: *Molenda J.* Chłopi. Narod. Niepodległosc... S. 36.

²⁰¹ Этой же точки зрения относительно последней даты придерживается, как уже упоминалось, Лепковский, а также Шафлик. См.: *Szaflik J.R.* Czynniki kształtujące... S. 82.

²⁰² См.: *Chałasiński J.* Chłopi — kultura — naród... S. 537.

Отметим, что выделенные точки зрения не охватывают полностью всего их разнообразия и лишний раз показывают, насколько нелегко создать образ прошлого. Проблема национального самосознания, как могло бы казаться, уже по своей сути является интердисциплинарной, тем не менее польская историография замкнулась в себе. Обращение к исследованиям в данной области в смежных дисциплинах, таких как антропология, этнография и социология, стало характерным только в 1980-е годы. Как правило, не проявлялся интерес к наработкам в этой области в зарубежной науке. Перспективы развития этого направления следует искать в интердисциплинарном подходе и открытости исследователей к восприимчивости новых идей.

Изучение польско-российских отношений в XIX веке в среде историков города Кельце¹

Зигмунт Лукавский в книге 1978 г. о поляках в России, вышедшей в издательской серии «Biblioteka Polonijna», пришел к выводу, что литературы, посвященной истории поляков в России, крайне мало². Несомненно, с тех пор количество публикаций значительно выросло. Польские историки посвящали свои работы прежде всего теме сибирской ссылки³, участию поляков в научных исследованиях⁴ и польской диаспоре Петербурга⁵. История поляков в России стала также предметом исследований советской историографии после Второй мировой войны, говоря о которой в первую очередь следует отметить работы В.А. Дьякова⁶. После

¹ Текст также опубликован на польском языке. См.: Caban W., Wiech S. Badania nad stosunkami polsko-rosyjskimi XIX wieku w środowisku kieleckich historyków // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2015. Z. 1. S. 23–46.

² См.: Łukawski Z. Ludność polska w Rosji 1863–1914. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978. S. 7.

³ См., например: Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wiek. Warszawa, 1998; Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Kraków, 2007.

⁴ См., например: Rózewicz J. Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław, 1984.

⁵ См., например: Bazyłow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1984.

⁶ См., например: Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964 (издание на польском языке: Dżakow W. Polscy przyjaciele Tarasa Szewczenki. Warszawa, 1964); Дьяков В.А., Сапаргалиев Г.С. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971 (издание на польском

политических перемен 1991 г. интерес к истории поляков в России значительно возрос, однако это касается в большей степени истории польской ссылки, изучением которой занимаются в университетах Сибири⁷. Исключение составляет работа Т.М. Смирновой⁸, посвященная польским обществам Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв. Автор на основании сохранившихся нормативных документов и отчетной документации, публиковавшейся на страницах петербургской прессы, представила широкомасштабную общественно-культурную и благотворительную деятельность польских организаций. В то же время надо сказать, что вышедший в Москве в серии «Россия в мемуарах» сборник 2010 г. не оправдал ожиданий исследователей истории поляков в Петербурге, поскольку повторяет публиковавшиеся ранее, в XIX в., воспоминания четырех поляков⁹.

Российская проблематика в исследованиях историков города Кельце появилась сравнительно поздно, а именно только в 1990-е гг., когда появилась возможность работать в российских архивах. Историки Кельце, связанные главным образом с

языке: *Sapargalijew G., Djakow W. Polacy w Kazachstanie w XIX wieku. Warszawa, 1982).*

⁷ См., например: *Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири.* СПб., 2012; *Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890-е — 1930-е годы).* Новосибирск, 2011; *Микитюк В.П., Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г. Род Поклевских-Козелл.* Екатеринбург, 2014.

⁸ См.: *Смирнова Т.М. Польские общества в Санкт-Петербурге. Конец XIX — начало XX века.* СПб., 2013.

⁹ Речь идет об издании: *Поляки в Петербурге в первой половине XIX века.* М., 2010. Издатели ограничились перепечаткой фрагментов мемуаров трех авторов: Станислава Моравского (1802–1853), Тадеуша Бобровского (1829–1894) и Адама Гонория Киркора (1819–1886). Эти фрагменты составляют 50% объема издания, а остальные 50% — это перепечатка не столько воспоминаний, сколько статей и своего рода размышлений Юзефа Пшецлавского [в издании О.А. Пржецлавский] (1799–1879) относительно соглашательской политики в отношении России. Подробнее см.: *Caban W. Droga Józefa Przeclawskiego do ugody z Rosją // Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego wobec zaborców / Red. S. Kalembka, N. Kasparek. Olsztyn, 1999. S. 81–95.*

Институтом истории Университета им. Я. Кохановского, свои исследования разрабатывают в основном в трех направлениях. *Первое* касается судеб поляков в Российской империи, в том числе речь идет и о сибирской ссылке, *второе* касается истории российской администрации в Царстве Польском и северо-западных и юго-западных губерниях, а также изучения русского общества в Царстве Польском. *Третье* связано с изучением русификации польского образования. Инициатором исследований, посвященных судьбам поляков в Российской империи, является Веслав Цабан, российской администрации — Станислав Вех, а русификации образования — Адам Массальский.

В Кельце хоть и в ограниченном объеме, тем не менее ведутся исследования, касающиеся проблематики польско-российского единения в XIX в., а также сотрудничества между Варшавой и Петербургом. Речь идет прежде всего, о работах Ежи Щепаньского и Мариуша Новака¹⁰.

¹⁰ См., например: *Szczeпаński J.* Książę Ksawery Drucki-Lubecki (1778–1846). Warszawa, 2008, в особенности главы IV–V; *Idem.* W mundurze członka rosyjskiej Rady Stanu. Petersburgski rozdział w działalności Ksawerego Druckiego-Lubeckiego (1830–1846) // *Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego w latach niewoli — «W obcym mundurze»* / Red. L. Michalska-Bracha, M. Korybut-Marciniak. Warszawa, 2013. S. 139–149; *Idem.* Czy polityka księcia Ksawerego Druckiego-Lubeckiego wobec Rosji była realistyczna? // *Lojalizm czy realizm? Polacy wobec władzy rosyjskiej w XIX wieku* / Red. M. Nowak, J. Szczeпаński. Warszawa, 2013. S. 19–33; *Idem.* Wielki Książę Konstanty a sprawa polska. Przy okazji lektury rosyjskiej biografii wielkiego księcia Konstantego // *Studia Historyczne*. T. 51. Z. 2 (202). S. 225–237; *Idem.* Nowe rosyjskie badania na epokę Mikołaja I (przy okazji lektury prac L.W. Wyskoczka: *Imperator Mikołaj I: Człowiek i monarcha* (Sankt-Petersburg 2001) i *Mikołaj I* (Moskwa 2006)) // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. 2009. T. 13. S. 127–141; *Idem.* Новые российские исследования эпохи Николая I (по материалам: *Высочков Л.В.* Император Николай I: Человек и государь (СПб., 2001) и *Николай I* (М., 2006)) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина: Научный журнал*. 2012. № 1 (Т. 4). История. С. 150–162; *Nowak M.* Aktywność polityczna Zygmunta Wielopolskiego — z dziejów myśli ugodowej w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX wieku. Kielce, 2013; *Idem.* Królestwo Polskie w systemie ustrojowym Rosji w świetle poglądów Zygmunta Wielopolskiego (1833–1902) // *Między Historią a Prawem* / Red. P. Leszczyński, R. Nir, M. Szczerbiński. Gorzów Wielkopolski, 2007.

Российская тематика разрабатывается в Институте истории Университета им. Я. Кохановского в рамках исследовательских проектов, финансируемых Государственной программой развития гуманитарного знания, Государственным центром науки, Комитетом научных исследований при тесном взаимодействии с российскими историками. Результаты исследований были представлены на международных конференциях, организуемых как в Польше (Варшава, Кельце, Краков), так и в России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Новгород, Нижний Новгород, Рязань, Краснодар, Омск, Томск, Барнаул). В общей сложности историки Кельце посвятили российской проблематике несколько десятков монографий, несколько публикаций источников, а также более ста работ и статей, из которых часть была опубликована в российских изданиях и в издаваемых Институтом истории Университета им. Я. Кохановского историческом альманахе «*Almanach Historyczny*», редакторами которого являются С. Вех и В. Цабан. Правда, последний 17-й том альманаха, полностью посвященный сибирской теме, вышел под редакцией Яцека Легеча¹¹.

Веслав Цабан, занимаясь проблематикой, связанной с деятельностью поляков в России, значительное внимание уделяет военной службе поляков в Царстве Польском в русской

S. 167–178; *Idem*. Aktywność polityczna lidera prawego skrzydła kieleckich ugodowców — Jana Popiela (1836–1911) w okresie kampanii wyborczej do Dumy Państwowej w latach 1906–1907 // *Z dziejów pewnego eksperymentu. Parlamentaryzm rosyjski na progu XX stulecia w kontekście kształtowania się świadomości politycznej narodów imperialnej Rosji* / Red. A. Duszyk, K. Łatawiec, M. Mądzik. Radom, 2008. S. 149–165; *Idem*. Aktywność zachowawczych środowisk ziemiańskich guberni kieleckiej w czasie wyborów do rosyjskich dum państwowych w okresie rewolucji 1905–1907 // *Lokalne społeczności a konstytucje i uchwały sejmowe. Z dziejów parlamentaryzmu między Wisłą a Pilicą* / Red. J. Muszyńska, J. Pielas. Kielce, 2009. S. 145–163.

¹¹ В этом издании собраны рефераты польских и российских историков, представленные на IV конгрессе польских научных обществ за рубежом (Краков, 4–7 сентября 2014 г.) в рамках дискуссионной панели, посвященной сибирской тематике. Организаторами конгресса выступили: Польская академия знаний, Ягеллонский университет, Университет им. Я. Кохановского и Педагогический университет им. Комиссии эдукации народовей.

армии в 1831–1873 гг.¹² После Ноябрьского восстания правовое устройство Царства Польского претерпело изменения. Была аннулирована либеральная конституция Царства Польского, дарованная Александром I в 1815 г., а как следствие была ликвидирована польская армия. С этого времени поляки направлялись в ряды русской армии для прохождения 15–20-летней военной службы. Именно этой проблематике посвящена книга «Служба рекрутов Царства Польского в царской армии в 1831–1873 гг.»¹³.

Автор заинтересовался вопросом набора рекрутов из Царства Польского в царскую армию еще в 1980-х годах во время работы в московских архивах по теме Январского восстания. Именно тогда он осознал масштаб рекрутского набора бывших участников Январского восстания в русскую армию¹⁴.

Дату начала исследования определяет 1831 год; именно тогда в русской армии оказались солдаты, принимавшие участие в Ноябрьском восстании и попавшие в русский плен. Дата окончания изучаемого периода — 1873 год, время

¹² Этой проблематикой уже занимался Элигиуш Козловский, заслуженный исследователь истории польской армии, однако его оценки были сделаны на базе польских источников; в связи с этим их следует рассматривать как предварительные. Тем не менее автор пришел к интересным выводам. См.: *Kozłowski E. Służba Polaków w szeregach armii rosyjskiej (1832–1862) // Społeczeństwo Polskie XVIII i XIX wieku / Red. W. Kula, J. Leskiewiczowa. Warszawa, 1974. T. 6. S. 122–134; Idem. Armia. Cz. 2. W armii rosyjskiej // Przemiany społeczne w Królestwie Polskim 1815–1864 / Red. W. Kula, J. Leskiewiczowa. Wrocław, 1979. S. 214–229.*

¹³ См.: *Caban W. Służba rekrutów Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001.*

¹⁴ Данную информацию содержали фонды № 109 и 547 — в те годы Центрального государственного архива Октябрьской революции (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)), и материалы выдавали неохотно. Лишь после политических перемен 1991 г. появилась возможность полного использования данных материалов. В принципе, этой работы не было бы без источников, хранящихся в данном архиве и других архивах Москвы и Петербурга. Кроме того, необходимо было просмотреть материалы, хранящиеся в Отделе военной литературы Российской государственной библиотеки (ранее Библиотека им. В.И. Ленина), куда до 1991 г. у автора не было допуска.

подготовки военных реформ Д.А. Милютина, кардинальным образом преобразовавшая русскую армию.

В своей работе автор сосредоточился на службе рядовых солдат, которые оказались в рядах русской армии в результате ежегодных рекрутских наборов. Исследование затрагивает и судьбы солдат — участников Ноябрьского восстания¹⁵, взятых в плен партизан во время Восстания 1863 г., с которыми поступили так же, как и с участниками Восстания 1830–1831 гг., а также участвовавшую в тайных обществах в 1830-х — 1840-х годах молодежи, которую отдали в солдаты. Были также учтены кантонисты. Следует отметить, что в батальоны кантонистов определялись малолетние дети, но после достижения совершеннолетия кантонисты несли многолетнюю военную службу¹⁶.

С точки зрения истории поляков в Российской империи наибольшую ценность представляют две последние главы монографии «Служба рекрутов...», посвященные судьбе польского рекрута, по своему происхождению главным образом, как и во всей Российской империи, крестьянина или мещанина. В период 1831–1873 гг. в русской армии из Царства Польского было набрано около 330 тыс. представителей польской молодежи. Рекрутский набор в Царстве Польском проводился примерно согласно тем же принципам, что и во всей России, то есть исходя из четырех человек на 1000 жителей. Рекруты из Царства Польского составляли около 10% общего числа набранных в царскую армию.

Около 70% рекрутов проходили службу в западных губерниях Российской империи, в том числе и в Царстве Польском. Следует отметить, что количество поляков, служивших в Царстве Польском, было значительно ниже и составляло около 10%.

Во многих польских исторических работах общего характера подчеркивается, что поляки служили главным

¹⁵ К этой проблематике автор вернулся вновь. См.: *Caban W. Wokół kwestii wcielania żołnierzy powstania listopadowego do armii carskiej // Wokół powstania listopadowego. Zbiór studiów. Polska Akademia Umiejętności / Red. H. Chudzio, J. Pezda. Kraków, 2014. S. 263–270.*

¹⁶ Подробнее см.: *Caban W. Kantoniści z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1832–1856 // Kwartalnik Historyczny. 1999. T. 106. № 2. S. 3–13.*

образом в Сибири и на Кавказе¹⁷. Возникновению подобного мифа способствовало несколько факторов, в частности убеждение поляков в том, что Сибирь покрывает территорию Российской империи восточнее Киева. Наибольшее число поляков оказалось в Сибири и на Кавказе сразу после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. Среди попавших в плен примерно 11 500 поляков около 40–50% оказалось в Сибири и на Кавказе¹⁸.

Рекруты из Царства Польского в большинстве своем направлялись служить в пехоту, которая составляла около 70% общего числа сухопутной армии. Около 15% попадало в кавалерию, а 5–7% — во флот. Остальные служили во внутренних войсках. В разного рода части внутренних войск попадали главным образом евреи из Царства Польского, для которых было характерно недостаточное физическое развитие¹⁹.

Из примерно 330 тыс. поляков, служивших в русской армии, на родину вернулись не многие. Как правило, рекруты умирали, не успев выслужить положенные 25 лет. Причиной были невероятно тяжелые условия службы, разного рода болезни и гибель в боях. В общей сложности, по мнению автора,

¹⁷ О мифологии положения поляков в царской армии см. подробнее: *Caban W. Mity wokół służby Polaków w armii rosyjskiej w XIX wieku // Mity i legendy w polskiej historii wojskowości. T. 1 / Red. W. Caban, J. Smoliński, J. Żak. Kielce, 2014. S. 200–207.*

¹⁸ Службе поляков в Сибири и на Кавказе В. Цабан посвятил отдельные публикации. См.: *Caban W. Służba wojskowa Polaków na Kaukazie w latach 1831–1856 // W kraju i na wychodźstwie: księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Sławomirowi Kalembce w sześćdziesięciopięcioletnie urodzin / Red. Z. Karpus, N. Kasperek, L. Kuk, J. Sobczak. Toruń, Olsztyn, 2001. S. 725–743; *Idem. Służba wojskowa uczestników powstania listopadowego na Syberii i Kaukazie w latach 1831/32–1861 // Polska a Syberia. Spotkania dwóch światów. Materiały z konferencji naukowej, Łódź, 1–2 marca 2001 / Red. A. Lech. Łódź, 2001. S. 45–58; *Idem. W niewoli u Szamila // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. 2005. Vol. 60. S. 55–62.***

¹⁹ Подробнее см.: *Caban W. Służba wojskowa Żydów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1832–1873 // Społeczeństwo, armia i polityka w dziejach Polski i Europy. Studia z dziejów politycznych i wojskowych dedykowane Profesorowi Benonowi Miśkiewiczowi z okazji jubileuszu siedemdziesięciolecia urodzin / Red. A. Czubiński, B. Lapis, C. Łuczak. Poznań, 2002. S. 321–340.*

по этим причинам не вернулось около 75% поляков, то есть около 247 тыс. человек. Однако 13% поляков после увольнения со службы осталось в Российской империи. Среди них большая часть обзавелась семьями. Конечно, были и такие, кто считал возвращение лишенным смысла, они не знали, остался ли кто-то после 15–25 лет службы, к кому они могли вернуться, и не были уверены, что, вернувшись, получат условия для дальнейшего существования. Часть считала, что военная присяга обязывает их остаться в России²⁰. По наиболее оптимистическим оценкам, назад вернулось около 12%.

Изучением службы поляков в царской армии занимается также Яцек Легеч. Этой тематике, охватывающей период с 1874 по 1913 г., он посвятил монографическое исследование²¹ и более 20 статей и работ на польском, русском и английском языках.

Одним из следствий поражения России в Крымской войне стала реформа армии. Военные реформы Милютин были направлены на модернизацию армии. Появились новые структуры, новое вооружение, нововведения касались подготовки, воспитания и дисциплины, но прежде всего сокращено время службы. Была введена всеобщая воинская повинность, и теперь служба длилась всего несколько лет. С этого момента призывник перестал себя чувствовать осужденным и мог планировать будущее после увольнения с военной службы.

²⁰ О влиянии военной службы на национальное сознание побробнее см.: *Caban W.* Wpływ służby Polaków w armii carskiej na świadomość narodową w dobie międzypowstaniowej // *Przełomy w historii. XVI Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Pamiętnik.* T. 2. Cz. 2. Toruń, 2000. S. 73–85; *Idem.* Po służbie i na urlopie. Problem adaptacji dymisjonowanych i urlopowanych wojskowych w Królestwie Polskim w latach pięćdziesiątych–sześćdziesiątych XIX wieku // *Studia Historyczne.* 2000. T. 43. Z. 2. S. 235–250; *Idem.* Pobór rekruta z Królestwa Polskiego do armii carskiej po upadku powstania styczniowego. Sposób na unifikację czy system represji? // *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku.* *Studia i materiały* / Red. A. Szwarz, P. Wiczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 33–40; *Idem.* Z problematyki katolickiego duszpasterstwa wojskowego w armii rosyjskiej w XIX wieku // *Historia duszpasterstwa wojskowego na ziemiach polskich* / Red. J. Ziółek. Lublin, 2004. S. 261–274.

²¹ См.: *Legiec J.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii rosyjskiej w latach 1874–1913. Kielce, 2013.

Работа основана на широкой источниковой базе (польские, российские, литовские архивы и библиотеки), печатных изданиях, отчетах, справочниках (справочных книжках) и научной литературе на русском языке. В конце 1990-х годов история русской армии XIX в. переживала пик интереса российских историков. Я. Легечу удалось познакомиться со всеми этими публикациями благодаря русскому интернету. Работа Легеча — это не только первая публикация на польском языке, посвященная службе рекрута из Царства Польского в русской армии в 1874–1913 гг., но и в значительной степени первая работа в польской историографии, в которой так широко и комплексно показана русская армия данного периода.

С 1874 по 1913 г. в русской армии оказалось около миллиона рекрутов из Царства Польского²². Как и относительно предыдущего периода, нельзя сказать, что показатели рекрутского набора в Царстве Польском превышали средний показатель, характерный для центральных губерний Российской империи. Эти данные, несомненно, были подвержены колебаниям, однако это зависело от многих факторов, и если брать весь оговариваемый период, то количество солдат из Царства Польского составляло около 10% общего числа военных в русской армии. Они несли службу в разных частях Российской империи, в зависимости от стоящих перед ними политических и военных задач, и во всех родах войск. Их расквартировывали в Царстве Польском, центральных губерниях России, Сибири, на Кавказе и Дальнем Востоке.

Яцек Легеч указывает на значительное улучшение условий службы, коснувшееся в том числе и солдат из Царства Польского, в царской армии после милютинских реформ²³.

²² На тему количества рекрутов из Царства Польского в русской армии подробнее см.: *Caban W. Polscy rekruci w armii rosyjskiej w latach 1874–1913-liczebność i rozmieszczenie // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2010. T. 14. S. 9–26; Caban W., Legieć J. Poles in the Imperial Russian Army in the 19th Century. Number and Distribution // Russia: of the Tsars, of Bolsheviks, of the new Times. Warsaw, 2013. P. 25–38.*

²³ Об улучшении условий несения службы, а именно в наиболее важном вопросе — питании, см.: *Legieć J. Wyżywienie żołnierzy armii rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2013. T. 14. S. 121–140.*

Правда, сохранялись проблемы, связанные с обеспечением условий верующим для совершения по их просьбе богослужбных обрядов (крестины, брак, панихиды и т.п.), но зато солдат из Царства Польского теперь имел доступ к литературе и прессе на польском языке. Налицо, одним словом, был очевидный парадокс: когда во времена И.В. Гурко и А.Л. Апухтина в Царстве Польском власти старались проводить интенсивную русификацию, одновременно в гарнизонах в глубине России было разрешено чтение польских книг и газет и даже организовывалось обучение чтению и письму на польском языке.

В работе Легеча есть крайне интересные выводы относительно влияния службы рекрута из Царства Польского на формирование «польской души». После прочтения книги можно однозначно утверждать, что служба рекрутов из Царства Польского в русской армии после милютинской реформы была значительно легче по сравнению с николаевской эпохой. Количество вернувшихся было несравнимо большим, да и сама служба уже не оказывала столь отрицательного влияния на национальное сознание поляков, как это было в предыдущий период. Однако это не означает, что сократившееся время несения военной службы серьезным образом не влияло на здоровье. По состоянию здоровья из русской армии ежегодно увольняли тысячи рекрутов. Во время ведения войн их количество удваивалось. Военные инвалиды представляли как для властей, так и для общества серьезную проблему. Оказываемой помощи было недостаточно, и многие из них жили и умирали в абсолютной бедности ²⁴.

Яцек Легеч в своих статьях и работах уделяет большое внимание вопросу работы в Царстве Польском российских

²⁴ Подробнее см.: *Legiec J. Działalność Komitetu Wielkiej Księżnej Elżbiety w Królestwie Polskim w latach 1914–1915 // Dobroczynność i pomoc społeczna na ziemiach polskich w XIX, XX i na początku XXI wieku / Red. M. Przeniosła. Kielce, 2008. T. 1. S. 75–88; Idem. Organizacja pomocy dla rodzin żołnierzy armii rosyjskiej w czasie I wojny światowej // Od Rosji po Bliski Wschód / Red. D. Rogut. Żelów, 2010. S. 47–69; Idem. Działalność Komitetu Aleksiejewskiego w Królestwie Polskim 1904–1915 (na przykładzie guberni kieleckiej) // Dobroczynność i pomoc społeczna na ziemiach polskich w XIX, XX i na początku XXI wieku / Red. M. Przeniosła. Kielce, 2010. T. 2. S. 97–113.*

госучреждений, отвечавших за рекрутский набор²⁵. Работу этого историка можно связать со вторым направлением исследований, проводимых в Институте истории Университета им. Я. Кохановского и касающихся изучения деятельности русской бюрократии на польских землях.

Яцек Легеч в отдельных публикациях останавливается на вопросах участия поляков в Русско-турецкой и Русско-японской войнах. Эта тема требует более глубокого изучения и ждет своего исследователя²⁶.

Результаты исследования, посвященного рекрутам из Царства Польского в русской армии, автор представлял на конференциях в Санкт-Петербурге и Рязани. Материалы этих конференций были опубликованы²⁷.

²⁵ См.: *Legieć J.* Urzędy ds. Powinności Wojskowej w Królestwie Polskim w latach 1874–1914 // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich* / Red. A. Górak, I. Łuć, D. Magier. Lublin, Siedlce, 2008. T. 1. S. 317–329; *Idem.* Urzędy naczelników wojskowych w Radomiu po powstaniu styczniowym // *Wojsko w Radomiu od średniowiecza po czasy współczesne* / Red. D. Kupisz. Radom, 2008. S. 101–113; *Idem.* Urzędy naczelników wojskowych w Królestwie Polskim // *Dzieje biurokracji* / Red. A. Górak, K. Latawiec, D. Magier. Lublin; Siedlce, 2010. T. 3. Cz. 1. S. 301–317; *Idem.* Ewidencja poborowych i rezerwistów w Królestwie Polskim w latach 1874–1914 // *Dzieje biurokracji* / Red. A. Górak, K. Latawiec, D. Magier. Lublin; Siedlce, 2011. T. 4. Cz. 1. S. 515–527; *Idem.* Korupcja w rosyjskim aparacie poborowym Królestwa Polskiego po wprowadzeniu powszechnego obowiązku służby wojskowej // *Dzieje biurokracji* / Red. A. Gaca, A. Górak, Z. Naworski. Lublin; Toruń; Włocławek, 2013. T. 5. Cz. 1. T. 5. Cz. 1. S. 471–486; *Idem.* Sprawa Georgija Kolesnikowa we Włodawie. Przyczynek do dziejów korupcji w Urzędach ds., Powinności Wojskowej w Królestwie Polskim // *Włodawa. Szkice z dziejów miasta w XX stuleciu* / Red. M. Bem, A. Duszyk, K. Latawiec. Włodawa, 2012. S. 65–77.

²⁶ См.: *Legieć J.* Mobilizacja armii rosyjskiej w czasie wojny z Japonią (1904–1905). Aspekty wojskowe, społeczne i ekonomiczne // *Almanach Historyczny*. 2013. T. 14. S. 201–220; *Kulik M., Legieć J.* O udziale Polaków w wojnie rosyjsko-japońskiej (wybrane problemy) // *Mity i legendy w polskiej...* S. 235–242.

²⁷ См.: *Легеч Я.* Частные мобилизации в Царстве Польском во время Русско-японской войны // *Военная история России XIX–XX веков* / Под ред. А.В. Аранович. СПб., 2011. С. 205–216; *Он же.* Солдаты из Царства Польского в Русской армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 // *Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня его рождения)* / Под ред. П.В. Акулшина, И.Н. Гребенкина. Рязань, 2014. С. 158–166.

Наравне с изучением проблемы рекрутов из Царства Польского в русской армии Институт истории проводит исследования, связанные со службой поляков в русском офицерском корпусе. Эта тематика входит в круг интересов Веслава Цабана. На протяжении XIX в. через офицерский корпус прошло около 20 тыс. поляков. Предварительно можно предположить, что среди поляков и лиц польского происхождения на северо-западные и юго-западные губернии приходилось около 60%, на Царство Польское — около 30, а на центральные губернии Российской империи — около 10%. Проследить карьерный рост поляков и лиц польского происхождения в русском офицерском корпусе — задача не из легких. Основная проблема связана с работой в российских архивах, в особенности в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), где хранятся личные дела, содержащие информацию о прохождении военной службы. При отсутствии соответствующего анализа упомянутых дел сложно с достоверностью говорить о роли и месте поляков в царском офицерском корпусе. Однако это задача, которую под силу решить лишь исследовательскому коллективу, в идеале — польско-российскому. Сложно получить и материалы дневников, воспоминаний или писем, без которых говорить о повседневной жизни офицеров польского происхождения, а также и об отношениях, складывающихся между поляками и русскими, не представляется возможным.

Среди работ Веслава Цабана есть несколько публикаций, в которых поднимаются вопросы, связанные с мотивами поступления поляков в русский военный корпус, выбранной карьерой и вкладом поляков в развитие русского военного искусства²⁸.

²⁸ См.: *Śliwowska W., Caban W. Polacy w carskim korpusie oficerskim w latach 1832–1873. Stan i potrzeby badań // Polacy i osoby polskiego pochodzenia w siłach zbrojnych i policji państw obcych / Red. A. Judycka, Z. Judycki. Toruń, 2001. S. 484–495; Caban W. Oficerowie rosyjscy polskiego pochodzenia wobec wojny krymskiej // Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej / Red. J. Borejsza, G. Bąbiak. Warszawa, 2008. S. 126–134; *Idem*. Polacy w carskim korpusie oficerskim w XIX wieku. Casus Ksawerego Branickiego i Józefa Lubomirskiego // *Od najazdów pogańskich dotąd są państwa Waszej Królewskiej Mości spokojne... Studia ofiarowane w siedemdziesiątą rocznicę urodzin profesorowi Karolowi**

Недавно Веславу Цабану вместе с Ежи Щепаньским удалось опубликовать записки поляка, носившего русские генеральские погоны. Удивительно, но эти мемуары были обнаружены не в России, а в польском архиве в Лондоне. Александр Сколимовский, о котором и идет речь, написал свои воспоминания по-русски²⁹.

Важную часть исследования В. Цабана, посвященного судьбам поляков в России занимает сибирская ссылка. Судьбы поляков, сосланных в линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса, представлены им в биографии Бронислава Залеского (1820–1880). Как и многие другие молодые поляки из Царства Польского и с территорий современной Литвы, Беларуси и Украины, он был отправлен в Оренбургскую линию за участие в польском освободительном движении³⁰. Последующие публикации историк посвятил повседневной жизни поляков в ссылке и судьбе отдельных сосланных. Отдельные работы были написаны вместе с Лидией Михальской-Брахой³¹. Тема сибирской ссылки при-

Olejnikowi / Red. Z. Pilarczyk, M. Franz. Toruń, 2008. S. 245–256; *Цабан В.* Поляки в российских военно-учебных заведениях в XIX веке. Мотивы поступления и кареры // Академии наук Польши и России, университеты, высшая школа, научные учреждения и общества: история польско-российских отношений в сфере науки: Тезисы / Red. H.A. Макаров. М., 2010. С. 25–28; *Caban W.* W służbie imperium, czy ofiary imperium? Polacy w carskim korpusie oficerskim w XIX wieku // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary.* 44 spojrzenia / Red. A. Nowak. Warszawa, 2010. S. 214–226; *Idem.* Wkład oficerów Polaków i osób polskiego pochodzenia w rozwój rosyjskiej nauki w XIX wieku // *Wrocławskie Studia Wschodnie.* 2011. T. 15. S. 99–119; *Idem.* Stanowisko Polaków z carskiego korpusu oficerskiego wobec powstania styczniowego // *W obcym mundurze. Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego w latach niewoli* / Red. L. Michalska-Bracha, M. Korybut-Marciński. Warszawa, 2013. S. 47–56.

²⁹ См.: *Polak w carskim mundurze. Wspomnienia Aleksandra Skolimowskiego (1817–1895)* / Wstęp, opracowanie i redakcja W. Caban, J. Szczepański, Tłumaczenie Ł. Guldon przy współpracy W. Cabana i J. Szczepańskiego. Kielce, 2015.

³⁰ См.: *Caban W.* Z Orenburga do Paryża. Bronisław Zaleski 1820–1880. Kielce, 2006.

³¹ См.: *Caban W.* Nieznane listy księdza Krzysztofa Szwerwickiego z Syberii // *Almanach Historyczny.* 2004. T. 6. S. 415–423; *Idem.* Dom syberyjski

существует также в работах Яцека Легеча и Станислава Веха³².

polskich zesłańców politycznych w latach czterdziestych-siedemdziesiątych XIX wieku, w: *Dom-spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX wieku. Zbiór studiów* / Red. Z. Oracki, D. Płaza-Oracka. Gdańsk, 2008. S. 107–119; *Цабан В.* Сибирский дневник Юлиана Глаубич Сабиньского как источник жизни поляков, сосланных в Сибирь в I половине XIX в. // *Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития.* Омск, 2010. С. 339–348; *Он же.* Польские ссыльные в Западной Сибири в XIX веке. Идеи выживания и освобождения // *Сибирская деревня. История, современное состояние, перспективы развития.* Омск, 2014. Ч. I. С. 46–58; *Caban W.* Ostatnie publikacje w Omsku na temat polskiej zsyłki na Syberię Zachodnią // *Wrocławskie Studia Wschodnie.* 2013. T. 17. S. 187–194; *Idem.* Zsyłka Polaków na Syberię w XIX wieku. Przegląd publikacji polskich i rosyjskich/radzieckich // *Przegląd Historyczny.* 2014. T. 105. Z. 4. S. 99–123; *Idem.* Pomysły na przetrwanie, wolność i niepodległość polskich zesłańców politycznych na Syberii w XIX wieku (do 1914 roku). Cz. I. Pomysły na przetrwanie // *Respectus Philologicus.* 27(32). 2015. S. 115–132; *Caban W., Michalska-Bracha L.* Orenburski domek Stanisława Miaskowskiego. Z badań nad lwowską kolekcją listów zesłańca postyczniowego (1863–1867) // *Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane profesor Wiktorii Śliwowskiej* / Red. E. Niebelski. Lublin; Warszawa, 2008. S. 177–190; *Цабан В., Михальская-Браха Л.* Образ Сибири в воспоминаниях крестьянина Игнатия Дрыгаса, сосланного после восстания 1863 года // *Сибирская деревня. История, современное состояние, перспективы развития.* Омск, 2012. Ч. I. С. 356–362; *Caban W., Michalska-Bracha L.* Kobiety powstania styczniowego na Syberii. Zesłanki do Usola i Kunguru // *Postawy i aktywność kobiet w czasie powstania styczniowego 1863–1864* / Red. T. Kulak, J. Dufurat, M. Piotrowska-Marchewa. Wrocław, 2013. S. 163–189; *Цабан В., Михальская-Браха Л.* Женщины-польки в Сибири после Январского восстания (на примере женщин, сосланных в Усолье и Кунгур) // *Польки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Полонии* / Ред. С. Леончик. Красноярск, 2014. С. 7–26.

³² См.: *Вех С., Легеч Я.* Проблема переселений крестьян Царства Польского в Сибирь во второй половине XIX — начале XX века // *Сибирская деревня: История, современность, перспективы развития.* Омск, 2012. Ч. I. С. 387–393; *Legieć J., Wiech S.* Problem przesiedleń chłopów Królestwa Polskiego na Syberię w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku // *Almanach Historyczny.* 2013. T. 14. S. 151–169; *Вех С., Легеч Я.* Польки в Тюмени в конце XIX века и празднование ими сотой годовщины рожения А. Мицкевича в свете писем Ю. Краевского // *Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития.* Ч. III. Омск, 2014. С. 3–14.

Изучение темы сибирской ссылки приобрело более интенсивный характер благодаря сотрудничеству Института истории и Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина. В рамках Государственной программы развития гуманитарного знания Министерства науки и высшего образования Республики Польша под руководством Веслава Цабана реализуется исследовательский проект «Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири». Эта тематика разрабатывается также в рамках проекта «Воспоминания и корреспонденция польских авторов с захваченных земель (Литва, Беларусь, Украина) в 1795–1918 гг.», реализуемого в рамках вышеупомянутой программы Министерства науки и высшего образования Республики Польша. В состав научного коллектива входят историки из нескольких академических центров Польши, Литвы, Беларуси и Украины. Работа ведется под руководством Веслава Цабана.

Тема функционирования русской администрации в Царстве Польском и в северо-западных и юго-западных губерниях — доминирующее направление в работе Станислава Веха. Научную работу, посвященную российской проблематике, он начал с изучения истории русской политической полиции в польских землях. Реализация этой задачи стала возможной благодаря проведению кропотливого и дорогостоящего поиска в российских архивах. После нескольких лет работы в архивах Москвы и Петербурга (1996–1998) С. Вех подал заявку в Комитет научных исследований Министерства науки и высшего образования Республики Польша на финансирование трехлетнего проекта «Жандармерия Царства Польского в 1866–1896 гг. Общество Царства Польского в оценке русского карательного аппарата» (1998–2000). Предоставленное Комитетом финансирование позволило осуществить проведение более масштабной работы, в результате которой впервые в польской историографии появились посвященные деятельности русской жандармерии издания источников, монографии и научные публикации. Наибольшую ценность представляет издание тайных рапортов жандармерии за 1867–1872

и 1878 гг.³³, а также дважды изданная монография, в которой представлена оценка польского общества Царства Польского второй половины XIX в. царской политической полицией³⁴. Упомянутые издания дополняются и другими исследованиями, а также изданиями источников меньшего объема и статьями, посвященными деятельности русской жандармерии³⁵.

³³ См.: Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu Żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878 / Oprac. S. Wiech, W. Caban. Kielce, 1999.

³⁴ См.: *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2002 (Wydanie 2. Kielce, 2010).

³⁵ См.: *Wiech S.* Raport naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii gen. Płatona Fredericksa z 1867 r. o stanie politycznym Królestwa Polskiego // *Czasy Nowożytnie*. 1997. T. 3. S. 151–164; *Idem.* Raport naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii o sytuacji politycznej Królestwa Polskiego w 1868 r. // *Przegląd Historyczny*. 1998. T. 89. Z. 1. S. 87–107; *Idem.* Projekt organizacji rosyjskich służb agenturalnych w Królestwie Polskim w 1897 r. skierowanych do walki z polskim ruchem narodowym i robotniczym // *Przegląd Historyczny*. 1998. T. 89. Z. 4. S. 589–605; *Idem.* Walka o wpływ na tajną policję i agenturę Królestwa Polskiego w latach 1866–1900 // *Kwartalnik Historyczny*. 1999. T. 106. № 2. S. 15–31; *Idem.* Rola i udział żandarmerii w walce z Kościołem rzymskokatolickim w Królestwie Polskim w latach 1864–1905 // *Kwartalnik Historyczny*. 2000. T. 107. № 1. S. 25–61; *Idem.* Służba Polaków w żandarmerii Królestwa Polskiego w latach 1815–1896 // *Księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Sławomirowi Kalembe w sześćdziesięciopięciolatecie urodzin* / Red. Z. Karpus, N. Kasperek, L. Kuk, J. Sobczak. Toruń; Olsztyn, 2001. S. 161–170; *Idem.* Ludność żydowska Królestwa Polskiego w świetle raportów żandarmerii (1866–1896) // *Ortodoksja. Emancypacja. Asymilacja. Studia z dziejów ludności żydowskiej na ziemiach polskich w okresie rozbiorów* / Red. K. Zieliński, M. Adamczyk-Garbowska. Lublin, 2003. S. 119–140; *Idem.* Arystokracja Królestwa Polskiego w świetle ocen carskiej policji politycznej (1864–1914) // *Dwór-wieś-plebania na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Profesorowi Mieczysławowi B. Markowskiemu w trzydziestolecie pracy naukowej* / Red. W. Caban, R. Renz, M. Przeniosło, J. Gapys. Kielce, 2003. S. 35–42; *Idem.* Władze carskie wobec przemian społeczno-gospodarczych wsi Królestwa Polskiego w dobie powłaszczeniowej (1864–1914) // *Studia Ekonomiczno-Społeczne*. 2004. T. 5. S. 91–108; *Idem.* Organizacja, działalność i walka żandarmerii o miejsce w strukturze władz Królestwa Polskiego po upadku powstania styczniowego (1864–1900) // *Rosja i Europa Wschodnia: “imperiolgia” stosowana* / Red. A. Nowak. Kraków, 2006. S. 281–305; *Вех С.* Публикация

Изучение истории русской жандармерии стало для С. Веха отправной точкой для следующего этапа исследований, а именно присутствия, позиции и влияния русских (главным образом чиновничьего корпуса) в Царстве Польском. Опубликованные по данной теме статьи, в которых дается анализ функционирования русской администрации в Царстве Польском, значительным образом расширили понимание роли русских в качестве исполнителей и вдохновителей внутренней политики Российской империи³⁶.

и познавательная ценность источников военного и полицейского происхождения в изучении истории польских земель в составе Российской империи во второй половине XIX века // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше / Ред. Н.А. Макаров. М., 2011. С. 93–107.

³⁶ См.: *Wiech S.* Rosyjski korpus administracyjny w dziele likwidacji odrębności Królestwa Polskiego (1866–1896). Ogląd w świetle materiałów żandarmerii // *Między Odrą i Dnieprem. Wyznania i narody* / Red. T. Stegner. Gdańsk, 2000. Cz. 2. S. 33–81; *Idem.* Lustracje urzędników administracji państwowej Królestwa Polskiego w latach 1866–1873 // *Między irredentą a kolaboracją. Polacy w czasie zaborów wobec obcych władz i systemów politycznych* / Red. S. Kalembka, N. Kasparek. Olsztyn, 2001. S. 77–96; *Wiech S., Caban W.* Misja polityczna W.G. Smorodinowa w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX i na początku XX w. // *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały* / Red. A. Szwarc, P. Wieczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 211–225; *Wiech S.* Notatka Aleksandra Koszelowa o sprawach Królestwa Polskiego z 1866 r. // *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały* / Red. A. Szwarc, P. Wieczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 191–209; *Idem.* Administracja rosyjska Królestwa Polskiego wobec wizyty cesarza Franciszka Józefa w Krakowie w 1880 r. // *Kwartalnik Historyczny*. 2005. T. 112. № 4. S. 47–72; *Idem.* Rosyjski personel urzędniczy w Kielcach w II połowie XIX wieku // *Kielczanie w życiu miasta i regionu w XIX i XX wieku* / Red. U. Oettingen. Kielce, 2006. S. 61–79; *Vex C.* Русские в провинции и в столице Королевства Польского во второй половине XIX века // *Столица и провинция в истории России и Польши. К пятидесятилетию соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук* / Ред. Н.А. Макаров. М., 2008. S. 149–175; *Wiech S.* Napływ, obecność i znaczenie Rosjan w administracji Królestwa Polskiego w drugiej połowie XIX // *Wiśnik Ługanського національного університету імені Тараса Шевченка*. 2012. № 21. Ч. 2. С. 165–185; *Vex C.* Русские в Царстве Польском во

В работе С. Веха по истории русской бюрократии в Царстве Польском можно выделить несколько вопросов, которые более подробно изучались автором. Они связаны главным образом с отношением российских властей к национальным восстаниям³⁷, политическим ссыльным³⁸ и католической

второй половине XIX в. и начале XX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 198–215; *Wiech S.* Między pragmatyzmem a serwilizmem. Charakterystyka postaw i zachowań urzędników Królestwa Polskiego po upadku powstania styczniowego w ocenie carskiej policji politycznej // *Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego w latach niewoli — «W obcym mundurze»* / Red. L. Michalska-Bracha, M. Korybut-Marciniak. Warszawa, 2013. S. 199–210.

³⁷ *Wiech S.* Motyw powstania styczniowego w raportach żandarmerii Królestwa Polskiego (1866–1896) // *Epilog styczniowej insurekcji 1863 roku* / Red. E. Niebelski. Lublin, 2006. S. 97–113; *Idem.* Echa powstania listopadowego w raportach naczelnika III Oddziału Własnej Jego Cesarzowskiej Mości Kancelarii generała Aleksandra Benkendorfa // *Na szlakach powstania listopadowego* / Red. N. Kasperek, A. Szymt. Olsztyn, 2014. S. 157–176; *Vex C.* Католическое духовенство и Январское восстание в глазах и документах жандармерии Царства Польского // *К 150-летию Январского восстания в Польше: Польские ссыльные в Новгородской губернии: Сб. материалов международной научной конференции. Великий Новгород, 2013. С. 29–43; Он же.* Январское восстание 1863 г. в воспоминаниях петроковского губернатора К.К. Миллера // *Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши* / Ред. Н.А. Макаров. М., 2014. С. 81–95; *Wiech S.* “O wojnę powszechną... prosimy Cię Panie”. Żandarmeria rosyjska wobec groźby wybuchu wojny europejskiej // *Społeczeństwo polskie w dobie I wojny światowej i wojny polsko-bolszewickiej* / Red. R. Kołodziejczyk. Kielce, 2001. S. 73–88.

³⁸ *Wiech S.* Sybiracy w administracji Królestwa Polskiego w pierwszym dziesięcioleciu po upadku powstania styczniowego // *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku* / Red. A. Kuczyński. Wrocław, 2007. S. 9–28; *Idem.* Władze Królestwa Polskiego wobec byłych zesłańców i emigrantów-uczestników powstania styczniowego (1863–1883) // *Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej* / Red. E. Niebelski. Lublin; Warszawa, 2008. S. 223–248; *Vex C., Легеч Я.* Проблема переселений крестьян Царства Польского в Сибирь во второй половине XIX — начале XX века // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. научных трудов. Омск, 2012. Ч. I. С. 387–392; Они же.* Поляки в Тюмени в конце XIX века и празднование ими сотой годовщины рождения Адама Мицкевича в свете

церкви, в том числе к униатскому населению³⁹.

Исследовательская работа вышла за рамки темы русской бюрократии, и ее результатом стало подробное изучение института генерал-губернаторства в России и в Царстве Польском⁴⁰. Среди опубликованных исторических источников, касающихся русско-польских отношений в XIX в. наиболее ценной представляется публикация двуязычного русско-польского издания двух рапортов

писем Ю. Краевского // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23–26 апреля 2014 г.) / Ред. Т.Н. Золотова, В.В. Слабодцкая, Н.А. Томилова. Омск, 2014. Ч. 2. С. 5–14; *Вех С.* Ссылка участников Январского восстания в свете воспоминаний Василия Берви-Флеровского. Омск, 2015 (в печати).

³⁹ *Wiech S.* Walka o dusze czy o narodowość? Polityka rosyjska wobec Kościoła greckokatolickiego w Królestwie Polskim w latach 1864–1905 // *Nasza Przeszłość*. 1999. T. 92. S. 267–309; *Idem.* Stosunek władz rosyjskich do duchowieństwa rzymskokatolickiego w Królestwie Polskim w latach 1864–1905 // *Almanach Historyczny. Kościół w życiu narodu i państwa polskiego. Prace ofiarowane Księdzu Profesorowi Danielowi Olszewskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Kielce, 2004. T. 6. S. 129–152; *Idem.* Pod naporem prawosławia. Z dziejów oporu unitów w Królestwie Polskim i na zesłaniu // *Kwartalnik Historyczny*. 2010. T. 117. № 3. S. 5–50; *Idem.* Kwestia Kościoła greckokatolickiego w polityce władz rosyjskich po upadku powstania styczniowego // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary*. 44 spojrzenia / Red. A. Nowak. Warszawa, 2010. S. 238–253.

⁴⁰ *Wiech S.* Urząd generał-gubernatora w Rosji i w Królestwie Polskim // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2007. T. 59. Z. 1. S. 51–86; *Idem.* Warszawscy generał-gubernatorzy w systemie zarządzania Królestwem Polskim // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich* / Red. A. Górak, I. Łuć, D. Magier. Lublin; Siedlce, 2008. T. I. S. 283–315; *Idem.* Epoka reakcji i “pieriedyszki”. Wileńscy generałowie-gubernatorzy wobec problemu polskiej własności ziemskiej w latach 1864–1884 // *Kwartalnik Historyczny*. 2008. T. 115. № 2. S. 53–98; *Idem.* Memoriały generałów-gubernatorów jako źródło historyczne. Uwagi na temat funkcjonowania kancelarii generałów-gubernatorów, wartości poznawczej dokumentów oraz edycji źródeł // *Teoria i praktyka edytorstwa źródeł XIX wieku* / Red. J. Sikorska-Kulesza. Warszawa, 2015 (в печати); *Idem.* Uwagi na temat funkcjonowania Kancelarii Warszawskiego Generała-Gubernatora u schyłku XIX i na początku XX wieku // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. T. VI / Red. A. Górak. Lublin, 2015 (в печати).

варшавских генерал-губернаторов — П.П. Альбединского и П.А. Шувалова⁴¹. Это своего рода продолжение изданных в 1898 г. в Лондоне воспоминаний Александра Имеретинского⁴²; надо сказать, что впервые за сто десять лет польские историки подготовили научное издание политических рапортов правителей Царства Польского.

Подготовленные С. Вехом многочисленные научные статьи⁴³ и упомянутое издание источника легли в основу написания биографии одного из наиболее либеральных русских сановников в Царстве Польском — П.П. Альбединского. Книга вышла под названием: «*Dyktatura serca*» na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego. Dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedynskiego (1826–1883)» («Диктатура сердца» на западных рубежах Российской империи. История карьеры военного и чиновника Петра Павловича Альбединского (1826–1883)»⁴⁴. Основу источниковой базы опубликованной С. Вехом

⁴¹ См.: *Warszawscy generałowie-gubernatorzy o sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego. Raporty Albiedynskiego i Szuwałowa z lat 1881 i 1896* / Oprac. S. Wiech. Kielce, 2007.

⁴² См.: *Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich. Memoriał ks. Imeretyńskiego. Protokoły Komitetu Ministrów. Nota Kancelarii Komitetu Ministrów*. Londyn, 1898.

⁴³ См.: *Wiech S. Rządy warszawskiego generała-gubernatora Piotra Albiedynskiego-lata nadziei, lata złudzeń // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały / Red. A. Szwarz, P. Wieczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 83–114; Idem. Raport warszawskiego generała-gubernatora Piotra Albiedynskiego z 7 I 1881 r. — nieudana próba przeprowadzenia w Królestwie Polskim reform społeczno-politycznych // Ku niepodległej. Ścieżki polskie i francuskie 1795–1918 / Red. M. Willaume. Lublin, 2005. S. 289–302; Idem. Memoriał wileńskiego generała-gubernatora z 9/21 grudnia 1879 roku w sprawie zniesienia kontrybucji (podatku procentowego) nałożonej na ziemiaństwo polskie // *Respectus Philologicus*. 2007. № 12 (17). S. 186–199; Idem. Miejsce polskich pedagogów w guberniach zabranych w pierwszej połowie XIX w. na przykładzie Aleksandra Mickiewicza (1801–1871) // *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* / Red. L. Zasztowt. Warszawa, 2013. S. 401–420.*

⁴⁴ См.: *Wiech S. “Dyktatura serca” na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego. Dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedynskiego (1826–1883)*. Kielce, 2010.

в 2010 г. монографии, посвященной П.П. Альбединскому, который занимал должность генерал-губернатора поочередно в Прибалтийском крае, Северо-западном крае и в Царстве Польском, составляют материалы, собранные в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Риги, Вильнюса и Варшавы. Публикация биографии Альбединского открывает в польской историографии новое исследовательское направление, поскольку является первой биографией, посвященной высшему представителю царской власти на западных рубежах Российской империи, и до сих пор является единственной биографией нетипичного представителя русской бюрократии со времен правления Николая I, Александра II и Александра III, занимавшего высшую должность в Царстве Польском.

Опыт и обширные знания С. Веха в области польско-российских отношений в XIX в. оказались крайне полезны при работе в качестве редактора над коллективным сборником, посвященным революции 1905 г. в Царстве Польском и в России⁴⁵, а также при написании разделов, посвященных политической истории Царства Польского и северо-западных и юго-западных губерний в 1831–1914 гг., в многотомном издании по истории Польши, инициатором которого выступил Музей истории Польши в Варшаве⁴⁶. Стоит подчеркнуть, что среди публикаций С. Веха, касающихся польско-российских отношений в XIX в., наряду с монографией и научными публикациями значительное место занимают рецензии⁴⁷, а так-

⁴⁵ См.: *Rewolucja 1905–1907 w Królestwie Polskim i w Rosji* / Red. M. Przeniosło, S. Wiech. Kielce, 2005.

⁴⁶ См.: *Wiech S. Królestwo i ziemie zabrane 1831–1855 // Historie Polski w XIX wieku* / Red. A. Nowak. T. 2. Historie polityczne. Cz. 1. Warszawa, 2013. S. 151–215; *Idem. Królestwo i zabór rosyjski w latach 1856–1914 // Historie Polski w XIX wieku* / Red. A. Nowak. T. 3. Historie polityczne. Cz. 2. Warszawa, 2013. S. 7–260.

⁴⁷ См.: *Wiech S. Egidijus Aleksadravičius, Antanas Kulakauskas. Pod władzą carów. Litwa w XIX wieku, przełożyła Beata Kałęba, Kraków 2003 // Almanach Historyczny. T. 7. Kielce, 2005. S. 267–272; Idem. Wiktoria Śliwowska. Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005 // Almanach Historyczny. 2006. T. 8. S. 215–217; Idem. Cenne studium o historii ustroju społeczno-politycznego Rosji w XIX i na początku XX wieku. Uwagi w związku z książką Andrieja Siergiejewicza Minakowa «Gubernatorskij korpus i*

же переводы как статей российских историков, так и источников на русском языке⁴⁸.

В последние годы С. Вех совместно с Яцеком Легечем ведет активный поиск в архивах и библиотеках с целью систематизации знаний об источниках мемуарного характера на русском языке, касающихся Царства Польского. Необходим сбор, оценка и доступность такого рода крайне ценных, а иногда и новаторских по своему характеру источников, поскольку в польских исторических работах русская мемуаристика используется достаточно редко. В 2012 г. была начата реализация исследовательского гранта «Царство Польское и его жители в свете русских воспоминаний, записок, отчетов и дневников. Библиографический свод», финансируемого Государственным центром науки Республики Польша, который продолжает традицию российской историографии, а точнее, российского историка П.А. Зайончковского, под редакцией которого на протяжении тринадцать лет выходили сборники дневников и воспоминаний, касающихся истории

cientalnaja Włost: problema wzaimootnoszenij (po materiałom gubernij Czernoziemnego centra wtorej połowiny XIX — naczała XX ww.)). Orzeł, 2011 // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. T. 63, 2011. Z. 2. S. 425–433; *Idem*. Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und Kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) / Hg. Karsten Brüggemann i Bradley D. Woodworth; Wien; Köln; Weimar, 2012. Böhlau Verlag. *Quellen und Studien zur baltischen Geschichte*. Bd. 22. // *Kwartalnik Historyczny*. 2014. T. 121. № 3. S. 642–648; *Cedro K., Wiech S.* Eugeniusz Niebelski, Tunka. Syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku. Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. Wrocław, 2011 // *Kwartalnik Historyczny*. 2014. T. 121. № 4. S. 941–946.

⁴⁸ См.: *Dworieckaja T.A.* Biskup Adam Stanisław Krasiński na zesłaniu w Wiatce // *Almanach Historyczny*. 2001. T. 3. Kielce. S. 109–121 (перевод С. Веха); *Zacharowa A.J.* Wkład naukowy Siergieja W. Jastriemskiego — zesłańca politycznego z lat 1886–1896 w poznanie języka i folkloru Jakutów // *Almanach Historyczny*. 2001. T. 3. Kielce. S. 123–133 (перевод С. Веха); *Wiech S.* Notatka Aleksandra Koszelowa o sprawach Królestwa Polskiego z 1866 r. // *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały* / Red. A. Szwarz, P. Wiczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 191–209; *Warszawscy generałowie-gubernatorzy o sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego. Raporty Albiedynskiego i Szuwałowa z lat 1881 i 1896* / Oprac. S. Wiech. Kielce, 2007.

дореволюционной России⁴⁹. В настоящее время реализуемый под руководством С. Веха исследовательский проект уже завершен, опубликованный библиографический справочник содержит описание около двухсот дневников, воспоминаний и мемуаров на русском языке, значительную часть которых составляют рукописи, обнаруженные в российских библиотеках и архивах⁵⁰.

Новым исследованием, инициированным С. Вехом, является трехлетний научный проект (2015–2018), финансируемый упомянутым Государственным центром науки, под названием «Деполонизация захваченных территорий (1864–1914). Концепции — механизм принятия решений — реализация». Цель начатой совместно с Е. Легечем научной работы состоит в сборе, описании, систематизации наиболее важных архивных материалов, которые доступны в российских, литовских и украинских архивах и библиотеках и которые дают представление о том, как складывалась судьба поляков в западных губерниях, начиная с Январского восстания и вплоть до окончания Первой мировой войны. На заключительном этапе проекта предусматривается публикация наиболее ценных архивных документов по истории западных губерний, что позволит ввести в научный оборот новые источники.

С. Вех планирует в дальнейшем в рамках изучения польско-российских отношений в XIX в. работу над биографией генерал-фельдмаршала И.В. Гурко, занимавшего в 1883–1891 гг. должность варшавского генерал-губернатора, а также публикацию нескольких рукописных мемуаров на русском языке и издание архивных источников, документирующих деятельность русской администрации в западных губерниях Российской империи, в особенности воспоминаний виленского и киевского генерал-губернаторов.

В рамках третьего направления, связанного с русификацией польской системы образования в Царстве Польском,

⁴⁹ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1–5. М., 1976–1989.

⁵⁰ См.: *Wiech S., Legiec J. Królestwo Polskie i jego mieszkańcy w świetle rosyjskich wspomnień, pamiątek, relacji i dzienników. Zbiór bibliograficzny.* Kielce, 2015.

появились работы, посвященные образовательной политике российских властей, истории образования и роли русских учителей. Инициатором этого направления выступил Адам Массальский. Впервые тема образовательной политики царских властей появилась в его докторской диссертации, посвященной истории среднего образования в Кельце⁵¹, а затем в расширенной версии в работе, посвященной истории средних школ в период между Ноябрьским и Январским восстаниями⁵². В двух последующих публикациях А. Массальский оговаривает неизвестные вопросы, связанные с образовательной политикой Петербурга в отношении школьного образования в контексте той роли, какую играли русские учителя, а также директора средних школ, которые либо были русскими, либо занимали исключительно лояльную позицию по отношению к Петербургу⁵³. Этой проблематике посвящены отдельные статьи и работы⁵⁴.

Проблематикой, связанная с российской образовательной политикой в Царстве Польском, занимается также Эва

⁵¹ См.: *Massalski A.* Szkolnictwo średnie Kielc do roku 1862. Kielce, 1983. S. 302.

⁵² См.: *Massalski A.* Szkoły średnie rządowe męskie na ziemi kielecko-radomskiej w latach 1833–1862. Kielce, 2001.

⁵³ См.: *Massalski A.* Zwierzchnicy rządowych szkół średnich w Królestwie Polskim w latach 1833–1862. Kielce, 2004; *Idem.* Nauczyciele szkół średnich rządowych męskich w Królestwie Polskim 1833–1862. Warszawa, 2007.

⁵⁴ См.: *Massalski A.* Nauczyciele szkół średnich rządowych Królestwa Polskiego (1833–1862). Próba wstępnej charakterystyki społeczności // *Acta Universitatis Wratislaviensis.* № 1736. Prace Pedagogiczne. T. 107. Wrocław, 1995. S. 27–58; *Idem.* Nauczyciele szkół średnich w okresie międzypowstaniowym w miasteczkach Królestwa Polskiego // *Miasteczka polskie w XIX i XX wieku. Z dziejów formowania się społeczności / Red. R. Kołodziejczyk.* Kielce, 1992. S. 265–279; *Idem.* Nauczyciele szkoły powiatowej w Sandomierzu w latach 1833–1862 // *Notatnik Sandomierski.* Sandomierz, 1993. № 5. S. 13–22; *Idem.* Dyrektorzy szkół średnich w Królestwie Polskim w latach 1833–1862. Szkic historyczno- społeczny // *Kieleckie Studia Pedagogiczne i Psychologiczne.* Kielce, 1996. T. 11. S. 125–151; *Idem.* Tajny raport Pawła Muchanowa dla ministra A.S. Norowa z r. 1856. Przyczynek do dziejów oświaty polskiej w okresie międzypowstaniowym // *Przegląd Historyczny,* 1998. T. 89. Z. 3. S. 407–425.

Куля⁵⁵. В 2012 г. вышла ее монография, цель которой — представить образ учителя средней школы в Царстве Польском⁵⁶. Эта работа подводит итог ее многолетним исследованиям⁵⁷.

Важную роль в проведении политики русификации в Царстве Польском после Ноябрьского восстания сыграл Совет народного просвещения, который был создан в результате школьной реформы в Царстве Польском 1833 г. и который контролировал все учебные заведения Царства Польского. Эва Куля и Адам Массальский опубликовали в двух томах протоколы заседаний Совета народного просвещения за период с 1845 по 1850 г. Публикация этих источников, несомненно, будет способствовать изучению политики русификации в Царстве Польском. До сих пор историки, занимающиеся вопросами образования, имели ограниченные исследовательские возможности, поскольку основные источники были уничтожены во время Второй мировой войны. К счастью, определенная группа источников сохранилась в петербургских архивах и благодаря гранту Государственного центра

⁵⁵ Эва Куля получила степень кандидата исторических наук, а докторскую защитила по педагогике.

⁵⁶ См.: *Kula E. Opera et studio. Wizerunek nauczycieli rządowych szkół średnich w Królestwie Polskim w latach 1862–1873*. Kielce, 2012.

⁵⁷ Э. Куля посвятила этой проблематике и другие публикации. См.: *Kula E. Zwierzchnicy gimnazjum męskiego w Kielcach w okresie przejściowym 1864–1873* // *Studia Pedagogiczne Akademii Świętokrzyskiej*. Kielce, 2003. Т. 14. S. 137–148; *Idem. Główny Instytut Pedagogiczny w Sankt Petersburgu (1828–1859) i jego rola w kształceniu nauczycieli dla szkół Królestwa Polskiego* // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2010. Т. 47. S. 25–71; *Idem. Wychowankowie prawosławnych akademii duchownych uczący w szkołach średnich w Królestwie Polskim w okresie przejściowym* // *Człowiek-Idea-Dzieło. Prace dedykowane Pani Profesor Stefanii Walasek* / Red. B. Jędrzychowska. Wrocław, 2013. S. 67–82; *Idem. Polityka kadrowa wobec nauczycieli gimnazjalnych w Królestwie Polskim w okresie przejściowym (na przykładzie gimnazjum w Radomiu)* // *Szkice z dziejów radomskiej oświaty* / Red. A. Duszyka, K. Latawca. Radom, 2014. S. 133–148; *Idem. Nauczyciele Rosjanie w szkołach średnich Królestwa Polskiego w okresie przejściowym (1864–1873)* // *Pedagogika* / Red. K. Rędzińskiego, M. Łapota. Częstochowa, 2014. Т. XXIII. S. 609–622; *Idem. Hrabia Dmitrij Andriejewicz Tołstoj (1823–1889) i jego reformatorska działalność oświatowa* // *Pedagogika* / Red. K. Rędziński, M. Łapota. Częstochowa, 2014. Т. 22. S. 443–455.

науки Э. Куле и А. Массальскому удалось с ними ознакомиться и подготовить двухтомное издание⁵⁸.

Проблематика политики русификации в области образования на протяжении XIX в. появляется в работах Веслава Цабана⁵⁹, Барбары Шабат⁶⁰ и Малгожаты Чапской⁶¹.

Перевод М.А. Крисань

⁵⁸ См.: Rada Wychowania Publicznego w Królestwie Polskim w latach 1845–1850. Protokoły posiedzeń. Т. 1. Lata 1845 i 1846. Wybór i oprac. E. Kula, A. Massalski. Łódź; Kielce, 2014; Rada Wychowania Publicznego w Królestwie Polskim w latach 1845–1850. Protokoły posiedzeń. Т. II. Lata 1848–1850 / Wybór i oprac. E. Kula, A. Massalski. Łódź; Kielce, 2015.

⁵⁹ См.: Caban W. Szkolnictwo elementarne na ziemi kielecko-radomskiej (1809–1862). Kielce, 1983; *Idem*. Русские учителя в Королевстве Польском в XIX — начала XX века (столица-провинция) // Столица и провинция в истории России и Польши / Сост. Б. Носов. М., 2008. С. 198–211; Smorodinow W.G. Moja służba w Warszawskim Okręgu Naukowym i zdarzenia ze szkolnego życia. Wspomnienia pedagoga / Oprac. W. Caban, B. Drozdowska. Kielce, 2003.

⁶⁰ См.: Szabat B. Szkolnictwo początkowe Kielc i powiatu kieleckiego w latach 1864–1915. Kielce, 1983; *Idem*. Walka o szkołę polską w okresie rewolucji 1905–1907 w guberni kieleckiej. Kielce, 2001.

⁶¹ См.: Czapska M. Prywatne szkoły średnie w Królestwie Polskim w latach 1831–1862. Kielce, 2002.

Российская проблематика в исследованиях историков гданьской научной школы во второй половине XX — начале XXI века¹

Исследования ученых г. Гданьска по истории России, по русской филологии и русистике, в области других гуманитарных наук после Второй мировой войны, несмотря на давние, заложенные в эпоху Нового времени, университетские и историографические традиции², не получили продолжения на уровне как учреждений, так и отдельных исследователей. Политические переломные моменты мировой истории слишком отчетливо отразились в судьбе города и его общества³. Поэтому в настоящей статье мы обратимся лишь к послевоенному периоду, начиная с 1960-х годов, так как с этого момента в существующей с 1946 г. Высшей педагогической школе (ВПШ) возрождается научная жизнь, происходит полная профессионализация и численный рост ее кадров историков, собранных на гуманитарном факультете. Между тем это не означает, что в других научных центрах, как, например, в Отделе истории Гданьска Института истории Польской академии наук, не появлялись публикации, в которых эта проблематика была бы затронута, однако она не составляла четко выделенного исследовательского направления.

Рассмотрение деятельности представителей гуманитарных наук ВПШ, а затем Гданьского университета, вытекает из

¹ Текст статьи на польском языке см.: *Opacki Z.* Problematyka rosyjska w badaniach historyków gdańskiego środowiska naukowego w drugiej połowie XX i początkach XXI wieku // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. Rok 13 (2015). Z. 1. S. 115–126.

² См.: *Kubik K., Mokrzejcki L.* Trzy wieki nauki gdańskiej. Szkice z dziejów od XVI do XVIII w. Wrocław, 1976. S. 31–57.

³ См.: *Loeve P.O.* *Gdańsk*. Biografia miasta. Gdańsk, 2013. S. 229–241.

того, что в этом институте были и остаются сконцентрированы исторические исследования по российской проблематике. Это было бы невозможно без помощи ученых из близлежащего Университета им. Николая Коперника в Торуни, прежде всего профессора Витольда Лукашевича. Организатор науки и исследователь истории XIX в. на проводимом им докторантском семинаре⁴ выдвинул ряд ученых, которые в последующие десятилетия составили костяк исторических кафедр, а затем Института истории возникшего в 1970 г. Гданьского университета. Это Роман Вапиньский, защитившийся в 1961 г., Богуслав Циглер, Геновефа Курписова, Станислав Микос — в 1962 г., Флориан Стасик — в 1964 г. Влияние В. Лукашевича проявилось также в области тематики исследований XIX в., поскольку в Институте истории Гданьского университета сформировалась группа ученых, занимающихся главным образом проблематикой «Великой эмиграции»⁵.

Среди его гданьских учеников только Геновефа Курписова (1932–1999), выпускница Исторического факультета Педагогического института им. А.И. Герцена в Ленинграде⁶, обратилась к теме отношений представителей «Великой эмиграции» с российскими политическими эмигрантами в XIX в. Результатом ее исследований стала докторская диссертация под названием «Александр Герцен и польская эмиграция в 1847–1870 гг.», опубликованная в 1964 г. Она была высоко оценена профессором Людвиком Базылёвом, рецензентом

⁴ Европейская, в том числе и польская, система научной квалификации отличается от российской. Докторант соответствует российскому аспиранту, докторская диссертация — российской кандидатской, хабилитационная работа — российской докторской диссертации. — *Прим. перев.*

⁵ *Wapiński R.* Gdańskie środowisko historyczne // *Kwartalnik Historyczny*. 1965. № 3. S. 747–750; *Cyglar B.* Prof. Witold Łukaszewicz (1911–1975) // *Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Historia*. № 6. Gdańsk, 1976. S. 145.

⁶ См.: *Archiwum Uniwersytetu Gdańskiego. Teczka dokumentacji przevodu doktorskiego Genowefy Kurpis. Życiorys* (Архив Гданьского университета. Дело о получении докторской степени Геновефой Курписовой. Биография); *Śliwowska W., Śliwowski R.* *Rosja nasza miłość*. Warszawa, 2008. S. 117.

диссертационной работы⁷. Упомянутая публикация в отношении источниковой базы и использованных архивных материалов не утратила своей актуальности и в настоящее время. В ученом багаже Курписовой она представляет важнейшее научное достижение, несмотря на позднейшие исследования, посвященные декабристам, обзору истории России в первой половине XIX в., и прежде всего позиции русских славянофилов в польском вопросе. Из материалов университетского архива вытекает, что главной исследовательской проблемой, которая должна была лечь в основу хабилитационной диссертации, являлась тема славянофильства 1840-х — 1850-х годов. Курписова уделила внимание этому вопросу в статьях, опубликованных в периодическом издании Гданьского университета⁸, и сборнике исследований в честь профессора Людвика Базылёва⁹. Однако запланированная работа, для которой она собрала много источникового материала, не была опубликована. Среди ее сочинений есть ряд публикаций по истории польско-российских отношений¹⁰ и истории России¹¹. Благодаря ей

⁷ См.: Recenzja L. Bazyłowa rozprawy doktorskiej G. Kurpisowej: Arch. UG. Teczka dokumentacji przewodu doktorskiego (Рецензия Л. Базылёва на докторскую диссертацию Г. Курписовой, см.: Архив ГУ. Дело о получении докторской степени).

⁸ См.: *Kurpisowa G. Poglady Iwana Aksakowa na kwestię polską // Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Historia. № 6. Gdańsk, 1976. S. 21–38.*

⁹ См.: *Kurpisowa G. Słowianofile rosyjscy wobec kwestii polskiej // Słowiańszczyzna i dzieje powszechne. Studia ofiarowane Profesorowi Ludwikowi Bazyłowowi w siedemdziesiątą rocznicę jego urodzin / Pod red. L. Jaśkiewicza, M. Tantego, M. Wawrykowej, P. Wierzchowicza. Warszawa, 1985. S. 233–249.*

¹⁰ См.: *Kurpisowa G. Joachim Lelewel i Rosjanie // Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Gdańsk, 1967. R. 10. Ser. Historia. № 6. S. 27–48; Idem. Z zagadnień stosunku emigracji rosyjskiej do sprawy polskiej po powstaniu styczniowym // Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Historia. Gdańsk, 1965. Z. 5. S. 131–152; Idem. Społeczeństwo rosyjskie wobec powstania listopadowego // Powstanie Listopadowe 1830–1831. Dzieje wewnętrzne. Militaria. Europa wobec powstania / Pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1990. S. 525–539.*

¹¹ См.: *Kurpisowa G. Rosja od Kongresu Wiedeńskiego do Wiosny Ludów // Europa i świat w epoce restauracji, romantyzmu i rewolucji 1815–1849 / Praca zbiorowa pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1991. T. 1. S. 198–239.*

на факультете состоялась научная конференция, посвященная 150-летию восстания декабристов, но также, в соответствии с духом эпохи, 60-й годовщине Октябрьской революции¹².

Кажется, что вклад д-ра Геневефы Курписовой в развитие руссиеведческих исследований в большей степени надлежало бы связать с воспитанием ряда историков на проводимом ей докторантском семинаре¹³. Она подготовила четырех докторов наук, из которых трое продолжили исследования в структурах Института истории Гданьского университета. Они представляют второе поколение исследователей, занимающихся историей России и польско-российских отношений. В 1982 г. получили докторскую степень Францишек Новиньский, защитивший диссертацию, в которой анализировалась роль польского студенчества в жизни Петербургского университета в 1832–1884 гг. (книга вышла в свет в 1986 г.)¹⁴, и Барбара Шордыковска, написавшая работу об отношении кадетской партии к национальному вопросу в России (не опубликована). Очередными «выпускниками» семинара были защитившиеся в 1986 г. Збигнев Опацкий, автор диссертационного исследования, посвященного историософским и политическим идеям о России Генрика Каменьского (книга была напечатана в 1993 г.)¹⁵, и Анна Замек-Глищиньска, изучившая представления поляков о России и русских в 1815–1830 гг. (труд не издан).

Францишек Новиньский, в настоящее время профессор Института истории Гданьского университета, получил хабилитацию в Институте славяноведения и балканистики Академии

¹² См.: *Wapiński R.* Gdańskie środowisko historyczne // *Zapiski Historyczne*. 1977. Z. 2. S. 60. Przypis 56; *Kurpisowa G.* Geneza sojuszu. Z tradycji polsko-rosyjskiej współpracy rewolucyjnej // 60 rocznica wielkiej socjalistycznej rewolucji październikowej / *Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego*. Gdańsk, 1977. S. 17–28.

¹³ На этот факт также обращает внимание Юзеф Божишковский. См.: *Borzyszkowski J.* Historiografia gdańska — badania dotyczące XIX wieku // *Tradycje gdańskiej humanistyki* / Red. J. Borzyszkowski, C. Obracht-Prondzyński. Gdańsk, 2008. Przypis 21. S. 77.

¹⁴ См.: *Nowiński F.* Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884. Wrocław, 1986.

¹⁵ См.: *Opacki Z.* Barbaria rosyjska. Rosja w historiozofii i myśli politycznej Henryka Kamieńskiego. Gdańsk, 1993.

наук СССР в 1991 г. на основе обширной, основанной на источниках работы о польских ссыльных в Восточной Сибири в период между восстаниями 1830 и 1863 гг. В польскоязычной версии она была напечатана в 1995 г.¹⁶ Все обширное научное творчество Новиньского посвящено нескольким узловым вопросам истории России и деятельности поляков в Российской империи в XIX и XX вв. К фундаментальным относятся публикации, опирающиеся на докторскую и диссертационную диссертации, а также значительное количество меньших по объему статей и исследований, опубликованных в научных журналах и коллективных сборниках как в Польше, так и в России. Изучивший обширные архивные собрания Москвы, Ленинграда и научных центров Сибири, Новиньский принадлежит к относительно немногочисленной группе польских исследователей сибирской проблематики. Он принимает участие в польско-российских симпозиумах и научных конференциях, выступая с докладами, опирающимися на архивные материалы и опубликованные источники, а также на обширную литературу предмета.

В свою очередь, научные интересы Барбары Шордыковской развивались в направлении изучения российской политики в отношении Финляндии с конца XIX в. до начала Первой мировой войны. Результатом исследований стала диссертационная диссертация¹⁷. К сожалению, исследования этой необыкновенно интересной проблематики не были продолжены. Последним значительным достижением явилась опубликованная общая работа по истории Финляндии¹⁸.

Збигнев Опацкий, в настоящее время профессор в Институте истории, в 1996 г. защитил диссертацию, посвященную общественно-политическим взглядам Марьяна Здзеховского до 1914 г.¹⁹ Продолжением этой

¹⁶ См.: *Nowiński F.* Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995.

¹⁷ См.: *Szordykowska B.* Finlandia w polityce caratu w latach 1899–1914. Problemy rusyfikacji i unifikacji. Gdańsk, 1994.

¹⁸ См.: *Szordykowska B.* Historia Finlandii. Warszawa, 2011.

¹⁹ См.: *Opacki Z.* W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 r. Gdańsk, 1996.

исследовательской темы стала монография об интеллектуальной и политической деятельности Здзеховского в 1914–1938 гг.²⁰ Значительная часть научных трудов З. Опацкого связана с исследованием российской политической мысли XIX в. либерально-консервативного и националистического направлений, восприятия России и русских в Западной Европе в XIX в., жизни русской колонии в межвоенной Польше, с изучением польской научной среды Петербурга, польско-российских научных контактов на рубеж XIX и XX вв., как и польской политической мысли и поднятой в ней проблемы польско-русских отношений.

Новиньский и Опацкий подготовили докторов наук, которые обратились в своих диссертациях к польско-российской и российской проблематике. Из трех докторантов Новиньского²¹ один, Петр Копровский, стал сотрудником Института истории. Его диссертация о философском мировоззрении Ивана Тургенева была опубликована²². Позднейшие интересы Копровского связаны с историей Польши второй половины XX в.²³ Среди докторов наук — учеников З. Опацкого — двое занялись российской проблематикой²⁴, причем Ивона Яницка, работающая в Институте истории, издала свою работу²⁵. Ныне еще один докторант Опацкого заканчивает

²⁰ См.: *Opacki Z.* Między uniwersalizmem a partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego 1914–1938. Gdańsk, 2006.

²¹ См.: *Neja J.* Życie «polskiego» Harbina. Dzieje Polonii mandżurskiej 1897–1949. Gdańsk, 2001; *Drozdowska B.* Rosjanie w Królestwie Polskim w latach 1864–1905 w świetle źródeł relacyjnych. Gdańsk, 2001; *Koprowski P.* Między nadzieją a zwątpieniem. Zarys ewolucji światopoglądu Iwana Turgieniewa. Gdańsk, 2005.

²² См.: *Koprowski P.* W kręgu Romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgieniewa. Gdańsk, 2008; *Idem.* Pozytywista ale jaki? Światopogląd Iwana Turgieniewa w latach 1848–1883. Gdańsk, 2009.

²³ См.: *Koprowski P.* Między sacrum i profanum. Biografia intelektualna Janusza Stanisława Pasierba. Pelplin, 2015.

²⁴ См.: *Janicka I.* Kultura higieniczna Wilna w latach 1795–1915. Gdańsk, 2004; *Sempołowicz M.* Oberprokurator Najświętszego Synodu Konstantin Pobiedonoscew wobec kwestii polskiej w latach 1880–1905. Gdańsk, 2010.

²⁵ См.: *Janicka I.* Kultura higieniczna Wilna w latach 1795–1915. Gdańsk, 2009.

диссертационное исследование о научно-политической деятельности Александра Гильфердинга.

Из учеников доктора Геновефы Курписовой следует указать Ивону Сакович-Тебинку, которая под руководством Богуслава Циглера подготовила докторскую диссертацию на основе анализа политических взглядов Константина Кавелина. Она была защищена в 1997-м и опубликована в 1999 г.²⁶ Исследовательница развивала российскую проблематику в ряде менее крупных статей и диссертации, посвященной восприятию России в британской печати в эпоху Александра II²⁷.

Тадеуш Стегнер, ученик профессора Романа Вапиньского, обратился к религиозной тематике, истории протестантизма на польских землях в XIX и XX вв. Тем не менее в его научном багаже находятся публикации, частично относящиеся к области русистики²⁸. Изучение этой проблематики продолжили некоторые его научные питомцы, прежде всего Кшиштоф Левальский, занимающийся историей католической церкви в Царстве Польском в контексте ее отношений с царскими властями²⁹, и Аркадиуш Яницкий. Среди работ последнего есть монографии о польских студентах в Дерптском университете³⁰ и Рижском политехническом институте с момента его возникновения до 1918 г.³¹, а также обширная монография, посвященная существованию Курляндии в составе Российской империи в 1795–1915 гг.³²

²⁶ См.: *Sakowicz I.* Między autokracją a rewolucją. Liberalizm Konstantego Kawielina w epoce wielkich reform. Gdańsk, 1999.

²⁷ См.: *Sakowicz I.* Imperium barbarzyńców. Rosja Aleksandra II w brytyjskich opiniach prasowych. Gdańsk, 2010.

²⁸ См.: *Stegner T.* Pastorzy Królestwa Polskiego na studiach teologicznych w Dorpacie w XIX wieku. Warszawa, 1993.

²⁹ См.: *Lewalski K.* Kościół rzymskokatolicki a władze carskie w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku. Gdańsk, 2008.

³⁰ См.: *Janicki A.* Studenci polscy na uniwersytecie w Dorpacie oraz Polskie organizacje studenckie w Dorpacie // Uniwersytet w Tartu a Polacy / Pod redakcją S.G. Isakowa i J. Lewandowskiego. Lublin, 1999. S. 21–70.

³¹ См.: *Janicki A.* Studenci polscy na Politechnice Ryskiej w latach 1862–1918. T. 1. Rys historyczny. T. 2. Album Academicum Polonorum. Gdańsk, 2005.

³² См.: *Janicki A.* Kurlandia w latach 1795–1915. Z dziejów guberni i jej polskiej mniejszości. Gdańsk, 2011.

Рассматриваемая в Институте истории Гданьского университета российская и польско-российская проблематика хронологически замыкается на периоде эпохи разделов либо незначительно, применительно к истории русской эмиграции в Польше, охватывает XX в. Отсутствие исследований, касающихся других эпох, за некоторым исключением, несомненно следует отнести к недостаткам кадровой политики Института.

Этим исключением является научное творчество выдающегося медиевиста, профессора Яна Поверского (1940–1990). Поверский был воспитанником Университета им. Николая Коперника в Торуня, здесь же под руководством профессора Бронислава Влодарского получил в 1967 г. степень доктора. В 1968/69 учебном году он прошел полугодовую научную стажировку в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, в ходе которой проводил изыскания в архивах Москвы, Ленинграда и Вильнюса³³. В 1973 г. Поверский перешел в Институт истории Гданьского университета, где положил начало медиевистическим исследованиям, а также создал собственную исследовательскую школу. Его обширное научное творчество было целиком ориентировано на изучение раннего Средневековья в Поморье в контексте истории Польши и Центральной и Восточной Европы. В нем нашли подробное отражение вопросы польско-русских отношений того времени, а также исследования о балтийских племенах, прежде всего, прусах. В этих сочинениях Поверский обращался к традициям российской и советской историографии и использовал материалы русских летописей, которые стали основой некоторых детальных интерпретаций отношений Польши и Руси в период правления Болеслава Смелого³⁴. В своих работах он постоянно апеллировал к российской историографии, рецензировал текущие публикации из области медиевистики,

³³ См.: Arch. UG. Teczka przewodu habilitacyjnego Jana Powierskiego. Źyciorys J. Powierskiego 9.06.1976 r. (Архив ГУ. Диссертационное дело Яна Поверского. Биография Я. Поверского от 9.06.1976).

³⁴ См.: Śliwiński B. Gdańska mediewistyka historyczna w sześćdziesięcioleciu // Tradycje gdańskiej humanistyki. S. 55–58; Długokęcki W. Profesor Jan Powierski (1940–1990) // Komunikaty Mazursko-warmińskie. 1999. № 4. S. 688.

археологии и ономастики. К сожалению, в сфере изучения истории средневековой Руси и польско-русских отношений того периода Поверский не успел воспитать преемника, поэтому в настоящее время Институт находится в том же положении, что и сорок лет назад.

Характерной чертой многочисленного и относящегося к различным структурам научного сообщества университета является его субъективно дифференцированная аффилиация. Поэтому Институт истории или также в настоящее время Исторический факультет не обладают монополией в изучении исторической проблематики. Распыление сил имеет, разумеется, существенные последствия в организационном и профессиональном плане. По нашему убеждению, они не носят негативного характера, хотя некоторые недостатки имеют место. Хотелось бы этим подчеркнуть, что в среде политологов, историков искусства, литературоведов, философов, историков права находятся исследователи, научные интересы которых решительно выходят за узко понятые рамки перечисленных дисциплин, они обогащают своими трудами широко понимаемые исторические или культурологические знания о России.

В Институте истории искусства, входящем в структуру Исторического факультета Гданьского университета, работают ученые, обратившиеся к изучению деятельности представителей польской художественной среды в России в период XIX — начала XX в. К ним принадлежит прежде всего профессор Малгожата Омиляновска, посвятившая ряд публикаций польским архитекторам — выпускникам российских художественных и технических учебных заведений, которые реализовали свои проекты на территории России³⁵. К числу ее научных достижений относится также превосходная монография о роли Паланги как курорта в XIX — начале XX в.³⁶

³⁵ См.: *Omilanowska M. Działalność architektoniczna Marjana Lalewicza w Petersburgu // Przegląd wschodni. 1991. T. 1. Z. 1; Idem. Polscy architekci w petersburskiej Akademii Sztuk Pięknych w latach 1814–1918 // Biuletyn Historii sztuki. 2004. № 3–4; Idem. Działalność polskich architektów w Cesarstwie rosyjskim w XIX i początku XX wieku // Pinakothek. Moskwa, 2005. № 1–2 (20–21).*

³⁶ См.: *Omilanowska M. Nadbałtyckie Zakopane. Połoga w czasach Tyszkiewiczów. Warszawa; Sopot, 2011.*

Следует вспомнить также о богатом научном творчестве Мирослава Крука, который занимается проблемой идейного и художественного восприятия русского иконописного искусства «латинской» церковью на польских землях и в Европе. Этому вопросу он посвятил многочисленные статьи, а также обширную, основанную на источниках монографию³⁷.

Нужно подчеркнуть творческие достижения в области изучения «полонии» в Российской империи Анджея Ходубского из Института политологии Гданьского университета. Он выпускник Института истории того же вуза, получил докторскую степень в Бакинском университете, в столице Азербайджанской ССР, а хабилитацию защитил в 1986 г., в Институте истории Гданьского университета, защитив диссертацию о культурной деятельности поляков в Азербайджане в XIX — начале XX в.³⁸ Ходубский является одним из знатоков истории поляков на Кавказе в XIX и XX столетиях³⁹. Его труды в этой области обнаруживают значительную эволюцию от апологии советской системы (1970–1980-е годы) до ее критики после распада СССР в начале 1990-х годов. Впрочем, не один он испытал такую значительную переориентацию взглядов.

Со строго исторической проблематикой связаны исследования, реализованные в Институте восточнославянской и российской филологии. Часть специалистов в области литературы эпохи Серебряного века направили свои усилия на изучение явлений, находящихся на грани литературной и религиозной жизни, углубляя знание этой эпохи, необыкновенно богатой культурными формами и течениями. Со временем была выработана организационная форма отдела, названного Лабораторией не dogматической духовности, который объединил ученых из Института восточнославянской филологии, прежде всего Эльжбету

³⁷ См.: *Kruk M.P. Ikony — obrazy w świątyniach rzymsko-katolickich w dawnej Rzeczypospolitej*. Kraków, 2011.

³⁸ См.: *Chodubski A. Aktywność kulturalna Polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku*. Gdańsk, 1986.

³⁹ См.: *Chodubski A. Witold Zglenicki. Polski Nobel 1850–1904*. Płock, 1984; *Polacy w Armenii w XIX i na początku XX w.* Kraków, 1988; *Polacy w Azerbejdżanie*. Toruń, 2004.

Бернат — вдохновительницу исследований, Францишека Апановича, Катажину Арцишевскую, Ирену Фиалковскую-Яняк, Диану Оболенскую, Монику Жечицкую, а также их коллег с филологического факультета и исследователей за пределами Гданьска, из России, Европы и США.

Сосредоточившись на избранных аспектах российской духовной культуры, Лаборатория вносит существенный вклад в ее познание. При этом не отходят на второй план проблемы из области менталитета, идейных и культурных течений. В данном отношении заслуживают внимания труды упомянутых Францишека Апановича и Ирены Фиалковской-Яняк. С работами профессора Фиалковской связана издательская серия, реализованная совместно с Иерусалимским университетом, которая посвящена русско-польско-еврейским связям в истории, культуре и литературе.

В заключение необходимо упомянуть об общих организационно-научных начинаниях историко-филологического сообщества, прежде всего о большой Международной конференции, устроенной по случаю 300-летия образования Санкт-Петербурга⁴⁰, а также об инициированном и существующем на протяжении семи лет направлении подготовки студентов по специальности «россиеведение».

Таким образом, в сфере непосредственно исторических исследований успехи русистики значительны, хотя в большой степени усилия ученых сконцентрированы на изучении XIX в. с незначительными экскурсами в Средневековье, зато в области культуроведческих изысканий несомненны научные достижения исследователей-филологов, занимающихся эпохой Серебряного века.

Перевод О.С. Каштановой

⁴⁰ См.: Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechnej / Praca zb. pod red. F. Apanowicza i Z. Opackiego. Gdańsk, 2006.

История евреев в Польше и России в исторических исследованиях (до 1939 г.). К вопросу о взаимовлиянии национальных историографических школ

Сегодня недостаточно внимания уделяется вопросам взаимосвязи историографий разных государств. Компаративистские исследования в этой области если и появляются, то касаются чаще всего лишь пространства крупных повествований (метанарраций), и посвящены они магистральным исследовательским направлениям¹. Вне круга интересов часто остаются историографии, касающиеся меньшинств — национальных или этнических. Это особенно остро ощущается в случае, когда речь идет об историографии, созданной в еврейском сообществе. Даниэль Гринберг придает ей особую роль и значение, считая, что в Польше межвоенного периода (1918–1939 гг.) ни одна из проживавших в стране национальных или этнических общественных групп не создала такой интересной и высококачественной историографии, как еврейское сообщество².

Сложно однозначно отделить друг от друга еврейскую историографию в Польше и в России, особенно до 1917 г. По нашему мнению, судьбы авторов, писавших между 1918 и 1839 гг. и представлявших собой своеобразную интеллектуальную среду, которую Гринберг назвал феноменом еврейской историографии II Речи Посполитой, нужно проследивать, заглядывая в прошлое³. В этом случае Керстин Армборст-Вайс не имела трудностей с выбором определе-

¹ Примером является работа Мацея Гурного: *Górny M. Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej*. Warszawa, 2007.

² См.: *Grinberg D. Fenomen historiografii żydowskiej w II Rzeczpospolitej // Studia Judaica*. 1998. № 1. S. 27.

³ *Ibid.* S. 23.

ний, когда включала в историографию польских евреев работы и творческое наследие Меира Балабана, Моше Шора и Игнация Шипера⁴. Ее работа является до сих пор единственной попыткой определить взаимоотношения галицийских историков-евреев с российскими общественными группами во главе с Шимоном Дубновым.

Это направление исследований является, по нашему убеждению, существенным с двух точек зрения: *во-первых*, оно позволяет точно реконструировать генезис заинтересованности еврейских интеллектуалов межвоенного периода в профессиональном изучении истории польских евреев; *во-вторых*, оно указывает на еще один элемент интеллектуальных связей и взаимного обмена идеями между Россией и польскими землями. Своеобразным индикатором такого обмена может стать еврейское сообщество.

Представляется, что развитие такого идейного обмена служит превосходным примером, дающим возможность проследить как процесс создания еврейской идентичности в этой части Европы, так и процессы диффузии направлений национальных историографий. Особый интерес вызывает процесс возникновения зависимости еврейской историографии от главных течений историографического повествования в Польше и в России и ее эволюция, согласующаяся или не согласующаяся с тенденциями исторической политики, проводившейся в обеих странах. Таким образом, в данном случае можно также исследовать, насколько сильны были национальные историографические школы Польши и России и насколько сильно они повлияли на развитие исторических повествований, в известной степени зависимых от национальных меньшинств.

Эта проблема представляется очень важной хотя бы потому, что особенно американские авторы, такие как Джеффри Вайдлингер, не видят различия не только в происхождении, но и в мировоззрении еврейских историков, работавших в России и, например, в Галиции и Королевстве Польском, объединяя в одно течение различные способы мышления и

⁴ См.: *Armborst-Weihs K. Polnisch-judische Historiographie in Russland: Die Beiträge galizischer Historiker in der Evrejskaja Starina // Zwischen Graetz und Dubnow: Jüdische Historiographie in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert / Red. von F. Guensnet. Leipzig, 2009. S. 99–118.*

разные идентичности, якобы сливающиеся в один поток под лозунгом современной еврейской народной культуры⁵.

*Русские, «галициане», «мародеры»:
исторические сообщества*

Предметом нашего рассмотрения являются собственно три исторических сообщества, не идентичные, но связанные между собой не столько организационно, сколько интеллектуально⁶. *Первая группа* — это еврейско-российские исследователи, сплотившиеся перед Первой мировой войной вокруг двух учреждений в Петербурге. *Первое из них* — возникшее в 1863 г. и действовавшее до 1929 г. Общество для распространения просвещения между евреями в России во главе с Шимоном Дубновым, Максом Винавером; его финансировали банкиры Гинцбурги. До 1878 г. председателем этого общества был Евзель Гинцбург, а в дальнейшем его сын Гораций⁷. Спустя почти столетия, в 1908 г., в Петербурге же возникло Еврейское историко-этнографическое общество. Из кругов, связанных с данным обществом, выходили самые известные исследователи российского еврейства — историки, языковеды, фольклористы⁸. Эту среду характеризуют следующие

⁵ См.: *Veidlinger J. Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington, 2009. S. 290.*

⁶ Отдельной проблемой представляются связи еврейских историков в России и СССР со средой американской иудаистики, а также выходящие из львовской среды или связанные с ней в научном отношении Шимон Аскенази, его ученик Якуб Шацкий (варшавянин) и слишком молодой тогда для сотрудничества с российским сообществом Филипп Фридман. На тему американо-русских контактов в области иудаистических исследований см.: *Клиер Д.Д. «Откуда и куда идем»: изучение дореволюционной истории российского еврейства в Соединенных Штатах в XX веке // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы: Материалы Международной конференции. Москва, 8–10 декабря 2003 г. / Ред. О. Будницкий. М., 2004. С. 40–65.*

⁷ См.: *Ребель А.И. История евреев в России. М., 2013. С. 133.*

⁸ Подробнее об Обществе для распространения просвещения и о Еврейском историко-этнографическом обществе см.: *Veidlinger J. Op. cit. S. 241–249; Horowitz B. Victory from Defeat: 1905 and the Society*

черты: *во-первых*, социологизирование, что соответствовало духу времени и направлениям в российской историографии начала XX века; *во-вторых*, перенесение акцентов в сторону фольклора и истории, служащим не столько утилитарным целям, сколько четкой программе формирования национальной идентичности. Дубнов как наиболее светлая личность этой группы интеллектуалов четко указывал, что историческое знание имеет для российских евреев особенное значение как элемент самоидентификации и укрепления в диаспоре определенной обособленности. Шимон Дубнов, являвшийся противником как социалистов, так и сионистов, в своих интерпретациях истории объединял контекст диаспоры и сосуществования с нееврейским миром. Он указывал на значение деятельности государства, а также политической и социальной систем, при которых пришлось жить евреям (в том числе российским)⁹. Следующим элементом, который хорошо обрисовывает эту среду, является политическое разделение. Народнические концепции Дубнова не получили полного признания у других членов этой группы. Либерально ориентированный Макс Винавер или социалист Ан-ский¹⁰ видели будущее евреев несколько иначе, чем классик еврейской историографии в России. Однако это не мешало сотрудничать во имя блага еврейского общества, поскольку все они (и это *третий элемент*, характеризующий данную среду) осознавали значение прошлого и его описания, создания представления о прошлом и ознакомления с ним российских евреев.

Молодые приверженцы музыки истории Клио, происходившие из среды галицийских евреев, составляли *вторую группу*. В XIX в. они естественно тяготели к сфере немецкой культуры. Там они учились, там много публиковались на немецком языке, хотя их контакты все более ограничивались рамками

for the Promotion of Enlightenment Among the Jews of Russia // The Revolution of 1905 and Russia's Jews / Red. S. Hoffman, E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008. P. 79–95.

⁹ О Шимоне Дубнове и его историографических концепциях см.: Кельнер В.Е. Миссионер истории. Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб., 2008.

¹⁰ Ан-ский — партийный и литературный псевдоним Шломо (Семена Акимовича) Раппопорта.

лояльного подданства Австрийской и Германской империй. Еще перед Первой мировой войной еврейские интеллектуалы Галиции (среди них нужно назвать Меира Балабана, Игнация Шипера, Моше Шора) осознавали необходимость сотрудничества с петербургской средой и заимствования опыта и освоения достижений своих петербургских коллег. В межвоенный период названную группу галицийцев идентифицировали с еврейско-польской исторической школой¹¹. Это первое поколение историков — отцов-основателей различных институтов, представлявших в межвоенной Польше еврейскую гуманистику, отдавало дань умеренным либеральным тенденциям¹². Другую позицию (тяготеющую к марксизму) занимали представители следующего, более молодого поколения. К нему относились такие историки, как Эммануэль Рингельблюм, Рафал Малер и Артур Айзенбах. Научные работы, появлявшиеся в этом кругу, были более разнообразными — от религиозных проблем и истории литературы через юридические науки и до исследования роли евреев в экономике. Их публиковали на разных языках, в том числе на еврейском и польском. В известном смысле эти труды объединяла сформулированная Дубновым концепция этнонациональной обособленности евреев и зависимости их судьбы от общегосударственной политикой. Однако наряду с ней в исторической литературе появились патриотические линии, и сильный акцент делался на культурное наследие, его сохранение и укрепление.

Третью группу польских еврейских историков составляли люди, чья профессиональная деятельность была далека от исторической науки. В отличие от классиков историографии типа Дубнова или Балабана, их имена связывают скорее с сугубо еврейской историографией, и они представляют в кругах «окультуренных» евреев одно из первых поколений, воспитанных в духе светской культуры. Они никогда не создавали единой, тесно связанной научной среды, заимствуя, зачастую

¹¹ См.: *Aleksian N.* Polish Jewish Historians Before 1918: Configuring the Liberal East European Jewish Inteligentsia // *Est European Jewish Affairs*. 2010. Vol. 34. Issue 2. P. 41–54.

¹² См.: *Ibid.* См. также: *Gotzen-Dold M.* Mojżesz Schorr und Majer Bałaban. Polnisch-Judische Historiker der Zwischenkriegszeit. Göttingen, 2014.

эклектически, из самых разных историографических направлений, что позволило обозначить их в заглавии раздела как «мародеры». Здесь особенно выразительно выглядят индивидуальные карьеры таких ярких общественных деятелей, как Александр Краусхар, Хиларий Нуссбаум и Людвик Гумплович.

Александр Краусхар (1842–1931) был юристом, выпускником Школы Глувной в Варшаве. Жил он на доходы от адвокатуры, отошел от еврейской религиозной и культурной традиции, приняв христианство. Среди его многочисленных исторических и публицистических работ можно назвать «Историю евреев в Польше» (Т. 1. Период Пястов; Т. 2. Период Ягеллонов) и два тома, посвященные франкистам, — «Франк и польские франкисты»¹³. Хиларий Нуссбаум (1820–1895) был общественным деятелем, педагогом, организатором народного просвещения и историком. Будучи связан с ассимиляторскими центрами, он поддерживал концепцию и учреждения реформированного иудаизма. Как историк он опубликовал «Исторические очерки жизни евреев Варшавы от первых следов их пребывания в этом городе до сегодняшнего момента», а также «Историю евреев от Моисея до нынешней эпохи»¹⁴. Людвик Гумплович (1838–1909) был создателем трудов по социологии. Он стал доктором наук в Ягеллонском университете, занимался социологией, а также теорией государства и права. Большую часть жизни он провел в Граце, где работал в качестве профессора права. В области еврейских исследований опубликовал книгу «Польское законодательство в отношении евреев»¹⁵.

Таким образом, два из охарактеризованных выше еврейских сообществ историков — а именно «галициан» и «мародеров» — можно отнести к польско-еврейским, создающим историографию евреев с «польской» перспективы, а одно сообщество, петербургское, рассматривать как российское, чье научное творчество принадлежит к идейному пространству «российских евреев».

¹³ См.: *Żebrowski R. Kraushar Aleksander // Polski Słownik Judaistyczny. T. 1. Warszawa, 2003. S. 832–833.*

¹⁴ См.: *Żebrowski R. Nussbaum Hilary // Ibid. S. 243–244.*

¹⁵ См.: *Żebrowski R. Gumplowicz Ludwik // Ibid. S. 526–527.*

*Старшие братья?**Взаимоотношения до Первой мировой войны*

Объединение еврейских историков, ставившее своей целью исследование истории евреев Центральной и Восточной Европы, было организовано в конце XIX в. группой исследователей, связанных с петербургским центром. Своего рода иконой этого сообщества был, как представляется, Шимон Дубнов, воплощавший, с точки зрения единомышленников, пророчество и разум, придающие тон не столько направлению исследований, сколько скорее правилам и интерпретации. Начиная уже с 1890-х годов исследование им светской истории евреев имело целью создание новой идентичности центральноевропейских евреев¹⁶. В работах Дубнова, особенно в широко известной «Истории еврейского народа», акцент сделан на осознании мира, о котором он пишет, как четко разделенного между евреями восточноевропейскими и западноевропейскими. Широта исследовательских горизонтов Дубнова и его свободное движение в пространстве от средневековой истории до современных для него проблем жизни евреев в царской России дают возможность наблюдать за позициями и взглядами наиболее влиятельных представителей горстки еврейских историков, работавших в России в этот период. В предложенном Дубновым видении истории сама история евреев лишь в ряде точек соединялась с историей государств, в которых они жили. Для автора это была иная, отдельная матрица событий — событий внутриеврейских, однако не опирающихся лишь на религиозную ось времени. Поэтому проблема генезиса российского еврейства, интегрально связанная с разделами Польши, рассматривалась автором маргинально и лишь в плане последствий этого события для евреев¹⁷. Дубнов охотно использовал термины

¹⁶ Проблему идейного содержания историографии Дубнова анализирует Давид Вайнберг. См.: *Weinberg D. Between Tradition and Modernity. Haim Zhitlowski, Simon Dubnow, Ahad Ha-Am, and the Shaping of Modern Jewish Identity.* New York, 1996. P. 145–216.

¹⁷ Например, в 1894 г. в «Восходе» Дубнов опубликовал материал о еврейских сеймиках под названием «Областные кагалные сеймы в Волыни и Белоруссии».

«русское еврейство», «русский еврей», хотя эти понятия XIX в. представляются в высшей степени нечеткими и трудно поддающимися однозначному определению. В трактовке Дубнова история евреев нередко соединялась с политической программой национально-культурной автономии. Таким образом, политические взгляды Дубнова и его сторонников вытекали из его исторической концепции как ее естественная интерпретация и логический вывод.

Евреи, жившие на исторических польских территориях, для среды работавших до 1917 г. русско-еврейских исследователей служили лишь источником примеров тех проблем, что возникали в еврейских общинах, — проблем хасидских и шабатских. Появился также интерес к проблемам участия евреев в польском освободительном движении, в частности их участия в восстаниях, особенно в восстании Костюшко. Возник также интерес к теме, связанной с озабоченностью евреев по поводу сохранения своей социальной и культурной обособленности перед лицом политического и социального давления, обусловленного глубокими переменами в социальном и культурном развитии в XIX в.¹⁸ Имел значение также выбор языка. Сообщества, связанные с Обществом для распространения просвещения между евреями в России и с Еврейским историко-этнографическим обществом, пользовались прежде всего русским языком, демонстрируя свою отдельность от других еврейских интеллектуалов в Галиции, Королевстве Польском или же в объединенной Германии, которые охотно выбирали язык польский, немецкий или идиш, ставший с начала XX в. одним из равноправных для евреев языков науки¹⁹. Нам представляется, что собравшаяся вокруг Дубнова группа не годилась для объединения с иными сообществами. Петербуржцы выступали в роли «старших братьев», считая галицийцев «молокососами», которые, с их точки зрения, пользуясь галицийскими свободами, применяли произвольные новации в описании разных периодов истории польских евреев.

¹⁸ Стоит хотя бы посмотреть материалы, помещенные в журнале «Еврейская старина».

¹⁹ На тему идиша и введения языка идиш в науку см.: *Trachtenberg B. The Revolutionary Roots of Modern yiddish 1903–1917. New York, 2008. P. 64.*

В начале XX в. Балабан и Шипер, вероятно, при посредстве Шломо Ан-ского, преодолевая немалые трудности, пробивались в журналы, издававшиеся петербуржцами, например в «Еврейскую старину»²⁰. В петербургских кругах еврейских интеллектуалов «галициане» стали инициаторами ряда дискуссий, например отраженной на страницах «Еврейской старины» полемики Шипера и Балабана²¹. Своеобразная зависимость «галичан» от их петербургских единомышленников и идейных оппонентов объяснялась рядом причин. Во-первых, последние многократно превосходили их по организационным и финансовым возможностям. Две организации петербуржцев с размахом работали вплоть до советского времени, издавая научные журналы и выплачивая авторские гонорары. В России этнографические и библиотечные собрания облегчали работу русским евреям, тогда как «галициане» были вынуждены выезжать в Берлин или Вену. Иудаистическая библиотека, возникшая в Варшаве на рубеже 1870-х — 1880-х годов, не была поначалу наилучшей²². Во-вторых, существенное значение имела относительно (по сравнению с Галицией) большая численность еврейской интеллигенции в крупных городах России и ее высокая политическая активность.

Некоторый интерес к польским евреям проявляли менее известные русско-польские исследователи. Правда, в этом они ограничивались более общими замечаниями синтетического характера (Клейнман в «Восходе»²³) или касались экономической истории (Коробков в «Еврейской старине»²⁴). Однако временами, как, например, в случае изданной

²⁰ См.: *Armborst-Weihs* K. Op. cit. S. 104–110. О роли Шломо Ан-ского в привлечении галицийских историков см.: *Markowski* A. Szymon Anski — na pograniczu dwóch światów // Akademia Nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. / Pod red. L. Zasztowta. Warszawa, 2013. S. 437–445.

²¹ См.: *Armborst-Weihs* K. Op. cit. S. 110–115; Еврейская старина. 1913. S. 102–107.

²² *Żebrowski* R. Historiografia // Żydzi w Polsce. Leksykon / Red. J. Tomaszewski i A. Żbikowski. Warszawa, 2001. S. 178.

²³ См.: *Клейнман* И.А. Еврейство в Польше // Восход. 1910. № 3, 6, 12.

²⁴ См.: *Коробков* X. Участие евреев во внешней торговле в Польше // Еврейская старина. 1911. Т. 4. Вып. 1. С. 197–220.

в 1914 г. в Москве «Истории еврейского народа», имел место существенный факт выделения польских евреев как отдельной этносоциальной группы, что объяснялось применением формально-юридического метода, когда за основу брался сословный и корпоративный признак объединения польских евреев в общины (кагалы).

В начале XX в. интеллектуальное оживление среди евреев на пространстве влияния Российской империи было связано также с формированием к этому времени новых идентичностей. Старые схемы деления на евреев польских и российских, заметные еще в 1830-е годы и проходившие по визуальной линии (тот, кто носил сюртук считался польским евреем, невзирая на то где он родился; а тот, кто был одет в халат, считался евреем русским), к началу нового столетия уступили место принципу деления, вытекавшему из способа видения ими исторического прошлого.

Галицийские сообщества особенно интересовались периодом Нового времени, функционированием гмины (Балабан), экономикой (Шор) или интеллектуальными течениями, такими как шабатизм или хасидство, тогда как россияне исследовали скорее проблемы современные, особенно фольклор, либо, по примеру Дубнова, стремились представить повествование об исторической генеалогии российских евреев. Когда Шломо Ан-ский организовал этнографическую экспедицию с целью сбора песен, легенд, артефактов и фотографирования еврейских памятников старины в Подолии, «галициане» в рамках еврейского краеведения писали путеводители по еврейским памятным местам, относящимся к шляхетской Речи Посполитой, и проводили акции фотографирования древнейших синагог (в том числе этим занимался Балабан)²⁵.

²⁵ См.: *Kugelmass J. The Father of Jewish Ethnography? // The Worlds of S. Ansky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century / Red. G. Safran i S. Zipperstein. Stanford, 2006. P. 346–360; Лукин В. «...Академия, где будут изучать фольклор» (Ан-ский — идеолог еврейского музейного дела) // Еврейский музей: Сб. ст. / Ред. В.А. Дымшиц и В.Е. Кельнер. СПб., 2004. С. 57–94; *Aleksium N. W poszukiwaniu żydowskiej przeszłości w Polsce: przewodniki po zabytkach w II Rzeczypospolitej // Narody i polityka. Studia ofiarowane profesorowi Jerzemu Tomaszewskiemu / Red. A. Grabski i A. Markowski. Warszawa, 2010. S. 201–214.**

Осталось не много непосредственных свидетельств, в которых участники исторических сообществ «русских евреев», «галициан» и «мародеров» характеризовали друг друга. Выдающийся историк Моше Шор, представитель группы «галициан», писал в 1900 г. из Вены социологу Людвигу Гумпловичу, представлявшему среду «мародеров», о Дубнове, признавая его первенство и авторитет: «От одного из наилучших знатоков истории евреев в Польше, а именно от Дубнова, в Одессе я получил очень хвалебное письмо, в котором он говорит о работе Гумпловича, что не знает другой столь основательной научной монографии, посвященной евреям в Польше. Он пишет о ней и в серьезном российском журнале “Восход”»²⁶. А тремя годами позже, уже имея весьма конкретные планы на будущее, инспирированные историографией, созданной не евреем, а русским историком Сергеем Бершадским, который ранее серьезно поколебал научный авторитет Александра Краусхара²⁷, он писал: «Моим намерением является всецело посвятить себя исследованию истории евреев; ближайшей задачей считаю издание важнейших архивных актов, касающихся евреев, как это уже начал делать профессор Бершадский»²⁸.

Стоит заметить, что доминирование петербургской школы в области изучения еврейства в Восточной и Центральной Европе проявилось только во взаимоотношениях с «галицианами». Позиция Шипера, Балабана и Шора была далека от ассимиляторской, хотя и дистанцировалась от позиций традиционалистов, поэтому она давала возможность поиска общей исторической концепции. Будучи несколько моложе своих российских коллег, «галициане» не только не были угрозой для позиции корифеев еврейской историографии в России, но и демонстрировали позицию полного подчинения собратьям-сеньорам с берегов Невы. Вне этой среды и вне контактов оставались «мародеры». Сосредоточенные на

²⁶ Mojżesz Schorr i jego listy do Ludwika Gumplowicza / Oprac. R. Żebrowski. Warszawa, 1994. S. 147.

²⁷ См.: Żebrowski R. Historiografia... S. 175.

²⁸ Mojżesz Schorr i jego listy do Ludwika Gumplowicza. S. 104. Сергей Александрович Бершадский — русский историк, исследователь истории литовских и польских евреев.

работе в организациях вне сферы науки и нередко представлявшие крайние ассимиляторские позиции, «мародеры» не стремились к контактам с петербургским научным центром. Людвик Гумплович, который уже тогда сделал карьеру более значительную, чем Шимон Дубнов, и который должен был вызывать определенное уважение, но в качестве профессора, ежедневно занимающегося правом и социологией, а не историей, не делал шагов к установлению тесных и постоянных контактов. Тот факт, что Дубнов хвалил работу Гумпловича в переписке с его учеником, ясно показывает дистанцию между двумя исследователями, а в действительности между двумя концепциями разработки истории евреев в это время — профессиональной со стороны Дубнова и случайной со стороны Гумпловича.

* * *

*Автономия с ограниченной самостоятельностью?
Межвоенный период*

В межвоенный период (1918–1939 гг.) еврейские организации в СССР как носители идеологии буржуазного национализма прекратили существование. Уже в 1920-е годы закончился курс, благоприятный для национальных меньшинств, и автономные еврейские организации были одна за другой ликвидированы. Видные деятели еврейских организаций и их спонсоры в Советской России вынуждены были в подавляющем большинстве покинуть страну. Дубнов уехал в Германию, Ан-ский — в Польшу, многие перебрались в США. В это время в Вильно возник Еврейский научный институт на основе культуры идиша, продолживший традиции светской гуманистической школы и собравший выдающихся представителей российско-польского сообщества еврейских интеллектуалов. В центре внимания названного института оказался на этот раз язык идиш, а понятие «российские евреи» перестало навязывать специальный ритм исторического мышления²⁹.

Ситуация в Советской России сказалась и на статусе прежде «младшего брата» петербуржцев — «галициан», а их

²⁹ Историю JIVO и его идейные основы представляет в своей книге Сесиль Кузниц (Cecile Kuznitz). См.: *Kuznitz C. JIVO and the Making of Modern Jewish Culture. Scholarship for the Yiddish Nation. New York, 2014.*

ученики и последователи объединились вокруг варшавского Института иудаистских наук. Направления деятельности «галициан» были существенно расширены, а организационные и издательские возможности возросли.

Отношение польско-еврейских историков межвоенного периода к творчеству их российских коллег было довольно сдержанным. Главным образом в сносках и между прочим они упоминали работы Дубнова или Бершадского. Однако Шимон Дубнов, делающий мировую карьеру, привлекал главное внимание. Историки с берегов Вислы охотно отдавали должное крупному исследователю, обозначая свое присутствие в юбилейных сборниках, издававшихся в его честь³⁰. Самуэль Хиршхорн, когда писал свою историю евреев в Польше, заглядывал в «Еврейскую старину» и ссылался на работы историков, занимающихся экономикой и организацией еврейских гмин. К работам Дубнова обращался также Балабан в своей «Истории евреев в Кракове и на Казимеже». Историки младшего поколения, связанные с варшавским Институтом языка идиш, на котором они писали большинство своих работ, вступали в спор с авторитетами. Рафал Малер, интересовавшийся еврейской историософией, неоднократно публиковал смелые оценки метаистории Дубнова, в том числе и в сравнительном контексте³¹. «Галициане» изредка обращались даже к источникам, касающимся истории российских евреев; их публиковали скорее в качестве курьеза, чем серьезного исторического материала. Примером могут служить документы, помещенные Эммануэлем Рингельблюмом и Рафалом Малером в изданной на еврейском языке книге, содержащей подборку источников по истории евреев в эпоху Средневековья, в частности документы, касающиеся влияния иудаизма в Древней Руси, работоторговли, которой занимались евреи, и киевского восстания 1113 г.³²

³⁰ См.: *Ferstschrift zu Simon Dubnow 70-ten Geburtstag*. Berlin, 1930 (присутствует подпись М. Шопы) и *Szymon Dubnow cu zajn 60-ten geburtstog* // *Hajnt*. 1921. 25.II и 4.III.1921 (подпись Меира Балабана).

³¹ См.: *Mahler R. Wegn teories fun der jid. Kultur geszichte* // *Junger historiker*. 1926. № 1. S. 21–40; *Idem*. *Dubnows teorie wegen der jid geszichte* // *JIVO Bleter*. 1930. *Zesz.* 40. S. 757–759; *Zesz.* 41/42. S. 775–776.

³² См.: *Geklibene mekurim cu der geszichte fun di Jidn in Pojlin un mizrach ojrope. Mitlalter biz cu jor 1506*. Warsaw, 1930.

В Институте иудаистских наук в Варшаве преподавали историю евреев в Германии, но не в России, что говорило о пренебрежении к периоду XIX в. Ибо утверждалось, что в России не было евреев со времен Ивана Грозного, а московские цари сплотили государство и заперли его врата перед евреями. А поскольку, таким образом, все российские евреи стали российскими лишь вследствие разделов Польши, а раньше, в I Речи Посполитой, им жилось хорошо, постольку, с точки зрения варшавских историков, видение этой проблемы Дубновым было провокативным и ложным.

В 1930 г. известный историк Меир Балабан определил свое критическое отношение к историографии петербургской группировки, когда писал: «Историография польских евреев в Петербургском центре (Бершадский, Гаркавый, Гессен, Дубнов, Гурланд и др.) представляется нам более объективной, но здесь, по примеру правящих сфер, этнографическая граница искусственно проведена через земли прежней Речи Посполитой и выделена отдельная группа русских, или российских, евреев, что абсолютно не учитывает того факта, что до 1772 г., то есть до первого раздела, в стране белого царя вообще не было евреев. Таким образом, мы имеем “Русско-еврейский архив”, “Документы и материалы к истории евреев в России”, “Регистры и надписи”, “Свод материалов для истории евреев в России”, “Пережитое. Сборник, посвященный истории евреев в России” — все это очень хорошие работы и очень нужные, но они всегда обведены демаркационной линией, которая часто доходит почти что до Варшавы»³³.

Новые вызовы, которые в 1920-е — 1930-е годы поставила перед еврейскими историками в Польше социально-политическая ситуация, позволили «галицианам» разорвать свою «вассальную» зависимость от их в прошлом петербургских сеньоров. Последние, оказавшись в эмиграции, не изменили своих позиций. Дубнов, в целом не слишком симпатизировавший межвоенной Польше, продолжал считать польских евреев частью большого сообщества российских

³³ *Bałaaban M.* Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. Lwów, 1930. S. 116.

евреев³⁴. «Патриотично» настроенный Меир Балабан — единственный еврей-историк, который получил в Польше университетскую кафедру, осознав превосходство своих позиций и историческую необходимость критического отношения к работам российско-еврейских историков. Немного более оптимистично, хотя и злорадно он комментировал: «Благодаря работе молодых историков из Львовского центра объективная историография евреев в Польше дошла также и до Петербурга», где в целом, по его словам, «господствовали постоянный раскол и дезориентация как в архивных публикациях, так и в синтетических трудах»³⁵. Публиковавшиеся в СССР в 1920–1930-е годы идеологизированные работы носили информативный характер, поэтому их часто трудно определить как научные³⁶.

Ответственность за существование и дальнейшее развитие еврейской историографии в этой части мира легла в первую очередь на плечи исследователей с берегов Вислы. Однако они не сумели сломать исследовательские парадигмы, установленные Дубновым. В известном смысле они и дальше продолжали традицию «великого нарратива», хотя пытались критиковать Дубнова или искать собственное направление деятельности. Зараженные краеведением (Балабан) прекрасно понимали весомость и значение начатых в кругу Ан-ского действий, направленных на сохранение исторического наследия традиционных сообществ. Самостоятельность восходившей к «галицианам» варшавской школы оставалась ограниченной теми образцами, которые некогда были даны в Петербурге.

* * *

³⁴ Шимон Дубнов называл Польшу «черной», указывая, наверное, на антиеврейский курс, очень заметный в межвоенный период. См.: Дубнов С.М. Книга жизни: Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. М.; Иерусалим, 2004. С. 487.

³⁶ *Bałaaban M.* Pamiętnik... S. 116.

³⁷ Они собраны в созданной Н. Рутбергом и И. Пидевич библиографии. См.: Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода: Хронологически-тематический указатель литературы, изданной за 1917–1991 гг. / Сост. Н. Рутверг и И. Пидевич. М., 2000.

После Второй мировой войны научные центры в России и Польше, занимавшиеся еврейским сообществом, возрождались очень медленно. Во время Холокоста были убиты большинство известных и выдающихся деятелей группы «галициан» (Балабан, Шипер, Шор, Рингельблюм), уцелевшие выехали в США либо в Израиль, реже пытались как-то перебиваться в трудных условиях коммунистической Польши, временами забывая о своих научных интересах. В кругу историков появились те, для кого евреи являлись лишь предметом исследования, а не элементом тождества или происхождения. С 1990-х годов в Польше и России происходило возрождение интереса к еврейской истории, возникали направления изучения, создавались издательства и организации, объединяющие исследователей.

Диаметрально изменилась география центров изучения еврейской истории. Центральное место конечно занял Израиль с Еврейским университетом, а также американские университеты, куда попали послевоенные эмигранты. Расширилась проблематика исследований, в первую очередь за счет Новейшего времени (тематика геноцида, вопросы истории евреев накануне Холокоста). Подобно открытию Атлантиды, мир обратился к истории российских и польских евреев, ставших героями все большего числа книг и научных статей.

Однако между исследователями СССР и Польши отсутствовало элементарное сотрудничество. Граница, которую в 1930 г. поставил Балабан, словно волшебная стена, разделяла сферы интересов. Ее ломали израильские и американские исследователи, но для российских и польских историков эта граница все еще часто оказывалась непреодолимой. Хорошим барометром служат организуемые ежегодно (уже свыше 20 лет) конференции организации СЕФЕР в Москве, где среди нескольких сотен докладчиков лишь один-два человека являются представителями Польши, и, понятно, не всегда это историки.

Изменение траектории интересов и отход от традиционного понимания истории позволяют быстрее преодолевать эти границы. А в отношении литературоведов или специалистов по культуре навязываемое разделение по политической или псевдоэтнической линии, к счастью, совершенно незаметно.

Энтони Полонский в своем труде по истории евреев очень выразительно обозначил общность судеб польских и российских исследователей иудаизма. Ведь его книги (например,

«Евреи в Польше и России»³⁷) рассматривают и судьбу евреев в Галиции и на захваченных Пруссией польских землях. Метаисторическая концепция, имеющая в виду общность судеб восточноевропейских групп евреев, объединенных, по крайней мере, на какое-то время границами Российской империи, предстает опять-таки как явный элемент в видении прошлого этой части мира. Еврейское сообщество, населяющее Восточную и Восточно-Центральную Европу, нередко ограниченное так называемой чертой оседлости, становится определенной конструкцией, суммирующей специфическую ментальность. Спор о том, кто в XIX в. был польским евреем, а кто российским, свидетельствует об изменчивости суждений и утверждает нас в убеждении, что на протяжении веков ничего из области еврейской идентичности не удалось установить наверняка³⁸.

Сегодня по причине ничтожно малого знания русского языка работы историков из России, Украины, Белоруссии остаются в Польше по большей части неизвестными. Кроме пространства так называемых «забранных губерний» исследователи из бывшего СССР лишь между прочим поднимают темы, требующие изучения и размышлений, касающихся территорий, выходящих за линию Керзона. Равным образом ничтожно малый интерес в отношении российских евреев проявляли польские ученые. Нет взаимных рецензируемых книг, нет совместных конференций и общих работ. Контакты часто ограничиваются личным знакомством, и это не обещает ничего хорошего в отношении предпринимаемых совместных исследовательских инициатив. Не благоприятствует им и политика, а также потеря интереса к истории как таковой в еврейских научных коллективах, поворот в направлении иных исследований, в том числе интердисциплинарных, в которых история выступает лишь одним из компонентов. Ныне мировыми центрами изучения истории и культуры еврейства являются США и Израиль, хотя и там интерес к истории евреев Польши и России заметно падает.

Перевод С.М. Фалькович

³⁸ См.: *Polonski A. The Jews in Poland and Russia. Oxford; Portland, 2010. Vol. 1–3.*

³⁹ См.: *Wodziński M. Po rozbiorach. Żydzi polscy? // Historia Żydów. Dzieje od Abrahama do Państwa Izrael. Żydzi w Polsce. 1000 lat wspólnych losów / Red. L. Będkowski i A. Brzostowska. Warszawa, 2014. S. 252–254.*

С.М. Фалькович
(Москва)

Проблемы истории Польши и российско-польских отношений Нового времени в комплексных трудах полонистов Института славяноведения РАН

1970 -е годы стали временем, когда научный коллектив Института славяноведения РАН активно обратился к комплексным исследованиям. Такое обращение имело под собой глубокие основания: в Институте работают специалисты по истории, культуре, литературе и языку народов Центральной и Юго-Восточной Европы, как славян — поляков, чехов, словаков, сербов, болгар, черногорцев, так и их соседей — венгров, румын, греков, турок. Это создавало возможность проводить анализ на более широком фоне, рисовать более полную картину того или иного исторического события, глубже и более всесторонне исследовать ту или иную конкретную проблему, в том числе и проблемы, касающиеся Польши, России и российско-польских отношений.

Именно в этот период была задумана исследовательская серия под названием «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Одна из первых работ, вышедших в этой серии, — «Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время» — показывала польскую проблематику в связи с проблемами всего региона и отдельных населявших его народов. Первые результаты и задачи дальнейшего исследования в плане такого комплексного анализа были представлены в вышедшем в 1979 г. труде «Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы». В соответствии с намеченными направлениями появились комплексные работы, рассматривавшие те или иные общие проблемы народов этого региона на определенном историческом этапе — в частности, проблемы нации и постановки национального вопроса во второй половине XIX — начале XX в., особенностей национальных

движений в 1830-е — 1870-е годы, их отношений между собой, в том числе и практики сотрудничества. В этой связи нужно выделить коллективную монографию «Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии», где большое место уделено показу национальной борьбы поляков, их международным связям и роли, сыгранной ими в «Весне народов» 1848–1849 гг.¹

Если на первом этапе ученые Института сосредоточивались в основном на истории Нового времени, то к концу 1990-х годов они подошли уже к исследованию совокупной проблематики Центральной Европы в Новое и Новейшее время. В дальнейшем в их трудах рассматривались такие вопросы, как проблематика власти и общества: объектом анализа стали формы и институты гражданского общества в Центральной и Восточной Европе, его социальные и правовые основы, идеология и политика. На материале этого региона исследовались такие модели, как традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество, прослеживались этапы трансформации общественных форм. Объектом комплексного изучения стали также общественная мысль народов Центральной и Восточной Европы, государственное устройство, государственная политика и идеология. При этом хронология исследований расширилась, охватив весь период XVIII–XX вв.²

¹ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974; Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы. М., 1979; Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX века. М., 1991; Национальное движение в Центральной Европе. Сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX века). М., 1991; Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001.

² См.: Центральная Европа в Новое и Новейшее время. М., 1998; Власть и общество. Формы и институты гражданского общества в Центральной и Восточной Европе XVIII–XX вв. Социальные основы, идеология, политика, право. М., 2008; Традиционные, индустриальные и постиндустриальные общества в странах Центральной и Восточной Европы XVIII–XX вв. Модели, формы, этапы трансформации. М., 2008; Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1995; Старая и Новая Европа: государство, политика, идеология. Вып. 3. М., 2007.

Характерно, что в этих исследованиях широкого плана ставились специальные задачи — выявить методологические и историографические проблемы. Под таким углом анализировалось состояние власти и общества в странах Центральной и Восточной Европы в эпоху трансформации от сословного к гражданскому обществу, от так называемого старого порядка к правовому государству. Процесс социально-политической трансформации рассматривался в плане диалектики процессов адаптации при переходе от традиционного к постиндустриальному обществу. При этом предметом изучения становились как сам процесс формирования наций и национального самосознания у народов Центральной и Восточной Европы, так и формы международного взаимодействия в этом процессе, роль в нем отдельных народов и государств. Так, взаимодействию России со странами этого региона, в том числе с Польшей, посвящен труд, анализирующий формы цивилизационного воздействия в регионе. События, связанные с польской историей, представлены также в международном аспекте в комплексном исследовании «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой», опубликованном в 1999 г.³

В названных выше и других комплексных работах польская тема выступала как элемент общеевропейской проблемы. Но в Институте были также подготовлены исследования, где польский народ рассматривался как один из главных

³ См.: Власть и общество в Центральной и Восточной Европе в эпоху трансформации от сословного к гражданскому обществу, от «старого порядка» к правовому государству XVIII–XX вв. Методологические и историографические проблемы. М., 2006; Социально-политические трансформации и диалектика процессов адаптации в Центральной и Восточной Европе в эпоху перехода от традиционного к постиндустриальному обществу XVIII–XX вв. Методологические и историографические проблемы. М., 2006; Международное взаимодействие и процесс формирования наций и национального самосознания в Центральной и Восточной Европе XVII–XX вв. Методологические и историографические проблемы. М., 2009; Россия и страны Центральной и Восточной Европы XVII–XX вв.: формы цивилизационного воздействия. Методологические и историографические проблемы. М., 2009; Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999.

субъектов общего исторического процесса. Таким стал двухтомный труд, посвященный национально-освободительному движению народов Австрийской империи; он охватывал период с конца XVIII в. до 1870-х годов и представлял возникновение и развитие национальных движений, рисовал разгар национально-освободительной борьбы в 1848–1849 гг., характеризовал формы национальных движений в период утверждения капитализма. Борьба польского народа была показана в этом исследовании в динамике, раскрывались ее идейные основы, анализировался процесс развития национального самосознания, поднимался вопрос о формировании польской нации. Все эти проблемы, имеющие отношение к Польше, рассматривались и в других работах, посвященных истории Австро-Венгрии, ее национальной специфике, происходившим в империи интеграционным процессам. История государства Габсбургов и его отношений с центральноевропейскими и балканскими народами на протяжении XI–XX вв. оставались в поле зрения ученых Института до недавнего времени⁴.

То, что при исследовании истории монархии Габсбургов одним из ее элементов являлись польские сюжеты, было вполне понятно: ведь Австрия выступала как одно из трех государств — угнетателей польского народа. История двух других участниц разделов Речи Посполитой — России и Германии также переплеталась с польской историей, и потому закономерным было появление таких комплексных исследований, как «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.», «Священная Римская империя, Германия и Россия в европейских конфликтах Нового времени» и «Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре»⁵.

⁴ См.: Национально-освободительное движение народов Австрийской империи. М., 1975; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997; Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011.

⁵ См.: Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002; Священная Римская империя, Германия и

Последний из названных трудов свидетельствует о комплексности уже в плане показа истории Польши в тесной связи с ее культурой, с общественным и национальным сознанием польского народа. Несомненно, таким целостным портретом Польши может служить подготовленная в Институте и вышедшая в свет в 1993 г. «Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней»⁶. Однако сама специфика такого рода трудов заранее определяет невозможность широкого и подробного раскрытия каждого из важных моментов жизни народа, являющегося объектом показа. Поэтому приходится искать дополнения к его характеристике и его истории в работах, специально посвященных их детальному анализу.

Одной из таких работ стала подготовленная коллективом авторов монография «Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII — 60-е годы XIX в.». В ней подробно представлено экономическое развитие трех частей разделенной Польши в этот период, изменения в ее общественной структуре: складывание классов и социальных групп буржуазного общества. Представлены польские национально-освободительные выступления на отдельных территориях в разных частях Польши, охарактеризованы движущие силы польского национального движения. Много внимания уделено анализу проблем развития национального самосознания и складывания польской нации, причем этот процесс показан в тесной связи с развитием польского языка и культуры, литературы, изобразительного, музыкального и театрального искусства. Представлены также связи польской общественной мысли, социальной и национальной идеологии польского общества с идеями европейского просвещения, а также контакты и сотрудничество поляков с общественными силами России⁷.

Россия в европейских конфликтах Нового времени. М., 2012; Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009.

⁶ См.: Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993.

⁷ См.: Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1984.

Эта книга появилась более 30 лет назад, а сравнительно недавно, в 2010 г., было опубликовано другое комплексное исследование, целиком посвященное истории Польши и российско-польских отношений. В коллективной монографии «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» прослежена история рождения автономного Королевства Польского, подчеркнута значимость этого события как символа возрождения польской государственности. В книге дана подробная характеристика государственного и социального строя, показано развитие просвещения, науки и культуры в Королевстве. Особое внимание уделено анализу польской общественной мысли и общественного движения, представлено его противостояние политике царской администрации, прослежен процесс нарастания напряженности в польском обществе и создания революционной ситуации, приведшей к повстанческому взрыву в 1830 г. Специально рассмотрен вопрос о позиции русского общества и его взаимоотношениях с поляками, проанализированы причины неудачи попыток сближения обоих народов⁸.

Продолжением этого труда стало следующее комплексное исследование того же авторского коллектива, посвященное истории России и Польши в период между польскими восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг.⁹ В нем на новом проблемном и содержательном уровне были проанализированы процессы социально-экономической и политической трансформации России и Польши в первой половине XIX в. до начала эпохи Великих реформ 1860-х годов.

⁸ См.: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.

⁹ См.: Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016.

Биографические исследования в трудах В.А. Дьякова

Нет такого портрета, как бы точен и близок
к модели он ни был, в который
не была бы вложена частица его автора.

Жюль Мишле

Биографические работы были одним из важных направлений в научном творчестве видного отечественного историка В.А. Дьякова, записавшего однажды в своем дневнике: «История для меня — это, прежде всего, человеческие судьбы»¹. В домашней картотеке ученого хранилось свыше 10 тыс. имен, данные о которых были им обнаружены в архивах². Биографические труды В.А. Дьякова (он пользовался термином «биографистика»³) — это не просто справки-анкеты,

¹ Эту цитату из неизданного дневника В.А. Дьякова приводит Л.Е. Горизонтов. См.: *Горизонтов Л.Е.* Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 388.

² См. там же.

³ О терминах «биографистика», «биографика» см.: *Рейтблат А.И.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014; *Беленький И.Л.* Проблемы биографического жанра в советской исторической науке: научно-аналитический обзор. М., 1988; *Он же.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // *История через личность: историческая биографика сегодня.* М., 2005. С. 37–54 (в статье автор отмечал, что «термин “биографика” не закрепился в языке науки» и в 1980-е годы все чаще начинает встречаться понятие «биографические исследования», с. 40, 41); *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев, 1993; *Чишко В.С.* Биографистика как область исторической науки: историография и методология: Автореф. дисс. ... д-ра ист.наук. Киев, 1997. В недавно изданном терминологическом словаре под редакцией А.О. Чубарьяна предложена «линия раздела» между терминами «биографистика» и «биографика». «С 1990-х гг. наблюдается тенденция (преимущественно в украинской историографии) к институционализации биографистики в качестве вспомогательной исторической

хотя в жизнеописаниях конкретная фактографическая основа, безусловно, должна присутствовать. В биографических исследованиях жизненный путь отдельной личности рассматривается в контексте исторических событий и их влияния на ход различных процессов развития общества.

В.А. Дьяков был автором нескольких книг и очерков, в одних из которых были представлены целостные биографии исторических деятелей, в других же он описывал эпизоды их жизни или факты, часто ранее неизвестные или им уточненные. Биографические работы Дьякова монографического характера посвящены деятелям польского национального движения: Зыгмунту Сераковскому, Ярославу Домбровскому, Валерию Врублевскому и Петру Сцегенному. Им также была издана книга о Т.Г. Шевченко.

Интерес к определенной личности обычно возникает у историка при изучении занимающей его конкретной научной

дисциплины, изучающей методологические основы, источниковую базу, проблематику и видовую структуру историко-биографических исследований. Термин «биографика» предлагается использовать расширительно, как обозначение всякой «литературы биографического жанра», включая «художественные и научно-популярные биографии», тогда как слово «биографистика» станет обозначением научной дисциплины в строгом смысле слова» (*Добровольский Д.А., Казаков Р.Б., Некрасова Н.В.* Биографистика // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 33). Теоретико-методологические проблемы биографического жанра рассмотрены во многих исследованиях Л.П. Репиной. См.: *Репина Л.П.* Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 5. С. 5–12; *Она же.* Вместо предисловия: персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. М., 2002. Вып. 8. (Спец. вып.: Персональная история и интеллектуальная биография). С. 5–10; *Она же.* От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: Сб. науч. ст. Серия «Человек второго плана в истории». СПб., 2010. С. 5–18 и др. О биографических исследованиях как «средстве исторического и психологического познания» в аспекте направления «персональная история» см.: *Мохначева М.Н.* Историческая психология и история исторической науки: проблемы междисциплинарного взаимодействия на современном этапе // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 2 (автор пользуется термином «биографика»).

проблемы. Поэтому целью создания, точнее, воссоздания, реконструкции биографии такого человека является не сухое перечисление фактов, их проверка, уточнение, заполнение пробелов новыми сведениями (что, конечно, тоже необходимо), а понимание и представление внешних и внутренних причинно-следственных связей и обстоятельств, повлиявших на мировоззрение изучаемой личности, на ее деятельность и судьбу, в конечном счете определивших ее место и значение в исторических событиях. Трудность биографического жанра связана с «двойной» субъективностью: с одной стороны, это сама изучаемая личность как субъект (она же и объект изучения), а с другой — собственная субъективность автора.

Первой книгой, написанной В.А. Дьяковым в биографическом жанре, стала книга о Зыгмунте Сераковском (1826–1863). Занимаясь в то время изучением революционного движения в русской армии 1850-х — 1860-х годов, историк заинтересовался существовавшими в ней кружками, в которые объединялись патриотически настроенные поляки-офицеры, каковых было немало в русской армии. Одной из ярких фигур, привлечших внимание историка, стал деятель польского национального движения Зыгмунт Сераковский, по определению В.А. Дьякова, «активно участвовавший в общерусском и литовском освободительном движении». Небольшое по объему научно-популярное издание «Сигизмунд Сераковский», вышедшее в свет в 1959 г. без ссылок на историческую литературу и документальные источники, вряд ли можно назвать исследованием в полном смысле этого слова⁴. В книге встречались отдельные неточности: например, утверждение «Царство Польское, образованное на территориях, попавших под власть царизма в результате раздела между Россией, Австрией и Пруссией независимого польского государства — Речи Посполитой», или Габсбургская империя периода европейских революционных событий 1848 г. названа Австро-Венгрией и др. Некоторые суждения автора были явно неудачно сформулированы, например, об офицерских кружках в Петербурге, которые якобы «существовали в академиях Артиллерийской, Инженерной, Генерального штаба. Хотя

⁴ См.: Дьяков В.А. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.

точных документальных данных на этот счет нет, но известно, что таких кружков было несколько и что организатором одного из них являлся Сигизмунд Сераковский⁵.

Опубликованная Дьяковым в том же году статья о Сераковском в академическом журнале «Исторический архив» носила совершенно иной характер⁶. Она была снабжена многочисленными ссылками на литературу и источники и в основном базировалась на новых архивных материалах. Статья вносила некоторые уточнения в фактографическую канву биографии Сераковского. Среди использовавшихся автором архивных источников назывались материалы из фондов ЦГВИА (в настоящее время РГВИА), ЦГИАМ (ГА РФ), ЦГИАЛ (ЦГИА Санкт-Петербурга), ГБЛ — Отдел рукописей (РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей). В книге, весьма подробно описывая биографию героя, В.А. Дьяков уделил большое внимание социальному аспекту жизненного пути Сераковского, начиная с его происхождения, семьи, среды взросления до контактов с российскими революционерами-демократами, которые установились у него в зрелые годы. Родился Сераковский в 1826 г. в семье беспоместного польского дворянина Луцкого уезда Волынской губернии. В связи с поисками по установлению точной даты рождения З. Сераковского Дьяков писал, что ранее в литературе назывались разные годы: 1816, 1826, 1827, 1828, даже 1836. Ссылаясь на документальные материалы РГВИА, он приводил уточненную дату рождения Сераковского — 26 мая 1826 г.⁷ Что

⁵ Дьяков В.А. Сигизмунд Сераковский. С. 6, 10, 32.

⁶ См.: Дьяков В.А. Новые документальные материалы о С. Сераковском // Исторический архив. 1959. № 2. С. 208–215. В том же году Издательством АН СССР была издана книга А.Ф. Смирнова о Сигизмунде Сераковском под таким же названием, как и книга Дьякова, написанная на серьезной источниковой базе. См.: Смирнов А.Ф. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.

⁷ См.: Дьяков В.А. Новые документальные материалы о С. Сераковском. С. 208–209. Эту же дату он подтверждает, привлекая более широкий круг архивных документов и в другой статье. См.: Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов: Сб. ст. и материалов. М., 1960. С. 66. А.Ф. Смирнов в своей книге о Сераковском указывает дату 17 мая 1826 г. (С. 5). Позднее литовский историк

касается имени Сераковского, то в первых работах о нем Дьяков традиционно пользовался русифицированной версией «Сигизмунд», а спустя три года перешел на польскую транслитерацию-транскрипцию «Зыгмунт».

На формирование мировоззрения З. Сераковского, как отмечал Дьяков в своей книге, значительное влияние оказали семейные традиции. Отец Сераковского Игнатий погиб в ходе Польского восстания 1830–1831 гг. Много занимавшаяся воспитанием Сераковского бабушка Мария Моравска (Муравска) была вдовой одного из участников движения Тадеуша Костюшко. По окончании житомирской гимназии Сераковский поехал в Петербург и поступил там в университет. Он присоединился к кружку «Союз литовской молодежи» и принялся энергично действовать среди студентов-поляков. Хотя кружок и назывался «Союзом литовской молодежи», но

В.Б. Бикунич отмечал, что в своих воспоминаниях вдова Сераковского Аполлинария называла 19 (31) мая 1827 г. По его предположению, дата 26 мая 1826 г. была изменена, когда Сераковский поступал в гимназию или университет. На напечатанной при его статье в качестве иллюстративного материала фотокопии с подписью: «Выписка из метрической книги о рождении Сераковского» (на польском языке) — прочитывается 18 мая (не 19-е) 1826 г. Подпись под фотокопией неверна — в издании помещена фотокопия из «Метрической книги о крестинах» («Wypisz Metrycznej księgi Chrzestney»), в которой была запись о конфирмации Сераковского, состоявшейся в октябре 1832 г., на момент события в ней указан возраст Сераковского — 6 лет. См.: *Бикунич В.Б. Воспоминания А. Сераковской (Далевской) и другие материалы о З. Сераковском в ЦГИА Литовской ССР // К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу»: Сб. ст. и материалов о восстании 1863 г. М., 1964. С. 60, 61.* (В настоящее время архив официально называется Литовским государственным историческим архивом). Украинский историк П.Г. Усенко, давно занимающийся изучением биографии Сераковского, указывает как дату рождения польского повстанца 6 (18) мая 1826 г. См.: *Усенко П.Г. Життєвий подвиг Зигмунта Сераковського (до 150-річчя повстання 1863 р.) // Український історичний журнал. 2013. № 5. С. 100.* Но, по-видимому, разница в календарных стилях им учтена неверно: поскольку литовские земли входили в состав Российской империи, здесь действовал юлианский календарь (до 1915 г.), хотя в автономном Королевстве Польском сохранялось летосчисление по григорианскому календарю. Таким образом, дата рождения Сераковского получается 18 (30) мая 1826 г.

это были поляки, приехавшие на учебу из Вильно. Название объяснялось не национальной принадлежностью его участников, а местностью, откуда они прибыли. «Союз» был организован в Вильно братьями Далевскими в 1846–1847 гг., и приехавшие в Петербург поляки, входившие в него ранее, сохранили его традиции в новой среде. Политической программы члены кружка не имели, а в качестве основных идей ими выдвигались гуманистические и патриотические принципы, находившие выражение, в частности, в стремлении «повышения культурного уровня народа и нравственного самоусовершенствования каждого в отдельности». Спустя пять лет В.А. Дьяков изменил свои взгляды на характер этого кружка. Ему удалось ознакомиться с теми немногими сохранившимися после Второй мировой войны в Главном архиве древних актов (AGAD) в Варшаве материалами, освещающими этот период. В частности, внимательно изучив составленный Варшавской постоянной следственной комиссией список политических преступников за 1833–1862 гг. с указанием их виновности, историк пришел к выводу, что приводившиеся в нем данные «не оставляют сомнений в том, что эти кружки (петербургские. — Г.М.) имели замысел создать конспиративную организацию, охватывающую все польские земли, а не являлись простым филиалом “Союза литовской молодежи”, как представлялось раньше»⁸.

Каникулы Сераковский проводил у товарищей по учебе в Белоруссии и Литве. Во время революционных событий 1848 г. в Европе — «Весны народов» — при получении известий о формировании в Венгрии польских легионов во главе с Юзефом Бемом, участники петербургского кружка решили разъехаться по домам и ждать вторжения польских войск на территорию Королевства Польского, чтобы тогда к ним присоединиться. А Сераковский, с намерением вступить в переговоры с Бемом, отправился в Венгрию. В дальнейшем обстоятельства сложились так, что Сераковский был арестован в России и сослан в солдаты в Оренбургский корпус. При описании жизни Сераковского В.А. Дьяков неоднократно задавался

⁸ Дьяков В.А. Заметки о некоторых источниках для биографии З. Сераковского // К столетию героической борьбы «за вашу и нашу свободу»: Сб. ст. и материалов о восстании 1863 г. М., 1964. С. 35.

вопросом о времени и месте его знакомства с украинским поэтом Тарасом Шевченко: встречались ли они, поскольку проходили службу в Оренбургском корпусе в одно и то же время, и где могла произойти их встреча — в Оренбурге или Уральске? Детально, по дням расследуя события, Дьяков убедительно доказал, что встреча Сераковского и Шевченко тогда не произошла⁹. Предположение, выдвигавшееся несколькими историками о возможной встрече Сераковского и Шевченко в оренбургский период, Дьяков подробно анализировал в статье «Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского». Он подтверждал свой прежний вывод, что тогда их знакомство могло быть только заочным, то есть по переписке¹⁰. В своей книге «Тарас Шевченко и его польские друзья»¹¹ он еще раз коснулся вопроса о возможной встрече Сераковского и Шевченко. В подтверждение своей точки зрения помимо прежних доводов Дьяков приводит фрагмент из воспоминаний друга и соратника Сераковского Яна Станевича¹².

По амнистии 1856 г. по случаю вступления на престол Александра II Сераковский был освобожден. Он смог продолжить образование, получив разрешение поступить учиться в Академию Генерального штаба в Петербурге, в которую и был зачислен в 1857 г. В академии он создал кружок, пропагандируя среди его участников требование отмены телесных наказаний в русской армии одновременно занимался распространением нелегальных изданий. Общий подъем либеральных настроений, начавшийся в Российской империи после Крымской войны, отражался и в активизации деятельности различных общественных объединений. Постепенно

⁹ См.: Дьяков В.А. Сигизмунд Сераковский. С. 17–18; Он же. Заметки о некоторых источниках... С. 39.

¹⁰ См.: Дьяков В.А. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. С. 77–81.

¹¹ См.: Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964.

¹² Станевич писал о событиях осени 1850 г.: «Недели за две до Зыгмунта приехал в Оренбург Шевченко. <...> С Зыгмунтом разминулись где-то в дороге и познакомились только в Петербурге по возвращении Шевченко из ссылки» (Wspomnienia o Zygmuncie Sierakowskim. Wyjątki z pamiętnika Jana Staniewicza. Kowno, 1939. S. 12. Цит. по: Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. С. 67).

организация, сложившаяся вокруг кружка Сераковского, стала приобретать конспиративный характер. Его участники действовали в Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Вильно. У Сераковского установились дружественные отношения с Н.Г. Чернышевским, что оказало определенное влияние на радикализацию его взглядов. В будущем Сераковский послужил прототипом персонажа романа «Пролог», написанного Чернышевским уже в годы каторги, в котором он был выведен под именем Соколовского¹³. Так, Соколовский произносит слова, вполне соответствующие позиции самого Сераковского: «Я поляк. Но, правда, хорошо говорю по-русски. Было время его выучить. Было время узнать русский народ и полюбить его. <...> Я военный русской службы и сжился с жизнью моих сослуживцев и полюбил их»¹⁴.

По окончании в 1859 г. учебы в академии он был командирован к Статистическому отделению Департамента Генерального штаба и принимал участие в подготовке материалов для Комитета по разработке проекта нового военно-уголовного законодательства, в первую очередь занимавшегося вопросом об отмене телесных наказаний в армии. Практика применения телесных наказаний вызывала широкий общественный резонанс и обсуждалась в печати. В 1860 г. Сераковский, знавший несколько иностранных языков, был направлен в первую официальную командировку за границу, в Лондон, на Международный статистический конгресс, имея также задание ознакомиться с военно-уголовным законодательством и военными пенитенциарными учреждениями западноевропейских стран. Выбору его кандидатуры способствовало и то обстоятельство, что к этому времени он уже вошел в состав Русского географического общества. В представлении руководства Общества об избрании Сераковского, в частности, отмечалось, что он «по поручению своего начальства занимается исследованием в кругу статистики, нравственной и уголовной, в русских и иностранных войсках. Г[-н] Сераковский желал бы сообщать результаты

¹³ См.: Скафтылов А.П. История текста романа // *Чернышевский Н.Г. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов*. М.; Л.: Academia, 1936. С. VII, XIX, 521–524.

¹⁴ *Чернышевский Н.Г. Пролог*. С. 141.

своих исследований Отделению статистики и пользоваться учеными пособиями Общества». Избрание его «членом-сотрудником» Русского географического общества состоялось 28 марта 1860 г. Получив об этом извещение, в ответном письме Сераковский писал: «Звание это возлагает обязанность трудиться для развития земледелия и наук общественных, имеющих с ним тесную связь»¹⁵. В июне Сераковский выехал в Лондон, затем он посетил Париж, Берлин, Вену. В ходе заграничной поездки он встречался с А.И. Герценом (позднее Герцен откликнулся на смерть польского революционера статьей в «Колоколе»¹⁶), а также с деятелями польской политической эмиграции. Он был принят даже в аристократических английских кругах и представлен королеве Виктории. По воспоминаниям Б. Дыбовского, Сераковский был близко знаком с лордом Джоном Расселом и Камилло Кавуром, беседовал с Джузеппе Гарибальди¹⁷. Одним из результатов заграничной поездки Сераковского стала серия его статей, напечатанных в популярном тогда журнале либерального направления «Морской сборник»¹⁸. Журнал издавался под покровительством великого князя Константина Николаевича, управлявшего на правах министра ведомством морского флота (в 1862 г. он стал наместником Царства Польского). Близкий друг и соратник Сераковского Ян Станевич, вместе с ним учившийся в академии, а позднее тоже служивший в Генштабе, в своих воспоминаниях писал: «Насколько Сигизмунд легко, свободно, красноречиво говорил, настолько трудно ему

¹⁵ Цит. по: *Усенко П.Г.* Новые материалы о деятельности З. Сераковского в 60-х годах XIX века // Советское славяноведение. 1978. № 2. С. 101–102.

¹⁶ *См.: Герцен А.И.* Сигизмунд Сераковский // Собр. соч. Т. 17. М., 1959. С. 218–219.

¹⁷ *См.: Смирнов А.Ф.* Сигизмунд Сераковский. М., 1959. С. 52.

¹⁸ Они публиковались в неофициальном разделе журнала с сохранением авторских подзаголовков и дат: «Пруссия. Декабрь 1860 г.» (см.: Морской сборник. 1862. № 1. С. 238–253); «Австрия. Вена. Февраль 1861 г.» (см.: Морской сборник. 1862. № 2. С. 255–284); «Франция. Париж. Ноябрь 1860» (см.: Морской сборник. 1862. № 3. С. 161–184) и «Англия. Лондон. Июль 1860 г.» (см.: Морской сборник. 1862. № 4. С. 350–358).

было писать. Поэтому он, отправляясь за границу, условился в Генштабе, что присланный им материал будет поступать в мое распоряжение для обработки и редактирования, а затем в готовом виде будет представляться начальству. <...> Материал, который он присылал, был очень интересный и важный. Обработывая его, я делал сравнение военных учреждений европейских и русских, делая упор на слабые стороны последних. <...> Сухозанет (военный министр. — Г.М.) каждый подготовленный мною рапорт давал читать царю»¹⁹. Статьи Сераковского вышли в «Морском сборнике» под общим заголовком «Извлечение из писем о военно-уголовных законодательствах и военных учреждениях главнейших европейских государств» за подписью «С.С.»²⁰. Изучая и сопоставляя военно-уголовное законодательство и состояние пенитенциарных систем западноевропейских стран, автор приходил к выводу, что там на практике существуют две основные системы наказания, основанные на разных принципах: «1) старая система устрашения, действующая посредством телесных наказаний, и 2) система исправительная, система тюремного заключения, соединенного с более или менее тяжелым трудом». Сераковский отмечал, что лучше всего дело обстояло во Франции, где были отменены телесные наказания и для военных арестантов устроены мастерские, в которых они могли трудиться. Довольно свободная форма изложения итогов ознакомительной поездки позволяла представить позицию по изучавшемуся вопросу применительно к России. «Не будучи бессознательным поклонником всего

¹⁹ Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Сигизмунд Сераковский. С. 54.

²⁰ Для подтверждения авторства Сераковского В.А. Дьяков ссылался на исследования историков Д. Файнхауза и Ю. Ковальского. «Кроме тех доказательств, которые имеются у них, — писал он, — авторство Сераковского подтверждается прямым указанием известного дореволюционного военного историка Н.П. Глиноецкого, который имел широкий доступ к архивным материалам и был лично знаком с Сераковским» ([*Глиноецкий Н.П.*] Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба / Сост. Генерального штаб генерал-майор Н.П. Глиноецкий. СПб., 1882. Особое приложение № 4. С. 45). См. также: [*Петров И.И.*] Указатель статей «Морского сборника». 1848–1872 гг. / Сост. И. Петров. СПб., 1875. С. 18; пагинация именного указателя отдельная).

иноземного, — подчеркивал Сераковский, — и сознавая, что только та реформа прочна, которая возникает как результат исторической последовательности, нельзя не согласиться, что есть явления, которые, по общности своей, должны принадлежать всему человечеству без различия места и времени. К таковым принадлежат результаты от уничтожения телесного наказания». Отстаивая свои убеждения о необходимости ликвидации телесных наказаний в армии, он приводил следующие соображения: «Необходимо возвысить личные свойства солдата, его личное мужество, предприимчивость, умение пользоваться удобною минутою, применяться к местности, к обстоятельствам; телесное наказание сильно противодействует достижению подобной цели». Сераковский, обосновывая надобность преобразований в армии и актуальными общественными проблемами, стоявшими перед Россией, писал: «Наконец, потребность уничтожения телесного наказания делается еще более настоятельно ввиду совершающейся реформы по крестьянскому вопросу. Прежний крепостной, не имевший никаких прав гражданских, безропотно подчинялся суровости дисциплинарных и судебных наказаний. Теперь же, когда огромная масса людей, из которых преимущественно составляется армия, призывается к новой жизни, когда ей предоставляются новые гражданские права, необходимо возвысить в ее глазах звание солдата, чтобы поступление на военную службу не было для них переходом к худшему положению, напротив, чтобы оно сделалось для них лестным»²¹.

В 1862 г. Сераковский написал записку по польскому вопросу. По мнению Дьякова, она «не носила программного характера и не предназначалась для подпольных революционных организаций» и «должна рассматриваться как служебный документ, рассчитанный на продвижение по официальным каналам, или как статья, предназначенная для подцензурной печати»²². Записка была издана в виде приложения к «Виленским очеркам. 1863–1865 гг. (воспоминания очевидца)» А.Н. Мосолова, бывшего секретарем при виленском

²¹ Морской сборник. 1862. № 3. С. 161, 163, 167.

²² Дьяков В.А. Новые документальные материалы о С. Сераковском. С. 213.

генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве. В журнале она была озаглавлена «Вопрос польский. Рукопись Сигизмунда Сераковского, казненного в Вильне в мае 1863 года». Текст документа предварялся небольшим предисловием редакции, в котором рассматривалась его значимость для своего времени: «После всего, что сбилось в Царстве Польском и Западной России с 1863 по конец 1864 года, можно оценить по достоинству записку Сераковского. Распространяя ее, Сераковский прокладывает дорогу для успеха будущего мятежа. Вот почему этот документ имеет интерес и историческое значение. Он извращает историю: под личиною серьезной, почти научной статьи он застилает и отуманивает историческую правду; он обманул многих из молодых образованных поляков и привел их к гибели». Излагая в записке историю Польши (польско-литовской Речи Посполитой), Сераковский подчеркивал, что «польская цивилизация выше других в западном крае, потому что она лучше всего отвечает современным стремлениям более развитых личностей в этом крае». В записке автор отмечал «лучшие черты польской цивилизации», которые заключаются «в стремлении к гражданской свободе, в высоком уважении к личности, в стремлении дать ей как можно более прав и преимуществ — следовательно, обеспечить ее свободное развитие; в ненависти ко всяким принудительным мерам, ко всякой регламентации». «Цивилизация и исторические судьбы польского и великорусского народа, — заявлялось далее в документе, — составляют две крайние противоположности. <...> В России государственное начало подчинило себе все — раздавило все». Союз «бывшего Королевства Польского и России», считал он, возможен только при условии, что это будет союз «как равного с равным, как вольного с вольным»: «польская и русская народности должны пользоваться совершенно одинаковыми правами — должны иметь совершенно одинаковое свободное развитие». В качестве примера Сераковский приводил Швейцарию, где были успешно решены языковые и конфессиональные вопросы²³.

В 1862 г. состоялась полугодовая командировка Сераковского: капитан Генерального штаба направлялся

²³ См.: Русская старина. 1884. № 1. С. 48, 54, 55.

для осмотра крепостей Западной России с целью изучения состояния арестантских рот. Выехал он 2 июля и вернулся 24 декабря 1862 г., его рапорт о прибытии в Петербург помещен 1 января 1863 г. Летом 1862 г. произошло важное событие в личной жизни Сераковского: 30 июля в Кейданах (в настоящее время — Кедайнiai, Литва) состоялась его свадьба с Аполлиной Далевакской²⁴, сестрой братьев Александра и Францишка Далевакских, создателей виленского «Союза литовской молодежи». Из поездки Сераковский привез «четыре сундука» книг. В следующем, 1863 году, когда уже началось Польское восстание, он обратился к начальству с просьбой разрешить ему поездку за границу в связи с необходимостью лечения жены. Сераковский получил положительный ответ и выехал из Петербурга, о чем уведомил Аудиториатский департамент Военного министерства рапортом от 25 марта 1863 г. «об отбытии в заграничный отпуск в связи с болезнью жены»²⁵. Была ли болезнь жены только предлогом, чтобы поехать в Литву и примкнуть к восставшим, или же свои будущие действия Серковский преднамеренно запланировал, установить трудно. Аполлинария действительно была больна и находилась в ожидании ребенка. По утверждению Дьякова, Сераковский специально «выехал в Литву, чтобы в соответствии с решением Польского национального комитета возглавить начавшееся там повстанческое движение»²⁶. Дальнейшие события разворачивались с невероятной скоростью. Прибыв в Ковенскую губернию, Сераковский взял псевдоним «Доленго» и, провозгласив себя воеводой литовским и волынским, возглавил отряды восставших. Вскоре произошли военные столкновения с регулярными войсками русской армии, в которых повстанцы потерпели поражение. Попавший в плен раненый Сераковский срочно скорым поездом был доставлен в Вильно для расследования всех обстоятельств

²⁴ См.: Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 89.

²⁵ Зайцев В.М. Дело о второй заграничной командировке З. Сераковского // К столетию героической борьбы... С. 48–54. Вполне вероятно, что тема этой небольшой статьи была предложена ему В.А. Дьяковым.

²⁶ Дьяков В.А. Новые документальные материалы о С. Сераковском. С. 213.

произошедшего. Вместе с Сераковским был захвачен и присоединившийся к его отряду со своей группой повстанцев Болеслав Колышко (1838–1863). Колышко, получив военную подготовку в Генуэзской школе, организованной польскими эмигрантами, в начале 1863 г. вернулся из Италии и стал руководителем одного из повстанческих отрядов.

Известия о Сераковском широко разошлись в русском обществе, причем не только среди военных: действующий офицер русской армии, капитан Генерального штаба, стал руководителем повстанцев и сражался против «своих», преступив законы офицерской чести. Военный министр Д.А. Милютин, упоминая в своих мемуарных записках о Сераковском, писал: «Признано было полезным собрать сведения о существовавших в других государствах местах заключения военных арестантов, и с этой целью был командирован за границу полковник [sic!] Генерального штаба Сераковский, на которого еще до моего вступления в управление министерством возлагались поручения по осмотру военно-арестантских рот. Тогда, конечно, никто не мог подозревать, что этот ретивый и смысленный офицер вскоре появится в числе видных действующих лиц в польском восстании»²⁷. Н.К. Имеретинский, в 1861–1862 гг. учившийся в Академии Генерального штаба и довольно близко знавший Сераковского, вспоминал о нем: «В то время он был уже капитаном Генерального штаба и человеком очень популярным, и не только в академии, но и в Военном министерстве. Оно даже посылало его на казенный счет за границу изучать военно-судную и дисциплинарную часть в иностранных войсках. Сераковский возвратился с портфелями, переполненными обильнейшим материалом». Описывая события первых месяцев восстания, Имеретинский писал: «Вообще, открытый мятеж вспыхнул слишком рано и неожиданно для вожаков. Сераковскому раздумывать было опасно, он махнул рукою на русскую карьеру, приехал в Вильну в начале 1863 года, без церемоний сбросил мундир и являлся повсюду в штатском платье, развязно болтая, что едет за границу. Вместо того он отправился в Ковенские леса, где его уже давно ждала большая шайка отборных повстанцев». В своих записках Имеретинский

²⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 482.

описывал и внешность Сераковского: «Личность Сераковского я хорошо помню: это был человек среднего роста, с худощавым, бледным лицом, с реденькими, жидкими волосами, без седины. Серые, некрасивые глаза его часто опускались, на иезуитский манер. Желчная, насмешливая улыбка не сходила с губ и придавала лицу антипатичное, даже отталкивающее выражение»²⁸. Портрет не слишком привлекательного и приятного человека может выступать как своего рода антитеза хрестоматийного образа польского повстанца.

В Вильно Сераковского поместили в госпиталь, в арестантское отделение. В связи с ранением допрос его на некоторое время был отложен. Сераковский долго отказывался давать показания на следствии, ссылаясь на болезненное состояние и страдания от ран. Он надеялся и ждал, что за него будут ходатайствовать высокопоставленные лица. И в самом деле, М.Н. Муравьеву, назначенному виленским генерал-губернатором и 14 мая 1863 г. прибывшему в Вильно, шли письма и телеграммы из Петербурга о помиловании Сераковского. По свидетельству Имеретинского, было даже письмо «от имени английской королевы, переданное сент-джемским кабинетом через английского посла». «Трудно поверить, — восклицал автор воспоминаний, — а это факт, не подлежащий никакому сомнению!»²⁹

Однако Муравьев «преспокойно клал домогательства под сукно». Он приказал срочно завершить следствие и вынести приговор, который немедленно утвердил. 15 (27) июня 1863 г. Сераковский был казнен. Имеретинский подробно описал день казни Сераковского, восстановленный им по рассказам очевидцев. «Плац-майор и аудитор с конвоем явились в госпиталь и стали будить еще спавшего Сераковского. Он рассердился, заворчал: “Оставьте меня в покое, я больной человек и хочу спать. С какой стати я буду вставать в такую рань?”» Ему было предложено поскорее одеться. Сераковский выразил удивление, не понимая, почему его будут допрашивать не в госпитале, как обычно, а в другом месте. Тогда ему

²⁸ *Имеретинский Н.К.* Воспоминания о графе М.Н. Муравьеве // Воспоминания современников о Михаиле Николаевиче Муравьеве, графе Виленском. М., 2014. С. 379.

²⁹ Там же. С. 380.

напрямую объявили, что «приговор состоялся, и пришло время его исполнить». Сераковский, все еще не потерявший надежды на благополучный исход, спросил «с натянутым смехом»: «Ах, понимаю! Пора разыграть комедии приговора и помилования? Ну, нечего делать, едем!» Приехав на место казни, «при виде эшафота с двумя виселицами, окруженными войсками, Сераковский сильно побледнел и так смутился, что с трудом спустился с дрожек, даже при посторонней помощи». Ксендз предложил ему принести покаяние. Стараясь держаться невозмутимо, он ответил: «С удовольствием, отец мой, только, кажется, серьезного исхода не будет. У меня в Петербурге есть сильная рука, и я уверен, что меня помилют!» После прочтения вынесенного ему приговора о смертной казни через повешение он отрешенно вглядывался вдаль, словно все еще «ждал гонца с помилованием, но не дождался». В биографических трудах историков приводится героический вариант поведения Сераковского и во время следствия, и при исполнении над ним смертного приговора. А.Ф. Смирнов также считал, что Сераковский «знал о готовящейся расправе» и в своей последней записке Аполлинарии сообщал ей об этом: «Узнал вчера, что жить и быть свободным могу под одним условием — выдачи лиц, руководящих движением. Не знаю никого, но гневно ответил, что если бы знал, то и тогда не сказал бы»³⁰. На достоверности описанной в его воспоминаниях казни Сераковского не настаивал и сам Имеретинский, который на ней не присутствовал. Однако поведение Колышко, казненного вместе с Сераковским, было изображено им совершенно иначе: он «держал себя, напротив, с достоинством и умер без страха, без малодушных колебаний: он сам вытолкнул скамейку из-под своих ног»³¹. Приведенные фрагменты мемуаров в какой-то степени могут свидетельствовать об объективности их автора и тем самым о вполне возможной достоверности свидетельств, содержащихся в этом историческом источнике. Несомненным, однако, остается то, что, являясь приверженцем демократических принципов вообще,

³⁰ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 114. Он ссылается на: Дыбовский Б. Памяти Сераковского. Львов, 1906. С. 18 (книга была издана на польском языке: *Dybowski B. Pamięci Sierakowskiego. Lwów, 1906. S. 18*).

³¹ Имеретинский Н.К. Указ. соч. С. 381.

принципов уважения к человеческой личности, Сераковский проделал значительную работу по изучению вопроса о телесных наказаниях, в частности, в армии, и его активные выступления за их отмену получили отражение в российском законодательстве о военных преобразованиях. 17 апреля 1863 г. вышло несколько указов и правил об отмене наиболее тяжелых телесных наказаний в армии и флоте³².

Биографические труды В.А. Дьякова о Сераковском, приводившиеся в них новые фактические сведения, основанные на архивных материалах, оказались востребованными и польскими историками. Так, автор изданной в 1955 г. книги о наиболее видных деятелях Польского восстания 1863 г. Збигнев Цвек подготовил ее второе издание, вышедшее в 1963 г. Дважды (в предисловии и в примечаниях) он высоко оценивал вклад, сделанный Дьяковым в разработку этой темы. В частности, он писал, что второе издание его книги не могло быть простым повторением первого, поскольку с тех пор расширились и уточнились знания о восстании. За прошедшие годы появились новые работы — как исследования, так и публикации источников. «Особую роль, — отмечал Цвек, — сыграли публикации или хотя бы описание источников, до тех пор совершенно неизвестных. К их числу принадлежит, например, статья В.А. Дьякова “Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского”, помещенная в сборнике “Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов”, изданном в Москве в 1960 г. Это вызвало необходимость основательной переработки, почти написания заново очерка о Сераковском, вплоть до момента принятия им руководства повстанческими отрядами в Литве»³³. На выход книги Цвека В.А. Дьяков откликнулся краткой рецензией в журнале «Советское славяноведение»³⁴. В монографию польского историка вошли очерки о Зыгмунте Сераковском, Ярославе Домбровском, Зыгмунте Падлевском, Валерии Врублевском,

³² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1863. Т. 38. Ч. 1. № 39504–39509. С. 352–359.

³³ *Ćwiek Z. Przywódcy powstania styczniowego. Sześć sylwetek.* Warszawa, 1963. S. 11.

³⁴ См.: Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 81–83.

Юзефе Гаук-Босаке и Ромуальде Траугутте. Дьяков признавал «вполне удачным» выбор Цвеком героев, основывавшийся на их определенной общности. Польский историк отмечал объединявшую их идейную близость, а также тот факт, что все они являлись бывшими офицерами русской армии. В качестве одного из критических замечаний в адрес польского автора Дьяков приводит целый ряд названий новых работ польских и советских историков, которые не были учтены Цвеком, демонстрируя тем самым свое доскональное знание актуального состояния историографии по проблематике польского национального движения и русско-польских связей.

В это время сам В.А. Дьяков значительное внимание уделял работе по подготовке сборника «За нашу и вашу свободу». Герои 1863 года»³⁵. Сборник содержал десять биографических очерков, написанных специалистами-историками: В.Э. Абрамовичюсом, В.А. Дьяковым, В.Р. Лейкиной-Свирской, И.С. Миллером и А.Ф. Смирновым. Сам Дьяков был автором предисловия и трех очерков: о Ярославе Домбровском, Зыгмунте Падлевском и, в соавторстве с В.Э. Абрамовичюсом, о Валерии Врублевском. Биографический очерк о Сераковском написал А.Ф. Смирнов. «Каждый из тех, кому посвящены включенные в книгу очерки, — это самоотверженный революционер и человек интересной судьбы <...> чья деятельность была концентрированным выражением определенного этапа движения», — отмечалось в предисловии к изданию. Публикующиеся в серии «Жизнь замечательных людей» книги относятся к научно-популярной литературе. Биография — это и литературный жанр, и историческое исследование, но в сборнике была предпринята попытка, оказавшаяся успешной, объединить оба жанра, «использовать достоинства обоих традиционных жанров и избежать их недостатков». «В конце книги, — писал Дьяков, — помещены приложения, предназначенные для того, чтобы облегчить чтение и помочь тем из читателей, которые захотят расширить свои познания о восстании 1863 года. Это краткая хронология событий, как бы объединяющая воедино тексты десяти очерков, это биографический словарь, содержащий справки о многих упоминаемых

³⁵ См.: «За нашу и вашу свободу». Герои 1863 года / Сост. В.А. Дьяков; Науч. ред. И.С. Миллер и А. Ф. Смирнов. М., 1964.

в очерках лицах. Это, наконец, список литературы, в котором называются наиболее доступные из имеющихся исследований по затронутой проблематике»³⁶.

Дополненный Абрамовичюсом и Дьяковым очерк о Валерии Врублевском спустя некоторое время вышел в виде отдельного издания, но фамилия Абрамовичюса была напечатана уже в траурной рамке³⁷. Книга охватывала большой хронологический период, что позволяла сделать история яркой жизни Врублевского (1836–1908), выдающегося польского революционера, деятеля международного социал-демократического движения. Врублевский принимал участие в восстании 1863 г., после подавления которого оказался в эмиграции; он присоединился к ее левому течению, войдя в «Объединение польской демократической эмиграции», стал генералом Парижской коммуны, был одним из руководителей польской секции I Интернационала. Врублевский прожил долгую, насыщенную масштабными событиями жизнь. «Не многим, — отмечали авторы книги, — удалось пройти <...> столь долгий путь, какой пришелся на его долю». Особая ценность биографии Врублевского, по их мнению, заключается в том, что она «позволяет изучить отдельные этапы польского освободительного движения, знакомясь с деятельностью одного участника движения»³⁸, и реализовать тем самым научную идею, заключающуюся в представлении «истории через человека» и, соответственно, «человека в истории», показать мировоззренческую эволюцию героя в широком событийном историческом контексте. Авторы стремились подробно осветить все этапы жизни и деятельности Врублевского. Ими использовались как научные издания, так и архивные источники. Книга Дьякова и Абрамовичюса стала первым изданием, задачей которого было «дать на русском языке возможно полную биографию Врублевского»³⁹.

Спустя пять лет после выхода в свет сборника «За нашу и вашу свободу». Герои 1863 года» В.А. Дьяков снова обратился

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ См.: *Абрамовичюс В.Э., Дьяков В.А.* Валерий Врублевский. М., 1968.

³⁸ Там же. С. 148.

³⁹ Там же. С. 5.

к биографии Я. Домбровского (1836–1871). Ему он посвятил монографию, включенную в ту же серию ЖЗЛ и опубликованную издательством «Молодая гвардия»⁴⁰. Ярослав Домбровский — один из видных деятелей польского, а позднее и международного революционного движения. Он был соратником Сераковского по петербургскому офицерскому кружку, участником восстания 1863 г., генералом Парижской коммуны и погиб на баррикадах. В предисловии автор счел нужным подчеркнуть, что, рассказывая о своем герое, он «пользовался только фактами, зафиксированными в таких источниках, которые воссоздают максимально близкий к действительности облик исторических событий», отметив при этом, что «в книге нет ни одной созданной воображением ситуации, ни одной выдуманной детали»⁴¹. Несмотря на то что издание изначально должно было носить научно-популярный характер, тем не менее подача материала в нем осуществлялась на высоком научном уровне. В соответствии с правилами издания серии в книге не предусматривались сноски на использованные источники и литературу.

Однако В.А. Дьяков, строго следовавший научным принципам в отношении привлекаемых источников, не мог согласиться с таким подходом — он попытался найти обходной путь. Вместо обычных ссылок-сносок он во многих случаях в тексте называл источник, откуда были взяты сведения, например: «в формулярном списке Домбровского есть такая запись»; предложенный Домбровским «план действий повстанцев в первые дни восстания излагался, судя по заметкам Даниловского, следующим образом»; «письмо Домбровского [жене] от 31 октября (12 ноября) 1864 г.», текст которого воспроизводился в книге почти полностью; «подтверждением сказанному могут служить воспоминания Милковского» и др.⁴² Дьяков широко применял цитирование, причем фрагменты воспоминаний и личных писем делали текст более ярким и вместе с тем научно обоснованным. Также в целом весьма высокий научный уровень

⁴⁰ Дьяков В.А. Ярослав Домбровский. М., 1969.

⁴¹ Там же. С. 5.

⁴² См. там же. С. 47, 89, 136–139, 162.

издания поддерживался и четкой структурой повествования, и названиями глав, отражавшими этапные изменения в жизни и мировоззрении Домбровского. Кроме того, в книге была помещена биографическая хроника «Основные даты жизни и деятельности Ярослава Домбровского». В нее была включена и краткая библиография, в двух разделах которой указывались не только исследовательские работы, но и исторические источники («Произведения Я. Домбровского» и «Документальные публикации, воспоминания, дневники»)⁴³.

Интерес к биографии Я. Домбровского не был утрачен В.А. Дьяковым и в дальнейшем. Так, в 1974 г. он опубликовал рецензию на книгу польского историка Ежи Здрады о польском революционере⁴⁴, носившую далеко не формальный характер. В качестве позитивного момента Дьяков отметил заслугу автора, который «собрал в систему и умело изложил доступный в настоящее время фактический материал о Домбровском, создав тем самым прочную основу для его научного жизнеописания». В целом положительно оценивая монографию польского исследователя, Дьяков сделал несколько критических замечаний. Одно из них касалось вопроса о существовании в Петербурге в конце 1850-х — начале 1860-х годов не одного, как указывалось в книге Здрады, а «целого ряда офицерско-студенческих кружков». Дьяков подчеркнул, что в организации побега Домбровского из пересыльной тюрьмы в Москве в декабре 1864 г. принимали участие не только польские конспираторы, но и «ишутинцы». Отмечены им были также и другие фактические неточности, допущенные польским автором.

В 1977 г. в двух номерах журнала «Новая и новейшая история» вышла большая статья В.А. Дьякова «Ярослав Домбровский: путь на баррикады Коммуны»⁴⁵. Среди

⁴³ См. там же. С. 231–337.

⁴⁴ См.: Дьяков В.А. [Рец.:] *Zdrada J. Jarosław Dąbrowski. 1836–1871.* Kraków, 1973 // Новая и новейшая история. 1974. № 6. С. 178–180.

⁴⁵ См.: Дьяков В.А. Ярослав Домбровский: путь на баррикады Коммуны // Новая и новейшая история. 1977. № 5, 6. (пятый номер журнала был посвящен 60-летию Великого Октября).

коммунаров польского происхождения, писал Дьяков, «самой многочисленной являлась группа участников восстания 1863 г.». Анализируя их идейную эволюцию, он отмечал, что путь Домбровского был типичным для бывших участников восстания 1863 г., оказавшихся в эмиграции. «Польские революционеры от чисто национального протеста неуклонно приближались к осознанию неразрывного единства борьбы за национальное и социальное освобождение польского народа <...> они шли от солидаристского лозунга единства нации к более или менее ясному пониманию классовой основы общественной жизни <...> революционно-демократическая идеология эволюционировала в направлении к социализму, сначала утопическому, а затем к научному»⁴⁶.

В 1964 г. в связи со 150-летием со дня рождения выдающегося украинского поэта Тараса Шевченко в Москве и Варшаве публикуются две работы В.А. Дьякова⁴⁷. Книга «Тарас Шевченко и его польские друзья», вышедшая в научно-популярной серии издательства «Наука», была снабжена хорошим научно-справочным аппаратом. Относительно постановки исследовательских акцентов в своей монографии Дьяков писал: «Будучи историком, а не литературоведом, автор видит в Шевченко не только, а порой не столько поэта и художника, сколько общественного деятеля и участника революционной борьбы». При этом он отмечал, что именно эти вопросы являются наименее разработанной частью биографии Шевченко, выступая против приписывания Шевченко полонофобства. «Клеветнические заявления о полонофобстве Шевченко не имеют под собой никаких реальных оснований»⁴⁸. Особое внимание в книге уделено автором польским друзьям украинского поэта и художника. В.А. Дьяков тщательно проследил знакомства и возможные контакты с польскими ссыльными, которые мог иметь Шевченко в Оренбургском корпусе. В результате этих поисков удалось выявить свыше 20 человек, с кем непосредственно

⁴⁶ Там же. № 5. С. 135–136.

⁴⁷ См.: Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964; *Djakow W. Polscy przyjaciele Tarasa Szewczenki*. Warszawa, 1964.

⁴⁸ Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. С. 5–6.

общался Шевченко. В их числе были Сильвестр Килькевич, Бронислав Залеский, Людвик Турно; дружеские отношения с ними связывали поэта на протяжении нескольких лет. Шевченко вел также переписку с Зыгмунтом Сераковским, Яном Станевичем, Эдвардом Желиговским, личное знакомство с которыми произошло позднее. В 1850 г. художник А.Ф. Чернышев, учившийся в свое время вместе с Шевченко в Академии художеств, написал картину, изображавшую Шевченко и его польских друзей-ссылных. На копии картины, сделанной тридцать лет спустя, кем-то на польском языке под нарисованными на ней лицами были написаны их фамилии (фотография картины была опубликована в 1911 г. краковским журналом «Славянский мир»). Вернувшись по окончании ссылки в Петербург, Шевченко встречался с Сераковским, Станевичем и другими поляками. Обо всех упоминавшихся в официальных документах, письмах, дневниках и т.п. польских друзьях и знакомых Шевченко Дьяков настойчиво разыскивал биографические сведения, используя для этого как историческую литературу и опубликованные источники, так и архивные материалы (РГВИА, ГА РФ и AGAD).

В 1970-е годы В.А. Дьяков переходит к активному изучению истории польского национального движения в Королевстве Польском в 1830-е — 1850-е годы. Обнаруженный им в РГВИА огромный по объему комплекс судебно-следственных материалов об участниках движения стал базой инициированного им совместного с польскими историками издания «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы» так называемой «Зеленой серии». В это время исследовательские интересы В.А. Дьякова сосредоточиваются на жизни и деятельности видного деятеля национального движения, создателя крестьянской организации ксендза Петра Сцегенного. В небольшой статье «Новые материалы о Петре Сцегенном» Дьяков отметил, что обнаруженные им архивные документы являются ценными историческими источниками, существенно дополняющими сведения о жизни, деятельности и социально-политических воззрениях Сцегенного. Продолжая разработку темы о польском ксендзе-революционере, он опубликовал статью «Идейные истоки

мировоззрения Петра Сцегенного»⁴⁹. И в 1972 г. выходит его книга о Петре Сцегенном, основанная на широком привлечении новых архивных документов⁵⁰, которая стала наиболее значительным исследованием В.А. Дьякова в области биографии. Монография советского историка привлекла внимание польских ученых, находившихся с ним в постоянных творческих контактах, и в том же году в расширенном виде вышла в Варшаве⁵¹. Издание книги Дьякова о П. Сцегенном в Варшаве связано с именами двух выдающихся польских историков — Стефана Кеневича и Ежи Скворнека, каждый из которых выступил со своим предисловием к этой работе. Кеневич особо подчеркнул научную важность обнаруженных Дьяковым в ЦГВИА (РГВИА) материалов, в частности, в связи с тем обстоятельством, что фонды Варшавской следственной комиссии, хранившиеся в Главном архиве древних актов (AGAD) погибли в 1944 г. Он отметил, что Дьякову удалось найти в российском архиве не только следственные показания самого Сцегенного, но и написанные им тексты политического содержания, «пролившие свет на стиль его агитации», а также документы, дававшие представление об «образе его поведения после ареста». Все это привело к тому, что «жизнеописание ксендза Петра и характеристику его идеологии можно и необходимо было разработать заново», что и предпринял Дьяков⁵². Скворнек назвал выявленные Дьяковым новые архивные документы по истории организации Сцегенного «сенсационным открытием». Вторая часть книги Дьякова, включившая публикацию источников, составляет более половины издания. Введенные в научный оборот архивные материалы, отметил Скворнек,

⁴⁹ См.: Дьяков В.А. Новые материалы о Петре Сцегенном // Советское славяноведение. 1968. № 3; Он же. Идеи истоки мировоззрения Петра Сцегенного // Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в.: Сб. ст. и материалов. М., 1971.

⁵⁰ См.: Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890). М., 1972. Перевод книги на польский язык был осуществлен Е. Скворнеком.

⁵¹ См.: *Djakow W.A. Piotr Ściegienny i jego spuścizna*. Warszawa, 1972. Спустя два года увидело свет научно-популярное издание: *Djakow W.A. Piotr Ściegienny, książka-rewolucionista*. Warszawa, 1974.

⁵² См.: *Djakow W.A. Piotr Ściegienny i jego spuścizna*. S. 5, 6.

«существенно обогатив источниковую базу», создают для историков возможность проведения новых исследований о деятельности и идеологии Сцегенного⁵³.

В.А. Дьяков настолько заинтересованно относился к биографической проблематике, что старался не упускать из своего поля зрения даже небольшие материалы, встречавшиеся ему в ходе исследовательской работы, которые могли бы стать дополнением или уточнением жизнеописаний известных лиц. Несколько его статей и заметок, основанных на архивных источниках, были посвящены польскому мыслителю, участнику Краковского восстания 1846 г. Эдварду Дембовскому, декабристу М.С. Лунину, польским предкам французского поэта Гийома Аполлинера⁵⁴.

Значительное место в научно-исследовательских трудах В.А. Дьякова уделено составлению биобиблиографических словарей. Это существенно способствовало введению в широкий научный оборот архивных материалов и уникальных изданий, а также добавляло конкретики, расширяло видение исторического пространства описываемых событий и давало читателю возможность полнее и свободнее в нем ориентироваться. Уже свои первые научные издания В.А. Дьяков снабжал «словариками». Позднее он стал инициатором создания и автором (или же соавтором) нескольких биобиблиографических словарей. Работа по их подготовке, систематическая и скрупулезная, требует особых склонностей от составителей, высокой организованности этого отнюдь не легкого труда. Такого рода способностями и чертами характера В.А. Дьяков, несомненно, обладал в полной мере. Он занимался составлением анкет-вопросников на лиц, включаемых в словарь, которые служили ориентирами для авторов, помогали добиваться возможной полноты и обеспечивали унификацию словарных статей. В ходе работы необходимо было заполнять огромное количество карточек, систематизировать их и т.д., причем

⁵³ Ibid. S. 7.

⁵⁴ См.: Дьяков В.А. Эдвард Дембовский. Новые материалы о революционной деятельности // Советское славяноведение. 1972. № 6; Он же. Смерть декабриста Лунина // Вопросы истории. 1988. № 2; Он же. Новое о предках Гийома Аполлинера // Неман. Минск, 1978. № 6.

все это делалось тогда вручную, в условиях отсутствия персональных компьютеров и компьютерных программ.

Еще в сборнике статей «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов» был опубликован подготовленный В.А. Дьяковым совместно с Г.В. Богдановым «Алфавит» участников революционного движения в русской армии начала 1860-х годов⁵⁵. По объему и по значимости его содержания он заслуживал быть изданным отдельной книгой.

В предисловии к публикации документа излагалась история его возникновения. С начала 1860-х годов в Королевстве Польском и западных губерниях империи стал наблюдаться рост общественной напряженности, что вызывало беспокойство российских властей. 4 сентября 1862 г. военный министр Д.А. Милютин сделал запрос в Инспекторский департамент Генерального штаба, ведется ли им учет подозрительных в политическом отношении лиц, находящихся на военной службе. В случае если подобного списка нет, министр приказывал срочно завести его, с тем чтобы он всегда был «под рукой». И уже 25 сентября первый вариант такого документа (по делам Инспекторского департамента) был составлен: «Список лиц военного ведомства, замеченных в политических преступлениях»⁵⁶. В нем указывались фамилии 74 офицеров. Затем список был дополнен, и в итоге число имен в нем достигло 219. Этот «Алфавит» был обнаружен в 1956 г. Г.В. Богдановым и И.Н. Кунтиковым среди не учтенных в описях ЦГВИА (РГВИА) документальных материалов, о чем появилась краткая информация в издании «Славяне»⁵⁷. Опубликованный в сборнике список имеет название «Алфавит лицам военного ведомства, замеченным в политических проступках, за 1861–1863 гг.». Он представляет собой перечень имен, представленный в виде таблицы,

⁵⁵ См.: Богданов Г.В., Дьяков В.А. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 489–637.

⁵⁶ См. там же. С. 491.

⁵⁷ См.: Богданов Г.В., Кунтиков И.Н. Новые документы о русско-польских революционных связях // Славяне. 1957. № 4. С. 36.

с указанием звания скомпрометировавшего себя лица и его «провинностей». Особо ценными являются сделанные авторами примечания к документу. Они полностью отвечают поставленной авторами перед собой задаче, сформулированной следующим образом: по каждому упомянутому в перечне лицу «дать максимально возможное количество фактического материала со ссылками на соответствующие источники, в первую очередь документальные, затем на имеющуюся литературу»⁵⁸. В комментариях аннотированы все указанные в «Алфавите» лица; сведения о них были почерпнуты преимущественно из архивных материалов ЦГВИА (РГВИА) и ЦГИАМ (ГА РФ). Таким образом, публикация превратилась в серьезный биографический справочник с архивной документальной основой. В предисловии к публиковавшемуся источнику выдвигалась идея создания общего большого словаря участников Польского восстания 1863 г. В этой связи Дьяков считал целесообразным применить коллективный подход к реализации научного замысла, объединить усилия широкого круга историков. Предлагалось также в следующих сборниках по истории восстания 1863 г. ввести специальный раздел, в котором печатались бы поступающие подготовительные материалы для будущего биобиблиографического словаря⁵⁹.

Другой важной публикацией такого же плана стал «Список руководящих деятелей восстания 1863–1864 гг., составленный В.В. фон Вальем»⁶⁰. В небольшом вступлении к тексту публикуемого документа В.А. Дьяков еще раз подчеркнул важность биографических исследований. «Едва ли необходимо доказывать, — писал он, — что без хорошо разработанной персоналии очень трудно рассчитывать на успех в изучении историко-революционной проблемы». В начале 1860-х годов В.В. фон Валь был адъютантом главнокомандующего русской армией в Царстве Польском генерал-фельдмаршала Ф.Ф. Берга. Фон Валь интересовался историей восстания

⁵⁸ Богданов Г.В., Дьяков В.А. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг. С. 503.

⁵⁹ См. там же.

⁶⁰ См.: Русско-польские революционные связи 60-х годов и польское восстание 1863 года: Сб. ст. и материалов. М., 1962.

1863 г., но, по словам Дьякова, делал это не просто «ради чистой науки, а для полицейских нужд». При составлении списка польских повстанцев фон Валь привлекал различные материалы, содержавшие факты, «взятые из рассказов участников событий», свои личные наблюдения, сведения, «извлеченные из уже несуществующих документальных источников». Фон Валь имел возможность пользоваться также и донесениями о военных действиях. Исключив повторы фамилий и ошибки в нумерации, Дьяков подсчитал, что всего в списке было указано 215 повстанцев, причем все они были участниками вооруженных действий. И по каждому названному в списке лицу был проведен поиск биографических сведений, для чего привлекались исторические справочники, литература и архивные материалы из фондов ЦГИАМ (ГА РФ) и ЦГВИА (РГВИА). Очень редко, в исключительных случаях, комментарии ограничивались замечанием, что дополнительных материалов по данному лицу найдено не было⁶¹.

Вышедший в 1967 г. биобиблиографический словарь «Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов» явился своеобразным итогом многолетней работы ученого по основной проблематике предшествовавшего периода, в определенном аспекте отразившим ее результаты. В предисловии к изданию Дьяков писал, что «для успешного изучения истории революционного движения» необходимы «плановмерно собранные и по единой схеме обработанные сведения об отдельных его участниках». Отмечая, что при составлении словаря использовались имевшиеся опубликованные справочные издания и литература, он подчеркивал, что важнейшими, однако, явились архивные материалы. В словарь было включено более 1500 фамилий. Приведенный Дьяковым подсчет социального состава участников движения показывал, что 98,2% из них принадлежали к потомственному и личному дворянству, при этом подавляющее большинство их не имело никакой недвижимости⁶². Проанализирован им был также и состав участников

⁶¹ См.: Русско-польские революционные связи 60-х годов... С. 506, 509, 511. Текст списка — С. 515–539, комментарии — С. 539–563 (петитом).

⁶² См.: Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. М., 1967. С. 3, 4, 13–14.

движения по принципу их «территориального происхождения», то есть по месту рождения (северо-западные губернии, юго-западные губернии, Царство Польское, внутренние губернии империи). Таким образом, В.А. Дьяков на конкретных примерах продемонстрировал возможности использования словарного материала как источника для проведения исследований, в частности, статистического характера.

В рамках советско-польского издания «Зеленой серии», изменившей к тому времени свое официальное название на «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке», в 1990 г. был издан биобиблиографический словарь «Участники освободительного движения 1832–1855 годов в Королевстве Польском». Его подготовили советские и польские историки: В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, А. Галковский и В. Сливовска⁶³. В словарь включено было около 3300 биографических справок, содержание которых охватывало более широкий хронологический период, чем указывалось в заглавии тома. Он был выпущен в свет задолго до завершения всей публикации; это не просто перечень биограмм, составленный по именным указателям уже напечатанных томов серии, а самостоятельная, огромная по объему работа. Словарь справедливо заслужил высокую оценку как польских, так и российских историков.

В.А. Дьяков проявлял интерес не только к участникам польского национального движения этапа польских восстаний, но и к биографиям деятелей отечественной славистики. Благодаря его инициативе и проведенной им большой научно-организационной работе Институтом славяноведения был издан словарь «Историки-слависты СССР»⁶⁴. Дьяков являлся его ответственным редактором. В словарь были включены биобиблиографические справки на 491 человека. В предисловии, написанном Дьяковым, приводились подсчеты, сделанные им по различным основаниям. Распределение историков-славистов по союзным республикам показало, что

⁶³ См.: Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855. Królestwo Polskie. Przewodnik biobibliograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdask; Łódź, 1990.

⁶⁴ См.: Историки-слависты СССР: Биобиблиографический словарь-справочник. М., 1981.

большую часть составляли ученые из Российской Федерации (235), из которых более половины — историки Москвы, затем по численности следовали украинские ученые (124), белорусские (26) и слависты Молдавии, Узбекистана, Армении, Казахстана (соответственно 6, 5, 4, 3 человека). Было также подсчитано, сколько ученых занимается историей каждой из четырех (тогда) зарубежных славянских стран, общеславянской проблематикой и вопросами межславянских связей, была проанализирована возрастная структура и т.п. Согласно с установившимися традициями того времени, предисловие содержало своеобразный рапорт о достижениях советских ученых: «Можно с глубоким удовлетворением отметить, что в Советском Союзе в настоящее время историко-славянистическая наука находится на крутом подъеме»⁶⁵. Однако в тексте прозвучала и критическая нота, отмечавшая тот факт, что «исследование истории Югославии и Чехословакии еще продолжает оставаться “узким местом” советской исторической славистики»⁶⁶.

В.А. Дьяков возглавил также работу по подготовке двух биобиблиографических словарей, посвященных истории отечественного славяноведения на всем протяжении его развития. Этим изданиям предшествовала большая подготовительная работа. В 1974 г. был опубликован план-проспект предстоящих изданий, в котором четко определялись задачи для будущих авторов словарных статей. Предусматривалось, что биографическая справка должна состоять из пяти частей: специализация ученого (то есть указание, в какой области славяноведения он трудился) и его биография, краткая характеристика научной и преподавательской деятельности, сведения о месте хранения личного архива, библиография его трудов и перечень основных материалов о нем. Для наглядности приводилось несколько примеров-образцов словарных статей. Отдельно был помещен «словник» — список включаемых в словарь лиц, указывались годы их жизни и объем будущих статей (от 1,5 до 12 тыс. знаков) с вполне понятным примечанием, что и объем, и состав могут изменяться.

⁶⁵ Историки-слависты СССР. С. 40.

⁶⁶ Там же. С. 38.

Осуществление столь масштабного издания потребовало значительного времени: словарь «Славяноведение в дореволюционной России» вышел спустя четыре года после публикации плана-проспекта — в 1979 г.⁶⁷ В редакционном предисловии давалось определение понятия «славяноведение» — наиболее «соответствующее исследовательской практике ученых как в дореволюционный период, так и в настоящее время». Оно формулировалось следующим образом: «Славяноведение является комплексом научных дисциплин, обладающих определенным внутренним единством и включающих лингвистику, литературоведение, историю (в том числе историю культуры), а отчасти и некоторые другие науки, изучающих общественную жизнь славянских народов, их взаимоотношения друг с другом и с соседними народами». Такое понимание явилось основой для определения круга лиц, включаемых в словарь. В предисловии также отмечалось, что при всей условности деления славян на отечественных и зарубежных, однако в соответствии с традицией в словарь включались ученые, занимавшиеся славянами зарубежными. Территориально словарь ограничивался Российской империей, то есть в словаре приводились данные о тех, кто занимался изучением славян, работая на территории России. Хронологически словарь охватывал период с середины XVIII в. до 1917 г. Кроме биографических данных в словарной статье приводились сведения об образовании и научной деятельности лица, указывалось местонахождение его личного фонда, перечислялись его труды (или давалась ссылка на соответствующее библиографическое издание), литература о нем. В словарь была включена обширная статья В.А. Дьякова и А.С. Мыльниковой, в которой авторы характеризовали основные этапы истории славяноведения в дореволюционной России с учетом специфики составляющих его дисциплин⁶⁸.

В 1993 г. в Нью-Йорке как хронологическое продолжение этого словаря был издан второй из задуманных в 1970-е годы словарь — «Славяноведение в СССР: изучение южных и западных

⁶⁷ См.: Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979.

⁶⁸ См.: Славяноведение в дореволюционной России. С. 5–6, 11–46.

славян»⁶⁹. В него вошло свыше 1500 биобиблиографических статей об ученых, работавших «в нынешних границах СССР» (ко времени выхода словаря в свет эта оговорка уже устарела). Учитывались труды славистов, вышедшие из печати до 1987 г. В словаре был соблюден тот же структурный принцип, что и в предшествующем издании: перед текстами словарных статей был помещен «Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения» с приведением обширного справочного аппарата по библиографии истории славяноведения, написанный авторами-составителями⁷⁰.

Свои взгляды по вопросам славянской биографистики, сформировавшиеся в результате многолетней практической работы, В.А. Дьяков изложил в выступлении на коллоквиуме, состоявшемся в Тверском университете в 1991 г. Его статьей о биографистике в истории славяноведения открывался сборник материалов, изданный университетом⁷¹. Касаясь терминологии жанра, Дьяков отметил, что «формально термин “биографистика” пока не существует, хотя фактически он часто употребляется как в научной литературе, так и в публицистике». Далее он кратко охарактеризовал работу по составлению славистических словарей, проводившуюся Институтом славяноведения АН СССР, и привел в качестве примеров несколько работ о выдающихся славистах. «Наука, — подчеркивал В.А. Дьяков, — индивидуализирована больше, чем другие виды человеческой деятельности», и поэтому «творческим портретам» следует уделить больше внимания, причем речь должна идти не об «отдельных эскизах и набросках, а о систематической работе по тщательному изучению творческого наследия наших предшественников на научном поприще»⁷².

В сущности, отдельные позиции биобиблиографических словарей представляют собой микробиографии ученых — как

⁶⁹ См.: Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян: Биобиблиографический словарь / Отв. ред. В.А. Дьяков. Н. У., 1993.

⁷⁰ См. там же. С. 6–48.

⁷¹ См.: Дьяков В.А. Биографистика в истории славяноведения. Современное состояние и перспективы развития // Биография исследователя как жанр славистики: Сб. науч. трудов. Тверь, 1991 (ротапринт).

⁷² Там же.

выдающихся, внесших большой вклад в ту или иную отрасль науки, так и исследователей меньшего масштаба, чьи труды также важны для широкого понимания и углубленного изучения общего хода развития науки. В последние полтора десятилетия серьезное внимание в биографических трудах стало уделяться разработке биографий «рядовых» историков в связи с актуализацией проблематики по изучению истории «человека второго плана»⁷³. В своем выступлении в Твери В.А. Дьяков поставил также вопрос для размышлений о том, «насколько далеко следует выходить за рамки биографии, стремясь показать ту общественную и научную жизнь, на фоне которой разрывывалась деятельность данного ученого»⁷⁴.

Одним из направлений научной деятельности В.А. Дьякова можно назвать его участие в рецензировании и консультировании произведений художественной литературы и кинематографии. Примером могла бы послужить повесть о З. Сераковском, написанная русским советским писателем из Литвы Г.В. Метельским, изданная в Москве в 1972 г. Она была подготовлена на основе исторических исследований и документальных источников (вышла в серии Политиздата «Пламенные революционеры») ⁷⁵. В 1975 г. на студиях «Мосфильм» и «Панорама» был снят двухсерийный польско-советский фильм о Ярославе Домбровском. Он появился на экранах польских кинотеатров в январе 1976 г., а в

⁷³ Как пример развития этого направления можно привести статью историка из Ростова-на-Дону: *Трапиц Н.А.* «Историк второго плана» в структуре персональной историографической иерархии (на примере развития дореволюционной исторической науки) // В тени великих... С. 29–40. См. также: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* «Историописатель второго плана» в истории // Слава и забвение: парадоксы биографики: Сб. науч. ст. СПб., 2014 (об исторических трудах Екатерины II).

⁷⁴ *Дьяков В.А.* Биографистика... С. 3, 4, 15, 16. Спустя несколько лет, как бы в поддержку этих размышлений В.А. Дьякова о биографическом жанре, Л.П. Репина писала: «Биография может по праву называться исторической, только будучи помещенной в исторический контекст, причем взятый во всех его пересекающихся аспектах», и далее отмечала, что «фигуры второго плана делают свое дело, пребывая в тени гениев» — «без них нельзя представить пространство интеллектуальной жизни» (*Репина Л.П.* От исторической биографии... С. 10, 11).

⁷⁵ *Метельский Г.В.* Доленго: Повесть о Сигизмунде Сераковском. М., 1972.

июле того же года — в СССР. Автором сценария был известный советский писатель Юрий Нагибин, который предложил В.А. Дьякову стать научным консультантом киноленты, — его участие отражено в титрах картины.

В современных историографиях бывших республик Советского Союза проявилась тенденция углубленного изучения собственной национальной истории, причем делается это совершенно под иным углом зрения, чем раньше. Особое внимание стало уделяться национальному аспекту, проблеме национальной идентичности на протяжении веков и десятилетий. Это наложило отпечаток и на такую область исторических исследований, как биографистика. Если раньше при создании «исторического портрета» поляка его деятельность рассматривалась в ракурсе принципов интернационализма, совместной революционной борьбы народов против царизма, соответствующим образом трактовались и акцентировались «передовые, прогрессивные, революционные» контакты и связи между представителями русского, польского, украинского и белорусского народов, то с 1990-х годов в историографиях бывших союзных республик и других стран Восточной Европы все существеннее стала укрепляться чисто национальная тенденция. Все большее внимание стало сосредотачиваться на проблеме национального неравенства в Российской империи. Труды В.А. Дьякова в сфере биографистики, основанные на достоверных исторических источниках, на больших документальных комплексах, насыщенные фактографическим материалом, дают возможность проведения объективного исторического анализа, а следовательно, и по сей день не утрачивают своего научного значения. Несомненно, что долгое время будут оставаться также востребованными и биобиблиографические словари, инициатором создания которых являлся В.А. Дьяков.

Юзеф Пилсудский в освещении советской и русской эмигрантской прессы и публицистики (до конца 1960-х годов)

Хорошо известно, что история современности рождается из политологии, а последняя никогда не отрицала своей прямой связи с текущей политикой. Более того, политология считает своей прямой обязанностью обслуживание ее запросов. Это наблюдение полностью применимо к исследованию жизненного пути Юзефа Пилсудского и исторических процессов, им олицетворявшихся и персонафицированных. К тому же оно исключает необходимость детального объяснения причин того, почему жизнь и деятельность польского национального героя XX в. в отечественной историографии так долго была предметом жесткой критики и даже осуждения.

В России имя Пилсудского получило широкую известность достаточно поздно, когда ему исполнился 51 год. Конечно, он был известен и до этого, но среди очень узкого круга людей, которым это было положено знать по службе. *Во-первых*, о нем знали сотрудники правоохранительных органов (охранки) с момента его первого ареста в 1887 г. по делу о косвенной причастности к готовившемуся покушению на императора Александра III. *Во-вторых*, он был в поле зрения российских дипломатов в Австро-Венгрии после организации при его участии в 1910 г. по подсказке и с разрешения австрийцев Стрелкового союза в Галиции.

Что же касается широкой общественности России, то она могла слышать лишь о так называемых акциях руководимой им боевой организации ППС, особенно о самой громкой из них — нападении на почтовый вагон поезда № 4 на полустанке Безданы Петербургско-Варшавской железной дороги, в котором он единственный раз участвовал лично. Об этом «эксе» пресса империи широко писала во второй половине сентября 1908 г., ведь погиб один жандарм, пять человек из охраны почтового вагона получили ранения, а казна не досчиталась

200 тыс. рублей. Однако фамилии участников этого дерзкого вооруженного нападения тогда не назывались, поскольку их никто не знал.

В начале Первой мировой войны российские газеты сообщили о некоем польском добровольческом формировании, пришедшем из Австро-Венгрии и занявшем на короткое время губернский город Кельце, никем не защищаемый по причине своего приграничного месторасположения. Но и на этот раз имя Пилсудского не упоминалось. Не упоминали его и в связи с созданным австрийцами в августе 1914 г. польским легионом на правах ландштурма, ибо будущий Первый маршал Польши им никогда не командовал, а его полк (позже бригада) никакими громкими боевыми успехами в 1914 г. похвастаться не мог. Но о самом легионе в России знали, добровольное служение поляков немцам казалось русским противоестественным, расценивалось как предательство интересов славянства, вступившего в решающую стадию борьбы с германством. Об этом свидетельствует написанное в октябре 1914 г. стихотворение Осипа Мандельштама «Połacy!».

*Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков!
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?
Или снега не будут больше
Зимой покрывать ковьяль?*

*Или о Габсбургов костыль
Пристало ушибаться Польше?
И ты, славянская комета,
В своем блуждании вековом
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!*

После оставления русскими войсками Царства Польского в августе 1915 г. тема стрелков перестает быть в России медийным поводом, поскольку в масштабах австрийского Восточного фронта они были практически незаметны.

Начало широкой известности Пилсудского в России датируется концом 1918 г., когда он встал во главе Польши и ее Вооруженных сил. Особенно часто его фамилия называлась в годы советско-польской войны 1919–1920 гг. в дипломатических документах и на страницах центральной и региональной советской прессы.

Как правило, имя Пилсудского встречалось в аналитических газетных статьях, написанных по материалам радиоперехватов и сведениям польских коммунистов, выступавших в те

годы экспертами советского руководства по польскому вопросу. В 1919 г. таким главным экспертом был Юлиан Мархлевский (Карский), участник секретных переговоров с представителями Пилсудского в Беловеже и Микашевичах. В 1920 г. к нему прибавился Карл Радек (Собельсон), уроженец Львова, член ЦК РКП(б). Именно он был автором ряда аналитических статей в газете «Известия», посвященных внешней политике Польши, в которых говорилось и о Пилсудском. Именно Радек, чтобы дискредитировать Пилсудского в глазах Антанты, предложил в конце июля 1920 г. рассказать в прессе о секретных переговорах в Микашевичах¹, а 3 августа 1920 г. сделал это в «Известиях» и других газетах². В статье содержались следующие характеристики Пилсудского: «мелкий буржуа», «мелкобуржуазный националист», «мелкий буржуа, беспрерывно бросающийся от крайнего пессимизма к крайнему оптимизму», «авантюрист». В целом же в 1919–1922 гг. в советской прессе и публицистике за Пилсудским прочно закрепляются клише: «лидер военной партии», «безответственный авантюрист», «поджигатель войны», «противник нормализации отношений с Советской Россией» и т.п.

После ухода Пилсудского с поста главы государства в ноябре 1922 г., а в 1923 г. и из армии его образ в СССР претерпевает существенную трансформацию. И не последнюю роль в этом сыграют польские коммунисты. Одни из них почти постоянно проживали в Советском Союзе, другие находились на нелегальном положении в Польше, но были теснейшим образом связаны со своими однопартийцами в Москве, регулярно информировали их о внутривнутриполитической жизни на родине. Исходя из принятого в коммунистическом движении анализа всех политических явлений исключительно с классовых позиций, они считали, что в ноябре 1922 г. Пилсудский проиграл борьбу за власть своим политическим оппонентам — национальным демократам, которые выражали интересы крупной буржуазии и помещиков. Но при этом сохранил авторитет у мелкобуржуазных слоев общества и действовавших в их среде

¹ См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 22. Л. 11 об.

² См.: Радек К. Могильщик белой Польши // Известия. 1920. 3 августа; Он же. Могильщик белой Польши // Петроградская правда. 1920. 4 августа.

политических партий; кроме того, в его распоряжении были преданные ему «комбатантские» (ветеранские) организации. Из этого польские коммунисты делали вывод, что Пилсудский, опираясь на эти силы, рано или поздно предпримет попытку вернуться на политический олимп. И эту свою позицию они, широко используя предоставляемый им в СССР доступ к СМИ, и доводили до советской общественности.

Весьма показательна в этом отношении аналитическая статья видного члена руководства КПП Веры Костшевой (Марии Кошутской), опубликованная в тематическом сборнике под редакцией члена редколлегии газеты «Правда» Н.Л. Мещерякова. В ней Пилсудский характеризовался как выразитель интересов мелкой буржуазии, крайне неустойчивой в своих политических взглядах, а потому и непредсказуемой. В соответствии с принятым в то время в Коминтерне определением всякого недемократического течения в политической жизни буржуазно-демократических государств как фашистского, Костшева определила верные Пилсудскому комбатантские организации как «левый фашизм», в отличие от эндеков — «правых фашистов»³. Эту характеристику уточнил Юзеф Красный: «Эти организации (сторонников Пилсудского. — Г.М.) нельзя назвать фашистскими. Они борются против крупной буржуазии и помещиков, являются защитниками и резервом мелкой буржуазии. Как таковые, они ненавидят революцию и коммунистов, против которых выступают»⁴. Поэтому прежняя, существовавшая до 1922 г. негативная характеристика Пилсудского оставалась неизменной, а сам он по-прежнему оставался объектом жесткой критики со стороны коммунистов. Для демонстрации политической продажности Пилсудского использовались даже факты его сотрудничества с японцами в 1904 г. и с австрийской военной разведкой накануне и в годы мировой войны.

Создававшийся усилиями советской прессы и польских коммунистов негативный образ Пилсудского в свойственном ему хлестком стиле площадного трибуна в 1923 г. обобщил В.В. Маяковский в стихотворении «Пилсудский».

³ См.: Костшева В. Теория и практика польского фашизма // Мировой фашизм. М.; Пг., 1923.

⁴ См.: Красный Ю. Польский фашизм. М., 1924. С. 36.

Чьи уши –
не ваши ли? –
не слышали
о грозном
фельдмаршале?!
Склонитесь,
забудьте
суеты
и суетцы!
Поджилки
не трясутся у кого!
Мною
рисуетса
портрет Пилсудского.

РОСТ

У Пилсудского
нет
никакого роста.
Вернее,
росты у него разные:
маленький –
если бьют,
большой –
если победу празднует.
Когда
старается
вырасти рьяней,
к нему
красноармейца приставляют
няней.

Впрочем,
военная
не привлекает трель его:
не краснозвездников,
а краснокрестников норовит
расстреливать.

ГОЛОВА

Крохотный лоб.
Только для кокарды:
уместилась чтоб.

А под лобиком
сейчас же
идут челюстищи
зубов на тыщу
или
на две тыщи.
Смотри,
чтоб челюстьце
не попалась работца,
а то
разрастетса.
Приоткроетса челюсть,
жря
или зыкая, –
а там
вместо языка –
верста трезыкаяя.
Почему
уважаемый воин
так
обильно
языками благоустроен?
А потому
такое
языков количество,
что три сапога,
по сапогу на величество, –
а иногда
необходимо,
чтоб пан мог
вылизывать
единовременно
трое сапог:
во-первых –
Фошевы
подошвы,
Френчу
звездочку шпорову
да туфлю
собственному
буржуазному
борову.
Стоит
на коленках
и лижет,
и лижет,

только сзади
 блестят
 пуговицы яркие.
 Никто
 никогда
 не становился ниже:
 Пилсудский
 даже ниже
 польской марки.
 А чтоб в глаза
 не бросился
 лизательный снаряд –
 над челюстью
 усищев жесткий ряд.
 Никто
 не видал
 Пилсудского телеса.
 Думаю,
 под рубашкой
 Пилсудский — лиса.
 Одежда:
 мундир,
 в золото выткан,
 а сзади к мундиру –
 длиннющая нитка,
 конец к мундиру,
 а конец второй –
 держится
 Пуанкарой.
 Дернет –
 Пилсудский дрыгнет ляжкой.
 Дернет –
 Пилсудский звякнет шашкой.
 Характер пилсудчий –
 сучий.
 Подходит хозяин –
 хвостика выкрут.
 Скажет:
 «Куси!» –
 вопьется в икру.
 Зато
 и сахар
 попадает
 на носик
 этой
 злейшей
 из антантовских мосек.

То новеньким
 заменят
 жупан драненький,
 то танк подарят,
 то просто франки.
 Устрой
 перерыв
 в хозяйских харчах –
 и пес
 моментально б
 сник
 и зачах.
 Должен
 и вере
 дать дань я
 и убеждения
 отменить
 до последних толик:
 Пилсудский
 был
 социалистического
 вероисповедания,
 но
 по убеждению
 всегда
 иезуит-католик.
 Демократизм прихрамывает,
 староват одёр,
 у рабочих
 в одра
 исчезает вера.
 Придетя
 и Пилсудскому
 задать дёру
 из своего
 Бельведера.
 Примечание.
 Не очень ли
 портрет
 выглядит подленько?
 Пожалуй,
 но все же
 не подлей подлинника.

Постепенно Пилсудский все меньше интересовал советскую прессу, но осенью 1925 г. в Польше разразился очередной, на этот раз затяжной политический кризис, непоследнюю роль в котором играл маршал, формально находившийся на пенсии. С апреля 1926 г. ситуация в Польше становится чуть ли не ежедневной темой центральных и республиканских (белорусских и украинских) газет и журналов, и одновременно опять много внимания уделяется Пилсудскому⁵. Вплоть до конца мая 1926 г. Пилсудский, как и в предшествующие несколько лет, назывался выразителем интересов мелкой буржуазии, совершенный им государственный переворот — «революцией военной демократии», а К. Радек 26 мая даже охарактеризовал установленный им режим как «шутку истории»⁶.

Но с 30 мая 1926 г. оценки стали меняться. Лидер немецких коммунистов Э. Тельман 30 мая в «Правде» назвал переворот контрреволюционным актом, направленным на спасение власти буржуазии⁷. А 1 июня «Известия», комментируя итоги выборов президента в Польше, констатировали, что Пилсудский взял курс на сближение с буржуазией и помещиками, а его диктатура будет приобретать все более выраженный фашистский характер⁸.

Все точки над «і» расставил Исполком Коминтерна, определив 1 июня 1926 г. переворот в Польше как фашистский. Хотя текст постановления был опубликован только в августовском номере журнала «Коммунистический Интернационал», но основные его положения были изложены в выступлениях члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина на собраниях партийного актива в Москве 8 июня⁹ и Ленинграде 11 июня¹⁰, в которых он

⁵ Подробнее об этом см.: *Matwiejew G.F. Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. Warszawa, 1976. T. XIII. S. 127–135.*

⁶ См.: *Радек К. Наполеон IV // Правда. 1926. 26 мая.*

⁷ См.: *Тельман Э. О тактике польской компартии // Правда. 1926. 30 мая.*

⁸ См.: *Известия. 1926. 1 июня.*

⁹ См.: *Известия. 1926. 26 июня.*

¹⁰ См.: *Ленинградская правда. 1926. 13 июня.*

называл диктатуру Пилсудского фашистской, типа Муссолини, но на более низкой ступени развития.

С июня 1926 г. Пилсудского в СССР стали называть только фашистским диктатором, смертельным врагом трудящихся, революционного и национально-освободительного движений, непримиримым антисоветчиком, вынашивающим планы нападения на Советский Союз. Никакие другие оценки не имели права на существование ни в советской публицистике, ни в посвященных межвоенной истории Польши научных трудах практически до 1980-х годов.

Обличительный запал советских СМИ в отношении Пилсудского и его политики был несколько приглушен дважды. Первый раз — в 1932 г. в связи с подготовкой и подписанием советско-польского пакта о ненападении, но Пилсудский и тогда не перестал быть для советского общества фашистским диктатором. Второй раз — в мае 1935 г. российского читателя наверняка не могла не удивить официальная реакция советского руководства на смерть Пилсудского, последовавшую 12 мая 1935 г. Информация об этом по сугубо техническим причинам появилась в советской прессе 14 мая. Помимо материалов новостного характера, в «Известиях» целый подвал был отведен под статью К. Радека «Маршал Иосиф Пилсудский», текст которой, несомненно, не мог не быть согласован с И.В. Сталиным. Особенно те пассажи, которые касались оценки Пилсудского как политика и государственного деятеля, а также перспектив советско-польских отношений. При ее написании Радек пользовался трудами Пилсудского, а также его биографией, скорее всего принадлежавшей хорошему знатоку Сибири и Дальнего Востока, писателю, участнику польского национально-освободительного движения, почитателю Ю. Пилсудского В.Л. Серошевскому.

Уже первый пассаж статьи резко диссонировал со всем, что писали о Пилсудском в советской прессе после 1918 г. Радек характеризовал маршала не в традиционном для советской пропаганды классовом духе, а как горячего патриота, всю свою жизнь посвятившего служению Польше: «С маршалом Пилсудским сходит в могилу фигура человека, который пронес тлеющие под пеплом растоптанного восстания 1863 г. искры идей польской независимости до момента, когда историческая обстановка, крушение монархии

Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов привели к восстановлению независимой Польши. С маршалом сходит в могилу организатор независимого польского государства. Как все личности, вокруг которых история плела свои нити, Пилсудский был фигурой очень цельной. Оглядываясь на его жизненный путь, можно сказать, что с момента, когда он начал политически мыслить и действовать, его сущность не менялась. Он был польским националистом, и это было его существом».

Эту свою главную идею Радек красной нитью проведет через всю статью. Вот лишь некоторые из его положений: «Он (Пилсудский. — Г.М.) социалистом никогда не был, и вся его эволюция была выражением форм борьбы за независимость Польши»; «Пилсудский менял формы организации (ППС, боевая организация, Стрелковый союз, легион), имел всегда перед глазами одну цель — борьбу за независимость Польши»; «Когда царская Россия была разбита, когда Февральская революция провозгласила независимость Польши, когда перспективы германского империализма стали мрачными, Пилсудский не дает германскому империализму себя связать. Он идет под арест в германскую крепость, приказывает своим офицерами идти в концлагери, чтобы только донести идею независимости до момента окончательного кризиса».

В историографическом отношении весьма ценным было наблюдение Радека, что независимость Польши стала возможной «благодаря той международной революции, в которую Пилсудский не верил». Но последствия освобождения Польши, подчеркнул автор статьи, мог использовать только Пилсудский. Не останавливаясь на перипетиях отношений маршала с господствующими классами до 1926 г., Радек отметил, в частности, его ярко выраженное стремление к созданию централизованной власти, не подчиненной парламенту и «демагогии мелкобуржуазных партий», а также констатировал, что в результате мая 1926 г. Пилсудский «стал действительным диктатором Польши <...> стал руководителем господствующих классов Польши». В приведенном высказывании важно то, что Радек не воспользовался традиционной для советской прессы идеологемой «фашистский диктатор».

Конечно, статья в центральном правительственном органе СССР печаталась вовсе не ради того, чтобы познакомиться

российского читателя с биографией Ю. Пилсудского, и не потому, что Радек руководствовался принципом *De mortuis aut bene aut nihil**. Она должна была продемонстрировать польскому руководству готовность Советского Союза к развитию добрососедских двусторонних отношений. Именно поэтому много места в статье заняла характеристика политики Пилсудского на советском направлении. И в этом сюжете автор избегал устоявшихся пропагандистских штампов. Говоря о сути польско-советской войны 1919–1920 гг., Радек акцентировал не антисоветизм Пилсудского как таковой, а его желание максимально ослабить Россию и тем самым повысить безопасность Польши. Этой своей идее, говорилось далее, Пилсудский остался верен до конца. «После установления мирных отношений с Советской республикой он следил за ее развитием с глубочайшим недоверием. Во-первых, старый маршал, прошедший варшавскую школу царской русификации, видел в СССР наследника царизма и не хотел признавать искренности нашей внешней политики». Во-вторых, «это глубокое недоверие Пилсудского, его боязнь, что усиливающийся СССР может стать опасностью для независимости Польши, толкали его, вероятно, на мысль о том, что новые мировые столкновения могут снова создать обстановку, когда будет решаться вопрос о новой перекройке карты Восточной Европы. Тогда должен прийти момент нового испытания реальности идеи федерации Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой».

Именно приверженность Пилсудского идее федерации была названа Радеком главным препятствием, которое новому руководству Польши следовало преодолеть ради налаживания конструктивного сотрудничества с СССР. «Над могилой маршала Пилсудского мы не хотим вести споров о глубокой нереальности подобных идей. <...> Мы желаем, чтобы польский народ точно так же, как народы СССР, смотрел не назад, а вперед». Обращаясь непосредственно к руководству Польши, советский официоз убеждал его, что в условиях, «когда над миром собираются новые исторические бури», оно должно понять, что нет лучших гарантий независимости Польши, чем дружба с СССР. «Похоронить недоверие, дружить

* О мертвых или хорошо, или ничего (лат.).

с СССР» — так завершил Радек свою статью, которая вполне могла стать поворотным моментом в представлении образа Пилсудского в российских СМИ, в глазах россиян, а тем самым и в историографии.

Однако этого не случилось, перелома в советско-польских отношениях не произошло, а в 1936 г. К. Радек был репрессирован как враг народа. Что же касается советской прессы, то на ее страницах продолжал тиражироваться традиционный образ Пилсудского как фашистского диктатора и непримиримого врага СССР. Но постепенно его имя утратило свою медийную актуальность, на первое место в информации о Польше выдвинулись действующие польские политики. И если о Пилсудском все же вспоминали, то всегда пользовались коминтерновскими оценками.

Такая ситуация сохранялась очень долго, и лишь во второй половине 1960-х годов стали появляться более сдержанные трактовки. Это видно по главе о межвоенной Польше в учебнике «История южных и западных славян» (1969), написанном М.В. Миско, в которой Пилсудский представлен просто как глава режима, являвшегося «разновидностью диктатуры крупного капитала и помещиков, диктатуры, все более и более проявлявшей фашистские черты»¹¹.

Собственный образ Пилсудского складывался и у российской эмиграции. Он был не столь однозначен, как существовавший в СССР. Возможно, потому, что его формировали не столько политики, сколько писатели. Пожалуй, первым был Д.С. Мережковский, в 1920 г. эмигрировавший из РСФСР и несколько месяцев проживший в Варшаве. Здесь он написал брошюру «Пилсудский», прозвучавшую как типичный панегирик главе польского государства, которого автор пытался убедить не заключать мир с Советской Россией. 20 октября 1920 г., в день вступления в действие соглашения о прелиминарном мире и перемирии Польши с советскими республиками, Д.С. Мережковский и его жена З.Н. Гиппиус покинули Польшу и уехали в Париж. Больше Мережковский к биографии Пилсудского не обращался.

Совершенно иной, более взвешенный портрет Пилсудского вышел из-под пера другого эмигрантского писателя — Марка

¹¹ История южных и западных славян. М., 1969. С. 392.

Алданова (М.А. Ландау). В 1936 г. в серии «Портреты» появился его очерк «Пилсудский». Алданов сделал упор на нелюбви Пилсудского к России и его патриотизме, подверг критике заключение Пилсудским осенью 1919 г. негласного перемирия с большевиками, помогшего им разгромить Деникина и взять верх над Белым движением. Алданов показал Пилсудского как выдающегося государственного деятеля, много сделавшего для укрепления авторитета своей страны на международной арене. Но перспективы Польши в условиях приближающейся военной грозы виделись ему весьма неясными.

Таким образом, в советской прессе и публицистике в течение полувека проходила весьма сложная эволюция образа Ю. Пилсудского от «мелкого буржуа в мундире главнокомандующего польскими войсками», «военного авантюриста», фашистского диктатора, врага СССР до главы диктатуры, «все более и более проявлявшей фашистские черты», но так при его жизни фашистскою и не ставшей. И причина столь медленной эволюции восприятия Пилсудского может быть объяснена только живучестью политических оценок, в свое время сформулированных в Коминтерне не без участия руководства ВКП(б).

Что же касается российской эмиграции, то в ее среде каких-то однозначных оценок не просматривается, особенно качественных характеристик. На примере Алданова можно говорить скорее о желании понять феномен Пилсудского, совершившего путь восхождения от гонимого полицией нелегала до главы государства, к возрождению которого он имел прямое отношение. Такой подход был ближе к научному, но развития он не получил в связи уходом Пилсудского с политической сцены.

СССР и так называемый польский вопрос (1943–1945) — «левая альтернатива»

На рубеже 1942–1943 гг., на третий год Второй мировой войны, вопрос о судьбе послевоенной Польши, ее политико-государственном устройстве и международном положении вступил в драматическую фазу. Инициатива на Восточном фронте начала переходить к Красной Армии. В условиях «коренного перелома» в войне советское руководство готовило планы военных действий в Центральной Европе. Подобное развитие событий указывало на возможность вмешательства Москвы в дела региона и определение его будущего. Помешать навязать ему советскую форму устройства могли бы, однако, ранее принятые обязательства формально-юридического характера, в том числе дипломатические отношения с правительством Польской республики в изгнании. С точки зрения мирового сообщества, существенным ограничением были также принципы, заключенные в «Атлантической хартии», признанной аксиологической основой сотрудничества Объединенных Наций¹.

Исходя из предположения, что перелом в военных операциях на Восточном фронте отражает постоянную тенденцию, в конце 1942 г. советское руководство приняло решение о введении в действие так называемой левой альтернативы послевоенного устройства в Центрально-Восточной Европе. Эта политика имела целью защиту территориальных приобретений СССР в 1939–1940-х годов, а также установление в Центрально-Европейском регионе сферы советского

¹ См.: Prawo międzynarodowe i historia dyplomatyczna. Wybór dokumentów / Oprac. L. Gelberg. T. III. Warszawa, 1960. Dok. 19. S. 27–28. На межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. Советский Союз декларировал свое согласие с основными принципами Атлантической хартии, а следовательно, с принципом уважения довоенных границ (п. 2) и правом освобождаемых из-под оккупации государств на полный суверенитет (п. 3). См.: Ibid. Dok. 20. S. 30.

влияния и тем самым удержание достигнутого СССР в союзе Объединенных Наций (в антигитлеровской коалиции) статуса «политической державы», сравнимого с позицией в международных отношениях США или Великобритании².

С этой целью в СССР были предприняты интенсивные действия по подготовке кадров доверенных коммунистов и людей полностью надежных, при посредничестве которых Москва намеревалась навязать центральноевропейским государствам свое верховенство. В политику в отношении соседних стран вводились принципиальные коррективы. Они основывались на отказе от проводившейся до июня 1941 г. концепции аннексии Советским Союзом и включения в состав СССР новых территорий. На ее место пришла доктрина создания сферы влияния, составленной из псевдонезависимых государств, управляемых послушными Москве правительствами «левой альтернативы». В контексте этих действий, определяемых как политика ставки на «левую альтернативу», центральным оказался вопрос о будущем польском государстве.

Проблема установления контроля над возводимым фундаментом послевоенной международно-политической структуры региона становится в этот период одной из постоянных рабочих тем равным образом как по правительственной линии (коллегия Наркомата иностранных дел), так и по партийной (Политбюро ЦК ВКП(б) и послушный ему Исполнительный комитет Коминтерна).

Концепцию послевоенного вассального польского государства, элемента зоны советского влияния, планировалось реализовать при поддержке возобновившей свою деятельность коммунистической партии, названной Польской рабочей партией (ППР). Она была создана в январе 1942 г. присланной из СССР инициативной группой и остатками актива разгромленной в 1938 г. Коммунистической партии Польши и примыкавших к ней коммунистических партий Западной Белоруссии и Западной Украины, а также Коммунистического союза польской молодежи. Ее зависимость от Москвы призваны были закамуфлировать не только название (лишенное рутинного

² См.: *Noskowa A.F.* Na drodze do stworzenia PKWN — rola Moskwy // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2005. № 2. S. 31–48.

прилагательного «коммунистическая»), общая программа восстановления после войны «независимого, демократического государства», но и непринадлежность к Коминтерну, членство в котором являлось обязательным для всех коммунистических партий³. Создание такого плана диктовалось генеральной стратегией. Это не означало, что отношение И.В. Сталина к польским коммунистам изменилось. Несмотря на то что с самого начала своей деятельности ППР демонстрировала Москве полное послушание, Сталин и советское руководство с большим недоверием взирали как на саму партию, так и на ее сателлитов, а равным образом и на польских коммунистов, находившихся на территории СССР. Однако и коммунисты, и их разного рода попутчики были необходимы в качестве кадровой основы «левой альтернативы», как исполнители плана по превращению после войны Центрально-Восточной Европы в советскую сферу влияния.

Из всех стран Центральной Европы самыми значительными силами для внедрения «левой альтернативы» располагала, несомненно, Югославия, в которой действовало самое сильное коммунистическое подполье. На его базе к концу ноября 1942 г. было образовано Антифашистское вече народного освобождения⁴. Несколько позднее Исполком Коминтерна направил коммунистическим партиям Центрально-Европейского региона директивы по вопросу создания базы, которая сделала бы возможным их приход к власти по окончании войны. 5 января 1943 г. при личном участии главы Коминтерна Георгия Димитрова была принята стратегия прихода к власти для Коммунистической партии Чехословакии⁵. Началась широкая акция, направленная на создание полностью подконтрольных Москве квазинезависимых государств. После войны она должна была вызвать последствия колоссального масштаба.

³ Первое программное заявление ППР см.: Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego 1878–1984. Warszawa, 1986. Dok. 49. S. 268–271.

⁴ Подробнее об этом вопросе см.: *Гибанский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия 1941–1947 гг. М., 1987. С. 19–75.

⁵ См.: Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. / Сост. Н.С. Лебедева и М.М. Наринский. М., 1998. Док. 110. С. 286–299.

Осуществление в отношении Польши, как и других стран региона, тактики «левой альтернативы» и восстановления их государственности проходило с соблюдением видимости автономии в этом процессе каждой из стран Центральной Европы. По негласному соглашению с руководством Коминтерна, размещенная в Куйбышеве группа польских коммунистов 4 января 1943 г. якобы спонтанно обратилась к советским властям с просьбой об «организационном устройстве польских левых сил в СССР, а также комплексном решении всех польских вопросов в СССР» и о проведении соответствующих действий, чтобы «предотвратить возрождение Польши в качестве бастиона борьбы с коммунизмом»⁶. Эти первые шаги не скрылись от внимания иностранных наблюдателей. Как доносил своему центру представитель французского Национального комитета в Куйбышеве Роже Гарро, из проведенных им бесед вытекало, что Советский Союз намеревается «привести к власти [в Польше] правительство, которое не находилось бы в руках англичан и американцев, но вместе с тем не стремится сделать из Польши 17-ю союзную республику»⁷. Согласно донесению Гарро, этот план надлежало интерпретировать как водворение в Польше властей, правда, не декларирующих коммунистической ориентации, но полностью подчиненных Москве, а следовательно, как предзнаменование разрыва возобновленных в июле 1941 г. отношений с международно признанным правительством Республики Польша (названным в советской историографии польским эмигрантским правительством в Лондоне). Для этого разрыва был необходим предлог, который скоро нашелся.

13 апреля 1943 г. Радио «Берлин» информировало об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском массовых захоронений убитых польских офицеров⁸. 16 апреля министр

⁶ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН). Zesp. ZPP. Sygn. 1. K. 2 (письмо подписали Альфред Лампе и Ванда Василевска).

⁷ Stosunki polsko-radzieckie w 1943 r. w świetle francuskich dokumentów dyplomatycznych / Oprac. Z. Zaks // Dzieje Najnowsze. 1987. № 2. Dok. 1. S. 127.

⁸ См.: Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы / Сост. Н.С. Лебедева и др. М., 2001. Док. 186. С. 447.

национальной обороны эмигрантского правительства в Лондоне генерал Марьян Кукель сделал по этому поводу заявление, из которого следовало, что власти Польши не исключают достоверности немецкого сообщения⁹. От имени правительства Республики Польша в Международный Красный Крест (МКК) была отправлена депеша о необходимости расследования убийств в Катыни. Однако руководство МКК ставило такое расследование в зависимость от согласия «всех заинтересованных сторон», а следовательно, и СССР¹⁰. Тем временем Москва категорически отказалась дать такое разрешение. 19 апреля на страницах «Правды» появилась статья «Польские сотрудники Гитлера», обвинявшая лондонское правительство в контактах с Третьим рейхом и в том, что в польских высших властных кругах находятся «прогитлеровские элементы»¹¹. Это было равнозначно решению о разрыве дипломатических отношений, что и последовало четыре дня спустя¹².

Необходимое условие для направления так называемого польского вопроса на путь «левой альтернативы» было исполнено¹³. Коминтерн, а после его роспуска в июне 1943 г. Отдел международной информации ЦК ВКП(б) начали масштабную акцию для заложения основ установления после войны власти в стране польских коммунистов, находившихся в то время в Советском Союзе. Главным полем их организации стал возникший весной 1943 г. Союз польских патриотов (СПП). При помощи этого инструмента Сталин намеревался подготовить кадры и структуры, чтобы затем, по окончании войны, навязать их Польше. СПП в первый, неформальный период

⁹ См.: Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów / Oprac. J. Mackiewicz. Wyd. 11. Londyn, 1982. Dok. 6. S. 88–89.

¹⁰ См.: Ibid. Dok. 9, 10. S. 89–90.

¹¹ См.: Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. ... Док. 189. С. 452–455.

¹² См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 314. Л. 8–10 (оригинал ноты, не полученной послом РП Тадеушем Ромером).

¹³ Подробнее см.: *Матерский В.* Катынская трагедия и разрыв советско-польских дипломатических отношений // Великая Отечественная война. 1943 год / Ред. В.С. Христофоров и др. М., 2013. С. 41–66.

своей деятельности — и, следовательно, до учредительного I съезда в июне 1943 г. действовал на основе согласованной с советскими доверителями широкой политической программы, рассчитанной на привлечение не только коммунистов, но и представителей левого крыла центристов. Программа Союза сводилась к некоторым заманчивым лозунгам вроде борьбы с немецкими оккупантами в союзе с Красной Армией, возрождения польского государства, справедливых границ Польши, парламентской демократии, реализующей прогрессивную программу социальных и экономических реформ. Социальной опорой Союза были силы, находившиеся в оппозиции к эмигрантскому правительству в Лондоне.

Наряду с пропагандистскими акциями СПП оказывал материальную помощь и разного рода поддержку полякам, оказавшимся в силу разных причин на территории СССР, что позволяло Союзу преодолеть с их стороны недоверие, а временами и открытую враждебность¹⁴. Со временем он получил в этой среде относительно большую поддержку, облегчавшую переход к следующему этапу разыгрывания «левой альтернативы» — вторичной организации в СССР польской армии, на этот раз, в отличие от армии В. Андерса, с иным идейным обликом. Согласие приступить к формированию армии Совет народных комиссаров СССР дал уже в начале мая 1943 г., постановив «удовлетворить просьбу Союза польских патриотов»¹⁵.

Вскоре приступили к формированию пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко, во главе которой встал возведенный в звание генерала Зигмунт Берлинг. Ее фронтовые командные кадры почти полностью составляли делегированные советские офицеры, зато так называемый политический состав рекрутировался главным образом из коммунистов, бывших членов Коммунистической партии Польши и Коммунистического союза польской молодежи. Во всех отношениях — политическом, организационном и

¹⁴ Подробнее об этом вопросе см.: Głowacki A. Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946). Łódź, 1994.

¹⁵ См.: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich (далее — DIM). Warszawa, 1973. Т. VII. Dok. 256. S. 415.

оперативном — эта армия подчинялась советскому командованию. Дивизия должна была стать зачатком вооруженных сил «новой» Польши в союзе с СССР¹⁶.

Демонстрируя, что СПП — независимая польская организация, советские власти убеждали удивленных ее появлением союзников, что в Москве ни в коем случае «не думают о формировании польского коммунистического правительства»¹⁷. Они и дальше создавали видимость того, что возобновление отношений с правительством в Лондоне возможно, и в данном направлении начала действовать английская и американская дипломатия, принимавшие эту игру за чистую монету. Вероятно, для придания советским декларациям признаков достоверности, приготовления к созданию наряду с эмигрантским правительством в Лондоне просоветского правительства «левой альтернативы» предприняло не советское руководство, а именно СПП («наши поляки»).

Вторая половина 1943 г. проходила под знаком попыток США и Великобритании выступить посредниками в польско-советском конфликте для восстановления прерванных Москвой в апреле отношений. Их кульминация, закончившаяся фиаско, наступила во время встречи руководителей Большой тройки в Тегеране в конце ноября — начале декабря 1943 г. Однако еще до этого имело место важное событие, ключевое с точки зрения привыкания союзников к возможности другого решения польского вопроса — к «левой альтернативе». Таким событием стал бой под Ленино 12–13 октября 1943 г., своеобразная демонстрация перед союзниками, что именно «костюшковцы», а не польские вооруженные силы на Западе эффективно воюют с Германией. Дивизия Берлинга атаковала в эти дни сильно укрепленные немецкие позиции. Эта операция должна была, по замыслу Сталина, сыграть существенную роль — но не военную, а политическую. В результате «костюшковцы», практически лишенные поддержки

¹⁶ Подробнее см.: *Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S. Armia Berlinga i Żymierskiego. Wojsko Polskie na Froncie Wschodnim 1943–1945. Warszawa, 2002.*

¹⁷ *Stosunki polsko-radzieckie w 1943 r. ... Dok. 10. S. 133* (из заявления посла СССР при эмигрантских союзнических правительствах в Лондоне Александра Богомолова).

соседей и направленные на плохо разведанную территорию, понесли тяжелые потери — более 3 тыс. солдат и офицеров (25 % личного состава)¹⁸.

Бой под Ленино стал для Сталина на встрече Большой тройки в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) веским аргументом в пользу тезиса о значительной роли СПП и ее «вооруженного крыла», которое — в отличие от отправленной из СССР на Ближний Восток армии генерала Андерса — не щадит крови для общей победы Объединенных Наций. В ходе тегеранских дискуссий Сталин лишил собеседников всяких иллюзий о возможности возобновления СССР отношений с законным правительством Речи Посполитой в Лондоне. Умело используя заинтересованность США в участии СССР в войне на Дальнем Востоке, он за обещание присоединения Красной Армии к войне против Японии добился для Советского Союза свободы действий в Центрально-Восточной Европе после окончания войны с Германией. В частности, Сталин получил согласие союзников на установление советско-польской границы по линии Керзона¹⁹, то есть практически там же, где она была проведена после 15 сентября 1939 г. В соответствии с планами Кремля «новая» Польша должна была возродиться не только как «сателлитное» государство, но и, по красноречивому выражению заместителя наркома иностранных дел СССР И.М. Майского, как государство «не слишком сильное и не слишком большое»²⁰.

В конце 1943 г. в Москве возникла Организационная комиссия Польского национального комитета в составе Ванды Василевской, Анджея Витоса и Якуба Бермана. Она должна была выработать позицию в отношении «кризиса в польском вопросе» и предложить способ его «конструктивного решения». Об интенсивности деятельности Комиссии

¹⁸ См.: Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S. *Armia Berlinga...* S. 212.

¹⁹ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. Док. 62. С. 167.

²⁰ См.: Внутренняя записка от 10 января 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: Документы. Т. I. 1944–1948 / Сост. Т.В. Волокитина и др. М., 1999. С. 29.

свидетельствует то, что с 25 декабря по 3 января 1944 г. она провела шесть заседаний. Несмотря на, по-видимому, наметившийся прогресс, работа Комиссии была на некоторое время приостановлена, так как до Москвы дошла информация о возникновении в Польше какой-то неизвестной структуры, якобы представлявшей просоветский «левый выбор»²¹.

По-прежнему посредством советских каналов, в обход «своих» поляков, власти СССР консультировались о вероятности привлечения в предполагаемый Комитет лиц из американской «Полонии», готовых, как ожидалось, поддержать решение проблемы будущего польского государства в рамках «левой альтернативы». Среди такого рода лиц были ксендз Станислав Орлеманский — один из организаторов в США левой «Лиги Костюшко», отличавшийся явными просоветскими симпатиями²², а также экономист, профессор Оскар Ланге из Чикагского университета²³. Вскоре они были приглашены в Москву для обсуждения их возможного участия в создании «левой альтернативы» эмигрантскому правительству²⁴.

Полученная в Москве информация из оккупированной Польши о создании там руководимого коммунистами координационного центра антифашистского сопротивления подтвердилась. Действительно, в ночь с 31 декабря 1943 г. на

²¹ См.: *Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. Poznań, 1990. S. 39–41.*

²² Подробнее о попытке использования ксендза Орлеманского см.: *Piórkowska K. Nie tylko wizyta u Stalina. Ks. Stanisław Orlemanski i jego bracia // Dzieje Najnowsze. 2016. № 2.*

²³ См.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS), 1944. Vol. III. The British Commonwealth and Europe. Washington, 1965. P. 1230–1231, 1264–1265.* Как сегодня известно из перехваченных криптографическим отделом контрразведки (проект «Венона») депеш посольства СССР в Вашингтоне, Ланге был в это время активным агентом советского влияния. См.: https://www.nsa.gov/public_info/dec-lass/venona/dated.shtml. Подробнее см.: *Haynes J.E., Klehr H. Venona Decoding. Soviet Espionage in America. Yale University Press, 1999.*

²⁴ См.: *My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence of Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed. with comm. S. Butler. Yale Press, 2006. P. 214, 225; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. / Ред. Г.П. Мурашко и др. М., 1997. Док. 1. С. 19–28; Док. 3. С. 36–42.*

1 января 1944 г. по инициативе коммунистов была образована Крайова Рада Народова (Государственный национальный совет) (КРН) — подпольный квазипарламент тех политических сил, которые были готовы реализовать форсируемую Москвой концепцию «левой альтернативы» решения польского вопроса. В программном заявлении КРН отказала эмигрантскому правительству РП в праве выступать от имени польского народа и призвала общество высказаться за политику строительства будущего государства в тесном союзе с СССР²⁵.

Отсутствие регулярной связи, недостаточное знание людей, составлявших КРН, способствовали тому, что советские власти первоначально отнеслись к ней очень недоверчиво. Эту сдержанность усиливал тот факт, что Рада возникла в особенный момент, непосредственно перед переходом Красной Армией границы Польши и Советской Латвии (3 января 1944 г.). Для изучения ситуации и подбора кадров для политической работы в Польше Центральный Комитет ВКП(б) в феврале 1944 г. организовал Центральное бюро польских коммунистов (ЦБПК). Во главе его встал Александр Завадский, в состав Бюро, среди прочих, входили Якуб Берман, Станислав Радкевич и Ванда Василевска. Создание ЦБПК и его деятельность проходили в тайне. Они были скрыты как от польских коммунистов в СССР, так и от ЦК ППР в Польше. Задачей Бюро был поиск и предложение советским властям соответствующих доверенных лиц на посты руководящего и даже среднего звена в учреждаемых и будущих польских институтах «левой альтернативы», выдача им своеобразных «нравственных свидетельств»²⁶. Бюро даже предприняло, вероятно по советской инициативе, попытку создания собственного Польского партизанского штаба, стремясь лишить ППР доминирования в среде польского коммунистического подполья и получить контроль над подчиненными ей партизанскими отрядами (Гвардия Людова, с января 1944 г. — Армия Людова)²⁷.

²⁵ См.: DIM. T. VIII. Warszawa, 1974. Dok. 1. S. 3–5.

²⁶ Подробнее см.: *Piątkowski L. Z dziejów lewicy polskiej w ZSRR (Polski Komitet Narodowy i Centralne Biuro Komunistów Polski)*. Lublin, 2005.

²⁷ См.: *Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR*. Warszawa, 1988. S. 195–200.

Только после проведенной ЦБПК «люстрации» КРН получила в конце мая 1944 г. заверения Москвы, что в случае формирования Радой органов исполнительной власти, они будут признаны СССР и что Советский Союз установит с ними отношения²⁸. Одновременно, в марте 1944 г., в корпус Берлинга были включены партизанские отряды, находившиеся под командованием Польского партизанского штаба, и таким образом корпус был преобразован в Польскую армию в составе 1-го Белорусского фронта. Она располагалась во втором эшелоне советских войск на Волыни, используя последующие месяцы для ускоренного обучения главным образом в области политического воспитания. Опираясь на эту армию, а также на действующую в Польше Армию Людову, в июле 1944 г. было создано единое «народное» Войско Польское.

В ответ на образование КРН делегат эмигрантского правительства в оккупированной Польше Ян Станислав Янковский принял решение об учреждении консультативного органа — Совета национального единства, что должно было стать первым шагом на пути создания системы подпольного Польского государства. 26 апреля 1944 г. президент Владислав Рачкевич издал указ о временной организации власти на оккупированной территории, в силу которого делегат правительства был уполномочен сформировать в стране Национальный Совет министров Республики Польша на месте прежней Делегатуры лондонского правительства на родине. Главной задачей Национального Совета стала подготовка всеобщего восстания и установление своей власти на территориях Польши, оставляемых оккупационными немецкими войсками.

Эта ситуация серьезно осложняла советские планы в отношении Польши, что вынудило Сталина ускорить реализацию концепции «левой альтернативы». Он вернулся к идее Польского национального комитета (ПНК), оставленной после поступления в Москву информации о возникновении КРН. В 20-х числах июня Сталин поручил организовать ПНК Центральному бюро польских коммунистов, в состав

²⁸ См.: *Kersten K. Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego 22.VII–31. XII.1944. Lublin, 1965. S. 37.*

которого был кооптирован находившийся в Москве член делегации КРН Марьян Спыхальский²⁹.

Формально организация ПНК была начата 15 июля, когда КРН в лице Эдварда Осубки-Моравского и СПП в лице Ванды Василевской официально обратились к Сталину по вопросу «необходимости образования Временного польского правительства»³⁰. После разговора Сталина с представителями КРН и СПП, 19 июля, было принято решение об учреждении Делегатуры Крайовой Рады Народовой на освобожденных территориях, которая должна была организовать гражданскую администрацию за так называемой линией Керзона³¹ по мере продвижения Красной Армии на запад³². Ввиду отсутствия систематической связи с занятой немцами территорией Польши это представительство объявило себя находящейся в Москве делегацией КРН³³. Однако уже два дня спустя, 21 июля 1944 г., по распоряжению Сталина «было решено» создать более высокий по своему государственно-правовому статусу орган (квазиправительство) — Польский комитет национального освобождения (ПКНО)³⁴. 21 июля Делегатура «приняла» резолюцию об образовании ПКНО. Его программный «Манифест», датированный 22 июля, был в деталях согласован со Сталиным³⁵.

В направленной властям СССР официальной ноте ПКНО определил себя в качестве «временного исполнительного органа Крайовой Рады Народовой», призванного в нынешних исторических условиях возглавить «освободительную борьбу народа»³⁶. Поскольку КРН заявляла претензии на исполнение

²⁹ См.: *Kersten K. Narodziny systemu władzy...* S. 61.

³⁰ DIM. T. VIII. Dok. 62. S. 131–133. См. также: Восточная Европа... Т. I. Док. 7. С. 48.

³¹ Демаркационная линия разграничения польских и большевистских войск по состоянию на 8 декабря 1919 г.

³² См.: *Kersten K. Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego...* S. 38.

³³ См.: *Dziennik Ustaw RP. 1944. № 1. Poz. 1.*

³⁴ См.: DIM. T. VIII. Dok. 83. S. 173.

³⁵ См.: AAN. Zesp. PKWN. Protokoły posiedzeń. Mkf. 23153. K. 17–21; *Berman J. Wspomnienia // Ibid. K. 25, 40.*

³⁶ См.: Записка Э. Осубки-Моравского от 25.VII.1944 // DIM. T. VIII. Dok. 71. S. 150.

роли подпольного польского парламента, что было официально подтверждено в ее решении от 15 августа 1944 г., это была декларация, равнозначная признанию за собой функции временного правительства де-факто — дезавуирующая компетенции эмигрантского кабинета премьера Станислава Миколайчика. В числе основных задач ПКНО упоминалось, между прочим, о «достижении независимости и восстановления польской государственности»³⁷.

Будучи фактически под патронатом советского руководства, ПКНО первоначально, вероятно из тактических соображений, официально рассматривался в Москве как орган, который, «возможно <...> в дальнейшем <...> послужит ядром для образования польского правительства из демократических сил»³⁸. Одновременно это означало, что речь не идет ни о возобновлении отношений с эмигрантским правительством, ни о его переформировании, а вероятный компромисс мог бы основываться исключительно на признании именно ПКНО ядром будущего польского кабинета. Таков был контекст начатого 29 июля 1944 г. неудавшегося визита премьера Станислава Миколайчика в Москву³⁹.

Сохранив видимость автономии по отношению к советским властям, 25 июля председатель ПКНО официально проинформировал «суверена» о целях Комитета, его стремлении представлять польское государство перед Объединенными Нациями⁴⁰. Неделю спустя Комитет был официально признан властями СССР, которые выразили «готовность обменяться [с ним] дипломатическими представителями»⁴¹. Одновременно они

³⁷ Dziennik Ustaw RP 15.VIII.1944. Zał. 1; DIM. Dok. 69. S. 144–145.

³⁸ И.В. Сталин — У. Черчиллю. 23.VII.1944 // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945. М., 1983. Док. 105. С. 132–133.

³⁹ См.: Восточная Европа... Т. I. Док. 8. С. 48–52. Подробнее см.: Historia dyplomacji polskiej. T. V. 1939–1945 / Pod red. W. Michowicza. Warszawa, 1999. S. 526–527.

⁴⁰ Э. Осубка-Моравский — Наркомату иностранных дел. 25.VII.1944 // DIM T. VIII. Dok. 71. S. 150–151. Местом отправления письма значился Хелм, но фактически оно было послано из Москвы.

⁴¹ В.М. Молотов — Э. Осубке-Моравскому. 1.VIII.1944 // DIM. Dok. 84. S. 179.

уведомили о решении аккредитовать при Комитете в качестве политического представителя Н.А. Булганина⁴².

Временным представителем ПКНО в СССР стал соорганизатор СПП, экономист Стефан Ендрыховский⁴³. О значении московского представительства как связующего звена между советскими властями и организованной в Люблине группой «левой альтернативы» лучше всего свидетельствует переданное 6 сентября люблинскому центру ПКНО «пожелание Сталина», чтобы все вопросы взаимных отношений разрешались посредством именно этого канала⁴⁴. В свою очередь, любые контакты представительства с советскими институтами проходили при посредничестве Наркомата иностранных дел СССР и его IV Европейского департамента во главе с В.А. Зориным. Если предложенные Зорину вопросы принадлежали к компетенции других советских ведомств, то департамент адресовался к ним как для решения вопроса по существу, так и для обсуждения деталей⁴⁵.

В течение всего периода функционирования представительства ПКНО его руководителю три раза удалось провести рабочие встречи с В.М. Молотовым и два раза с его заместителем А.Я. Вышинским. Они касались текущих вопросов организации представительства. Ендрыховский также согласовывал на этом, высшем для него уровне содержание и способы ведения просоветской пропаганды в Польше, в частности и по отношению к Варшавскому восстанию⁴⁶. В октябре 1944 г. Ендрыховский получил поручение: опираясь на контакты в московских дипломатических кругах, начать международную

⁴² См.: Восточная Европа... Т. I. Док. 9. С. 52–55. В ноябре 1944 г. генерала Н.А. Булганина сменил «гражданский» — профессор В.З. Лебедев.

⁴³ См.: С. Ендрыховский — Э. Осубке-Моравскому. 16.VIII.1944 // Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych RP (далее — AMSZ). Z. 27. W. 2. T. 15. K. 2–2 verso.

⁴⁴ См.: *Jędrychowski S.* Przedstawicielstwo PKWN w Moskwie. Warszawa, 1987. S. 17.

⁴⁵ См.: Ibid. S. 44–45.

⁴⁶ См.: Пропагандистские тезисы о восстании в Варшаве // AMSZ. Z. 27. W. 2. T. 15. K. 21–24 (на рус. яз.). Подробнее см.: *Iwanow N.* Powstanie Warszawskie widziane z Moskwy. Kraków, 2010.

пропагандистскую акцию в пользу признания новых польских властей и выяснить через находившихся в Москве иностранных дипломатов отношение их правительств к решению вопросов послевоенного урегулирования в регионе и «особенно западных границ» Польши⁴⁷.

За время существования Комитета руководимое Ендрыховским, а в конце декабря 1944 г. его заместителем Юзефом Ольшевским, представительство ПКНО в Москве было единственным его официальным заграничным органом, обладавшим функциями дипломатического представительства. В конце августа 1944 г. в нем работали 15 штатных сотрудников, в том числе четыре человека входили в состав переданной от СПП редакции радиопрограмм. В конце сентября — начале октября штат представительства составлял уже двадцать четыре человека. Согласно присланному в конце августа 1944 г. ПКНО плану, их число должно было еще значительно возрасти. Как указывают обширные рапорты Ендрыховского, деятельность представительства заключалась прежде всего в рассмотрении требующих урегулирования многочисленных билатеральных вопросов⁴⁸. В этом отношении контакты советских властей с представительством ПКНО проходили гораздо более интенсивно, чем их непосредственное общение с Комитетом.

Несмотря на обещанную англичанам и американцам сдержанность в определении функций ПКНО, в действительности советские власти сразу же начали принимать под его вывеской важные стратегические решения, касавшиеся послевоенного устройства Польши. Они трактовали Комитет как реальное польское правительство, имевшее полномочия занимать определенную позицию в важнейших для государства и народа вопросах. В подписанном 26 июля в Москве уполномоченным ПКНО Э. Осубкой-Моравским и наркомом Молотовым соглашении «Об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вхождения советских войск на территорию Польши» Совет

⁴⁷ См.: Ведомство иностранных дел ПКНО — С. Ендрыховскому. 27.X.1944 // AMSZ. Z. 27. W. 2. T. 15. K. 39.

⁴⁸ Рапорты С. Ендрыховского — ведомству иностранных дел ПКНО // Ibid. T. 15.

народных комиссаров СССР признавал ПКНО единственным органом, имеющим право создания администрации на освобожденных польских землях⁴⁹. На следующий день те же политики заключили носивший характер международного договора тайный пакт о послевоенном урегулировании границ обеих стран согласно линии Керзона, а следовательно, оставшая за советской стороной свыше половины земель, входивших до 1939 г. в состав II Речи Посполитой⁵⁰.

Несмотря на сохранение видимости участия остальных государств антигитлеровской коалиции (Объединенных Наций), в особенности США и Великобритании, создание ПКНО как временного польского правительства на освобожденных от гитлеровцев польских землях было исключительно советской акцией, то есть интригой, предпринятой в обход западных держав⁵¹. Последние продолжали рассматривать эмигрантское правительство в Лондоне как единственного легального представителя якобы существующего польского государства и с этой позиции вели переговоры, имевшие целью выход из тупика по польской проблеме. Так было, по крайней мере, до осени 1944 г., когда в Москве прошли переговоры между поляками о возможности создания нового кабинета, основываясь на соглашении «Страны» с частью «лондонцев». Их контекстом стал визит в СССР премьера Уинстона Черчилля и министра иностранных дел Соединенного Королевства Энтони Идена. Эти переговоры, подробно описанные⁵², трудно признать проявлением дипломатии самого ПКНО. Существенным при этом было не столько, в принципе, иллюзорное согласие, сколько их международный аспект — привыкание западных держав к «левой альтернативе» урегулирования польского вопроса,

⁴⁹ См.: AMSZ. Z. 27. W. 3. T. 41. K. 1–2 (польский текст), 3–5 (русский текст); DIM. T. VIII. Dok. 75. S. 155–157.

⁵⁰ См.: DIM. T. VIII. Dok. 76. S. 158–159.

⁵¹ См.: *Materski W. Przedstawicielstwo PKWN w Moskwie // Wokół historii. Studia z dziejów XIX i XX wieku / Pod red. S. Ciesielskiego i innych. Toruń, 2004. S. 525–534.*

⁵² См.: *Historia dyplomacji polskiej. T. V. S. 552–558; Żenczykowski T. Polska lubelska 1944. Paryż, 1987. S. 169–180.*

к рассмотрению ПКНО в качестве ключевого элемента во всяких обсуждениях, касающихся путей его решения в будущем.

Международная деятельность ПКНО сводилась к подписанию «международных» соглашений с властями СССР либо союзных республик, регулировавших финансово-экономические проблемы, связанные со вступлением Красной Армии на польскую территорию⁵³, а также текущие вопросы социального или экономического характера — как, например, договоры от 9 сентября с Белорусской ССР и от 22 сентября с Литовской ССР о взаимном возвращении (эвакуации) населения либо от 20 октября 1944 г. с СССР о поставках товаров и условиях взаимных расчетов⁵⁴.

Наиболее вероятным политическим партнером для ПКНО мог стать президент Эдвард Бенеш, ведущий политику лавирования между Лондоном и Москвой. Однако чехословацкое правительство в Лондоне не решилось даже на завязывание с ПКНО отношений де-факто. Зато его посол в Москве Зденек Ферлингер имел с представительством ПКНО контакты, но преимущественно неофициального дружеского характера⁵⁵. Так же как и чехословацкая дипмиссия, московское дипломатическое представительство Югославии поддерживало с местными поляками из представительства ПКНО товарищеские связи, но не отваживалось на установление с Комитетом фактических контактов, признанных слишком обязывающими и усложняющими отношения с англичанами и американцами. Представительство ПКНО в Москве также контактировало с находившимися там дипмиссиями Швеции, Голландии и Италии. Общение сводилось к неофициальным встречам Стефана Ендрыховского с их сотрудниками в форме, не нарушающей солидарности с политикой западных держав, продолжавших признавать эмигрантское правительство Республики Польша⁵⁶. Позиция Франции в отношении ПКНО

⁵³ См.: Договор от 4.VIII.1944 // DIM. T. VIII. Dok. 86. S. 180–182.

⁵⁴ См.: Ibid. Dok. 122. S. 221–227; Dok. 149. S. 293–294.

⁵⁵ См.: Рапорты С. Ендрыховского ведомству иностранных дел ПКНО // AMSZ. Z. 27. W. 2. T. 15. Passim.

⁵⁶ Подробнее см.: *Materski W. Dyplomacja Polski “lubelskiej”*. Lipiec 1944 — marzec 1947. Warszawa, 2007. S. 11–44.

была особенной. Московское представительство французского Комитета национального освобождения было единственной дипмиссией западных держав, которая в куртуазной, ничем не обязывающей форме подтвердила получение нотификации о возникновении ПКНО⁵⁷.

Сталин хорошо отдавал себе отчет в нерасположении англичан и американцев к руководителю «Свободной Франции» генералу Шарлю де Голлю и справедливо считал, что тот очень заинтересован в наилучших отношениях с СССР, чтобы таким образом укрепить свою позицию перед Лондоном и Вашингтоном. Такое усиление де Голля, в форме билатерального политического пакта, Сталин старался связать с поддержкой Францией планов «левой альтернативы» решения польского вопроса⁵⁸. В ходе визита де Голля в Москву в первой декаде декабря 1944 г. Сталин несколько раз поднимал вопрос о признании Францией ПКНО де-юре. Французской делегации во время переговоров было даже передано письмо Осубки-Моравского, в котором председатель ПКНО предлагал генералу де Голлю «установить непосредственные отношения и обменяться официальными представителями»⁵⁹. Французской стороне пытались навязать заранее подготовленный текст «Сообщения об обмене официальными представителями между Временным правительством Французской Республики и Польским комитетом национального освобождения»⁶⁰. Ультимативно ставившему вопрос Молотову министр иностранных дел Жорж Бидо заявил, что это было бы равнозначно установлению дипломатических связей де-юре, а такие связи французское правительство поддерживает с польским правительством в изгнании. С ПКНО же оно имеет фактические контакты и соглашается, чтобы они были усилены путем посылки неофициальных дипломатических представителей.

⁵⁷ См.: Э. Осубка-Моравский — Р. Гарро. 25.VII.1944 // AMSZ. Z. 27. W. 4. T. 51. K. 0.

⁵⁸ См.: *Gaulle Ch., de. Pamiętniki wojenne. Ocalenie 1944–1946.* Warszawa, 1968. S. 70–72.

⁵⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. 1944–1945. М., 1983. Приложение II к док. 101. С. 208.

⁶⁰ См. там же. Приложение I к док. 101. С. 207.

Такой характер неформальных связей, однако, не требует никаких официальных писем, и на обмен ими французская сторона ни в каком случае не выразит согласия⁶¹.

В итоге Сталин уступил, и 10 декабря был подписан советско-французский пакт о дружбе и взаимопомощи, не обусловленный официальным признанием ПКНО «Свободной Францией». Единственным «приобретением» Сталина явилась аккредитация в Люблине французского представителя по вопросам «поддержания деловых контактов с ПКНО», что было равнозначно признанию Комитета де-факто со стороны Временного правительства Французской Республики⁶². В качестве польского представителя в Париж отправился Стефан Ендрыховский⁶³. ПКНО старался как можно шире оповестить об этом как об установлении дипломатических отношений с Францией, совершенно иначе, чем французы, которые были заинтересованы «минимизировать этот факт»⁶⁴.

С точки зрения советских властей, представительство ПКНО в СССР было институтом, нужным для поддержания текущей связи с люблинским центром, необходимой для эффективного управления занимаемой Красной Армией территорией Польши. Одновременно образование ПКНО и связанных с ним институтов символизировало, что так называемый польский вопрос вышел на новый уровень и что он будет решен не в Лондоне или Вашингтоне, а прежде всего в Москве. Хотя область дипломатических контактов, завязанных московским представительством ПКНО, была очень ограниченной, несомненно, оно исполнило свою роль. Представительство приучило международную общественность, в особенности политические круги Великобритании и США, к разыгрываемому СССР сценарию возрождения польского государства, которое должно было стать ключевым элементом послевоенного устройства в Центрально-Восточной Европе, предварительно согласованного Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем в Тегеране.

⁶¹ См. там же. Док. 101. С. 206.

⁶² См.: DIM. T. VIII. Dok. 171. S. 325.

⁶³ См.: AMSZ. Z. 27. W. 4. T. 51. K. 01.

⁶⁴ См.: *Jędrychowski S. Przedstawicielstwo PKWN i Rządu Tymczasowego RP we Francji // Materiały i studia historyczne. T. II. Warszawa, 1987. S. 6.*

Для Москвы достигнутое положение не могло расцениваться как значительный успех, поскольку действия ПКНО, с одной стороны, все более осложняли отношения СССР с США и Великобританией, а с другой — не обеспечили до сих пор существенного продвижения вперед международного признания «новой» Польши. Тогда в Кремле было принято решение перейти к новой фазе разыгрывания «левой альтернативы».

Ранее в переписке с Франклином Д. Рузвельтом Сталин, отвечая президенту США на слова о недопустимости трактовки ПКНО как польского правительства, недвусмысленно предупредил, что будет принимать их во внимание только до того момента, когда Комитет «преобразуется во Временное польское правительство». В случае, когда такое правительство будет создано, по мнению Сталина, не будет «серьезных оснований откладывать вопрос о его признании»⁶⁵. И такой момент наступил 31 декабря 1944 г., когда по указанию Кремля состоялось заседание Крайовой Рады Народовой, на котором ПКНО сложил свой мандат. Вместо него было организовано Временное правительство Республики Польша во главе с Э. Осубкой-Моравским, занявшим посты премьер-министра и министра иностранных дел ⁶⁶.

Такое решение ввиду предстоявшей в феврале 1945 г. встречи глав правительств Большой тройки в Ялте должно было не только в определенной мере легализовать формирование послевоенной зоны влияния СССР, определенной уже в Тегеране, но и помочь Москве «сохранить лицо» в польском вопросе, поскольку таким образом Сталин мог легче отказаться от дальнейших поисков компромисса в вопросе преодоления польского двоевластия, который, как казалось англичанам и американцам в октябре 1944 г., был уже близок⁶⁷. В планах Сталина новая политическая система в Польше, центром которой стало правительство во главе

⁶⁵ И.В. Сталин — Ф.Д. Рузвельту. 27.XII.1944 // Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1976. Док. 254. С. 191.

⁶⁶ Это продолжалось до начала мая, когда руководство ведомством было поручено Винцентию Рымовскому.

⁶⁷ См.: Historia dyplomacji polskiej. T. V. S. 547–583.

с Э. Осубкой-Моравским, должна была облегчить США и Великобритании решение отказаться от сотрудничества с их многолетним близким союзником — правительством Польши в изгнании⁶⁸.

Советские власти 4 января 1945 г. первыми получили нотификацию о формировании Временного правительства Польши⁶⁹. На следующий день Президиум Верховного Совета СССР признал его де-юре, о чем польские власти уведомили нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов⁷⁰. 5 января последовало и формальное признание со стороны Совнаркома СССР⁷¹, и вскоре назначение полпреда СССР. С ноября 1944 г. на этой должности находился В.З. Лебедев (при ПКНО)⁷². Существующее советское представительство при ПКНО было преобразовано в советскую Военную миссию в Польше, руководимую генералом С.С. Шатиловым.

Произошедшая перемена в системе государственного устройства «левой альтернативы» не многое изменила в ее давних взаимоотношениях с СССР. «Люблинский» центр и далее функционировал в рамках согласованных с Москвой полномочий, а всякие текущие начинания обсуждались с ним через посла Лебедева.

В связи с образованием Временного правительства прежний представитель ПКНО в Москве был отозван. Польские власти обратились к СССР за подтверждением полномочий для нового официального дипломатического агента «люблинской» Польши, предлагая кандидатуру Зигмунта Модзелевского для аккредитации в ранге посла, тем самым

⁶⁸ См.: Churchill W.S. Druga wojna światowa // Tłum. z ang. T. VI. Ks. 2. Gdańsk, 1996. S. 4–8.

⁶⁹ См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пор. 40. П. 597. Л. 7–8.

⁷⁰ См. там же. Л. 2–5. См. также: Правда. 1945. 6 января.

⁷¹ В.М. Молотов — Б. Беруту. 5.I.1945 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пор. 40. П. 597. Л. 3.

⁷² М.И. Калинин — Б. Беруту. 17.I.1945 // AMSZ. Z. 6. W. 29. T. 443. K. 9. Решение по этому вопросу было принято на высоком уровне, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 6 января 1945 г. См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1051. Пр. 266.

предлагая установить отношения де-юре на высшем уровне⁷³. Кандидатура многолетнего деятеля польского и французского коммунистического движения, активиста Союза польских патриотов, члена ЦК ППР была одобрена. Председатель КРН Болеслав Берут 6 января 1945 г. издал указ о назначении Модзелевского послом в Москве⁷⁴. Представительство ПКНО в СССР было преобразовано в посольство. Начался процесс привыкания международной общественности к новым условиям, в которых СССР наращивал поддержку левым силам. Какие-либо протесты с ее стороны имели только формальный характер, поскольку фактически раздел сфер влияния произошел раньше и вскоре был окончательно оформлен на Ялтинской конференции глав антигитлеровской коалиции.

Согласно с «рекомендацией» руководителя IV Европейского департамента Наркомата иностранных дел СССР В.А. Зорина, нота о формировании Временного правительства должна была быть вручена в первую очередь иностранным представительствам Объединенных Наций в Советском Союзе и французскому правительству в Париже⁷⁵. До 7 января нотификационные документы, подписанные от имени Крайовой Рады Народовой Болеславом Берутом, Э. Осубкой-Моравским и Михалом Ролей-Жимерским, были разосланы этим адресатам⁷⁶.

Аккредитованные в Москве дипломаты Объединенных Наций проявили в связи с нотификацией Временного правительства, резиденция которого 1 февраля 1945 г. была перенесена из Люблина в Варшаву, многозначительную сдержанность ввиду сохранявшего свой формальный статус эмигрантского правительства в Лондоне и отсутствия официально определенной позиции великих держав в отношении люблинского правительства. Следовало ожидать очередной

⁷³ См.: Вербальная нота, датированная январем 1945 г. // AMSZ. Z. 6. W. 29. T. 443. K. 8.

⁷⁴ См.: Rzeczpospolita. 7 stycznia 1945.

⁷⁵ См.: Запись разговора В.А. Зорина с Ю. Ольшевским. 2.I.1945 // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Д. 6. П. 195. Л. 1; Из дневника В.А. Зорина. Запись от 2.I.1945 // Там же. Л. 2.

⁷⁶ См.: Нотификационный документ // AMSZ. Z. 27. W. 4. T. 50. K. 33–34.

встречи глав Большой тройки в Ялте. Дипломатический представитель Италии в Москве Пьетро Куарони единственный формально ответил на уведомление, хотя не вышел за рамки общих слов о традиционном дружественном польско-итальянском сотрудничестве. Что интересно, он вызвался вместе с тем проинформировать о нотификации папский престол и предложил посредничество в постоянной передаче Ватикану информации о действительном положении в Польше⁷⁷. Кроме СССР, перед Ялтинской конференцией нотификацию Временного правительства приняло еще одно государство — Чехословакия. Ее присылка поставила кабинет Эдварда Бенеша в очень трудное положение. Несмотря на подписанное 12 декабря 1943 г. политическое соглашение с СССР⁷⁸, он по-прежнему не хотел открыто выступать против британской политики. Поэтому Бенеш последовательно блокировал старания своего посла в Москве коммуниста Зденека Ферлингера, который, под влиянием разговоров с Зориным, во второй половине декабря 1944 г. снова поднял вопрос о признании Чехословакией «люблинского кабинета» (ПКНО)⁷⁹. Попадавший во все большую зависимость от СССР, премьер Бенеш предпринял попытку отсрочить решение, обусловив принятие нотификации и установление отношений де-юре официальным признанием польским правительством новой линии прохождения польско-чехословацкой границы и сохранением Тешинской Силезии за Чехословакией⁸⁰. Люблинские власти не могли пойти на такой шаг. Это могло негативно сказаться на общественной поддержке правительства и дать повод для обвинения коммунистов в предательстве национальных интересов. Представительство обратило

⁷⁷ См.: Из дневника В.А. Зорина. 7.I.1945 // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Пор. 6. Р. 195. Л. 3.

⁷⁸ См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. IV. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М.; Прага, 1981. Док. 324. С. 394–396.

⁷⁹ См.: Восточная Европа... Т. I. Док. 35. С. 114–117.

⁸⁰ См.: *Materski W. ZSRR wobec polsko-czechosłowackiego sporu terytorialnego // Nad Bałtykiem. W kręgu polityki, gospodarki, problemów narodowościowych i społecznych XIX i XX wieku / Pod red. Z. Karpusa i innych. Toruń, 2005. S. 627–654.*

на это внимание наркома иностранных дел СССР, ожидая поддержки с его стороны⁸¹. В Наркомате иностранных дел СССР Ферлингера заверили, что власти «новой» Польши много раз осуждали политику II Речи Посполитой и, следовательно, специальное заявление по вопросу Заользья излишне⁸².

Аналогичные аргументы представила Сталину и делегация КРН и Временного правительства РП, которая находилась в Москве с 22 по 24 января 1945 г. Целью визита было обсуждение вопросов, связанных с параллельным функционированием польской администрации и советских военных комендатур на занятых Красной Армией территориях, а также получение помощи в форме займа на текущие потребности управления. Однако под влиянием обстоятельств вопрос об отношениях с чехословацким правительством стал одной из ключевых тем переговоров. Сталин разделял аргументацию, изложенную ему Берутом и премьером Осубкой-Моравским. Совнарком СССР официально обратился к чехословацкому правительству, рекомендуя выполнять прежние обязательства и безотлагательно признать новые польские власти, отложив на более поздний период решение всех спорных проблем⁸³.

30 января Бенеш капитулировал. Его кабинет выразил согласие признать Временное правительство Польши без всяких предварительных условий, что и было осуществлено на следующий день⁸⁴. Со своей стороны люблинский кабинет

⁸¹ См.: Запись разговора Ольшевского с В.А. Зориним // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Д. 6. П. 195. Л. 2.

⁸² См.: Запись разговора З. Ферлингера с В.А. Зориним. 2.I.1945 // *Fierlinger Z. Ve službach ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje*. D. II. Praha, 1948. S. 513–516; Ферлингер — Наркомату иностранных дел. 3.I.1945 // *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty*. D. 2 (červenec 1943 — březem 1945) / Oprac. J. Nemeček i inni. Praha, 1999. S. 428, 433–434.

⁸³ См.: *Československo-sovětské vztahy...* S. 456; Štoviček I. *Diplomatické pozadí uznání polské lublinské vlády*. Dokumenty // *Sborník archivních prací*. № 43. Č. 1. Praha, 1993. Dok. 37. S. 40–41.

⁸⁴ Обширную документацию по вопросу признания «новой» Польши чехословацким правительством см.: *Ibid. Passim*. Подробнее см.: *Kamiński M.K. Polsko-czechosłowackie stosunki polityczne 1945–1948*. Warszawa, 1990. S. 32–54.

признал чехословацкое правительство в Лондоне и принял предложение об обмене дипломатическими представителями⁸⁵. Это произошло только 19 марта 1945 г. Послом в Праге был назначен коммунистический деятель довоенных лет Стефан Вербловский⁸⁶. В Варшаву был направлен профессиональный дипломат Йозеф Гейрет, специализировавшийся в межвоенный период, как и в годы войны, на отношениях с Польшей, активист славянского движения, дружелюбно воспринимаемого в СССР⁸⁷.

На встрече глав правительств великих держав в Крыму в феврале 1945 г. так называемый польский вопрос стал одной из центральных проблем заседаний. Прежняя тактика англичан и американцев, заключающаяся в откладывании его решения на более поздний срок под предлогом, что отсутствие согласия в этой сфере может негативно повлиять на единство союзников, исчерпала себя. Нельзя было далее сохранять положение существования двух польских политических центров: эмигрантского правительства РП в Лондоне и Временного правительства РП в Люблине. Однако контекст этого вопроса принципиально изменился. Красная Армия в январе форсировала Вислу и решительно продвигалась на запад. Следовательно, в момент открытия конференции позиция Сталина в переговорах с англичанами и американцами уже значительно укрепилась. Возможность неудачи заседаний в Ялте на фоне кризиса в польском вопросе не допускали ни британцы, ни американцы, прежде всего заинтересованные во вступлении СССР в войну с Японией. По мнению американских аналитиков, без этого война на Дальнем Востоке могла затянуться более чем на 50 лет и стоить свыше миллиона жертв. С этой точки зрения

⁸⁵ После получения известия о признании «люблинского» правительства чехословацким кабинетом эмигрантское правительство 1 февраля 1945 г. приняло решение о разрыве с ним дипломатических отношений. См.: Komunikat PAT z 2.II.1945; Československo-sovetské vztachy... S. 416.

⁸⁶ См.: *Winiewicz J.* Co pamiętam z długiej drogi życia. Poznań, 1985. S. 365.

⁸⁷ См.: Вручение верительных грамот. 22.VI.1945 // AMSZ. Z. 6. W. 8. T. 132. K. 15–16; Z. 16. W. 13. T. 212. K. 2. Й. Гейрет прибыл в Польшу 18 мая 1945 г., но верительные грамоты вручил Б. Беруту только спустя месяц.

вхождение послевоенной Польши в сферу советского влияния казалось им вопросом решительно второстепенным, чего, разумеется, они не могли открыто признать. В итоге была принята предложенная Рузвельтом якобы компромиссная формулировка, согласно которой будущее польское правительство должно возникнуть путем реорганизации люблинского правительства (Временного правительства РП) «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»⁸⁸. Резолюция имела факультативный характер, предоставляя на практике СССР свободу рук в польских делах. Пути реализации этого решения должна была обсуждать в Москве специальная Комиссия добрых услуг в составе В.М. Молотова и послов США и Англии в Москве Аверелла Гарримана и Арчибальда Кларк-Керра. Такая комиссия могла либо безоговорочно принять требования Сталина, либо самим фактом своего существования легитимизировать безрезультатность своей деятельности. Представленные в заключительном коммюнике Ялтинской конференции соглашения по польскому вопросу вместе с двусмысленно звучавшей «Декларацией об освобожденной Европе» означали фактическое согласие англичан и американцев на присоединение послевоенной Польши к советской сфере влияния.

Политический торг в Ялте по польскому вопросу совершился без ведома как правительства РП в изгнании, так и Временного правительства РП. Об их будущем должна была объявить упомянутая Комиссия добрых услуг. Однако уже на ее первых заседаниях оказалось, что шансы достигнуть компромисса невелики. СССР не намеревался отказываться от полученного на тегеранском «пике» разрешения иметь широкую сферу влияния в Центрально-Восточной Европе и допустить возникновение в Польше кабинета, не вполне контролируемого со своей стороны. В марте кризис в этой области достиг кульминации. Советское руководство не рассматривало лондонское правительство и представленные в нем политические силы

⁸⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. Док. 25. Пкт. VI. С. 269–270.

как равноправного партнера коммунистов в процессе формирования правительства национального единства, допуская только декоративное включение в состав люблинского кабинета нескольких якобы независимых «лондонских» политиков. Дополненный состав правительства, по требованию Молотова, должны были бы определить сами поляки без вмешательства Комиссии. На такого рода ограниченную реконструкцию кабинета Осубки-Моравского не соглашались ни Кларк-Керр, ни Гарриман, считая это умышленным бойкотированием компромисса, достигнутого во время встречи в Крыму⁸⁹. Комиссия, правда, не приостановила своих заседаний, но на практике ее работа оказалась парализованной.

Предпринятые англичанами и американцами, главным образом Рузвельтом, попытки склонить советские власти к смягчению своей позиции не имели существенных последствий. Трудно трактовать в этом духе предложение Сталина решить кризис в польском вопросе по югославскому образцу⁹⁰. В подобной ситуации функционирования двух антагонистических центров власти 7 марта 1945 г. было организовано югославское временное правительство «национального единства», в котором из 28 министерских кресел три получили эмигрантские политики.

Укрепление международного положения Временного правительства РП проходило в условиях затянувшегося кризиса и свидетельствовало о привыкании мирового сообщества к навязанной Польше форме «левой альтернативы» в качестве постоянного, а не временного решения. В марте 1945 г. о полном признании правительства Народной Польши и установлении с ним дипломатических отношений объявило третье государство — Югославия⁹¹. Ряд стран, в первую оче-

⁸⁹ См.: Кларк-Керр — Молотову. 19.III.1945 // Советско-английские отношения... Т. II. Док. 213. С. 306; Памятная записка правительства СССР правительству Великобритании. 22.III.1945 // Там же. Док. 215. С. 310–313; Черчилль — Сталину и Трумэну. 18.IV.1945 // Там же. Док. 235. С. 337–338 и др.

⁹⁰ См.: И.В. Сталин — Ф.Д. Рузвельту. 7.IV.1945 // DIM. Т. VIII. Док. 237. С. 430–432.

⁹¹ См.: Обмен корреспонденцией по вопросу признания // AMSZ. Z. 6. W. 16. Т. 233.

редь Франция, руководствуясь различными соображениями, главным образом экономического характера, вступили с ним в фактические контакты, частично продолжая отношения, завязанные уже в период ПКНО⁹². Среди европейских государств существенную роль в процессе завоевания Временным правительством РП признания де-факто, а тем самым подтверждения его права на государственную-правовую преемственность по отношению ко II Речи Посполитой сыграли Швеция и Италия⁹³. Этот процесс развивался специфическим способом, прежде всего путем неформальных вначале контактов с дипломатическими представительствами государств группы Объединенных Наций в Москве. Соответствующие департаменты Наркомата иностранных дел СССР и отделы ЦК ВКП(б) не только были своевременно о том проинформированы, но их также спрашивали о согласии почти на каждый шаг в этом направлении⁹⁴.

Формальной рамкой для реализации в Центрально-Восточной Европе «левой альтернативы», юридической легитимности польско-советских взаимоотношений стал Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный в Кремле 21 апреля 1945 г. Этот документ должен был символизировать бесповоротность совершенных в Польше политических изменений и одновременно укрепить авторитет «люблинских» властей в стране, приобретаемый до сих пор очень тяжело, без больших успехов. После подписания Договора нахождение послевоенной Польши в зоне советского влияния стало очевидным. Порывая с эзоповым языком Ялтинской конференции, Москва путем заключения с Временным правительством РП формального международного

⁹² См.: *Jędrzychowski S.* Przedstawicielstwo PKWN i Rządu Tymczasowego RP. S. 10.

⁹³ Подробнее см.: *Materski W.* Dyplomacja Polski “lubelskiej”... S. 53–64.

⁹⁴ См., например: М.С. Ветров — В.С. Семенову. 21.II.1945 // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Пор. 10. Инв. 964. П. 195. Л. 36 (Швеция); Из дневника М.С. Ветрова. 3.III.1945 // Там же. Пор. 6. П. 195. Л. 14–20 (Норвегия); Из дневника А.А. Лаврищева. 2.IV.1945 // Там же. Л. 26–27 (Италия); Из дневника А.Я. Вышинского. 15.IV.1945 // Там же. Оп. 27а. Пор. 3. П. 206. Л. 22–23 (Румыния); Из дневника А.Я. Вышинского. 23.V.1945 // Там же. Л. 43 (Финляндия).

договора открыто продемонстрировала, что рассматривает «левую альтернативу» решения польского вопроса как основу своей политики, а не как конъюнктурное тактическое начинание и что никаких изменений в этой сфере не предусматривается.

Заключение Договора о дружбе вызвало замешательство англичан и американцев, которые ожидали, что до завершения формирования польского правительства (в соответствии с ялтинской резолюцией) в вопросе «левой альтернативы» не будут иметь места никакие «свершившиеся факты». Еще до 21 апреля, в связи с объявлением о подписании договора, США и Англия поспешили выступить с дипломатическим протестом, обращая внимание на то, что предпринятые Москвой действия могут осложнить создание в Польше кабинета национального единства и нарушают принцип совместной политики держав в регионе⁹⁵. Вскоре после этого вице-президент США Гарри Трумэн признал польско-советский договор явным отступлением от согласованной в Крыму общей политики в отношении Центральной Европы и прямо обвинил Москву в отсутствии доброй воли⁹⁶. Возможность возвращения Комиссии добрых услуг за стол переговоров оказалась под вопросом.

Кризис Комиссии добрых услуг склонил искавшие соглашения с СССР американские власти к расширению границ компромисса. Война в Европе закончилась, но продолжалась борьба на Дальнем Востоке, вызывавшая все большее общественное напряжение в США. Для нового президента Гарри Трумэна, который сменил внезапно умершего Рузвельта, так же как и для его предшественника, данное Сталиным в Тегеране обещание присоединения к борьбе Красной Армии через три месяца по окончании военных действий в Европе стало наиважнейшим в текущих делах. В контексте этого обещания вопрос о реорганизации Временного правительства РП казался проблемой третьеразрядного значения, которую, однако, надлежало быстро решить.

⁹⁵ См.: Деша Г. Трумэна — И.В. Сталину. 18.IV.1945 // Там же. Оп. 27. Д. 10. Пор. 964. П. 195. Л. 56–59; депеша Ф. Робертса — А.Я. Вышинскому. 18.IV.1945 // Там же. Л. 55; депеша Д.Ф. Кеннана — А.Я. Вышинскому. 18.IV.1945 // Там же. Л. 60.

⁹⁶ См.: *Memoirs of Harry S. Truman. Vol. I. Year of Decisions.* N. Y., 1955. P. 79–82.

Главным образом поэтому Трумэн решил отступить от британцев и пойти на компромисс с Советским Союзом с далеко идущими последствиями. 19 мая он обратился к Сталину с предложением принять в Кремле его личного посланца Гарри Хопкинса, который был бы уполномочен обсудить все важнейшие разногласия, в их числе не сдвинувшийся с мертвой точки вопрос о польском правительстве национального единства. Сталин без всяких условий одобрил предложение, высказанное в депеше Трумэна⁹⁷.

26 мая Хопкинс, человек, выполнявший специальные миссии и друг умершего президента Рузвельта, так же как и он, питавший иллюзии, что СССР можно «цивилизовать» путем политики уступок, начал неформальные переговоры в Москве. Они касались путей выхода из тупика во взаимоотношениях, в том числе выработки компромисса в наиболее спорном вопросе — о создании в Польше правительства национального единства⁹⁸.

Хопкинс удивил Сталина исключительной, недипломатической открытостью. Он сразу признал ведущую роль СССР в создании польского кабинета национального единства⁹⁹. При таком положении вещей без больших проблем удалось установить принципиальное взаимопонимание и согласовать список лиц — представителей Временного правительства РП, демократических деятелей, действовавших в Польше и за границей, с которыми в июне в Москве должна была встретиться Комиссия добрых услуг, с целью уточнения состава и процедуры образования польского правительства национального единства¹⁰⁰. Слабость дипломатии Хопкинса демонстрировал факт, что он даже не пытался связать возобновление переговоров на тему польского правительства

⁹⁷ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945. М., 1984. Док. 254. С. 394.

⁹⁸ Ход переговоров см.: *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History.* N. Y., [1948]. P. 887–912.

⁹⁹ См.: Меморандум Г. Хопкинса о разговоре с И.В. Сталиным. 30.V.1945 // *FRUS. 1945. Vol. V. Europe.* Washington, 1967. P. 305.

¹⁰⁰ См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 588. Л. 27–28.

единства с освобождением НКВД арестованных руководителей польского подполья, стоявших на антисоветских позициях¹⁰¹. Опираясь на выработанный Хопкинсом компромисс, 11 июня Комиссия добрых услуг разослала приглашения на консультации в Москве.

С 17 по 21 июня в столице СССР велись финальные переговоры по вопросу реализации Ялтинского соглашения о польском правительстве национального единства. В них участвовали представители Временного правительства РП, а также деятели, приглашенные из Польши и из-за границы. Заседавшие, находившиеся под сильным давлением великих держав, санкционировали принятие известных решений, сводившихся к формальным «демократическим установкам», которые маскировали фактическую передачу Польши под советское господство¹⁰². В новом кабинете из двадцати одного поста «нелюблинские поляки» получили шесть, что «вызвало воодушевление Молотова и варшавских поляков» и «глубокую обеспокоенность остальных»¹⁰³.

28 июня 1945 г., через неделю после достигнутого в Москве соглашения в переговорах между поляками¹⁰⁴, Крайова Рада Народова расформировала Временное правительство РП. На его месте было образовано Временное правительство национального единства, вскоре признанное державами Объединенных Наций. Вечером 5 июля в Москве послы США, Великобритании и Китая вручили послу Польши в Москве

¹⁰¹ См.: Восточная Европа... Т. I. Док. 61. С. 198. Подробнее см.: *Proces Szesnastu. Dokumenty NKWD*. Warszawa, 1995; *Duraczyński E. Generał Iwanow zaprasza. Przywódcy podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim*. Warszawa, 1989.

¹⁰² См.: *Rozmowy polityczne w sprawie utworzenia Tymczasowego Rządu Jedności narodowej (czerwiec 1945 r.)* / Oprac. W. Góra i A. Kochański // *Archiwum Ruchu Robotniczego*. Т. IX. 1984. S. 100–155; *Bartoszewicz H. Polityka Związku Sowieckiego wobec państw Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1944–1948*. Warszawa, 1999. S. 154–157.

¹⁰³ См.: У.А. Гарриман — Э. Стеттиниусу. 21.VI.1945 // *FRUS*. 1945. Vol. V. S. 354.

¹⁰⁴ См.: *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej*. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965. Dok. 149. S. 757–759.

Модзелевскому соответствующие ноты¹⁰⁵. Ранее, уже 29 июня, с признанием поспешила Франция¹⁰⁶.

Таким образом, прежде чем на основе так называемого Ялтинского соглашения возникло «возрожденное» польское государство, идея организации в Центрально-Восточной Европе послевоенного порядка, согласно концепции «левой альтернативы», прошла применительно к Польше две фазы: Польского комитета национального освобождения, не признанного на международной арене, и Временного правительства РП, в случае которого уже можно говорить о признании де-факто и даже об ограниченном признании де-юре. Начатая в 1943 г. борьба за «новую» Польшу завершилась полным успехом Сталина. Державы победоносной Организации Объединенных Наций предали законное польское правительство и одобрили кабинет, навязанный Москвой, не имеющий никакого мандата для осуществления власти. Польша, солдаты которой сражались от первого до последнего дня войны, вышла из нее не только разоренной, истощенной демографически и уменьшенной территориально, но также лишенной суверенитета. Она стала на десятилетия элементом советской сферы влияния в Центрально-Восточной Европе.

Перевод О.С. Каштановой

¹⁰⁵ См.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. Д. 22. П. 306. Л. 47; Ф. 0122. Оп. 27. Д. 13. Пор. 967. П. 196. Л. 8–12.

¹⁰⁶ См.: *Janicka B. Polska polityka zagraniczna. Kalendarium wydarzeń 1944–2004.* Warszawa, 2005. S. 4.

Из истории российско-польских культурных связей

Е.И. Княжева (Москва)
Государственный музей-усадьба
«Остафьево» — «Русский Парнас»
в контексте российско-польских
культурных связей

А.С. Коршиков (Москва)
История русско-польских
отношений в памятных медалях
из собрания Государственного
музея-усадьбы «Остафьево» —
«Русский Парнас»

А.Л. Хорошкевич (Москва)
История польской культуры
в трудах Л.А. Софроновой

Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас» в контексте российско-польских культурных связей

Корни культурных связей с Польшей Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас», который размещен в усадьбе Остафьево, восходят к ныне уже далекому от нас XIX веку, когда владельцем имения был князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878). Усадьба Вяземских-Шереметевых Остафьево — уникальный памятник конца XVIII — начала XX в. — неразрывно связана с золотым веком русской культуры. Прекрасное местоположение, замечательный дом и парк всегда привлекали и привлекают сюда тех, кому дорога история Отечества и память о нашем прошлом. Здесь всегда царил дух творчества. Многие видные политики, дипломаты, писатели находили в Остафьеве гостеприимство, «приют, спокойствия <...> и вдохновенья»: И.И. Дмитриев, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, Д.В. Давыдов, польский поэт Адам Мицкевич. В усадьбе в течение двенадцати лет работал над «Историей государства Российского» историограф и просветитель Н.М. Карамзин. Среди гостей Остафьева были также его ближайшие друзья и помощники — историк и писатель А.И. Тургенев, литературный критик (впоследствии государственный деятель и дипломат) Д.В. Дашков, историк и археограф А.И. Мусин-Пушкин. Позднее усадьбу посещали М.П. Погодин, Н.В. Гоголь, С.П. Шевырев.

Петр Андреевич Вяземский — поэт, переводчик, литературный критик и мемуарист. Он происходил из древнего княжеского рода. Мать его, Дженни О'Рейли (Евгения Ивановна), была родом из Ирландии. С его именем связаны самые яркие страницы в истории усадьбы. При нем в Остафьеве обсуждались животрепещущие вопросы литературной и общественной жизни России и Европы, проводились литературные

чтения, эпиграмматические и философские турниры, устраивались балы, домашние спектакли, музыкальные вечера, приезжали «потолковать на свободе» члены литературного общества «Арзамас».

Польша и польская культура оставили заметный след в жизни Петра Андреевича Вяземского, в формировании его мировоззрения, в идейных и творческих исканиях. Четыре года, с 1818-го по весну 1821 г., он провел в Царстве Польском. Этот период многие исследователи творчества князя называют «варшавским». Приезд Вяземского в Варшаву был связан с назначением в канцелярию полномочного делегата при Административном совете Царства Польского Н.Н. Новосильцева. О поездке князя к новому месту службы, о его дорожных приключениях можно узнать из Автобиографического введения к Полному собранию сочинений¹. Вместе с женой Верой Федоровной он выехал из Москвы ранним утром понедельника 11 февраля 1818 г., после бала, который давала его теща, П.Ю. Кологривова. Дети были отправлены в воскресенье, «чтобы застраховать их от худого наития понедельничного глаза». Суеверная примета оправдалась. Дорогой князь заболел, а в Несвиже семью обокрали, так что не было средств на продолжение пути. К счастью, их догнал адъютант великого князя Константина Павловича И.С. Тимирязев, который выручил их, снабдив деньгами. Петр Андреевич с семьей поселился в аристократической части города, на улице Краковское Предместье, которая возникла на старой «Королевской дороге из Варшавы в Краков». О своих первых польских впечатлениях он написал в Россию: «Из спальни видим через узкую улицу Вислу, а из гостиной площадь, на которой торчит Сигизмунд III. Таким образом, окружены мы историей и поэзией»².

Для Вяземского Польша — это часть Российской империи, но так же ясно он осознавал и польские национальные, и культурные, и политико-административные отличия. «Варшава, тогда блестящая <...> повеяла на меня незнакомым, новым духом. <...> Я скоро и быстро акклиматизировался, да

¹ См.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878. Гл. VIII.

² Остафьевский архив. Т. 1. СПб., 1899. С. 96.

иначе и быть не могло. Почин мой в Варшаве был самый благоприятный»³, — отметит он в записной книжке. Описывая польскую столицу накануне открытия сейма 1818 г., он подчеркивает, что Варшава в ожидании этого торжественного акта предстала нарядной и оживленной, «празднующей перерождение свое»⁴. Накануне сейма Вяземский получает ответственное служебное задание — перевести с французского на русский язык речь Александра I на открытии польского сейма 15(27) марта 1818 г. Важность этого поручения заставила князя осознать значимость своей работы. Затем ему был поручен перевод текста польской Конституции 1815 г. и протоколов заседания сейма. Таким образом, Вяземский оказался причастен к осуществлению польской политики царя, и ему стали доступны важные конституционные планы российского правительства. В числе других служащих канцелярии Н.Н. Новосильцева Петр Андреевич участвовал в подготовке проекта русской конституции, которая получила название «Государственная уставная грамота Российской империи».

Будучи в Польше, Вяземский много размышлял о трагической судьбе польского народа и проявлял искреннее сочувствие его стремлению к независимости. Он считал, что Польша сама должна выбирать свой путь. Однако это не мешало ему трезво оценивать польскую действительность и критически относиться к некоторым сторонам жизни поляков. Вначале у князя с Н.Н. Новосильцевым как его непосредственным начальником сложились доброжелательные отношения. Однако со временем Вяземский все более тяготился службой. Он осуждал политику царских властей в Польше, мечтал о конституции для России. «Черные тучи уныния лежат на душе. Я — термометр: каждая суровость воздуха действует на меня непосредственно и скоропостижно»⁵, — отмечал он в письме А.И. Тургеневу. Друзей и единомышленников среди живущих в Варшаве русских у князя было не много. Поэтому он старается расширить связи в польских кругах, сходитса со многими музыкантами, художниками,

³ Бондаренко В.В. Вяземский. М., 2004. С. 123.

⁴ Там же.

⁵ Остафьевский архив. Т. 2. СПб., 1899. С. 80.

литераторами. Познакомился Петр Андреевич и с польским театром. 1 ноября 1819 г. он писал А.И. Тургеневу из Варшавы: «Я на днях видел Шекспирова “Макбета”. Польская актриса Ledóchowska сцену сомнанбулизма сыграла превосходно. Мороз по коже подирает, когда она себе руки умывает: так кровь на них и видна»⁶.

Выучив польский язык, Петр Андреевич переводит на русский язык произведения польских авторов. У него складываются хорошие творческие отношения с первыми литераторами Варшавы. Это Людвик Осинский (член Варшавского общества любителей наук, литератор и переводчик, с 1818 г. — профессор польской литературы в Варшавском университете), Францишек Моравский — генерал польской армии, поэт, названный Вяземским «Жуковский Польши», пианистка Мария Шимановска, Юлиан Урсун Немцевич, удостоенный Вяземским почетного звания «Нестор польской словесности». П.А. Вяземский высоко ценил творчество и с уважением относился к политическим взглядам Ю.У. Немцевича. Имя последнего пользовалось большой популярностью в Польше и с начала 1820-х годов стало известно в прогрессивных кругах русского общества.

В 1819 г. Вяземский работал над переводами басен известного польского поэта Игнация Красицкого (1735–1801). 25 октября Вяземский писал об этих переводах А.И. Тургеневу из Варшавы: «Желаю, чтобы они вам, моим судьям, понравились: эти короткие басни Красицкого имеют много соли в подлиннике» — и продолжал далее, описывая литературную ситуацию в Варшаве, сравнивая ее с басенными сюжетами и нравоучениями: «Круговая порука» — одного моего приятеля, Моравского, который перевел мою надпись к царю, и тут круговая порука. Мысль очень удачна. Этот Моравский ничего полновесного не сделал; но, как Жуковский, дал шиллеровское выражение языку польскому и воюет с классиками за романтиков. Он поэт душ. К сожалению моему, его упекли в генералы и дали бригаду вне Варшавы. Он меня влюбил в Байрона и читал мне его...»⁷

⁶ Остафьевский архив. Т. 1. С. 343.

⁷ Там же. С. 336.

Помимо переводов с польского, Вяземский, будучи в Варшаве, написал немало собственных сочинений, что позволяет рассматривать «варшавский период» как весьма плодотворный. Видное место занимала в это время в его творчестве гражданская лирика, что было в целом характерно для русской литературы романтизма декабристского периода. Настроения свободомыслия Вяземского нашли выражение в ряде острополитических стихотворений, как-то: «Петербург», «Давным-давно», «Уныние», «Негодование», «Первый снег» и др. Тогда же были написаны три крупнейших его прозаические произведения — «О письме Екатерины II Сумарокову», «О новых письмах Вольтера», «О злоупотреблении слов», — обращенных к теме идейного и эстетического наследия XVIII в. Все работы князя касались необходимости распространения в России просвещения, искоренения невежества, а также права писателя на собственное мнение по вопросам общественной жизни. На пути к читателю поэтических и четырнадцати прозаических произведений П.А. Вяземского встали цензура и отсутствие своего печатного органа. Но и в рукописном виде его произведения пользовались популярностью в обеих российских столицах, находили отклик в русском обществе⁸.

Важным выводом, сформированным литературным творчеством и мировоззрением Вяземского «варшавского периода», стало осознание общности идейного и культурного пространства России и Польши, на что, анализируя наследие Вяземского, указал еще В.Д. Спасович. «В конце пребывания своего в Царстве Польском <...> хотел он (Вяземский. — Е.К.) заняться обозрением польской литературы и взаимным содействием с ними приступил посредством переводов к полезной для обеих частей <...> богатств литературных, столь меж собой сродных по общему языку обоих народов, разделенных прежде враждой, но ныне тесно соединенных связями политическими»⁹.

⁸ См.: Остафьевский архив. Т. 2. С. 195.

⁹ Вяземский П.А. Автобиография. Автобиографическое введение. М., 1916. Краткое популярное изложение связей П.А. Вяземского с польскими общественными деятелями см.: Спасович В.Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. 1890. № 1. С. 51–82.

Путешествия по Польше, интересные встречи, знакомства, бытописание жизни поляков нашли отражение и в «Записных книжках» Петра Андреевича Вяземского, и в письмах, которые являются для нас важным документальным свидетельством. Запись от 4 августа 1819 г.: «Иные мгновенные впечатления не только живее, но и полнее долговременных размышлений. Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рощу Лазенки: сей одинокий, неосвященный замок, сие опустение в резкой картине явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа. Я часто размышлял о участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходимости: тут в первый раз Польша сказалась мне голосом поэзии. Я ужаснулся! и готов был воскликнуть: Государь, восставь Польшу!»

Итог службы в Варшаве для П.А. Вяземского оказался неожиданным. В апреле 1821 г. он, будучи тогда в Москве, получил извещение о своем увольнении и запрете возвращаться в столицу Царства Польского. Князю объявили, что его поведение и образ мысли «противны духу правительства»¹⁰. Возмущенный проявленной несправедливостью, он даже отказался от придворного чина камер-юнкера. Уже после отъезда Вяземского из Варшавы Урсын Немцевич назовет его единственным русским, который не уронил здесь чести своего народа, и в одном из писем призовет его вернуться в Польшу: «Возвращайтесь, чтобы жить среди людей, которые Вас любят и уважают»¹¹.

С 1821 по 1829 г. Вяземский жил то в Москве, то в подмосковной усадьбе Остафьево, находясь в течение этих лет под негласным полицейским надзором. В августе 1821 г. он писал А.И. Тургеневу: «О себе сказать нечего: на меня нашла такая дурь, такая черная хандра, что иногда доводит до отчаяния»¹². Однако сложные жизненные обстоятельства не прекратили его общения с представителями польской культуры. Свою миссию Вяземский видел в сближении двух славянских

¹⁰ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб, 1879. С. 108.

¹¹ Цит. по: Бондаренко В.В. Вяземский. С. 134.

¹² http://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_SabadashNP_diss_10.01.01_26.pdf

народов и постоянно стремился по возможности облегчить трудную судьбу поляков. В его записях этих лет неизменно встречаются имена польских литераторов, актеров, ученых, музыкантов, художников. В 1827 г. на постоянное место жительства в Петербург приехала польская пианистка Мария Шимановска с семьей. Петр Андреевич всячески ей покровительствовал, занимался устройством ее дел. Сведения об этом имеются в дневнике ее дочери Елены. Это один из многих фактов, подтверждающих выдающуюся роль Вяземского в развитии русско-польских культурных связей¹³. Из наиболее известных поляков в Петербурге в то время жили живописец Александр Орловский (1777–1832), который, по словам Мицкевича, «вечно рисовал природу милой Польши»¹⁴, художники Юзеф Олешкевич и Валентий Ванькович, юный скрипач Генрик Венявский. Петр Андреевич Вяземский находился в течение многих лет в переписке со многими поляками. До нас дошли следующие строки из письма к нему Немцевича 1828 г.: «Наши польские изгнанники (имеются в виду поляки, жившие в России. — Е.К.) благодарны Вам за Ваше доброе отношение к ним. От имени всех моих соотечественников я приношу Вам самую искреннюю благодарность»¹⁵.

Одним из первых П.А. Вяземский угадал в Адаме Мицкевиче будущего гения. Публикация в Москве на польском языке «Сонетов» Мицкевича была восторженно встречена русскими поэтами и критиками. В марте 1827 г. Вяземский опубликовал в «Московском телеграфе» статью-рецензию «Сонеты Мицкевича», в приложении к которой были помещены его прозаические переводы сонетов (крымский цикл, несколько любовных сонетов) на русский язык. Вяземский горячо

¹³ См.: *Нечаева В.С.* Записные книжки П.А. Вяземского // *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 363; *Карасинская И.* Дневник Елены Шимановской // *Русско-польские музыкальные связи.* М., 1963. С. 83–118.

¹⁴ *Мицкевич А.* Пан Тадеуш // *Избранные произведения.* Т. 2. М., 1955. С. 342.

¹⁵ Цит. по: *Ланда С.С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816–1821 гг. Из политической деятельности П.А. Вяземского, Н.И. и С.И. Тургеневых и М.Ф. Орлова // *Пушкин и его время.* М.; Л., 1962. Вып. 1. С. 217, 225–226.

рекомендовал своим друзьям польского поэта и выражал уверенность, что «Пушкин, Баратынский осветят своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами. <...> Мицкевич, — утверждал Вяземский далее, — принадлежит к малому числу избранных, коим представлено счастливое право быть представителями литературной славы своих народов»¹⁶. В.Д. Спасович в статье «Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства» приводит высказывание Вяземского по поводу московского издания сонетов Мицкевича: «Изящное произведение вышло в Москве, а в Москве, может быть, нет и десяти читателей. Оно поступило в продажу *incognito*, без почестей журнальных. Москва для польского поэта почти то же, что и необитаемый остров, но он свой мир носит с собою и населил им пустыню»¹⁷.

Представив таким образом творчество Адама Мицкевича русскому обществу, Вяземский оказался у истоков литературной известности польского поэта в России. Он же положил начало сотрудничеству Мицкевича с журналом «Московский телеграф». Вяземский характеризовал Мицкевича как человека привлекательного, умного и очаровательного, хотя они и расходились в выборе методов литературного творчества. В частности, как отмечал Спасович, «увлечению Вяземского Мицкевичем не мешало то, что Вяземский усматривал в его поэзии байроновские черты»¹⁸. Вяземский заочно через переписку познакомил польского поэта с его земляком — писателем Юлианом Урсыном Немцевичем. В письме к нему Мицкевич отмечал: «Князь Вяземский постоянно удостаивает меня своим расположением; его уважение ко многим обитателям Варшавы <...> внушило ему тем большее расположение ко всем пребывающим здесь полякам. Мы обязаны этому почтенному и благородно мыслящему князю многими приятными минутами и не раз на берегах Москвы пили с ним за здоровье»¹⁹. Для Мицкевича Вяземский, владевший польским

¹⁶ Московский телеграф. 1827. Апрель. № 7. С. 191–222.

¹⁷ Вяземский П.А. Автобиография. Автобиографическое введение. См. также: Спасович В.Д. Князь Петр Андреевич Вяземский... С. 70.

¹⁸ Спасович В.Д. Князь Петр Андреевич Вяземский... С. 70.

¹⁹ Мицкевич А. Собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 391–392.

языком и не прерывавший эпистолярных отношений со своими варшавскими друзьями, был поистине дорогим собеседником. Петр Андреевич, в свою очередь, стал для Адама Мицкевича другом, который знал и любил Польшу, польский язык и польскую литературу.

Предположительно, в 20-х числах ноября 1827 г. Адам Мицкевич посетил Остафьево. В непринужденной и уютной обстановке подмосковной усадьбы Мицкевич и Вяземский беседовали, слушали музыку, вспоминали Польшу, общих знакомых, мечтали о конституции и свободе, читали друг другу свои произведения, делились творческими планами. Этот визит стал одним из значительных событий в жизни и гостя, и хозяина. Здесь Мицкевич написал стихотворение «Осень», а Вяземский работал над первым переводом на русский язык «Крымских сонетов». В изданном в 1927 г. хранителем Остафьева П.С. Шереметевым путеводителе по усадьбе, в котором читаем: «В витрине <...> “Сонеты” и два томика стихов с автографами гостившего в Остафьево Мицкевича»²⁰. В Карамзинской комнате «среди остальных портретов напоминают еще о литературных связях Остафьева <...> гравюра с Мицкевича, написавшего в Остафьево одно из своих стихотворений»²¹.

В январе 1828 г. Вяземский был избран членом Общества друзей наук в Варшаве. В кратком обосновании этого решения, сохранившемся в бумагах Общества, указано, что Вяземский — «знаток польской литературы, переводил басни Красицкого и Моравского, а также прозой — сонеты Мицкевича <...> хорошо известен как человек, искренно расположенный к польскому народу и польской литературе». Получив извещение об избрании, Вяземский поспешил поблагодарить и принять звание члена-корреспондента Общества, хотя, несомненно, этот факт не мог не усилить недовольства правительства²².

²⁰ Шереметев П.С. Остафьево. Путеводитель. Репринт. воспроизведение издания 1924 г. Подольск, 1994. С. 10.

²¹ Там же. С. 17.

²² См.: Нечаева В.С. Записные книжки П.А. Вяземского. С. 363; Карасинская И. Дневник Елены Шимановской. С. 83–118.

И после подавления Польского восстания 1830–1831 гг. П.А. Вяземский не прерывал отношений со своими польскими друзьями, многие из которых были в эмиграции. Он интересовался судьбой А. Мицкевича в эмиграции, виделся с польским поэтом в Париже в 1839 г., подчеркивая, что «встретились мы, разумеется, как старые друзья»²³. Особым интересом у Вяземского пользовался курс славянских литератур А. Мицкевича в Коллеж де Франс. А.И. Тургенев, живший в Париже и присутствовавший на лекциях, передал Мицкевичу первые главы тогда еще не опубликованной написанной Вяземским биографии Фонвизина, которую польский поэт цитировал в своих лекциях, посвященных русской литературе. «Я только четыре листа получил в Париже твоего “Фонвизина”, — писал Тургенев Вяземскому 14 сентября 1842 г., — и те отдал Мицкевичу»²⁴. Позже Вяземский вспоминал о своих встречах с Мицкевичем во Франции: «Потом, после многолетнего перерыва письменных сношений, мы сошлись с Мицкевичем в Париже, и сошлись, разумеется, как старшие приятели. <...> Он показался мне много и преждевременно постаревшим. Волнения, скорбь вырезали следы свои на лице, уже и прежде осененном меланхолическим выражением. Особенно при второй встрече в Париже (1850 г.). Заметны были еще более на нем признаки усталости и разочарования. Если Мицкевич увлекся политическим движением и был политическим противником России, он не был революционером, он остался навсегда честным и нравственным человеком»²⁵.

В 1860-е годы Вяземский добился разрешения властей на издание в России сочинений умершего в эмиграции Мицкевича. Разумеется, это издание было далеко не полным. За заслуги и достижения в области развития русско-польских культурных связей и за труды в области распространения в России польской литературы П.А. Вяземский в 1865 г. был награжден орденом Белого Орла²⁶.

²³ Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 1057–1088.

²⁴ Мицкевич А. Собр. соч. Т. 5. С. 614.

²⁵ Вяземский П.А. Автобиография. Автобиографическое введение; Спасович В.Д. Князь Петр Андреевич Вяземский... С. 71.

²⁶ В 1831 г., после подавления Польского восстания и лишения Царства Польского автономии, император Николай I причислил к

Сегодня Остафьево хранит память о великом польском поэте не только потому, что он дружил с Вяземским и не только в память о посещении им усадьбы, названной А.С. Пушкиным «Русским Парнасом». Творчеству Мицкевича принадлежит особое место в русской культуре и — шире — в русско-польском культурном пространстве. Одним из выдающихся памятников этого пространства является и музей-усадьба «Остафьево». Потрясения, пережитые Россией в XX в., и неумолимое течение повседневности привели к тому, что на долгие шестьдесят лет усадьба Остафьево «выпала» из культурной жизни России. В разное время территория имения, усадьба и ее парк находились во владении разных учреждений. Однако судьба исторического памятника не переставала волновать общественность. Неоднократные публикации в прессе, передачи по радио вызвали широкий общественный резонанс и движение за возрождение уникального памятника.

В октябре 1986 г. в «Остафьево» выезжала комиссия Министерства культуры СССР с участием музейных специалистов, представителей республиканского министерства (РСФСР) и Главного управления культуры Мособлисполкома, которая высказала единодушное мнение о необходимости музеефикации усадьбы. Справедливость была восстановлена. 30 августа 1988 г. на совещании комиссии в Министерстве культуры СССР было принято решение о создании в усадебном комплексе «Остафьево» историко-мемориального музея, посвященного деятелям русской литературы и культуры первой половины XIX в. Спустя шестьдесят лет после ликвидации усадьба Вяземских-Шереметевых вновь стала музеем.

В 1994 г. Остафьево в соответствии с приказом министра культуры № 45 от 21 января и постановлением правительства г. Москвы № 1139 от 14 декабря было признано самостоятельным учреждением культуры республиканского подчинения и получило название «Государственный музей-усадьба “Остафьево” — “Русский Парнас”». Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля

российским все польские ордена, в том числе и орден Белого Орла (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 6. 1831. Ч. 2. № 4948. С. 216.

1995 г. Остафьевский усадебный комплекс был внесен в «Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения».

Становление музея проходило в сложных социально-экономических условиях. Несмотря на трудности, коллективу музея удалось многое. В 2002 г. была закончена реставрация западного флигеля и примыкающей к нему галереи, где размещено фондохранилище, соответствующее мировым стандартам хранения музейных предметов. В 2005 г. отреставрированы восточный флигель и галерея, где устроены выставочные залы, кафе, организован прием посетителей. Практически завершена реставрация главного усадебного дома, в залах которого идет работа по размещению постоянной экспозиции музея. Уже сегодня цокольный этаж главного дома приспособлен под экспозиционно-выставочное пространство, а посетители исторического памятника могут любоваться воссозданными парковой беседкой «Храм Аполлона» и бельведером на главном доме.

В июле 2011 г. в музее состоялось выездное заседание Коллегии Министерства культуры Российской Федерации под председательством заместителя министра П.В. Хорошилова. Коллегией был рассмотрен вопрос о концепции развития территории музея на период 2011–2020 гг. и о подготовке к празднованию 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина. Этому событию в юбилейном 2016 году в музее были посвящены ряд торжественных мероприятий. Центральное место среди них принадлежало Международной научной конференции «Николай Михайлович Карамзин: жизнь и труды» (Остафьево, 26–27 октября 2016 г.).

В настоящее время основная деятельность музея направлена на воссоздание образа русской усадьбы первой трети XIX в. Задача коллектива заключается в изучении и сохранении уникального историко-культурного наследия Остафьева, а также в сохранении традиций гостеприимства и творческого сотрудничества, заложенных князем П.А. Вяземским.

Сотрудничество Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас» с Польшей началось в 1990-е годы. Это были встречи с польскими учеными в области истории, литературы, поездка в Варшаву и посещение Литературного музея и Института Адама Мицкевича

директором нашего музея А.С. Коршиковым. 1998 год был объявлен ЮНЕСКО годом Мицкевича. Это был год 200-летия со дня рождения польского поэта. Музей не остался в стороне от этого события: совместно с научной библиотекой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова была подготовлена и открыта выставка «Он между нами жил...», отразившая страницы жизни и творчества польского поэта, проведена Международная научная конференция «Адам Мицкевич». В ней с докладами приняли участие специалисты МГУ им. М.В. Ломоносова, Института славяноведения РАН, Государственного музея А.С. Пушкина, Объединения государственных литературных музеев Республики Беларусь, директор Польского культурного центра в Москве В. Якубас.

В 2000-е годы отношения музея и представителей польской науки и культуры заметно активизировались. Благодаря сотрудничеству музея с Представительством Польской академии наук при Российской академии наук и содействию Посольства Республики Польша в России были организованы совместные научные конференции, семинары, презентации научных и научно-популярных изданий. 3 декабря 2010 г. в музее состоялась Международная научная конференция «Николай Михайлович Карамзин: жизнь, творчество, окружение», в которой выступили с докладами кандидат исторических наук Катажина Блаховска (Исторический институт Варшавского университета), историк, секретарь Представительства Польской академии наук при РАН Петр Глушковский.

9 декабря того же года совместно с Представительством Польской академии наук при РАН фондом «Редкая книга» научной библиотеки МГУ был организован Международный научный семинар «Петр Андреевич Вяземский и Польша». В семинаре приняли участие ученые Института славяноведения РАН, Российского государственного гуманитарного университета, с польской стороны — кандидат исторических наук Генрик Глембоцкий (Исторический институт Ягеллонского университета в Кракове), кандидат филологических наук Данута Муха из Института польской филологии Университета Яна Кохановского в Кельце (филиал Пётркув-Трибунальский). Среди почетных гостей семинара

были советник-министр, заместитель посла Республики Польша в Российской Федерации Петр Марчиняк, советник Посольства Республики Польша Адам Садовник, профессор Мариуш Волос (Представительство Польской академии наук при РАН), кандидат исторических наук Мариуш Кулик (Институт истории ПАН).

В 2011 г. ученые из Института славяноведения Российской академии наук, Комиссии историков России и Польши, Всероссийского института культурологии, Российского государственного гуманитарного университета собрались в Остафьево, чтобы представить читателям книгу «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830». Презентация издания была организована Государственным музеем-усадьбой «Остафьево», Посольством Республики Польша и Постоянным представительством Польской академии наук при Российской академии наук.

Сотрудники музея-усадьбы «Остафьево» принимали участие в презентации польских изданий, подготовленных российскими и польскими учеными. Это «Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты», «Польские исследователи Сибири» и многие другие. Книги были представлены на выставке «Россия и Польша: диалог культур», посвященной 50-летию Комиссии историков России и Польши и приуроченной к Международной научной конференции «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии» (23–25 июня 2015 г.). Выставка была открыта в музее 23 июня.

Между музеем, с одной стороны, и многими научными и культурными учреждениями России и Польши — с другой, происходит важный и успешный обмен информацией о научной и общественной жизни, обмен литературными изданиями, организуются совместные научные конференции и семинары. В библиотеке музея и библиотеке Кабинета медали созданы разделы, посвященные российско-польской культуре и сотрудничеству, которые постоянно пополняются. У нас хорошие контакты с представителями Института русистики Варшавского университета — Магдаленой Домбровской и Петром Глушковским, с Институтом Адама Мицкевича в Варшаве — Евгенией Домбковской, с Институтом истории Варшавского университета.

Еще в 1990-е годы в ходе визита в Варшаву директора музея-усадьбы «Остафьево» А.С. Коршикова обсуждался вопрос установки памятника Мицкевичу в усадьбе Остафьево как наиболее достойном месте в России. В последующие годы этот вопрос неоднократно был предметом рассмотрения. С этой целью в усадьбу приезжали польские коллеги, также вопрос рассматривался и в Министерстве культуры России. В 2014 г. в музее был с визитом советник-министр, заместитель посла Республики Польша в Российской Федерации Ярослав Ксёнжек и представитель Института Адама Мицкевича в Варшаве Евгения Домбковска. На встрече обсуждались вопросы продолжения сотрудничества и установки в усадьбе Остафьево памятника Адаму Мицкевичу. Надеемся, что этот вопрос будет решен положительно.

Россию и Польшу связывают давние исторические, гуманитарные и научные связи. Несмотря на сложную политическую ситуацию, представители российской и польской культуры должны продолжать сотрудничество, которое будет способствовать миру и процветанию наших наций.

История русско-польских отношений в памятных медалях из собрания Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас»

Истории русско-польских отношений посвящено много публикаций, книг, исследований, рассматривающих эту проблему под различными углами зрения. На наш взгляд, заслуживает внимания и такая их сторона, как история польско-русских взаимоотношений, запечатленная в памятных медалях.

Медали, плакетки как предметы малой пластики позволяют воплотить в художественных образах и сохранить в веках память о значительных событиях и лицах эпохи, донести до потомков данную им моральную и политическую оценку. Президент Российской академии художеств А.Н. Оленин в 1817 г. в своей книге «Опыт о правилах медальерного искусства» сформулировал это следующим образом: «Медали, подтверждая сказанное в бытописаниях прошедших веков, должны свидетельствовать настоящему и будущему времени об истине происшествий, упоминаемых в истории».

История русско-польских отношений в произведениях медальерного искусства впервые нашла отражение на медалях XVII в., свершились наиболее ответственные события в истории двух государств, а отношения между ними на столетия вперед определили исторические судьбы России и Польши. Противоборство Речи Посполитой и Московского государства в начале XVII в. нашло отражение в польской медали, посвященной Лжедмитрию I (1605–1606 гг.) и призванной послужить распространению в европейском общественном мнении убеждения в легитимности нахождения самозванца на российском престоле. Другие польские медали посвящены важнейшим актам истории восточной политики Польско-литовского государства XVII в.: осаде и взятию города Смоленска в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг., созданию Священной лиги и заключению Вечного мира между Польшей и Россией в 1686 г.

С начала XVIII в. корпус памятных медалей как с одной, так и с другой стороны, посвященных взаимоотношению двух стран, неуклонно возрастал. Сегодня никто не берется сказать, сколько предметов нумизматики было отчеканено на монетных дворах Польши и России. Говоря о медальерном искусстве Польши, необходимо отметить, что оно насчитывает несколько столетий своего развития и имеет более богатую историю по сравнению с Россией.

Большую роль в формировании национальной школы медальерного искусства сыграли польские мастера, работавшие в основных медальерных центрах Европы: Мюнхене, Париже, Риме, Вене. Все они поддерживали творческие и личные контакты со своей страной. Польские медальеры, впитывая новые подходы, решения, появляющиеся в Европе, в то же время сумели, с одной стороны, сохранить особенности, традиции, сложившиеся в медальерном искусстве Польши, а с другой — расширили существовавшие ранее представления о формах, пластическом языке и образно-эстетических возможностях медали.

Памятники медальерного искусства всегда были предметом особого внимания со стороны государства вплоть до XX в., правители или специальные комиссии решали, что и кого изображать на медалях, ими вносились окончательные правки в изображение проектов медали, после чего они отправлялись на монетный двор для чеканки. Согласно указу от 28 февраля 1767 г., в Российской империи было запрещено изготовление медалей частным лицам и организациям без особого распоряжения монарха.

В советское время была создана комиссия при Министерстве культуры СССР, которая определяла перечень изготовления памятных медалей на ближайшие годы.

Медальерное искусство — особый, элитарный вид искусства. Или, как образно о нем говорили, «самая хрупкая веточка на многошумном древе Аполлона» рассматривалась как один из политических инструментов пропаганды и прославления достижений страны и ее правителя. Поэтому со дня своего возникновения медали активно использовались в качестве даров при поездке в другие страны, служили особой заботой коллекционирования, собирания и хранения в специально оборудованных кабинетах.

Ценность этих предметов хорошо понимали в императорской России еще со времен Петра I. После Польского восстания 1830–1831 гг. из Варшавского университета в 1832 г. по указанию Николая I была вывезена вся коллекция штемпелей, медалей и монет, а после упразднения в 1869 г. Варшавского монетного двора на Петербургский монетный двор были отправлены находящиеся там монеты, медали и штемпели.

По Рижскому мирному договору 1921 г. между Советской Россией и возрожденной Республикой Польша советской и польской сторонами было отобрано и возвращено Польше 11 397 античных, западноевропейских и русских монет и медалей, которые стороны согласились считать эквивалентными варшавской коллекции как с точки зрения нумизматической ценности, так и по стоимости. Экспертом с польской стороны в этой работе являлся профессор Мариан Гумовский. К несчастью, во время оккупации Польши в годы Второй мировой войны эта коллекция, хранившаяся на тот момент в Национальном музее в Варшаве, оказалась утраченной.

Фонд польских медалей и монет в музее-усадебке «Остафьево» составляет 514 экземпляров. Собрание монет представлено как монетами XVII в., в частности времени правления Сигизмунда III, так и монетами XIX–XX вв. Корпус медалей представлен 245 памятными медалями, начиная с XVII в., заканчивая современным периодом, как выполненных в техники чеканки на монетном дворе, так и литыми и авторскими моделями. Польские памятные медали из собрания музея были представлены на нескольких выставках — «Пушкин в зарубежном медальерном искусстве», «Многоликая Польша», в которой участвовали Московский государственный университет, Институт Адама Мицкевича в Варшаве, Дом графики имени Д.А. Ровинского, музей-усадебка «Остафьево», Посольство Республики Польша в Российской Федерации.

Для нас интерес в данном случае представляют медали и плакетки, связанные со взаимоотношениями Польши и России, находящиеся в фондах музея-усадебки «Остафьево». Одной из первых польских медалей, связанных с Россией, является медаль, посвященная осаде и взятию Смоленска. В историю медальерного искусства эта медаль вошла как медаль «На снятие осады Смоленска, разгром боярина Шеина Владиславом IV и мир с Турцией и Швецией 1636 год».

На аверсе мы видим изображение короля Владислава IV верхом на лошади. Перед ним — русские послы на коленях. Вдали — слагающая оружие русская армия, лагерь и город. Внизу — монограмма автора медали: SD (Себастьян Дадлер). Круговая надпись на латинском языке: DEL OPT: MAX: AUSPICIO INVICT: VLADISLAI IV POL: SVECIAEQREG: ARMIS VICTRIC: SMOLENSKV OBSIDIONE LIBERATV MOSCI SVBI VGATI SIGNADUCES PROST RATI. Перевод: «Волей Бога наилучшего, величайшего Смоленск освобожден от осады победоносной армией непобедимого Владислава IV, короля Польши и Швеции, московиты покорены, войска повержены». На реверсе — король Владислав IV верхом на лошади перед своим войском. С неба спускается ангел, венчающий его лаврами. Перед королем — турецкие и шведские посланники, подающие ему оливковые ветви. Внизу — дата: 1636. Надпись поверху: ET.BELLO.ET.PACE. COLENDUS. Надпись внизу: TURCAE.PACEM.FERENTES. ET.SVECI. Медальер — Себастьян Дадлер. Перевод надписи по окружности медали гласит: «И в войне, и в мире достойный почитания, турки и шведы приносят мир».

Предыстория изображенных на медали событий, предшествовавших появлению медали, заключалась в том, что после окончания Смуты в Московском государстве и подписания Деулинского перемирия (заключенное в селе Деулино близ Троице-Сергиева монастыря в декабре 1618 — январе 1619 г. между Русским царством и Речью Посполитой на 14,5 лет, которое завершило войну, длившуюся с 1609 г. за территории современных России, Украины и Белоруссии) отношения России с Польшей оставались сложными. По условиям перемирия Россия лишилась принадлежавших ей ранее Смоленска и Чернигово-Северских земель.

В 1632 г. истек срок перемирия, и одновременно умер польский король Сигизмунд III. Русское правительство решило воспользоваться неизбежным ослаблением Польши в связи с выборами нового короля и вернуть утраченные земли. Так началась Смоленская война. Русские войска под командованием М.Б. Шеина овладели рядом западнорусских городов и осадили Смоленск. Однако вскоре они сами оказались окружены армией нового польского короля Владислава IV и вынуждены были капитулировать. По заключенному в 1634 г. Поляновскому миру, Польша вернула все занятые русскими

Медаль «НА СНЯТИЕ ОСАДЫ
СМОЛЕНСКА, РАЗГРОМ БОЯРИНА
ШЕИНА ВЛАДИСЛАВОМ IV И МИР
С ТУРЦИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ. 1636 ГОД».
Аверс. Медальер Себастьян Дадлер.
Бронза. Диаметр 78 мм. 1636 г.

Медаль «НА СНЯТИЕ ОСАДЫ
СМОЛЕНСКА, РАЗГРОМ БОЯРИНА
ШЕИНА ВЛАДИСЛАВОМ IV И МИР
С ТУРЦИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ. 1636 ГОД».
Реверс. Медальер Себастьян Дадлер.
Бронза. Диаметр 78 мм. 1636 г.

Медаль «НА ВЕЧНЫЙ МИР МЕЖДУ
РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ. 1686 ГОД».
Аверс. Медальер Гульельмада
Джованни Батиста. Медь.
Диаметр 65 мм. 1686 г.

Медаль «НА ВЕЧНЫЙ МИР МЕЖДУ
РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ. 1686 ГОД».
Реверс. Медальер Гульельмада
Джованни Батиста. Медь.
Диаметр 65 мм. 1686 г.

Медаль «ОБЩЕСТВО СОТРУДНИЧЕСТВА
ПОЛЬША – ВОСТОК».
Аверс (Александр Пушкин). Медальер
Эдвард Гороль. Бронза, чеканка.
Диаметр 70 мм. Польша. 1999 г.

Медаль «ОБЩЕСТВО СОТРУДНИЧЕСТВА
ПОЛЬША – ВОСТОК».
Реверс (Адам Мицкевич). Медальер
Эдвард Гороль. Бронза, чеканка.
Диаметр 70 мм. Польша. 1999 г.

Плакетка односторонняя. «АДАМ МИЦКЕВИЧ».
Автор неизвестен. Бронза, литье. Размер 110 x 116 мм.
Польша.

города, в свою очередь Владислав официально отказался от претензий на русский трон и признал царем Михаила Федоровича Романова. В Москве виновниками неудачного похода были признаны боярин М.Б. Шеин и окольный А.В. Измайлов, казненные по приговору Боярской думы.

Вошла в каталоги еще одна медаль из собрания Музея, посвященная важнейшим событиям в истории российско-польских отношений XVII в., — «На Вечный мир между Россией и Польшей. 1686 год».

Говоря об истории этой медали, необходимо отметить, что одним из узловых вопросов европейской дипломатии последней трети XVII в. был создаваемый под эгидой Австрии союз против Турции. В России Европа видела мощный заслон против турок и татар. Военные неудачи польского короля Яна Собеского в 1684–1685 гг. побудили Польшу к скорейшему заключению союза с Россией. По договору о Вечном мире, подписанному в 1686 г. во Львове, Россия брала на себя обязательство военной помощи Польше против Турции и татар.

То обстоятельство, что медаль в память Вечного мира была исполнена в Италии Гульельмадой (Giovanni Battista Guglielmada, 1667–1689), художником, работавшим при папском дворе, вполне объяснимо. Ватикан с напряженным вниманием следил за созданием антитурецкой коалиции, которая после окончательного оформления в Священную лигу была объявлена находящейся под покровительством папы.

Портрет Яна Собеского на лицевой стороне медали окружен латинским титулом, именующим его королем валахов, поляков, турок и татар. Обратная сторона, подчеркивающая равенство договаривающихся государств, изображает Собеского и царевну Софью Алексеевну, держащихся за руки и попирающих полумесяц. Здесь же латинская надпись: PAX FUNDATA CUM MOSCHIS («Заключен мир с Московией»), а внизу, в обресе медали: DECENNALIA AUG («Славное десятилетие»); имеет в виду юбилейный год со дня коронации Яна Собеского в 1676 г.

Изображение одежд славянских правителей всегда было камнем преткновения для европейских медальеров. Долгополые кафтаны и опушенные мехом шапки не дают точного представления ни о польском, ни о русском костюме.

Любопытнее всего, что на медали правительницей России представлена царица Софья. Известны ее постоянные притязания на единовластие, стремление отгеснить от правления братьев Ивана и Петра, официально занимавших царский трон, конфликты по вопросам подписи государственных бумаг и тонкостей протокола. Год заключения Вечного мира был апогеем правления Софьи. Последовавшие затем неудачные Крымские походы В.В. Голицына, стрелецкие волнения и, наконец, решительные действия Петра, получившего реальную поддержку в созданных им «потешных полках» и решительно взявшего всю полноту царской власти, положили конец ее политической роли.

В последующие годы русско-польских отношений экономические, политические, культурные связи между двумя странами носили противоречивый характер. Ценность памятников медальерного искусства заключается в том, что, повествуя о значительных исторических событиях, они позволяют рассмотреть одни и те же явления в разностороннем освещении их современниками и очевидцами.

Небольшой корпус польских и русских медалей и монет из собрания Музея экспонирован на выставке, приуроченной к Международной российско-польской научной конференции «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии: к 50-летию Комиссии историков России и Польши» (Москва, 23–25 июня 2015 г.). Каждая памятная медаль, представленная на ней, имеет свою историю о времени, событии, личности, эпохе. Примеров этому немало. Однако для Музея-усадьбы «Остафьево» как для уникального памятника русско-польских культурных и литературных связей особое значение имеют медаль и плакета, объединившие двух великих поэтов — Адама Мицкевича и Александра Пушкина. Медаль выполнил известный польский медальер Эдвард Гороль. На одной стороне — изображение А.С. Пушкина, по окружности надпись: «Общество сотрудничества Польша — Восток», на другой стороне — изображение Адама Мицкевича, по окружности та же надпись на польском языке. Медаль с дипломом вручалась от имени Министерства культуры Польши. Плакета посвящена Адаму Мицкевичу. На плакете приведены строки из стихотворения А.С. Пушкина «Он между нами жил...»:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Думаю, что эти слова звучат сегодня, как никогда, актуально.

Библиография

Дьяков М.Е. Медали Российской империи. Ч. 1. М., 2004.
Коршиков А.С. Пушкин в зарубежном медальерном искусстве. М., 2009.

Коршиков А.С. «Себя как в зеркале я вижу...». Пушкиниана в произведениях медальерного искусства. М., 1999.

Лепехина Е.В. О выдаче в Польшу эквивалентной нумизматической коллекции по Рижскому договору 1921 г. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2013.

Соколов С.П. Сводный каталог русских медалей. Киев, 2005.

Фролова Н.В. Русско-польские нумизматические связи XIX–XX вв. // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2000.

Чернышов К.М., Чижевская О.В. Российский двуглавый орел и западноевропейское медальерное искусство XVII в. // Гербоведение. Т. 3. М., 2013.

Щукина Е.С. О России за ее пределами. Западно-европейские медали из собрания Эрмитажа на события истории России конца XVII – первой четверти XVIII века // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики. Л., 1977.

А.Л. Хорошкевич
(Москва)

История польской культуры в трудах Л.А. Софроновой

Любая дисгармония человеческих отношений
оборачивается покушением на мировую
гармонию в целом.

Ю. Словацкий

В истории культурных и научных связей современной России и Польши Л.А. Софроновой принадлежит особое место, а ее вклад в историко-культурное исследование общего культурного пространства Польши, Украины и России является уникальным в отечественной и мировой славистике¹. Сейчас, по прошествии нескольких лет после ее безвременной кончины, это утверждение едва ли может быть подвергнуто сомнению. Научное наследие Людмилы Александровны уникально как по объему, так и по содержанию. Поэтому мы не ставим своей задачей обратиться к нему целиком, а укажем только на важнейшие работы Новейшего времени, начиная с 1980-х годов².

Одной из существенных черт научного творчества Л.А. Софроновой была ее способность увидеть и описать уникальное соединение в реальной жизни высот духовной культуры и обыденного процесса движения культуры

¹ Благодарю М.В. Лескинен, М.В. Софронова, О.В. Цыбенко за помощь в написании статьи.

² См.: *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша, Украина, Россия. М., 1981; *Она же.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985; *Она же.* Польская романтическая драма. Мицкевич, Красиньский, Словацкий. М., 1992; *Она же.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002; *Она же.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006; *Она же.* Российский феатрон: Московский любительский театр XVIII в. М., 2007; *Она же.* «Записки» Яна Хризостома Пасека: Дневник, роман, энциклопедия. М., 2014.

повседневной, устремленной в своем развитии к духовным вершинам и с этих высот животворящей обыденную жизнь народов. В этой связи характерно выказывание самого любимого Людмилой Александровной польского поэта-романтика — Зигмунта Красиньского, увидевшего в драме Юлиуша Словацкого «Балладина» «социальный горох с капустой». Отмеченная особенность подхода Л.А. Софроновой к исследованию явлений культуры и процессов ее развития определила наше намерение как историка обратиться к ее трудам как выдающегося филолога и культуролога.

Л.А. Софронова (31.03.1941–16.02.2013) принадлежит к самому юному поколению «подранков» Великой Отечественной войны. На пути в казавшийся в 1941 г., в начале войны, «безопасным» Сталинград четырехмесячное дитя перенесло в Камышине тяжелейшую болезнь, заложившую основу разных хворей. Подорванное в раннем детстве здоровье стало одной из причин кончины в расцвете творческих сил. Судьба вознаградила Людмилу Александровну даром человеческой и ученой прозорливости, любовью к природе, ко всем проявлениям жизни, будь то растения, животные или люди, наделила ее талантом проникновения и сочувствия к ним. К ней в полной мере можно отнести высказывание Ф. Шлегеля, что только посредством любви человек становится человеком.

Это основное качество души, обращенное как к окружающим, так и к деятелям прошлого — героям ее исследований, сложилось не без влияния бабушки — медицинской сестры, всю жизнь, включая и лихолетье 1941–1945 гг., прожившей в селе на Смоленщине. Бабушка сохранила особый смоленско-польско-белорусский говор, синтез низовых культур трех народов. И сама Людмила Александровна, впитав его с детства, сыпала пословицами и поговорками. У нее сложился стойкий интерес к бурным судьбам и процессам взаимного культурного влияния четырех славянских народов — польского, украинского, белорусского, русского.

Выбор направления научной деятельности был обусловлен интересом Л.А. Софроновой — студентки филологического факультета Московского государственного университета — к польскому языку. Только по-польски даже после разоблачения культа личности Сталина можно было читать в СССР новинки современной зарубежной художественной и

научной литературы. Она овладела и венгерским, и польским, что помогло ей после четвертого курса поступить в Институт славяноведения АН СССР. Ситуация в отечественной филологической науке, сложившаяся во время краткой хрущевской оттепели, благоприятствовала ее занятиям. Атмосфера в Институте славяноведения была не столь удушающей, как, например, в Институте истории СССР, где еще долго вращались жернова марксистско-ленинской идеологии, перемалывавшие в пыль самостоятельно мыслящих ученых. Гуманный по отношению к славяноведческой науке климат в «Инславе» сложился благодаря советской внешней политике, постулировавшей в то время вечную и нерушимую дружбу со славянскими народами (воспринимаемую ныне как иллюзорную), и сосредоточению в нем ярких личностей: Г.Д. Гачева, В.Д. Королюка, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, В.А. Хорева и др.

В период оттепели второй половины 1950-х — начала 1960-х годов произошли перемены и в методике исследования. В Тарту на Лотмановском семинаре отрабатывались приемы структурализма и семиотики. Благодаря участию в этом семинаре и руководству мужа, известного китаиста М.В. Софронова, Людмила Александровна легко овладела ими, что и доказала анализом польской драмы XVII в. о мученической судьбе первых русских святых православной церкви — князей Бориса и Глеба³. Это был шаг к чрезвычайно широкой теме — истории театра, вернее, истории жизни, осмысленной самими современниками в тех формах, которые диктовал общепринятый стиль времени, фактически — к капитальной проблеме эволюции самосознания католического и православного славянства Центрально-Восточной и Восточной Европы. Трагедия — один из первых фокусов, в котором совместились традиции православия (впоследствии окрещенного «московским») и польской культуры, развивавшейся под сенью католицизма.

На первом этапе творчества интересы исследовательницы ограничивались сферой школьного театра. Сборники текстов праздничных и выпускных спектаклей в иезуитских

³ См.: Софронова Л.А. Сравнительный анализ сюжета польской драмы XVII в. «*Communia duchowna św. Borusa i Hleba*» // Древнерусский сюжет в польской драматургии XVII в. М., 1975.

школах, сохранившиеся на Украине и в Белоруссии, передавали польскую театральную традицию средневековых мистерий, которые нормировали мироощущение и миропонимание поляков XVII–XVIII вв.

Людмила Александровна охарактеризовала тексты пьес как органическую часть культуры эпохи барокко, когда после бурных событий Реформации и Контрреформации европейская мысль попыталась заново решить кардинальный и по-прежнему — вплоть до нашего времени — остающийся роковым вопрос «Бог и человек», но уже не только в чисто мистико-теологическом плане, но и в приближенном к человеку театральном пространстве. Пьесы наглядно демонстрировали участь людей, нарушавших заповеди. Три части этажа сцены соответствовали раю, земле и преисподней, куда проваливались потерпевшие неудачу в совращении человека выходцы из ада или погибшие люди. Герои школьного театра были носителями разных идей, и от этого выглядели несколько схематично, несмотря на их трагические переживания.

Тема театра, его эволюции в связи с изменяющейся общественно-политической ситуацией осталась одной из главных тем многообразного творчества культуролога. Украинский театр, которому Людмила Александровна в 1981 г. посвятила специальное исследование⁴, высоко оцененное Союзом театральными деятелями Украины, выступал в роли посредника между польской и российской культурой, заземляя польскую традицию XVII в. Конечным «потребителем» выступил российский зритель, для которого трудился так называемый охотничий (вольный) театр XVIII в., ставивший бытовые комедии⁵, восходящие к школьному театру Речи Посполитой XVII в.

Исследовательница показала, что секуляризация библейских и евангельских мотивов, как и освоение естественно-научных знаний о мире, происходила в каждом из этих регионов и в разных социальных стратах разными темпами, но они достигали самых низов общества. Школьный театр, предшественник придворного и магнатского, стал наиболее

⁴ См.: Софронова Л.А. Старинный украинский театр. М., 1996.

⁵ См.: Софронова Л.А. Российский феатрон: Московский любительский театр XVIII в.

последовательным выразителем барокко в славянской культуре с присущим этому художественному стилю принципом контраста и в живописи, и в архитектуре. Сплавив элементы религиозного и народного творчества, школьный театр, воспитывая и обучая зрителя в эстетическом и дидактическом плане, в свою очередь, вошел в театральный опыт XVIII–XIX вв., особенно в период романтизма.

Теме польского театра Л.А. Софронова осталась верна и позднее. В заключение работы 1981 г. автор подчеркнула сходство театров Восточной Европы, развивавшихся по европейскому образцу — в контактах и в противостоянии с ним. В ее творчестве, посвященном истории театра, докторская диссертация занимает ключевое место. Здесь определен круг проблем истории театра как зеркала истории культуры и искусства и намечены темы и проблемы будущих исследований. Чрезвычайно важно наблюдение о медленном темпе трансформации психологии и мироощущения и автора, и зрителя. Хотя взаимоотношения развития культуры и политики Л.А. Софронова отдельно не рассматривает, однако тот фон, который создает политическая ситуация, передается ею отчетливо.

Наиболее выразительно влияние этой ситуации автор характеризует в третьей монографии, посвященной краткому, но очень яркому периоду — эпохе Просвещения в Польше последней четверти XVIII в. (1985). В это время, завершившееся трагическими событиями разделов Речи Посполитой, ее Национальному театру, основанному королем Станиславом Августом в 1764 г. и унаследовавшему традиции школьного, меценатского, придворного театра, выпала честь осуществлять важные общественные функции, прямо вытекавшие из политических запросов общества⁶. Главной целью культуры Просвещения была дидактическая: «Учить, а не развлекать»⁷; театру, наиболее эмоционально воздействовавшему на зрителя, отводилась миссия воспитания членов общества и регулирования социальных процессов⁸. Проблема модернизации

⁶ См.: *Софронова Л.А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985. С. 67, 85.

⁷ См. там же. С. 70.

⁸ См. там же. С. 70.

(говоря современным языком) решалась в условиях борьбы старых польских обычаев — сарматизма (с его привязанностью к *liberum veto*) против идей естественного права, которыми в это время были пронизаны драмы, выражавшие интересы нарождавшейся и в Речи Посполитой буржуазии. Голос последней стал слышен даже на сеймах, где обсуждались конфликты короля и магнатов, вопросы дворянских привилегий, финансирования войска и др. На сцене появился новый герой — простой человек, а не полководец, не король, которого радостно принял и новый зритель — представитель третьего сословия и просветитель. Даже переводные произведения (иногда с польскими дополнениями) воспринимались как реакция на польскую действительность (например, вставки Я. Будуэна в мольеровском «Тартюфе», главного героя которого считали вождем Барской конфедерации). И любовная драма Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» (1791 г.) оказалась политически актуальной, ибо в ней шла речь об отмене *liberum veto*. Также современно звучала просветительская трагедия С. Конарского «Трагедия Эпаминонда» с ее крамольной и донныне актуальной идеей «закон перестает быть законом, если вредит счастью родины»⁹. Конарский внушал публике мысль, что без просвещения нельзя искоренить недостатки ни в экономике, ни в правлении страной. Польские драматурги эпохи Просвещения не ограничивались демонстрацией пользы учения, но высмеивали и консерваторов (традиционных сарматов), с одной стороны, и щеголей галломанов — с другой¹⁰. Конфликт просветителей и ретроградов, отстаивавших нормы «старого порядка», стал темой многих комедий — и переводных, адаптированных к польской действительности, и оригинальных польских произведений. Пропитанное оптимизмом и «философией» (то есть «просвещенным» отношением к жизни и человеку), театральное искусство этого времени ввело народный язык неграмотных крестьян и казаков в интермедии и комедии¹¹. Мещанская драма показывала пользу просвещения и губительность невежества, адресуясь

⁹ См.: Софронова Л.А. Польская театральная культура... С. 116–132, 138.

¹⁰ См. там же. С. 76–77.

¹¹ См. там же. С. 1, 59, 71.

к новому зрителю, на которого эпоха возлагала большие надежды, считая, что его возможности неограниченны, что он может овладеть философией — единственным факелом знания, и стать разумным, идеальной личностью; борющийся с невежеством, по словам А. Нарушевича, разум «всему судья, никогда не обманывает».

Атмосферу в театре создавали не только актеры, но и зрители. Протестуя против разделов Польши и пропагандируя патриотические идеи, дамы являлись в театр в бело-красных нарядах цветов национального флага¹². «Чем меньше общество имело возможность выражать свои социальные и политические устремления, тем большее общественное звучание оно придавало театру»¹³. Он укреплял единство нации. Зрители независимо от сословной принадлежности отождествляли себя с героями, выступавшими на сцене, выражая им сочувствие, стремились помочь, даже деньгами. В неменьшей мере они готовы были содействовать и театрам, о положении которых узнавали из афиш, программ и театральной публицистики. Журналы «Монитор», «Приятные и полезные развлечения», «Театральный календарь» рассказывали не только о национальном театре, но и об античном и мировом, расширяя кругозор зрителей¹⁴. Таким образом просветители провозглашали программу формирования культуры нового типа, стремились реализовать замысел создания «нового человека».

В условиях разделов Речи Посполитой, что стало для Польши национальной трагедией, и наполеоновских войн в польском обществе приобрели популярность историко-мифологические драмы, а их героиней чаще всего выступала легендарная польская королева Ванда (произведения Текли Лубеньской 1806 г., И. Дембовского 1810 г., Э. Словацкого, Л.А. Дмушевского). В начале XIX в. преобладали патриотические пьесы: «Наследник римского трона», «Бунт Хмельницкого», «Приход в Литву» А. Жулковского, «Освобожденная Литва» Я. Ходзько (две последние — 1812), «Народное ополчение», «Окопы на Праге» Л.А. Дмушевского.

¹² См. там же. С. 83.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ См. там же. С. 174.

Героя восстания конца XVIII в. по случаю перенесения его останков в 1820 г. прославил К. Мейерановский («Первая любовь Костюшки»).

Изменились и герои просветительской комедии; сармат, уже «просвещенный», превратился в носителя национальных традиций. Герои этих пьес — ревнители страны наделялись полным комплектом добродетелей: мудростью, храбростью и любовью к отчизне. Патриотическую традицию поддерживали и декорации спектаклей; на одном из них были представлены портреты исторических героев Польши (начиная с Длугоша и Коперника и кончая королем Яном III Собеским, правившим в «последние мгновения нашего величия, которые предварили нашу гибель» (как гласила программа пьесы «Пажи короля Яна» Ю.У. Немцевича (1808).

В течение первой трети XIX в. дидактическая комедия эпохи Просвещения сливалась с драмами политической и исторической направленности, не потеряв при этом оптимистического характера. Один из героев пьесы Л.А. Дмушевского «Болтун из болтунов» (1807) гордо заявлял: «Мы объединимся в согласии и единстве, и наша страна удивит сильные народы»¹⁵. «Просветительское искусство научило театр быть школой жизни, каковым он остается до сих пор», как справедливо завершает свое исследование 1985 г. Л.А. Софронова.

На исходе 1980-х годов, в смутные времена заката перестройки в СССР и крушения Народной Польши, Л.А. Сафроновой на одном дыхании удалось написать и на второй год после распада Советского Союза издать на газетной бумаге в мягкой обложке одно из лучших своих произведений — «Польская романтическая драма» (1992), о творчестве, по словам К. Бальмонта, «трех пророков своего отечества» — А. Мицкевича, З. Красиньского и Ю. Словацкого. Обращение Л.А. Софроновой к авторам, творившим после подавления восстания 1830–1831 гг., было неслучайным. Лишь в атмосфере общественного подъема и надежд на коренные перемены в социальном строе и политике нового государства — Российской Федерации — культуролог смогла обратиться к теме, за полтора

¹⁵ Цит. по: Софронова Л.А. Польская театральная культура... С. 251.

столетия не потерявшей остроты и актуальности, которые были свойственны ей во времена Пушкина и Лермонтова.

Пристрастному читателю кажется, что монография подспудно пронизана теми же настроениями, которые были свойственны и польским романтикам 30-х годов еще не очень далекого XIX столетия. Однако наиболее характерной чертой исследования 1992 г. является фронтальный анализ всего комплекса культуры Польши. Во вступлении Л.А. Софронова характеризовала естественно-научную, философскую, политическую литературу того времени и эпистолярное наследие поэтов-романтиков, что и позволило ей дать исчерпывающую характеристику польского романтизма с его отрицанием социальной действительности, бурным патриотизмом, а соответственно и воспеванием героического прошлого страны, с мифологией, мистикой и любовной лирикой, окрашенной сентиментализмом. Отказавшись от риторики, польские поэты возвращались к мистерию. Герои их произведений — это молодые творцы: художники и поэты, независимые личности, носители духа, который и должна была познавать история, ибо под покровом внешних событий таилась национальная душа или душа мира. «Любование своим духовным бессмертием <...> должно быть источником поэзии»¹⁶, — утверждал Ю. Словацкий. Дух не мог существовать без любви, то есть «непосредственного духовного знания». А высшей формой любви, по единодушному мнению романтиков, была любовь к человечеству, стремление помочь всему миру. Любовь стала «фундаментальной социологической общественной категорией <...> каноном реформаторских программ, утопических построений и даже экономических теорий»¹⁷. А формой выражения стала ирония, которая, по словам немецкого философа и теоретика искусства Жана Поля, «играя <...> носится над всем знанием, словно пламя, — вольная, сжигающая <...> но стремящаяся лишь в небеса»¹⁸. Культура романтизма, созидаемая свободным «сыном мира, возлюбленным свободы», была

¹⁶ Цит. по: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Жан Поль. Приготовительная школа эстетики / Вступ. ст., пер. и коммент. А.В. Михайлова. М., 1981. С. 167, 178.

ориентирована на национальную свободу, а поэты-романтики выступали вождями национально-освободительного движения. Народ был объявлен живой правдой истории, божественной идеей, постоянно развивающейся в лучшую сторону. Л.А. Софронова обращает внимание и на особенность славянской культуры, отмеченную еще А. Мицкевичем: «У нас каждое выдающееся литературное произведение и религиозное, и политическое»¹⁹. В особенности важна для романтиков была философия, но отнюдь не философия XVIII в. с ее теорией пользы и всеобщего благоденствия, а Канта и особенно Шеллинга, который открыл «неизвестную часть мира» — душу человека, философия, которая указывает искусству святые цели. Что же касается точных наук, то тут поэты поступали избирательно. Они приняли открытие «животного» электричества Гальвани, сопоставив его с возможностями человека реагировать на внешний мир. В магнетизме обнаружили сходство с миром чувств. Ботаника способствовала объяснению органического духовного единства народа. В системе знаний о мире была установлена иерархия наук, высшее место в которой занимала философия, но искусство, обретшее сакральные черты, находилось над ней. С этим соглашались и философы. А. Чешковский пророчил, что «искусство станет литургией, а труд во имя прекрасного — причастием. Жрецами духа будут художники и ученые, то есть все те, кто трудится на благо человечества»²⁰, какой спустя полторы сотни лет и стала сама исследовательница творчества романтиков. Однако в 1830-е — 1840-ые годы в ожидании второго пришествия сложилось иное сообщество — сообщество так называемых мессианистов, надеявшихся воздействием на чувства людей заставить их жить по евангельским заветам, что и переменит историю польского народа. Именно польский народ — избранный; страдая, подобно Иисусу Христу, он должен принести себя в жертву ради свободы других народов, обновления мира и спасения человечества. Служение родине превратилось в польскую религию XIX в., которую исповедовали не только поэты и ученые.

¹⁹ Цит. по: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 33.

²⁰ Цит. по: Там же. С. 44.

Романтик знал, что «только посредством любви <...> человек становится человеком», что только «через идею любви можно познать природу»²¹. Адам Мицкевич в поэме «Дзяды», которую он создавал в 1823-м (в Ковно и Вильно и 1833 г. в Дрездене), обратился к народной культуре — по древнегреческому, польско-литовскому, российскому поминальному обряду, что и превратило незавершенную поэму в синтез романтической философии с народной мифологией²². Манифест романтической любви произносит Девица в первой части драмы, где описано шествие крестьян с жертвенной пищей на кладбище. Вторая и третья ковенско-виленские части поэмы посвящены обряду поминания в часовне; в трапезе было отказано всем лишеным любви, в том числе жадному барину, убившему крестьянина за кражу яблок и в рождественскую ночь пожалевшему ломтя хлеба нищенке (он наказан вечным голодом). Призрака с раненым сердцем уводит пастушка, наконец одарившая его и себя любовью. Этот эпизод пронизан идеей великой романтической любви, для которой смерть не преграда. Л.А. Софронова трактует его как изображение поэтом (находившимся под влиянием теории Т. Зана о таинственных лучах, испускаемых людьми) «идеи единства мира и знака существования мировой любви».

Третья часть «Дзядов», «прочно связанная с первой темой памяти о юности и свободе», основана на реальном факте 1823 г. — аресте в Вильно, судебном процессе и заключении» в тюрьму членов студенческого кружка филوماتов и филаретов (во главе с математиком Т. Заном). Поэт, находившийся под арестом с 23 октября 1823 г. до 22 апреля 1824 г., точно воссоздал эти события на страницах поэмы²³. Тема любви здесь преобразуется в любовь к родине, воспитанную И. Лелевелем, который говорил: «Любить Польшу, желать Польшу — вот единственная политика». Третья часть «Дзядов», изобилующая элементами мистерии, — это обряд памяти погибших

²¹ Шлегель Ф. Идеи // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 61; Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 101.

²² См.: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 263.

²³ См. там же. С. 129.

предвестников Ноябрьского восстания 1830 г.; она полна именами виленских, кейданских, ковенских студентов, распространявших листовки в честь Конституции 3 мая 1791 г. Л.А. Софронова называет эту часть «политическими дзядами», где «появляется вставшая из гроба национальная традиция <...> чтобы напомнить об идеалах героизма, свободы, человечности, которые делают народ великим и благородным». Организатора же расправы — сенатора Новосильцева, жаждущего власти и богатства, но во сне, подобно Ироду, видящего свою смерть и чертей, уже готовых утащить его, как и императора Николая I, в ад, Мицкевич отождествляет со зловещим библейским царем. Неправедным владыкам и их приспешникам поэт противопоставляет близкую к мессианской идею народа, которому суждено утвердить божественный миропорядок на земле. И эпитафия третьей части, и ее ключевые эпизоды, соотнесенные с Евангелием, «выстраивают новую аксиологию польской истории»²⁴.

Читая сегодня это исследование Л.А. Софроновой, невольно обращаешь особое внимание на тот же роковой вопрос, который стоит перед человечеством на протяжении истории и продолжает стоять перед нами, как и в эпоху барокко: «Что есть Бог и в чем состоит наш путь к Богу?» Романтик Мицкевич вложил герою в уста упрек Богу: «Любовью назван ты напрасно. Ты только мудрость — это ясно»²⁵. Привилегию же любви к человечеству и родине Мицкевич, как и другие романтики, оставлял за собой. Эта любовь космична, она объемлет всю Вселенную. За ее носителя — поэта — ведут борьбу ангелы и черти, изображенные Мицкевичем в традициях барочных моралите.

Наряду с присутствующей на страницах «Дзядов» погребальной и свадебной символикой Мицкевич извлек из фольклора и поместил в ткань поэмы образ ели как символ единения с природой. Божественной природе, с одной стороны, и горним Небесам как воплощению слияния человека с Богом — с другой, противопоставлена у Мицкевича обыденная жизнь или, пользуясь понятием наших дней, социальная

²⁴ См. *Софронова Л.А.* Польская романтическая драма. С. 136.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 151–152.

действительность. Герой четвертой части поэмы — отшельник Густав в отчаянии проклинает всех, кто обучил его возвышенной любви, но превратил земную жизнь в ад, то есть Вертера, Новую Элоизу, Валерию де Крюденер, отрекаясь таким образом от идейных установок просветителей, исходивших из возможности рационалистически устроенного мира.

Стихотворный цикл из шести стихотворений «Отрывок» завершает поэтико-драматическое произведение «Дзяды». В центре его — передвижение ссыльных поляков по России, по огромному пустынному холодному пространству врага Польши, не имеющему истории и только кое-где населенному людьми, самой природой лишенными духа. Русским в поэме противопоставлены ссыльные поляки, среди которых наиболее значительны двое: пилигрим и пророк. Последний, не встречавшийся с пилигримом, стоит с воздетыми руками и провидит наводнение, которое должно поглотить город сатаны так же, как «устремилось на Вавилон море, покрыв его множеством волн». В целом «Отрывок», по мнению Л.А. Софроновой, написанный «в совершенно ином ключе, чем все “Дзяды”, превращает мистериального Ирода, слугу сатаны, в русского царя», благодаря чему «реалистический пласт контрастирует с символическим»²⁶. Говоря о жанровых и стилистических особенностях «Дзядов», Л.А. Софронова подчеркивает слияние в поэме «ископаемой» литературы, добытой из глубин народного сознания, «национальной по духу» (то есть фольклора), с романтической, которую поэт называл «мессианской»²⁷.

Совсем иной сплав традиций стал предметом анализа Л.А. Софроновой во второй части ее монографии 1992 г. «Небожественной комедии» Зигмунта Красиньского — «романтическом суде» поэта XIX в. над польской историей прежних веков, субъектами которой была аристократия, сарматская шляхта, а классиком в глазах автора — Данте Алигьери — «его духовным вожатым, его Вергилием в мире искусства». Наряду с Данте сильное влияние на З. Красиньского оказал и Шекспир, и Гёте, и Бомарше, и опера Вебера «Вольный

²⁶ См.: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 167.

²⁷ См. там же.

стрелок». А. Мицкевич причислил это незавершенное произведение Красиньского к тому же роду литературы, который создавал и он сам, основываясь на пронизанности поэмы духом, направляющим все отношения видимого мира на всех этапах движения человечества во времени: юность — зрелость — старость²⁸.

Текст «Небожественной комедии» так же многомерен, как «Дзяды»: «реальные» герои — поэт и аристократ имеют дело с символами, а их создатель прибегает то к иронии, то к высокому пафосу, то к пророческим видениям. Во вступлении Данте под именем Алигьера ведет Юношу по жизни. Во второй части его сменяет Муж-супруг. По замыслу автора, он должен был уступить свое место мудрому Старцу. Образ лирического героя не конкретизирован и соответствует то «Каждому», то «Путнику», перенесенному на страницы поэмы из мистерий и школьных драм XVII в., то просто «Человеку». Многозначны и другие персонажи поэмы; например, Дева — это и Смерть, и Поэтическая иллюзия. Житейские ситуации у Красиньского смешиваются с сакральными. Уже пролог «Комедии» построен на контрасте: в первом эпизоде главному герою Хенрыку является Ангел-Хранитель и обещает спасение тому, кто сохранит чувство — сердце, главную ценность романтиков. За душу героя сражаются злые духи, всячески соблазняющие его. А во втором, то разворачиваются реальные семейные сцены, то ангел-хранитель спасает его на краю пропасти. Дома мать во время крещения посвящает сына Орто в поэты под угрозой проклятия, если тот не осуществит мечты отца. Сама же она гибнет в реальном сумасшедшем доме, предрекая всеобщую гибель: обезумевший Бог под крик человека-червяка «Я — Бог!» бросает в пропасть крест, после чего исчезают кометы и солнца. Если для Мицкевича это «зародыш будущего безумного сатанинского мира», то для исследовательницы он изображение бунта, революции, жизни²⁹.

Молодой одаренный поэт Орто по воле рока лишен зрения. Однако он не смирился с жестокой судьбой и созидает свой собственный мир, разговаривает с Небом, что, согласно

²⁸ См.: *Софронова Л.А.* Польская романтическая драма. С. 181, 184.

²⁹ См. там же. С. 195–196.

Л.А. Софроновой, одна из ведущих деклараций романтизма — о равнозначности поэзии и жизни. З. Красиньский, находясь под сильным влиянием опыта Французской революции 1789 г., разделял идею Ж. де Местра о революции как наказании за грехи человечества и вслед за французским публицистом П. Леру считал, что революция сулит человечеству упадок³⁰. Он разделил и трагическую судьбу польских повстанцев 1830–1831 гг. Однако вопреки собственному антиреволюционному мировоззрению он ведет своего главного героя Хенрыка хотя и по иному, но по пути сражений.

З. Красиньский пророчил, что XIX столетие, «век угнетателей и банкиров», все изменит и разрушит, придет «время боли, нужды, последней битвы природы с человеком среди грохота машин и звона денег», со «всех сторон насилие, и повсюду нет Бога»³¹, «настанут дни таких поражений, что небеса сотрясутся и люди усомнятся в Боге и отчизне. <...> И наконец, уставшая земля обратится к Богу и любви как к последнему спасению»³².

На этой почве произрастали утопические теории. В результате включения в «Комедию» мотива путешествия, обычного для утопий XIX в., драма Красиньского, обладающая чертами средневековой мистерии, сближается не столько с утопией, очень распространенной в культуре эпохи романтизма, но и с дистопией, представляющей «модель зла», уничтожение личности как таковой. Эта идея была развита Н.А. Бердяевым, обобщившим опыт XX в., и Дж. Оруэллом в его дистопии «1984».

Зигмунт Красиньский поразительным образом предвидел «механизм переустройства» общества и идеологические манипуляции вождей, характерные социально-психологические черты революционера как человека нового типа, «человека, ломающего старые устои и потому теряющего свой облик»³³.

Л.А. Софронова подметила, что польский писатель 1830-х годов предвосхитил утверждение Н.А. Бердяева, что «религия

³⁰ Цит. по: Там же. С. 242.

³¹ Цит. по: Там же. С. 207–209.

³² Цит. по: Там же. С. 222.

³³ Цит. по: Там же. С. 227–228.

демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не признает ее автономного бытия»³⁴. В лесном лагере бунтовщиков в «Комедии» Красиньского только «Мы», не делящиеся на «Я» чувствуют себя карающими судьями, которые на радостях победы танцуют карманью-лу, пьют кровь врагов из их черепов и хвастаются именами своих жертв. В изображенном им лесном лагере «праздность зловеща, грозит смертью и предвещает разруху», — пишет исследовательница, отмечая эту же парадигму значений в «Чевенгуре» А. Платонова. Культ свободы, заменив христианскую веру, отправляется на развалинах храма, где в грязи оказалась икона Богородицы. Так Красинький предвосхитил не только революционную действительность, но и ее изображение в антиутопиях и дистопиях XX в. О. Хаксли и А.П. Платонова³⁵.

Представителя аристократии Хенрыка и демократии — Панкрация автор свел в диспуте незадолго до военного сражения. Встреча произошла в родовом замке Хенрыка, по Мицкевичу, в замке Св. Троицы в устье реки Збруч при ее впадении в Днепр, на месте польско-турецкого сражения 1526 г., и в оплоте барских конфедератов в 1771 г. В связи с этим существует даже теория, будто в образе Хенрыка поэт увековечил образ руководителя конфедерации — Пулаского. Реальность места придает особое значение и самому изображению замка, увешанного гербами и портретами предков, и образу Хенрыка, продолжателя славной сарматской традиции, борца за веру и Польшу наряду с королем Яном Собеским. Панкраций — оппонент и гость Хенрыка — не верит в возможность установления равенства и одержим жаждой власти, выступая предтечей члена «внутренней партии» в антиутопиях XX в.³⁶ Поражение обоих героев «Комедии» Л.А. Софронова истолковывает как доказательство мысли

³⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 210. См. также: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 230.

³⁵ См.: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 235, 237.

³⁶ См.: там же. С. 245.

Красиньского: «Провидение вновь ведет историю, над которой не властны люди. <...> Драматизм исторического развития заключается в колебаниях, по терминологии Н.А. Бердяева, между царством Духа и царством Кесаря»³⁷.

Наконец, в эпизоде «Сон» автор нарисовал аллегорическую картину современного мира, где центральное место занимает поработанная Польша — хранительница евангельских заветов. Она представлена образами кладбищ, крестов и людей, в обязанность которых входит испытание смертью. Кто его не выдержит, тот погибнет навсегда. Их страну с небес осеняет фигура Христа. Так история Польши соединяется с божественной историей. «На Голгофе Бога били в человеке, в Польше убивают человечество в народе. Европа не воскреснет без поляков, ибо без них она как без сердца» — таков итог анализа Л.А. Софроновой этой «насквозь польской драмы», созданной, по мнению А. Мицкевича, «поэтом, который <...> может принадлежать только к народу, страдающему веками»³⁸.

Л.А. Софронова анализирует «пророческий» проект будущего не только с точки литературных жанров, но и с точки зрения значимости «Комедии» в формировании польского психотипа, в 2015 г. не многим отличающегося от нарисованного Красиньским почти 200 лет назад. Однако «неправильное распоряжение людьми свободой»³⁹ приводит к тому, что человеческая история, как и во времена Зигмунта Красиньского, по-прежнему остается «небожественной». Недаром радицию З. Красиньского в XX в. поддержали разноязычные создатели новых антиутопий и дистопий — Е. Замятин, А. Платонов и Дж. Оруэлл.

Произведение третьего польского гения, Ю. Словацкого, «Балладина», — высочайшая трагедия, она отличается подчеркнутой вторичностью, использованием цитат без кавычек. «Балладина» включает реминисценции польского фольклора, языческих верований, современных ему драматических и поэтических сочинений; отголоски «чужого» включали новое произведение в обширный культурный контекст.

³⁷ Там же. С. 254.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 258.

³⁹ См. там же. С. 254.

Словацкий не обращается непосредственно к фольклору, а использует его мотивы, уже ранее бытовавшие в литературе, создавая при этом, подобно Творцу, новый художественный мир. Игра писателя по созданию произведения искусства обеспечивала ему свободу и сама становилась, по словам Ю.М. Лотмана, «фактом сюжета». «Литературными ориентирами» Словацкого Л.А. Софронова называет шедевры мировой литературы, как-то: «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто (1516), «Король Лир», «Макбет», «Сон в летнюю ночь», «Буря» Шекспира, которого он ставил выше всех своих предшественников.

Сюжет же Словацкий заимствовал из баллады А. Ходзько «Малина» о двух сестрах-соперницах, но обогатил его мифологическим пластом польской истории, к которому, однако, относился с иронией. Поэтому уже в «историческом» прологе на берегу озера Гопло — «славянской колыбели Польши» — он поселяет «короля» Попеля III, низвергнутого братом, но сохранившего корону, которой касался Спаситель. Рыцарю Киркору он рассказывает миф о первом короле Лехе, добродетельном пахаре, превращая историю в сказку, миф.

Во втором прологе — фантастическом — автор зашифровал свои представления о природе, изложив натурфилософию романтизма: «Любая дисгармония человеческих отношений оборачивается покушением на мировую гармонию в целом»⁴⁰. Русалка обладает даром предвидения — это уже «свидетельство мудрости самой Природы»⁴¹, и в заключительной сцене поэт превращает русалку в орудие возмездия за убийство Балладиной собственной сестры.

Сюжет «Балладины» не многим отличается от прообраза Ходзько. В бедном доме вдовы рыцарь Киркор влюбляется в обеих ее дочерей, а выбор невесты делает в зависимости от количества собранной ягоды. Балладина не может выполнить задачу: ягоды кажутся ей кровью. Алина, живущая в ладах с природой, быстро набирает жбан и с радостной песней направляется домой, но по дороге ее убивает сестрица, на лбу которой, когда гибель сестры обнаруживается, возникает,

⁴⁰ Цит. по: Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 286.

⁴¹ См. там же. С. 295.

подобно Леди Макбет и Клитемнестры Эсхила, неисчезающее кровавое пятно. Лишь на свадебном пиру хор духов обнаруживает тайну Балладины, которая, однако, не ограничивается уже содеянным. При ее участии погибает Киркор, затем ее любовник немец Кострин. (Этот эпизод у Словацкого диаметрально противоположен знаменитому мифу о гибели королевы Ванды, подчеркивает Л.А. Софронова.)

Балладина, ставшая королевой, решила, что с прошлым уже все кончено, и начала свое правление с суда. (Этот эпизод Л.А. Софронова связывает с сообщением А. Гваньини о первых актах королевского правления.) Однако свой иск предъявляют Врач, который понял, что Кострин был отравлен (самой Балладиной); поэт Филон, потребовавший наказать убийцу Алины; вдова, обвинившая дочь в своем изгнании из замка. По мере накопления обвинений меняется картина мира. Исчезает природа, остается один замок — цитадель преступлений. «Королева»-судья допускает ряд оговорок, из которых складывается картина ее злодеяний. Канцлер оглашает приговор: «Воистину, живым огнем достойна быть в уголь обращенной, в адский уголь». Гром и молния убивают убийцу сестры, мужа, матери⁴².

Этот стандартный для народных сказок конец театральной иллюзии Словацкий разрушает, выводя на сцену публику, в которой верховодит некто Вавель (как считало большинство исследователей, пародия на И. Лелевеля), и тем самым направляет огонь критики на ученую историю своего времени. «Профессионалы» оказались несостоятельными в восстановлении мифической истории Польши, тем более что и хроники мало что донесли до далеких потомков. Этот заключительный, хотя и короткий аккорд ясно выразил отношение поэта-романтика к науке. «Ведь только поэзии подвластны все сферы человеческого духа, в том числе и в их протяженности, а значит, и история. Оппозиция искусства и науки не вписана в сюжет баллады или трагедии, но, возникнув в эпилоге, она, — по убедительному мнению Л.А. Софроновой, — придает пьесе философский аспект, углубляет ее художественный смысл»⁴³.

⁴² См. там же. С. 320.

⁴³ См. там же. С. 323.

На этом можно было бы и закончить рассмотрение блистательного исследования Людмилы Александровны, посвященного драматургии Мицкевича, Красиньского и Словацкого, но автор настоящей попытки обзора, вроде публики, не может удержаться и не высказать своего полного согласия с поэтом-романтиком в его скептическом отношении к науке и подтвердить явное преимущество подлинной поэзии перед антропологическим и ему подобными методами.

Сама же исследовательница в заключение своей монографии 1992 г. подчеркивает роль рассмотренных ею произведений: драмы-ритуала, драмы-утопии и драмы-цитаты — в становлении польской культуры благодаря их сценическому воплощению, приуроченному к центральным историческим событиям страны. «Эти драмы — фиксация перелома в духовной жизни народа <...> позднее уже не появятся произведения подобной силы, затрагивающие эту проблематику»⁴⁴.

Тема поэтического воплощения и осмысления действительности во всем многообразии и противоречивости составляющих ее явлений и процессов и тема отражения этой действительности в личности человека как микрокосмоса была продолжена Людмилой Александровной и далее, когда через 14 лет после «Романтической драмы», в 2006 г., она издала обобщающую ее давние культуроведческие изыскания монографию «Культура сквозь призму поэтики». Эта книга писалась уже в новых социальных и политических условиях постсоветского периода, когда на месте ушедшего в прошлое Советского Союза на постсоветском пространстве возникло и прошло ряд этапов и кризисов на пути своего становления новое государство — Российская Федерация.

Блистательная многоплановая монография Л.А. Софроновой 2006 г. — это совершенно новый этап осмысления поэтики, в целом польской и русской (и — шире — восточнославянской культуры, в особенности народной), новое, более глубокое проникновение в историю культуры Восточной и Центрально-Восточной Европы.

⁴⁴ Софронова Л.А. Польская романтическая драма. С. 332.

В характеристике «Отрывка» появились новые детали. Если в 1992 г. Л.А. Софронова ограничилась указанием на сравнение Николая I с царем Иродом, то в 2006 г. привела слова А. Мицкевича о «царе-шулере» — еще более уничижительные для императора. Шествие войск на параде напоминает поэту колоду карт, которую мечет «шулер-царь». В 2006 г. она цитировала строки поэта, в которых чиновники российской столицы сравнивались с пауками, гусеницами и жабами, что явно указывало на отсутствие в них духовного начала⁴⁵. Софронова подчеркивает, что эпоха романтизма не только ориентирована на прошлое, но и пронизана отрицательным отношением к настоящему. «Для А. Мицкевича современность — это плод прошлого и зародыш будущего, а прошлое — мера будущего»⁴⁶. В этом утверждении можно усмотреть оптимистические нотки, поскольку идеальное прошлое составляет потенциал воплощения идеала в будущем. Поэт повторял слова основателя миллениаризма Ральфа Эмерсона: «Социалистическая труба взывает всех и вся, людей и предметы, на трибунал Страшного суда. Церковь, право, торговля, экономика, лаборатория — на все наступает новый дух»⁴⁷. Россию — это особое метафизическое пространство — Мицкевич связывает и еще с одной оппозицией свободы и несвободы, а холод этой страны превращает в мифологический образ смерти и пророчит, что сама природа погубит столицу России. И несмотря на столь удручающую характеристику страны и людей, Адам Мицкевич выражает надежду на будущее: «Но скоро засияет солнце свободы, и западный ветер согреет те государства, и что же станет с каскадой тиранства?»⁴⁸.

⁴⁵ См.: Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 228, 229, 245.

⁴⁶ Там же. С. 111.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Mickiewicz A. Dziady // Dzieła Adama Mickiewicza. Lwów, 1893. Т. 2. S. 216–217. Перевод А. Хорошкевич. Цит. по: Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. С. 229. Ту же надежду, но с оговоркой, что весь мир будет изменяться к лучшему, высказывал спустя 150 лет А.А. Зимин. См.: Зимин А.А. Две цивилизации в истории России // История России XIX–XX веков: новые источники понимания истории России / Отв. ред. С.С. Секиринский. М., 2002.

В книге 2006 г. появилась весьма интересная глава «Национальный автопортрет», в которой Людмила Александровна поднимает важную тему — одновременно научную и нравственную. Она ссылается на лекции Адама Мицкевича в парижском Коллеж де Франс, в которых поэт говорил от имени всех измученных славянских народов, обращаясь к французскому слушателю. Он доказывал родство и даже целостное единство этих народов на основании сходства их языков. Славяне, заявлял он, «сыны одной отчизны, в лоне ее зародилось несколько разных народов, притом народов, разделенных страстями и стремлениями, даже враждебно настроенных друг другу». У Мицкевича присутствует явное преувеличение близости языков и самих народов, о чем Л.А. Софронова пишет очень осторожно, обращая внимание на предлагаемое поэтом единство человек–народ, черты которого сходны у всех славян: доброта, мужество, богобоязненность, подчинение обществу, в котором легко растворяется личность⁴⁹.

Представления о ранней истории славянства, естественно, соответствуют науке первой половины XIX в. Правда, поэт, также в духе своего времени, причисляет славян к «молодым народам»⁵⁰. Для Мицкевича главные черты их характера как народа определяется связью с землей. Он пишет: «Этот народ, очевидно, предназначен для возделывания земли, для трудной крестьянской жизни. <...> Ни у одного народа нет столько знаний о целебности мира природы, о влиянии погоды и атмосферы, сколько их есть у славян». Из всего этого поэт делает вывод, который Людмила Александровна формулирует так: «Психологические черты славян подводят их к миру духа». У них, мирных людей, даже не было бога войны и терминов для обозначения измены и хитрости. «Это племя религиозное, племя простое, племя доброе и сильное»⁵¹, — пишет поэт. Они не стремятся к захвату чужих территорий, за исключением русских, «жаждущих расширения своих пределов»⁵². Это общее мнение поляков и донныне. Из идеи о присущей славя-

⁴⁹ См.: Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. С. 501–503.

⁵⁰ См. там же. С. 502–503.

⁵¹ Mickiewicz A. Dzieła. Т. 11. Warszawa, 1955. S. 211.

⁵² См.: Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. С. 507.

нину пассивности поэт делает вывод, что славянин вообще не привязан к земному миру и живет исключительно жизнью духа («Кто не испытывает восторга, размышляя о высоком и божественном, тот <...> не чистый славянин»⁵³). Поэт наделяет лишь соотечественников священным огнем патриотизма, а посему отводит именно им роль спасителей Европы; несмотря на это, никакая форма политического правления их не устраивает, кроме правления по божеским законам, появления которого они с нетерпением ожидают.

Полякам Мицкевич противопоставляет русских, и не только народы, но и страны. «Польша всегда была воплощением идеи, противоположной России»⁵⁴. Причины этого поэт видит в том, что в русских живет и финский дух — понурый и мрачный, дух невольника, ставшего господином, и монгольский дух неизбывного страха, и «чужой» (видимо, европейский. — А.Х.), проникший в Россию при Петре I. Очень важно, по мнению Л.А. Софроновой, наблюдение поэта: духовные границы между народами возникают раньше государственных, и они важнее последних. Речь идет о православии и католичестве, издревле разделивших поляков с «русью» (с XVIII в. русскими). Этим христианским религиям Мицкевич отводит разные роли, ибо католичество динамично, а православие неподвижно. Первое влияет на власть и создает очаги развития культуры, второе ищет поддержки власти, не формируя в монастырях ничего подобного латинским традициям. Православие он называет онемевшим из-за отсутствия проповедей в храмах. Даже современный ему русский язык, в отличие от польского (языка беседы и литературы), — это язык приказов и документа, язык чиновников и солдат, казарм и присутственных мест (его ключевые слова — «указ», «служба», «жалованье», подобное милостыне). Общеευропейским поэтом польский романтический поэт считает лишь Батюшкова. С духовной трагедией Пушкина, по Мицкевичу, кончилась и новая русская литература.

Однако при всей негативной оценке русской культуры Мицкевич не терял надежды на объединение славян на основе

⁵³ *Mickiewicz A. Dzieła. T. 11. S. 348.*

⁵⁴ *Ibid. S. 234.*

веры. За людьми духа последуют и остальные народы. Увы, нашему поколению вряд ли доведется это увидеть. Впрочем, в «Истории будущего» Мицкевич сам описал трагедию разрыва связи культуры и цивилизации: здесь нравственное падение человека происходит на фоне парашютов, железных дорог, «крылатых воздушных шаров» — самолетов⁵⁵.

Л.А. Софронова не обошла своим вниманием и польскую литературу XX в., исходя, вероятно, из того, что культурное пространство народа нераздельно в своем единстве и что те или иные хронологические периоды выделяются исследователями, чтобы только оттенить те или иные грани или проявления. В этом, думается, она усматривала причину реинкарнации в литературе XX в. мировоззрения романтиков предшествовавшего столетия. В ее исследованиях круг польских писателей пополнился двумя именами — Юлиана Тувима и Тадеуша Конвицкого. Юлиан Тувим (1894–1953), согласно ее характеристике, освоил и продолжил своими «Лесами вещей» наследие романтической дистопии. Нашим современником был продолжатель романтической традиции 1830-х годов Тадеуш Конвицкий (1926–2015)⁵⁶, находившийся «в когтях романтизма», но особого⁵⁷. Сама действительность ПНР накануне общественно-политического кризиса 1980–1981 гг. стала материалом «Малого Апокалипсиса» (1979). Она предстает как воплощенная антиутопия, как «абсурд реальности». И в этом, по мнению Софроновой, главное отличие произведения Т. Конвицкого от драм его предшественников XIX в.⁵⁸

⁵⁵ См.: Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. С. 602.

⁵⁶ См.: Цыбенко О.В. Проза Тадеуша Конвицкого и общеполитический кризис в Польше 80-х годов // Политика и поэтика. М., 2000; Она же. Гротеск на сатирическое изображение «польских комплексов» в произведениях Тадеуша Конвицкого, Эдуарда Редлинецкого 1990-х годов // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность и непрерывность литературного процесса. М., 2002.

⁵⁷ См.: Konwicki T. Mała Apokalipsa. Warszawa, 1979. Это произведение было дважды опубликовано на русском языке (в 1992 г. в журнале «Искусство кино» и в 1995 г. в одноименнике Т. Конвицкого вместе с двумя другими: «Бохинь» и «Хроника любовных происшествий»).

⁵⁸ См.: Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. С. 620.

Последний большой шаг в изучении польской культуры Людмила Александровна сделала незадолго до кончины, завершив монографию, посвященную анализу полудневниковых «Записок» Яна Хрисостома Пасека (1636–1701). Так хронологически круг ее исследований замкнулся на XVII столетии, том самом, с которого и началась ее творческая деятельность. На этот раз Л.А. Софронова сумела проникнуть не в душу писателя, а в душу польского рыцаря XVII в. — истово верующего католика и воина-сармата, преданного королю и военачальникам, в особенности уважаемому им Стефану Чарнецкому. Пасеку довелось сражаться в Дании со шведскими войсками, с российским царством — на востоке и юго-востоке Польши, с Османской империей — на юге. Однако и в жестоких сражениях, и во второй половине жизни в поместье шляхтич средней состоятельности сохранял доброе отношение к собственным челядинам, юным неопытным врагам, соседям, ссоры которых пытался прекращать. Ян «Златоустович» Пасек, по словам исследовательницы, как бы растворился в окружающих, в той раме, в которую было заключено его повествование; может быть, не столько «растворился», сколько раскрылся как живой рассказчик.

Наблюдательности Пасека современный читатель обязан точными зарисовками природы (не только заморских стран, но и самой Польши), взаимоотношений внутри польского шляхетского общества, мирного быта и военных обычаев поляков и их противников, как турок, так и русских — «москалей». В своих записках он одинаково внимателен к лошадям, которые не раз спасали его на поле боя, и к заморским, невиданным ранее рыбам, тюленям, оленям, верблюдам, ставшим своими в Польше после побед короля Яна III Собеского, к пичужке, жившей некоторое время в его шалаше, к обычаям войны и мира, быту поляков и других народов, уровню городской и сельской культуры. Все это рассказчик описывает и позволяет точнее понять эпоху, запечатленную в обыденном сознании всего лишь как череда кровавых битв.

* * *

Завершая обзор работ Л.А. Софроновой, можно констатировать, что в наши дни творческое наследие Людмилы Александровны еще более актуально, нежели в момент

создания ее монографий. Чрезвычайно значимы ее труды для осмысления непростого исторического прошлого славянских, равно как и неславянских народов Центральной и Восточной Европы в XVII и XVIII вв., особенно когда в наши дни и на наших глазах славянские народы вновь становятся объектом геополитических противоречий и притязаний, как это уже было в прошлом, в эпоху борьбы за наследие Киевской Руси. Исследование Л.А. Софроновой показывает, что за кровавой авансценой войн протекала бурная культурная жизнь, формировавшая наши теперешние стереотипы представлений друг о друге. И полякам, и русским полезно знать, какова роль каждой нации в формировании собственного психотипа, чтобы избавиться от ложных, пусть даже очень патриотичных представлений. Исследования Л.А. Софроновой содействуют взаимопониманию славян России, Украины, Белоруссии и Польши. Наверное, в этом и состоит одна из главных заслуг Людмилы Александровны.

Сведения об авторах

Вех Станислав — доктор исторических наук, профессор. Специализируется в области изучения социально-политической истории земель разделенной Польши, России и восточных крессов в XIX в., истории формирования военно-полицейского аппарата власти в Российской империи и Королевстве Польском, роли церкви на польских землях, истории социальных структур, в том числе религиозных и этнических меньшинств на польских землях. Автор монографий: *Spółczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896)* (2002. 2-е изд.: 2010); «*Dyktatura serca*» *na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego. Dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiędzkiego 1826–1883* (2010); *Historie Polski w XIX wieku. T. 3. Historie polityczne. Cz. 2* (2013 — в соавторстве); *Królestwo i ziemie zabrane 1831–1855 // Historie Polski w XIX wieku / Red. A. Nowak. T. 2* (2013); *Królestwo i zabór rosyjski w latach 1856–1914 // Historie Polski w XIX wieku / Red. A. Nowak. T. 3* (2013); *Królestwo Polskie i jego mieszkańcy w świetle rosyjskich wspomnień, pamiątek, relacji i dzienników. Zbiór bibliograficzny* (2015).

Заштовт Лешек — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории науки им. Людвика и Александра Биркенмайеров ПАН (2005–2015), профессор отделения Восточной Европы Варшавского университета, председатель польской части Комиссии историков Польши и России, председатель Фонда поддержки науки Кассы им. Юзефа Мянковского, генеральный секретарь Варшавского научного общества. Сфера научных интересов включает широкий круг политических, социальных, национальных, этнических, религиозных проблем, исследования истории науки и политики в области просвещения в странах Центральной и Восточной Европы, Российской империи XVIII–XX вв. Автор многочисленных работ, среди которых монографии: *Popularyzacja nauki w Królestwie Polskim 1864–1905* (1989); *Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej* (1997); *Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX w. W kręgu edukacji i polityki* (2007), а также редактор сборников: *East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies* (2009); *Kasa Mianowskiego* (2011).

Каштанова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории России, Польши и российско-польских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX в. Среди опубликованных ею трудов: Великий князь Константин Павлович в Варшаве. 1815–1830 годы (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008; Донесения великого князя Константина Павловича и его переписка с императором Николаем I как источник по истории автономного Королевства Польского (1825–1829) // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13); К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве); Межд двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. (2016 — в соавторстве).

Княжева Елена Ивановна — заместитель директора по научной и экспозиционно-выставочной деятельности Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас». Сфера научных интересов связана с историей усадьбы Остафьево, ее владельцев и знаменитых гостей. Многочисленные публикации в «Остафьевском сборнике», в книге «Знаменитые музеи-усадьбы России», научно-популярных журналах, в том числе «Литература в школе», путеводителе «Пушкинские музеи России и зарубежья» посвящены исследованию значения Остафьева в общественной и культурной жизни России и русской провинции XIX столетия.

Коршиков Анатолий Семенович — директор Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас», заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Общественной палаты г. Москвы (руководитель группы по сохранению памятников культуры), член Союза писателей России. Результаты многолетних исследований медальерного искусства нашли отражение в многочисленных статьях, опубликованных в научных журналах, сборниках и монографиях: «Себя как в зеркале я вижу...». Пушкиниана в

произведениях медальерного искусства (1999); Медали в честь 200-летия Александра Сергеевича Пушкина (2003); Пушкин в зарубежном медальерном искусстве (из собрания Кабинета медали Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас» и частных коллекций) (2009).

Кочегаров Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специалист по истории Польши, русско-польских и русско-украинских отношений XVII — начала XVIII в. Автор более чем сорока статей и монографий, среди которых: Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире 1686 г. (2008); Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. (2012).

Крисань Мария Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Автор многочисленных работ по истории Польши XIX–XX вв., истории крестьянства и развития польской историографии после Второй мировой войны, среди которых: *Chłopi wobec zmian cywilizacyjnych w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX — początku XX w.* (2008); Основные направления в изучении крестьянства рубежа XIX–XX веков в послевоенной польской историографии // *Историки-слависты МГУ. Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова. Кн. 7* (2008); Польша в XX веке. Очерки политической истории (2012 — в соавторстве).

Лыкошина Лариса Семеновна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Специализируется в области новейшей истории Польши, уделяет особое внимание исследованию политических партий и партийной системе в Польше, российско-польским отношениям. Автор монографий: *Дональд Туск. Политический портрет* (2013); *Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI века* (2011); *Польша в XX веке: Очерки политической истории* (2012 — в соавторстве); «Польско-польская война». *Политическая жизнь современной Польши* (2015).

Макарова Галина Васильевна — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области изучения истории польского общественного движения и российско-польских связей конца XVIII — середины XIX в. Принимала участие в издании ряда томов совместных российско-польских серийных публикаций «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» и «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов. Исследования и материалы». Среди опубликованных ею трудов: Национальный институт им. Оссолиньских («Оссолинеум») // Славянские матицы, XIX в. (1996); Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. Патриотическое движение в Королевстве Польском в период «Весны народов» // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии (2001); Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве); Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. (2016 — в соавторстве).

Марковский Артур — доктор философии. Специализируется по социальной истории Российской империи XIX века, в том числе истории евреев. Основные монографии и статьи: *Między Wschodem a Zachodem. Rodzina i gospodarstwo domowe Żydów suwalskich w pierwszej połowie XIX wieku* (2008); *Uniwersytet cesarski: Uczelnia a społeczeństwo 1869–1917* // *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915* / Red. T. Kizwalter. Warszawa, 2016; *Złe sny rosyjskich urzędników. Strach przed pogromami Żydów w Królestwie Polskim i w części zachodnich guberni Imperium Rosyjskiego* // *Przegląd Historyczny*. 2015; *Anti-Jewish Pogroms in The Polish Kingdom*. Polin, 2015. Vol. 27; *Sprawcy, ofiary, świadkowie. Fotografie pogromów Żydów w Imperium Rosyjskim 1903–1906* // *Przegląd Historyczny*. 2013. T. CIV. Z. 1.

Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Комиссии историков России и Польши, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области экономической истории и истории экономической политики России и Польши

в XIX в. Автор монографий: Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. (2009); Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве); Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. (2016 — в соавторстве).

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ, почетный профессор Ровенского института славяноведения Киевской славистической академии, награжден офицерским крестом ордена Заслуги (Польша). Автор многочисленных научных трудов, посвященных политической истории славян в Новейшее время, истории общественной мысли в славянских странах, истории Польши XX в., в том числе монографий: «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период (1992); Пилсудский (2008); Польский плен. Военнослужащие Красной Армии в плену у поляков в 1919–1921 годах (2011 — в соавторстве. В 2013 г. вышел перевод на польский язык); Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях (2010 — в соавторстве); Польша в XX в. Очерки политической истории (2012 — в соавторстве), разделов в учебниках и учебных пособиях, составитель ряда сборников документов.

Матерский Войцех — доктор исторических наук, профессор Института политических исследований ПАН. Автор 500 научных работ, посвященных истории Советского Союза, Грузии и Закавказья и постсоветских государств, советско-польским отношениям, истории международных структур коллективной безопасности, среди них более тридцати монографий. В том числе: *Polska a ZSRR 1923–1924. Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie* (1981); *Narodziny ONZ. Idea międzynarodowej organizacji bezpieczeństwa w polityce zagranicznej ZSRR 1941–1945* (1982); *Teheran — Jałta — San Francisco — Poczdam* (1987); *Walka dyplomatyczna i zbrojna o rosyjski Daleki Wschód* (1917–1925) (1990); *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939* (1994); *Georgia Rediviva. Republika Gruzińska w stosunkach międzynarodowych 1918–1921* (1994); *Gruzja* (2000, 2010); *Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczpospolitą a Sowietami w*

okresie międzywojennym (2002); Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943 (2005); Dyplomacja Polski “lubelskiej”. Lipiec 1944 — marzec 1947 (2007); Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami (2009); Katyń. Od kłamstwa ku prawdzie (2012); Wielikaja Ocieczestwiennaja wojna. 1943 god (2013); Współkonstruktorzy ładu powojennego. Konferencje Narodów Zjednoczonych 1943–1945 (2015); Historia dyplomacji polskiej (1995–2004. T. IV–VI — в соавторстве), а также сборников документов. Член российско-польской и польско-белорусской комиссий по трудным вопросам.

Носов Борис Владимирович — доктор исторических наук, заведующий отделом Института славяноведения РАН, зам. председателя российской части Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, России и истории международных отношений в Европе в XVIII в. Автор монографий: Установление российского господства в Речи Посполитой 1756–1768 гг. (2004); Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве); Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. (2016 — в соавторстве).

Опацкий Збигнев — доктор исторических наук, профессор Института истории Гданьского университета. Специалист по истории Польши и России XIX — первой половины XX в. Автор трудов по истории польско-российских отношений в социальной, политической и научной областях, польской ответственности в России, научных учреждений и научной жизни в межвоенной Польше. Среди них монографии: *Barbaria rosyjska. Rosja w historiozofii i myśli politycznej Henryka Kamieńskiego* (1993); *W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 r.* (1996); *Między uniwersalizmem a partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego 1914–1938* (2006). Член редколлегии коллективных работ, среди которых: *Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechnej* (2006); *Dom — spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX w.* *Zbiór studiów* (2008).

Фалькович Светлана Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории Польши и российско-польских отношений, общественных и культурных связей XVIII–XX веков, истории польской общественной мысли и связей польского освободительного и европейского революционного движений. Автор обобщающих трудов и монографий, среди которых: Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века (1966); Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912) (1975; издана и в Польше); Исследования по истории Польши и российско-польских общественных и культурных связей (2012). Она соавтор и ответственный редактор коллективных монографий: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010); Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. (2016).

Флоря Борис Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института славяноведения РАН, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Специалист по широкому кругу проблем социально-политической, этнической и культурной истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы IX–XVII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. (1973); Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. (1978); Сказания о начале славянской письменности (1981); Россия и чешское восстание против Габсбургов (1986); Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха Средневековья) (1992); У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век) (2004); Польско-литовская интервенция в России и русское общество (2005); Исследования по истории Церкви: древнерусское и славянское Средневековье (2007); Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.) (2010); Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления (2013).

Хорошкевич Анна Леонидовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории Восточной Европы периода Средневековья, автор монографий: Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. (1980); Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства (1982 — в соавторстве); Русская государственная символика (1993); Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. (2001); Россия в системе международных отношений середины XVI в. (2003), а также составитель, комментатор и ответственный редактор многочисленных публикаций исторических источников, среди которых: *Герберштейн С.* Записки о Московии (1988); Литовская метрика. Книга судных дел витебского воеводы М.В. Ключко 30–40-х годов XVI в. Книга № 228 (2008); Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1–2. (2015–2016).

Цабан Веслав — доктор исторических наук, профессор университета Яна Кохановского (Кельце). Занимается изучением истории XIX в., особенно историей национально-освободительной борьбы в Королевстве Польском, польско-российским связям. Автор монографий: *Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873* (2001); *Z Orenburga do Paryża. Bronisław Zaleski (1820–1860)* (2006); *Powstanie Styczniowe 1863 roku. Polacy–Rosjanie* (2011). Руководитель гранта Национальной программы Польши: «Польские ссыльные в Западной Сибири во второй половине XVIII и в XIX вв. глазами россиян».

Шарифжанов Измаил Ибрагимович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, заслуженный профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области новой и новейшей истории США и Европы, историографии стран Европы и Америки. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете (2002); Английская историография в XX веке (2004); Изолированная страна. История России на страницах школьных учебников США и Западной Европы (2009); *Polacy — wykładowcy uniwersytetu Kazańskiego oraz innych uczelni w*

Kazaniu (Materiały V symposium Biografistyki Polonijnej) (2000); Kazań największy regionalny ośrodek życia społecznego, naukowego i kulturalnego Polaków w XIX wieku (Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku) (2007); История и историография на пересечении эпох: проблемы, события, люди (2015).

Шиллер-Валицка Иоанна — доктор исторических наук, профессор. Автор многочисленных работ, посвященных истории науки, просвещения и образования в Королевстве Польском и Российской империи в XIX — начале XX в., польско-российским научным связям, высшему образованию в Польше, истории Варшавского университета в контексте университетского образования в Российской империи, среди которых монографии: *Portret zbiorowy nauczycieli warszawskich publicznych szkół średnich 1795–1862* (1998); *Universitas rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917* (2007); *Cesarski Uniwersytet Warszawski: między edukacją a polityką 1869–1917 // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / Red. T. Kizwalter, Monumenta Universitatis Varsoviensis 1816–2016* (2016) и редактор (вместе с Л. Заштовтом) *Historia nauki polskiej. T. X. 1944–1989. Cz. 1–3* (2015).

Шумский Ян — доктор исторических наук. Сфера научных интересов включает проблемы истории польского национального меньшинства в СССР, польско-советских отношений, а также историю научных связей СССР и Польши. Автор работ: *Советызацыя Заходняй Беларусі (1944–1953). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі* (2012); *Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964* (2016); *Problem udostępniania materiałów archiwalnych w relacjach polsko-sowieckich 1945–1965 // Dzieje Najnowsze. 2012 (1). XLIV; U źródeł powstania Komisji Historyków Polski i ZSRR // KLIO POLSKA. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej XIX–XX wieku. T. 6. 2012; Stworzenie nowej marksistowskiej «Historii Polski» w świetle kontaktów naukowych historyków ZSRR i Polski w latach 1950–1958 // Akademia Nauk Polski i Rosji, uniwersytety, wyższe uczelnie, zakłady i towarzystwa naukowe: polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki* (2013); *Wpływ elity władzy ZSRR na rozwój nauki w Polsce 1945–1964 // Historia Nauki Polskiej. 1944–1989. T. X* (2015); а также составитель сборника документов: *Советско-польские межпартийные отношения в документах. КПСС и ПОРП/СДРП (1989–1991) / Науч. ред. Б. Музиаль; Отв. сост. Я.Г. Шумский, И.М. Шумская* (2014).

Яжборовская Инесса Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Специализируется в области истории Польши, советско- и российско-польских отношений конца XX — начала XXI в. Исследует социологические и политологические аспекты системной трансформации стран Центрально- и Юго-Восточной Европы. Автор более чем 400 научных трудов, в том числе 10 монографий, среди которых: *Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях* (2001, 2009 — в соавторстве); *Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы* (2008).

Указатель имен

А

- Абрамовичус Владас Эустахияус* 352, 353
Абрасимов Петр Андреевич 30, 33, 37
Август II Веттин, курфюрст Саксонии 153–157, 161, 162, 165–170, 192
Айзенбах (Эйзенбах) Артур 316
Аксенов Александр Никифорович 121
Алданов Марк (Ландау Марк Александрович) 380
Александр I, российский император 97, 176, 183, 217–221, 224, 226–228, 230, 232, 234, 237, 279, 417
Александр II, российский император 98, 295, 307, 341
Александр III, российский император 98, 295, 369
Алмазова Наталья Сергеевна 74
Альбединский Петр Павлович 294, 295
Альтман Генрик 51
Андерс Владислав 386, 388
Ан-ский С. – см. Раппопорт Шломо (Семен Акимович)
Апанович Францишек 311
Аполлинер Гийом 359
Апельбаум Анна (Апельбаум Энн) 138
Апухтин Александр Львович 284
Ариосто Лудовико 456
Армборст-Вайс Керстин 312
Арнольд Станислав 34
Арсеньева Елена Арсеньевна 237
Артамонов Владимир Алексеевич 153
Арцишевска Катажина 311
Аскенази Шимон 229–231, 314
Ассородой-Куля Нина 243
- ## Б
- Баженова Анна Юрьевна (Баженова Ханна)* 72, 73
Бажиковский Станислав 228
Базылев (Базылёв) Людвик 41, 51, 55, 57, 61, 75, 302, 303
- Байрон Джордж Гордон 418, 422
Балабан Меир 313, 316, 320–322, 324–327
Бальмонт Константин Дмитриевич 446
Бандтке Ежи (Георг) Самуэль 178
Бантыш-Каменский Николай Николаевич 176
Барановский Бохдан 241, 242
Бараньска Анна 234
Бараньчак Станислав 102
Баратынский Евгений Абрамович 422
Бардах Юлиуш 64, 68, 70, 71, 73, 76, 93
Бартенев Александр, офицер 108
Бартминьский Ежи 246
Бартницка Калина 67, 77, 79
Бартысь Юльян 241
Барщевский Леон 114
Батюшков Константин Николаевич 415, 461
Баумгартен Леон 232
Белень Станислав 141, 142
Беленький Иосиф Львович 335
Белецка Кристина 241
Белик-Робсон Агата 131
Белов Геннадий Александрович 34
Белявский Михаил Тимофеевич 194
Бем Юзеф 340
Бенеш Эдвард 397, 403, 404
Берг Федор Федорович 361
Бердяев Николай Александрович 453, 455
Береза Генрик 244
Берент Вацлав 237
Берлинг Зигмунт 386, 387, 391
Берман Якуб 28, 29, 31, 388, 390
Бернат Эльжбета 310, 311
Берут Болеслав 401, 402, 404, 405
Бершадский Сергей Александрович 322, 324, 325
Бестужев-Марлинский Александр Александрович 104
Бжозовский Станислав 131

Бидо Жорж 398
Бикулич Владислав Брониславович 339
Бильбасов Василий Алексеевич 185
Биркенмайер Александр 465
Биркенмайер Людвик 465
Бияк Мария 245
Блаховска Катажина 427
Бобжинский Михал 184, 185
Бобрик Марина Николаевна 17
Бобровский Тадеуш 276
Бобятыньский Конрад 151
Богданов Глеб Васильевич 360
Богданов Юрий Васильевич 45
Богданович Кароль 114
Богданович Михаил Иванович 220
Богомоллов Александр Ефремович 387
Богуславский Александр 240
Бодуэн де Куртенэ Ян Нечислав (Иван Александрович) 76, 114
Боженцкий Е. 125
Божишковский Юзеф 304
Болеслав Смелый, король польский 308
Бомарше Пьер Огюстен Карон де 451
Борисёнок Юрий Аркадьевич 16, 18, 225–227
Борковский Ян 257, 259, 272
Боровик Оксана Павловна 21
Боровчик Ежи 66
Бортновский Владислав 70, 233, 234
Боткин Василий Петрович 92
Бродовска-Кубич Хелена 240, 261, 265, 268, 269, 272
Брус Анна 87
Брускин Я.Я. 125
Булганин Николай Александрович 394
Бунин Иван Алексеевич 108
Бурденко Николай Нилович 121
Бурдович-Новицкий Яцек 153
Буришта Юзеф 247
Бутурлин Иван Васильевич 151
Бухарин Николай Иванович 44, 375
Буяк Францишек 247

Быстронь Ян Станислав 246
Бэднаж Бронислав 51
Бэлза Игорь Федорович 52, 53, 56, 57

В

Вайдлингер Джеффри 313
Вайнберг Давид 318
Валашек Адам 244
Валицкий Анджей 101, 115, 135, 136
Валь Виктор Вильгельмович фон 361, 362
Ванькович Валентий-Вильгельм 421
Вапиньский Роман 302, 307
Варский-Варшавский Адольф 106
Василевска Ванда 384, 388, 390, 392
Василич Григорий 220
Васильева Людмила Дмитриевна 44
Вебер Карл Мария фон 451
Вежбицкий Збигнев 247
Вельгорский Юзеф 229
Вельгорский Ян 163
Венцковска Хелена 231
Венявский Генрик 421
Вербловский Стефан 405
Верблян Анджей 51
Верстюк Владислав Федорович 125
Ветров Михаил Сергеевич 408
Вех Станислав 16, 78, 143, 275, 277, 278, 288, 289, 291, 292, 294–297
Виктория, королева Великобритании 343
Вильдитейн Бронислав 138
Винавер Макс 314, 315
Виноградов Владимир Алексеевич 43, 51
Висновска Мария 108
Витос Анджей 388
Владислав IV, король польский 432–434, 436
Влодарский Бронислав 308
Возняк Анджей 247, 253, 257
Войтыла Кароль – см. Иоанн Павел II
Волков Владимир Константинович 93
Волос Мариуш 19, 428

- Волчук Янина 63, 79
Вольтер Франсуа-Мари Аурэ де 419
Воронцов Александр Романович 175
Вотовский С.А. 108
Врублевский Валерий 336, 351–353
Вуйцик Збигнев, специалист по истории науки, исследователь польской ссылки в Сибири 21
Вуйцик Збигнев, специалист по истории Польши раннего Нового времени 51, 57, 114, 151
Вульфсон Григорий Наумович 74, 76
Высочков Леонид Владимирович 227
Вышнянский Станислав 236
Вышинский Андрей Январевич 106, 394, 408, 409
Вышомирска-Кузьминска Отильда 43
Вяземская Вера Федоровна 416
Вяземский Петр Андреевич 21, 415–427
- Г**
Габаев Георгий Соломонович 219–221
Гагарин Иван Сергеевич 82, 83
Галенко Павел Васильевич 39
Галецкий Богуслав 255
Галковский Адам 84, 85, 363
Гальвани Луиджи 448
Ганелин Рафаил Шоломович 37
Гапоненко Лука Степанович 52, 54
Гарибальди Джузеппе 343
Гаркави (Гаркавий) Аврахам 325
Гарлицка Александра 245
Гарриман Уильям Аверелл 406, 407, 411
Гарро Роже 384, 398
Гарчык Бартоломей 75
Гауке-Босак Юзеф 352
Гачев Георгий Дмитриевич 441
Гваньини Александр 457
Гедимин, великий князь литовский 176
Гейрет Йозеф 405
Гейштор Александр 85
Гейштор Якуб 85, 86
Гембажевский Бронислав 229
Гензель Витольд 51, 55, 57
Гербер Рафал 27, 28
Герман Эрнст 178, 179
Геровский Юзеф Анджей 169–171
Герцен Александр Иванович 81–83, 220, 302, 343
Гессен Сергей Иосифович 115, 325
Гёте Иоганн Вольфганг фон 451
Гжибовский Константы 273
Гжимултовский Кшиштоф 154, 157
Гильмутдинова Ольга Михайловна 74, 76
Гильфердинг Александр Федорович 307
Гинцбург Гораций 314
Гинцбург Евзель 314
Гиппиус Зинаида Николаевна 379
Гитлер Адольф 385
Глембоцкий Генрик 75, 427
Глиноецкий Николай Павлович 344
Глушковский Петр 427, 428
Гоголь Николай Васильевич 415
Голенченко Георгий Яковлевич 69
Голицын Василий Васильевич 437
Голль Шарль, де 398
Головин Иван Гаврилович 82
Головин Федор Алексеевич 160, 162
Головкин Гаврила Иванович 167, 168, 171
Гомулка Владислав 28, 118
Гонсеровска Наталья 34
Гонсеровский Вацлав 236
Горбачев Михаил Сергеевич 121, 123
Гордин Яков Аркадьевич 226
Горизонтов Леонид Ефремович 21, 335
Горовиц-Валецкий Максимилиан 106
Гороль Эдвард 435, 437
Гостыньска Вероника 34, 35
Гофман Кароль Боромеуш 228
Грабя Францишек 170, 171
Граля Иероним 12, 17
Греков Борис Дмитриевич 30
Греков Игорь Борисович 39, 43, 52–57, 59
Гринберг Даниэль 312
Грицкевич Анатолий Петрович 57

- Громбчевский Бронислав 114
Гроневский Кишитоф 242
Гросфельд Леон 31, 34, 51, 55
Грудзиньска Иоанна (в замужестве княгиня Лович) 108, 217, 223, 230, 231, 234, 236
Грушевский Михаил Сергеевич 145
Губер Александр Андреевич 50, 57, 58
Гульельмада Джованни Батиста 434, 436
Гумовский Мариан 432
Гумплович Людвик 317, 322, 323
Гурко Иосиф Владимирович 284, 297
Гурланд Хаим (Рудольф) 325
Гурный Мацей 312
Гуровский Адам 75, 101
- Д**
Давыдов Денис Васильевич 415
Дадлер Себастьян 433, 434
Далевска (Сераковска)
Аполлинурия 339, 347, 350
Далевский Александр 340, 347
Далевский Францишек 340, 347
Данишевский Тадеуш 27, 29–31, 33, 34, 51, 55
Данте Алигьери 451, 452
Дашков Дмитрий Васильевич 415
Дембовский И. 445
Дембовский Эдвард 359
Демичев Петр Нилович 27
Демольер Ипполит-Жюль 236
Деникин Антон Иванович 380
Джервис (Бродский) Михаил Владимирович 188, 189
Дзержинский Феликс Эдмундович 106
Дзержинский Ян Феликсович 29
Дзялыньский Томаш 156, 162, 163
Димитров Георги Михайлов 383
Длугош Ян 446
Дмитриев Иван Иванович 415
Дмитриев Михаил Владимирович 14
Дмовский Роман 72, 99, 132
Дмушевский Людвиг-Адам 445, 446
- Добровольский Казимир 246, 247, 253, 257
Довбор-Мусницкий Юзеф 113
Долгорукий Григорий Федорович 161–163, 167
Долгоруков Петр Владимирович 82
Домбковска Евгения 428, 429
Домбровска Магдалена 428
Домбровский Ярослав 336, 351, 352, 354–367
Дубнов Шимон Мейерович (Семен Маркович) 313–316, 318, 319, 321–326
Дуда Роман 78
Дудзинская Евгения Александровна 44
Дунин Януш 245
Дыбовский Бенедикт 114, 343
Дылёггова Ханна 233, 234
Дьяков Владимир Анатольевич 50, 52–57, 84, 88–91, 143, 214, 275, 335–341, 344, 345, 347, 351–368
- Е**
Езерский Эдмунд 231
Екатерина II, императрица 176, 180, 183, 184, 186, 187, 192, 218, 367, 419
Елец Юлий Лукьянович 108
Ендрыховска Барбара 65, 79
Ендрыховский Стефан 394, 395, 397, 399
Ефимов Игорь Константинович 108
- Ж**
Жабский Тадеуш 245
Жан Поль 447
Жданов Юрий Андреевич 30
Желиговский Эдвард 357
Жемайтис Сергей Георгиевич 149
Жечицка Моника 311
Жуков Евгений Михайлович 34, 35, 37, 39–41, 47, 50
Жуковский Василий Андреевич 415, 418
Жулкевский Стефан 245

Жулковский Алоизий 445
Жюгжда Юозас Ионович 53, 57

З

Заборовский Лев Валентинович 173
Завадский Александр 390
Завистович-Адамска Казимира 240
Зайончек Юзеф 217
Зайончковский Ананий 60
Зайончковский Петр Андреевич 296
Зайцев Владимир Михайлович 85, 363
Залеский Бронислав 287, 357
Залуский Анджей Хризостом 156
Замек-Глициньска Анна 304
Замойска Дорота 79
Замятин Евгений Иванович 455
Зан Томаш 449
Захаров Виктор Николаевич 18, 19
Заходер Борис Николаевич, доктор исторических наук, востоковед 60
Заштовт Лешек 10, 18, 20, 64, 75, 77, 95, 97
Згленицкие, предприниматели 113
Здзеховский Марьян 305, 306
Здрада Ежи 355
Зейка Францишек 245
Зелиньска Зофья 173, 200
Зелиньский Тадеуш 74
Зибель Генрих 178, 179, 181
Зимин Александр Александрович 459
Знанецкий Флориан 243, 244, 254
Зорин Валериан Александрович 394, 402, 403, 404
Зув Федор Григорьевич 39

И

Иван IV Грозный, царь 325
Иван Алексеевич Романов, царь 437
Иванов Анатолий Евгеньевич 71
Иванов Леонид Михайлович 52
Иванов Юрий Васильевич 119, 127, 128
Иден Энтони 396
Измайлов Артемий Васильевич 436

Изяслав Ярославич, князь киевский 110
Иловайский Дмитрий Иванович 182, 183, 186
Ильичев Леонид Федорович 26
Илюхин Виктор Иванович 127
Имеретинский Александр Константинович 294
Имеретинский Николай Константинович 348–350
Иоанн Павел II – см. также
Войтыла Кароль 9, 131, 133

К

Кавелин Константин Дмитриевич 307
Кавур Камилло 343
Калергис Мария 108
Калинин Виталий Александрович 227
Калинин Михаил Иванович 401
Калинка Валериан 180
Каменная Нина Васильевна 54, 55
Каменский Генрик 304
Каминьский Анджей Сулима 153, 165–170
Каминьский Лукаш 140
Кант Иммануил 448
Каплан-Кобринска Регина 28
Капусциньский Рышард 136, 137
Карамзин Николай Михайлович 176, 415, 423, 426, 427
Кареев Николай Иванович 70, 71, 143, 180, 184, 185, 193, 202–216, 222
Карл XII, король шведский 155, 164, 169–172
Карнович Евгений Петрович 219–221
Каспарек Норберт 235
Кацнельсон Дора Борисовна 90
Качиньска Эльжбета 241
Качиньский Лех Александр 131
Качиньский Ярослав Александр 131
Каштанов Сергей Михайлович 12, 13
Каштанова Ольга Сергеевна 15, 143, 217, 225, 227, 311, 412
Кемтиньский Анджей 110

- Кеневич Стефан* 51, 81, 88, 89, 242, 248, 250, 252, 273, 358
Кеннан Джордж Фрост 409
Кербедзи, предприниматели 113
Керзон Джордж Натаниэл 328, 388, 392, 396
Кизеветтер Александр Александрович 222
Кийяс Артур 79
Килькевич Сильвестр 357
Кириллин Владимир Алексеевич 40
Киркор Адам Гонория 276
Киселев Игорь Николаевич 43, 51, 53
Кларк-Керр Арчибальд Джон 406, 407
Клейнман И.А. 320
Ключевский Василий Осипович 185, 187
Княжева Елена Ивановна 21, 413, 415
Кобылинский Шимон 103
Ковалевский Юзеф (Осип Михайлович) 76, 114
Ковальский Юзеф (Натансон Соломон) 28, 34, 55, 344
Козловский Владислав Мечислав 229, 230
Козловский Элигиуш 91, 279
Колбушевский Яцек 245
Кологривова Прасковья Юрьевна 416
Кольшко Болеслав 348, 350
Кольберг Оскар 246
Коморовский Бронислав Мария 131
Конарский Станислав 444
Конарский Шимон 90
Конвицкий Тадеуш 462
Конджеля Лукаш 173, 197
Константин Николаевич, великий князь 343
Константин Павлович, великий князь 92, 108, 143, 217–238, 416
Коперник Николай 302, 308, 446
Копровский Петр 306
Корманова Жанна 27
Корнилов Александр Александрович 185, 220
Коробков Х. 320
Королюк Владимир Дорофеевич 39, 52, 54, 56, 57, 153, 159, 162, 193, 224, 441
Коротышевский Максим Павлович 108
Корф Модест Андреевич 220
Коршиков Анатолий Семенович 21, 413, 427, 429, 430
Косиор Станислав Викентьевич 106
Костомаров Николай Иванович 155, 162, 165, 182, 183
Костюшко Иван Иванович 39, 52, 56
Костюшко Тадеуш 105, 173, 174, 192, 197, 272, 319, 339, 386, 389, 446
Коханович Яцек 242, 243, 253, 254, 258
Кохановский Ян 9, 277, 278, 285, 427, 472
Кочегаров Кирилл Александрович 14, 116, 143, 152
Кошутска Мария (Костшева Вера) 106, 372
Кравчак Тадеуш 272
Красиньский Зигмунт 440, 446, 451–455, 458
Красицкий Игнацы 418, 423
Красный Юзеф 372
Краусхар Александр 317, 322
Крисань Мария Алексеевна 15, 143, 239, 300
Кроненберги, предприниматели 113
Кропоткин Петр Алексеевич 81
Кружков Владимир Семенович 30
Крук Мирослав 310
Крупский Станислав 86
Крушевский Николай (Миколай) Вячеславович 76
Ксёнкек Ярослав 429
Куарони Пьетро 403
Кузнецов Алексей Александрович 28
Кузнецов К. 40
Кузнецова Клавдия Степановна 52, 54, 57
Кузницц Сесиль 323

Кукель Марьян 232, 385
Кукин Дмитрий Михайлович 54
Кулаковский Петро Михайлович
148, 149
Кулик Мариуш 234, 428
Куля Витольд 27, 242, 243, 253, 254,
258, 263
Куля Марчин 243
Куля Эва 298–300
Кунтиков Иван Никитич 360
Курписова Геновефа 77, 302–304, 307
Курчевска Ивона 139
Кутшеба-Пойнарова Анна 246
Кухажевский Ян 16–18
Кухович Збигнев 242
Кучерская Майя Александровна
225–227
Кучинский Юрген 31

Л

Лаврищев Александр Андреевич
408
Лампе Альфред 384
Ланге Оскар 389
Ланглуа Клод 242
Лаптева Людмила Павловна 72
Лашкевич Губерт 15
Лебедев Виктор Захарович 394, 401
Левальский Кишиштоф 307
Левин Кирик Никитич 221
Леви-Стросс Клод 246
Легеч Яцек 278, 282–285, 288, 296, 297
Ледницкие, предприниматели 113
Ледуховска Юзефа 418
Лейкина-Свирская Вера Романовна
352
Лейхтенбергская Мария,
княгиня, дочь Николая I 113
Лелевель Иоахим 13, 100, 178, 179,
248, 449, 457
Леманский Ян 268
Ленин (Ульянов) Владимир
Ильич 57, 64, 136
Лепковский Тадеуш 248, 262, 263, 273
Лермонтов Михаил Юрьевич 447
Леру Пьер 453
Лескинен Мария Войттовна 439

Лещинский Станислав 155, 157,
158, 164, 166, 170–172, 192
Лещинский-Ленский Юлиан 106
Лжедмитрий I, царь 430
Линкольн Брюс 81
Липиньский Вацлав 145–148
Лович, княгиня – см.
Грудзиньска Иоанна
Ловмянский Генрик 11, 12, 41, 50,
54–57
Лойек Ежи 233
Ломоносов Михаил Васильевич
308, 427
Лотман Юрий Михайлович 441, 456
Лубеньская Текла Тереса 445
Лукавский Зигмунт 275
Лукасиньский Валериан 89, 90,
229, 234
Лукашевич Витольд 302
Лунин Михаил Сергеевич 92, 224,
359
Лыкошина Лариса Семеновна 20,
95, 130
Любавский Матвей Кузьмич 222
Любимова О. 66
Любомирский Иероним Августин
160

М

Мадайчик Чеслав 34
Маевский Казимеж 51, 57
Мазепа Иван Степанович 155,
157–172
Майский Иван Михайлович 388
Макаров Николай Андреевич 9, 11–13
Макарова Галина Васильевна 11, 80,
143, 335
Малер Рафал 316, 324
Малецкий Игнаций 51
Малиновский Максимилиан 240
Малиновский Юзеф 113
Малицкий Ян 79
Малов Александр Витальевич 146
Мандельштам Осип Эмильевич 370
Мантойффель Тадеуш 27
Манусевич Александр Яковлевич
35, 39, 52, 57

- Мар (Аксенова) Сюзанна
Георгиевна 105
Марголис Юрий Давидович 77
Мария Федоровна, супруга Павла I
221, 227
Марков Дмитрий Федорович 45
Марковская Данута 247
Марковский Артур 19, 143, 312
Марней Людмила Петровна 10, 11,
23, 43, 77
Мархлевский (Карский) Юлиан 371
Марчиняк Петр 428
Массальский Адам 277, 298–300
Матвеев Геннадий Филиппович 16,
17, 143, 369
Матерский Войцех 143, 381
Мацек Йозеф 31
Мачишевский Ярема 122
Маяковский Владимир
Владимирович 372
Мейерановский К. 446
Мелешко Василий Иванович 53
Менджейцкий Влодзимеж 245, 247, 253
Мёнсо Юзеф 77, 78
Меншиков Александр Данилович
165
Меньшиков Дмитрий Никитович
146, 148
Мережковский Дмитрий Сергеевич
237, 379
Мерославский Людвик 228
Мерошевский Юлиуш 135
Местр Жозеф 453
Метельский Георгий Васильевич 367
Мещеряков Николай Леонидович 372
Мигурска Альбина 86, 87
Мигурский Винцент 86, 87
Микашкина Е.В. 67
Николайчик Станислав 393
Микос Станислав 302
Милковский Зигмунт 354
Миллер Илья Соломонович 39, 50,
52, 54–56, 88, 224, 352
Милош Чеслав 131, 135
Милютин Дмитрий Алексеевич
280, 282–284, 348, 360
Минейка Зигмунт 86
Минин Кузьма 124
Мицк Исаак Израилевич 50
Мироненко Сергей Владимирович 226
Миско Михаил Васильевич 39, 379
Михальска-Браха Лидия 287
Михник Адам 137
Мицкевич Адам 78, 82, 104, 105,
111, 131, 205, 415, 421–429, 432,
435, 437, 446, 448–450, 452, 454,
455, 458–462
Мицкевич Александр 78
Мишле Жюль 335
Модзелевский Зигмунт 401, 402, 412
Моленда Ян 245, 263, 270, 273
Молнар Эрик 37
Молотов Вячеслав Михайлович
119, 125, 393–395, 398, 401, 406,
407, 411
Моравска (Муравска) Мария 339
Моравский Станислав 276
Моравский Францишек 418, 423
Морозевич Юзеф 114
Морозова Ольга Павловна 92
Мосолов Александр Николаевич
345
Мохнацкий Мауриций 228
Муравьев Михаил Николаевич
176, 346, 349
Мусин-Пушкин Алексей
Иванович 415
Муссолини Бенито 376
Муха Данута 427
Муханов Сергей Сергеевич 108
Мыльников Александр Сергеевич 365
Мыцельский Мацей 173
Мюллер Михаэль Георг 173
Мяновский Юзеф 9, 465
- Н
- Нагаев Алексей Степанович* 90
Нагельский Мирослав 145, 148, 149
Нагибин Юрий Маркович 368
Нарушевич Адам Тадеуш 445
Натансон Соломон – см.
Ковальский Юзеф
Нелединский-Мелецкий Юрий
Александрович 415

Немцевич Юлиан Урсын 418,
 420–422, 444, 446
 Николай I, российский импера-
 тор 81, 82, 98, 108, 113, 217–219,
 222, 224, 226, 227, 230–232, 234,
 295, 424, 432, 450, 459
 Николай II, российский
 император 98
Николай Михайлович, великий
князь 220
Новак Мариуш 277
Новинский Францишек 68, 75, 77,
78, 304–306
Новицкий Георгий Андреевич 52, 57
 Новосильцев Николай
 Николаевич 224, 228, 234, 416,
 417, 450
 Норвид Циприан Камиль 132
 Носкова Альбина Федоровна 19
 Носов Борис Владимирович 14, 22,
 94, 143, 173
 Носов Николай Евгеньевич 38
 Нуссбаум Хиларий 317

О

О'Рейли Дженни (Евгения
 Ивановна Вяземская) 415
 Обичкин Геннадий Дмитриевич
 34, 35
 Оболенска Диана 311
 Огарев Николай Платонович 220
 Огинский Михаил Клеофас 181
 Окунь Семен Бенцианович 224, 226
 Ленин Алексей Николаевич 430
 Олешкевич Юзеф 421
 Ольшевский Даниэль 242
 Ольшевский Юзеф 395, 402, 404
 Омиляновска Малгожата 309
 Опацкий Збигнев 16, 18, 74, 143,
 301, 304–306
 Орлеманский Станислав 389
 Орловский Александр 421
 Оруэлл Джордж 453, 455
 Осинский Людвик 418
 Оссовский Станислав 250
 Осубка-Моравский Эдвард 392–
 395, 398, 400–402, 404, 407

П

Павел I, российский император
 92, 237
Павинский Адольф 185
 Падлевский Зыгмунт 351, 352
 Палий Семен 154, 155–157, 160–
 163, 165, 166, 168
 Панин Никита Иванович 186,
 187, 196
Папков Андрей Игоревич 148
Парсаданова Валентина Сергеевна
17, 126
 Пасек Ян Хрисостома 463
Патер М. 261
 Паткуль Иоганн Рейнгольд 156,
 157, 159–163
 Пац Михаил Казимир 150, 151
Пашуто Владимир Терентьевич
50, 52
Перденя Ян 158–165, 169, 170, 171
 Петр I, царь, российский
 император 152–155, 158, 161–
 171, 176, 183, 184, 192, 432, 437,
 461
 Петражицкий Леон 114
Петров Константин Васильевич 147
Пидевич Инга Николаевна 326
Пилишек Екатерина Владимировна
44
 Пилсудский Бронислав 114
 Пилсудский Юзеф 16, 17, 132, 143,
 369–380
 Пильц Эразм 113
 Пиотровский Руфин 86
Писаревский Григорий Григорьевич
223
Пичета Владимир Иванович 28
 Платонов Андрей Платонович 83,
 454, 455
Поверский Ян 308, 309
Погодин Александр Львович 70, 222
 Погодин Михаил Петрович 415
 Пожарский Дмитрий
 Михайлович, князь 124
Покровский Михаил Николаевич
189, 221, 223
Полонски Энтони 327

- Поляков Юрий Александрович 52
Поппе Анджей 13
Поплавский Станислав
Гиярович 52
Попов Александр Николаевич 150
Поршнев Борис Федорович 145, 149
Поспелов Петр Николаевич 31, 36,
37, 41
Поссевино Антонио 74
Похилевич Дмитрий Леонидович 53
Пресняков Александр Евгеньевич 223
Пржецлавский Осип Антонович
(Пшецлавский Юзеф) 276
Прозоровский Семен Васильевич
147
Прус Болеслав 113
Пуанкаре Раймон 374
Пузыревский Александр
Казимирович 221
Пустовойтов Трофим 104
Пустовойтова (в девичестве
Коссаковска) Марианна 104
Пустовойтова Анна 104
Путин Владимир Владимирович
124, 137
Пушкин Александр Сергеевич
415, 422, 425, 427, 432, 435, 437,
447, 461
Пушкин Василий Львович 415
Пшеляковский Рышард 231
- Р**
Радек (Собельсон) Карл
Бернгардович 371, 375–379
Радзивилл Кшиштоф
(Христофор) 149
Радзик Рышард 273
Радкевич Станислав 390
Ракитин Антон Сергеевич 148
Раменский А. 219–221
Рамотовска Францишка 89
Ранке Леопольд фон 178
Ратпопорт Шломо (Семен Акимович)
псевдоним Ан-ский С. 315, 320, 321,
323, 326
Рассел Джон 343
Рачиньский Здислав 138
- Рачкевич Владислав 391
Репина Лорина Петровна 336, 367
Риббентроп Иоахим фон 125
Рингельблом Эммануэль 316, 324, 327
Робертс Фрэнк 409
Робеспьер Максимилиан 454
Ровинский Дмитрий
Александрович 432
Рогов Александр Иванович 57
Роля-Жимерский Михал 402
Романов Борис Александрович 37
Романов Михаил Федорович,
царь 436
Ромер Тадеуш 385
Рузвельт Франклин Делано 399,
400, 406, 407, 409, 410
Рузевич Ежи 70, 76, 114
Русев Евгений Михайлович 52
Руссо Жан Жак 454
Рутберг Наум Иосифович 326
Рыбаков Борис Александрович 11,
12, 41, 50–59
Рылеев Кондратий Федорович 104
Рымкевич Ярослав Марек 131, 233
Рымовский Винцентий 400
Рябинин Иван Сергеевич 222
- С**
Сабиньский Юлиан 87, 88
Садовник Адам 428
Сазонов Николай Иванович 82
Сакович-Тебинка Ивона 307
Самойлович Иван 166
Санчук Генрих Эдуардович 45
Сафонов Михаил Михайлович 227
Семенов Владимир Семенович 408
Сенкевич Генрик 132
Сенявский Адам Николай 157,
160, 161, 168, 170, 171
Сераковский Зыгмунт 336–352,
354, 357, 367
Сераковский Игнатий 339
Сергиенко Григорий Якович 159,
162, 166
Серейский Мариан Хенрик 188
Серошевский Вацлав Леопольд
114, 376

- Сигизмунд III, король польский и великий князь литовский, король шведский 416, 432, 433
Сидоров Алексей Алексеевич 54
Сидоров Аркадий Лаврович 31, 32
Сикорский Владислав 36
Сказин Евгений Васильевич 223
Скжешевский Станислав 134
Сковронек Ежи 358
Сколимовский Александр 287
Скишпек Анджей 57
Сливовска Виктория 23, 65, 67–69, 81–89, 91–94, 363
Сливовский Рене 82, 83, 87, 91, 94
Словацкий Эузебиуш 445
Словацкий Юлиуш 131, 236, 439, 440, 446, 447, 455–458
Смирнов Анатолий Филиппович 52, 54, 56, 57, 338, 350, 352
Смирнов Георгий Лукич 122
Смирнова Тамара Михайловна 276
Смоленский Владислав 184, 185
Смоляр там же Александр 137, 138
Собеский – Ян III Собеский, король польский, великий князь литовский 151, 436, 446, 454, 463
Собчак Тадеуш 241
Соловьев Александр Арсеньевич 52, 53
Соловьев Сергей Михайлович 155, 180–182, 184, 186, 190, 193, 194, 196
Соловьев Ян Валериевич 18
Солтык Роман 228
Сольмс Виктор Фридрих 186
Софронов Михаил Викторович 439
Софронова Людмила Александровна 413, 439–443, 446–451, 453–464
Софья Алексеевна, царевна-правительница 436, 437
Спасович Владимир Данилович 113, 185, 419, 422
Спыхальский Марьян 392
Сталин Иосиф Виссарионович 136, 188, 376, 383, 385, 387, 388, 391–394, 398–400, 404–407, 409, 410, 412, 440
Станевич Ян 341, 343, 357
Станислав Август Понятовский, король польский 180, 181, 211, 443
Станислав Лещинский, король польский 155, 157, 158, 164, 166, 170–172, 192
Староверова Екатерина Вячеславовна 226
Стасик Флориан 302
Стахеев Борис Федорович 52, 53
Сташевский Евгений Дмитриевич 145, 146
Стебницкий Иероним 114
Стегнер Тадеуш 307
Стегтиниус Эдвард 411
Стефаняк Януш 134
Столыпин Петр Аркадьевич 87, 289
Стомма Людвик 246, 253, 256, 257, 258, 261, 262, 273
Стрыгин Сергей Эмильевич 127
Субтельный Орест 171
Суворов Александр Васильевич 105
Сулима Рох 244, 245
Сумароков Александр Петрович 419
Суслов Михаил Андреевич 26, 28–30, 36, 40
Суходольский Райнольд 102
Сухозанет Николай Онуфриевич 344
Сцегенный Петр 336, 357–359
- Т
- Табис Ян 68
Тазбир Януш 131, 132
Танты Мечислав 56, 57
Тарновский Константин Николаевич 52
Тельман Эрнст 375
Терлецкий В. 108
Тимирязев Иван Семенович 416
Титов Алексей Сергеевич 226, 227
Токаж Вацлав 229–231, 235
Токажевский Шимон 87
Толстой Лев Николаевич 86
Толстой Никита Ильич 45, 441
Томас Уильям Исаак 243, 254

Топоров Владимир Николаевич 441
Топчиев Александр Васильевич 37
Траугутт Ромуальд 352
Трачевский Александр Семенович 222
Трентовский Бронислав 101
Третьяков Петр Николаевич 32, 224
Тромбский Мацей 235
Трумэн Гарри 407, 409, 410
Трынковский Ян 78, 87
Тувим Юлиан 245, 462
Тургенев Александр Иванович
415, 417, 418, 420, 424
Тургенев Иван Сергеевич 306
Турно Людвик 357
Туск Дональд 124, 131
Тушиньска А. 108
Тяпкин Василий Михайлович 150

У

Уваров Сергей Семенович 75
Украинцев Емельян Игнатьевич
157, 158, 167–169,
Уншлихт Юзеф 106
Усенко Павел Георгиевич 339

Ф

Файнхауз Давид 344
Фалькович Светлана Михайловна
19, 44, 76, 143, 328, 329
Фельдман Юзеф 153, 155–160, 170,
172, 193
Феодосий, игумен Киево-
Печерского монастыря 110
Ферлингер Зденек 397, 403, 404
Фиалковска-Яняк Ирена 311
Филатова Наталья Маратовна
226, 227
Флоря Борис Николаевич 14, 143, 145
Фонвизин Денис Иванович 424
Францев Владимир Андреевич 72
Фридман Филипп 314
Фридрих II, король прусский 182,
186, 196

Х

Хаксли Олдос Леонард 454
Халасиньский Юзеф 244, 264, 273

Хандельсман Марцелий 232
Ханецкий Якуб 106
Хассингер Эрик 164
Хвальба Анджей 75
Хвостов Владимир Михайлович
47, 50

Хернас Чеслав 244
Хирихорн Самуэль 324
Хлебовчик Юзеф 260
Хмельницкий Богдан
Михайлович 180, 189, 445
Ходзько Александр 456
Ходзько Юзеф 114
Ходзько-Борейко Ян 445
Ходубский Анджей 310
Хойнацкий Мечислав 233
Хомачь Регина 241
Хопкинс Гарри 410, 411
Хорев Виктор Александрович 441
Хорошилов Павел Владьевич 426
Хорошкевич Анна Леонидовна 11,
413, 439, 459
Хренов Иван Александрович 34, 35,
39, 40, 45, 50, 52, 53, 55, 57
Хрушев Никита Сергеевич 118, 119

Ц

Цабан Веслав 11, 16, 23, 76, 78, 81,
143, 275, 277, 278, 281, 286, 287,
289, 300
Цвек Збигнев 351, 352
Цегельский Тадеуш 173, 197
Цесляк Тадеуш 41, 44, 51, 55, 57, 58
Циглер Богуслав 302, 307
Цыбенко Ольга Васильевна 439
Цывиньский Богдан 97

Ч

Чаплинский Пшемислав 130
Чапска Малгожата 300
Чарнецкий Стефан 463
Чартковский Адам 231
Чарторынский Адам Ежи 232
Чекановский Александр 114
Чернышев Алексей Филиппович 357
Чернышевский Николай
Гаврилович 342

Черский Ян 114
 Черчилль Уинстон 393, 396, 399, 407
 Чечулин Николай Дмитриевич
 185–187, 196, 219–221
 Чешковский (Цешковский)
 Август 448
 Чиньский Ян 236
 Чиркова Зинаида Кирилловна 237
 Чубарьян Александр Оганович 335

Ш

Шабат Барбара 300
 Шайнох Кароль 248
 Шаньявский Альфонс 78
 Шаньявский Константин Фелициан 168
 Шарифжанов Измаил Ибрагимович
 11, 76, 143, 202
 Шатилов Сергей Савельевич 401
 Шаф Адам 33, 34, 36, 37
 Шафлик Юзеф 239, 273
 Шацкий Якуб 314
 Швед Владислав Николаевич 127
 Шевченко Тарас Григорьевич
 336, 341, 356, 357
 Шевченко Федор Павлович 52, 54,
 55, 57
 Шевырев Степан Петрович 415
 Шеин Михаил Борисович 147,
 432–434, 436
 Шекспир Уильям 418, 451, 456
 Шеллинг Фридрих Вильгельм
 Йозеф фон 448
 Шереметев Павел Сергеевич 423
 Шибяк Ирена 67
 Шиллер-Валицка Иоанна 18, 23, 61,
 63, 73, 74
 Шильдер Николай Карлович 220, 221
 Шимановска Елена 421
 Шимановска Мария 418, 421
 Шипер Игнаций (Ицхак) 313, 316,
 320, 322, 327
 Шлегель Фридрих 440
 Шмигельските Рамуне 200
 Шмит Хенрик 180
 Шор Моше 313, 316, 321, 322, 324, 327
 Шордыковска Барбара 304, 305
 Шостакович Болеслав Сергеевич 90

Штакельберг Юрий Иванович 91, 92
 Штерн Лео 37, 38, 47
 Шувалов Петр Андреевич 294
 Шульце-Вессель Мартин 173
 Шумский Ян 10, 23, 25, 43, 49
 Шунков Виктор Иванович 50, 52
 Шустер Ура Абрамович 39, 52
 Шуттой Вениамин Ефимович 166

Щ

Щапов Ярослав Николаевич 93
 Щебальский Петр Карлович 183,
 184, 186
 Щепаньский Ежи 277, 287
 Щука Станислав Антоний 156

Э

Эйдельман Натан Яковлевич 92
 Эмерсон Ральф Уолдо 459
 Энгельс Фридрих 188
 Эпштейн Тадеуш 75
 Эрдеи Ференц 37
 Эренберг Густав 89
 Эскин Юрий Моисеевич 13
 Эсхил 457

Ю

Юркевич Евгений Иванович 226, 227

Я

Яблонский Генрик 11, 35, 49, 50
 Ягеллоны, польско-литовская
 королевская династия 13
 Яжборовская Инесса Сергеевна 17,
 20, 95, 117
 Яковенко Сергей Георгиевич 73
 Якубас Влодзимеж 427
 Янён Мария 89
 Янечек Здзислав 233
 Яник Михал 87
 Яницка Ивона 306
 Яницкий Аркадиуш 307
 Янковский Ян Станислав 391
 Яновский Людвик 77
 Ярузельский Войцех Витольд 121
 Ясиньский Станислав 236
 Яскевич Лешек 74

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РОССИЯ
в польской
историографии,
ПОЛЬША
в российской
историографии

Дизайн-макет А.С. Старчеус

Издательство «ИНДРИК»

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 954-17-52

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) –
95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
30,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Настоящее издание трудов Комиссии историков России и Польши подготовлено по материалам одноименной международной российско-польской научной конференции, проходившей в Москве в 2015 г. с 23 по 25 июня. В нем представлены статьи, посвященные истории Комиссии историков России и Польши и ее роли в развитии научного сотрудничества двух стран, а также выдающимся ученым-историкам. В томе отражена разработка в российской и польской историографии вопросов исторического взаимодействия народов России и Польши (изучение нашей общей истории), а также проблемы исторического знания и «исторической памяти» в общественном сознании. Представлены материалы по истории науки и культуры России и Польши, и по проблемам российско-польского культурного сотрудничества на современном этапе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»

